

Анастасия Вихарева

Дьявол и Город Крови 4:
Всей нечисти Нечисть...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Вихарева

Дьявол и Город Крови

4: всей нечисти Нечисть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63918698

SelfPub; 2021

Аннотация

Маньке и Борзеевичу приходится вернуться в горы, чтобы найти артефакты, с помощью которых можно расправиться с драконами. Но драконы и вампиры не собираются подставлять повстанцам грудь, чтобы те их осиновыми кольями протыкали. Понимая, что только там, где нет проклятой земли, можно достать проклятую и ее поделщиков, Их Величества и свита из вампиров решаются на отчаянную экспедицию, прихватив несколько тысяч боевых оборотней и обычных людей на закуску, которые не подозревают о своей предрешенной участи... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Невеселые думы Его Величества	4
Глава 2. Царем быть нелегко...	26
Глава 3. Проклятая земля	62
Глава 4. У драконов тоже есть тайны	115
Глава 5. Спасение утопающих – дело рук утопающих и тех, кому без него не жить	138
Глава 6. Первая кровь	176
Глава 7. Когда молиться бесполезно...	201
Глава 8. Дьявол с сюрпризами...	239
Глава 9. Как умирают драконы	255
Глава 10. Погоня без передыха	285
Глава 11. Бег с препятствием	317
Глава 12. Каждому свое...	357
Глава 13. Плохо, когда плохо...	377
Глава 14. Обычные будни героев	399
Глава 15. Там, где косенькая с косонькой	407
Глава 16. Мертвые и живые	442
Глава 17. Пещерка бабы и ее разбойников	493
Глава 18. Пятеро Подмазанников	529
Глава 19. Свято место пусто не бывает...	561

Анастасия Вихарева

Дьявол и Город Крови

4: всей нечисти Нечисть

Глава 1. Невеселые думы Его Величества

Вечер уже давно опустился на дворец. С тех пор, как проиграли войну с Проклятой землей и потеряли дядьку Упыря, одного из самых древних вампиров, обладающего магическими знаниями четырех стихий, помнившего времена, когда Дьявол ходил по земле, во дворце был объявлен траур. Огней, как бывало раньше, не зажигали. Даже внезапно обнаруженные руины древних городов, которые вывернулись из параллельной вселенной будто на заказ, не вызвали у Их Величеств перемену настроения. Зажигать разрешалось только свечи, но в таком количестве, чтобы в коридорах и гостиных всегда был траурный полумрак. Дворец стоял, как скопище каменных глыб, закрывая взгляду полнеба, в окружении дворцовых стен, толщиной в три локтя.

Впрочем, дворец и в огнях выглядел мрачно, ходила о нем в народе дурная слава. Но на то он и дворец.

Не ходи, не смотри, а захотелось поглазеть – запишись на прием, и жди, когда вызовут. Не дождался, помер – ну так, сколько ж в государстве народу, даже если на каждого по десять минут, две тысячи семьсот двадцать лет ни есть, ни спать, ни пить...

Вампиры недоумевали: на их памяти это был первый случай смерти, когда вампир скончался сам собой, как какой-то смертный...

Неужели Бог гневался за то, что не успели предотвратить появление Проклятой земли?

А если спиной повернулся?

«Немного было народу, и тех вампиры съели», – мрачно подумал Его Величество, понимая, что любой вампир тут же донесет Ее Величеству, с кем и как он провел ночь. Он проводил тяжелым взглядом пожилую служанку из приближенных родственниц жены. В последнее время она стала болезненно ревливой, приставляя к нему проверенных престарелых гримз или деревенских рябых дурнушек. К дурнушкам она его не ревновала: поиграл в кошки-мышки, что с того? Впрочем, пусть так. Неприятно через некоторое время обнаружить утешившую его девицу на блюде госпожи. Маслено-медовых соблазнительных вампирш она побаивалась и ограждала от них: любая могла оказаться причастной к измене, связанной с предателями и теми, кто создал столько проблем – и каждое утро выстраивала дворцовых служите-

лей перед драконами, упреждая удар.

Несколько человек уже спалились, и не столько в связи с изменой, сколько обнаруживая страх и испытывая желание исчезнуть на время волнений в некотором царстве, в некотором государстве. Драконы искали в умах крамолу и не разбирали, по какой причине.

Вампиров побаивалась не только жена, но и сам он. Друг друга вампиры не ели (еще не известно кто кого), но подыедали не хуже, как когда набрасывались на человека. Символ власти – странный меч, который передавался от Царя к Царю (поговаривали, что меч этот языческий, и будто бы принадлежал какому-то там Богу), рубил голову любого вампира сразу и насмерть, но порой до смешного доходило: высокопоставленные лица начинали прокручивать его жизнь, смакуя пятна на рубашке или предоставляя на рассмотрение миру неопровержимые доказательства испорченной невинности.

И поймай такого язычника! А сруби голову, сразу обвинят в отсутствии демократии и жесточайшей цензуре. Чтобы замазать скандал, папарацам приходилось дорого платить, а потом в отместку за траты Ее Величество выбивала признания из подозрительных и из него самого медикаментозно и электричеством, даже если не было ничего, поэтому желающих утешить его было немного.

Сам он побаивался Зова не меньше жены – неизвестно, чем это ему обернется. Один раз Ее Величество уже позва-

ла, и голова отлетела, так же может позвать и другая королевишна, и не факт, что на сей раз Проклятие положат на эту... – еще одна причина не играть в кошки-мышки с женщинами-вампирами.

Назвать «эту» «Манькой», язык не повернулся. Чувствовал – кощунствует, а «чудовище» смахивало на хвалебную оду. С участием злобной твари в пепел обратилось столько вампиров, что при слове «чудовище» у любого вампира начинался нервный тик. Проклятие для выскочки еженедельно обновлялось, но после всего, что произошло, разве доказано, что оно хоть как-то на нее действует? Пожалуй, только дядька Упырь мог образумить эту тварь.

Не такая уж смерть господина Упыреева была естественной. По понятным причинам, тайну не разглашали. Да и как объяснить, что проклятый человек изглодал самого сильного и старого вампира, поставив на нем жирный крест, и никакие вампирские заклятия на него не действуют, и что чудовище приколочено к Царю, который уже и сам за собой замечает, что стал каким-то безвольным, все чаще закрываясь в кабинете, чтобы пострадать в одиночестве. И хотелось сделать что-нибудь этакое, чтобы всем насолить, раз разлюбили. Правда, в голову лезла одна муть. И ничего не помогало, даже таблетки, которые пил не только он, но и Ее Величество, чтобы хоть как-то подлечить нервы.

Наградил же Бог прицепом!

Его Величество смутился, крепко сжимая подлокотники

кожаного кресла. Страдал он, конечно, по Ее Величеству, которая после всех свалившихся на нее напастей стала сама не своя и, как казалось Его Величеству, любила его с каждым днем все меньше. Но разве разлад между двумя вампирами не бросал на Царя еще большую тень? Он, конечно, понимал жену, а когда обвиняла, чувствовал себя виноватым (да и как было не чувствовать, если все проблемы упирались в эту какую-то неправильную проклятую, с которой ни он, ни жена не могли сладить), но разве способствовал?

При воспоминании о дядьке Упыре, сердце защемило до наворачившейся слезы. Такие нежные, такие ласковые пришли от него слова, будто встал из могилы и рядом, за спиной, заглянул в глаза. Ведь прожил не одну тысячу лет, запутался года считать, в последнем тысячелетии отмечал их веками. А вот, поди ж ты, за последние полгода осрамился так, что утку из-под него не доставали. Из каждого угла Дьявол светил и подмигивал глазом: страшный, рогатый, изо рта пламя, в лапищах плетка, а во рту в огне грешники...

С ума сойдешь, если померещится такое!

А разве сам он здоров? Про кровь уже слышать не может – рвет после каждого стакана и обратно выходит, порой не успевает до унитаза добежать. От жертв тошнит и зубы сводит. И то клыки на лице Ее Величестве привидятся, то скелетик ее узрит, будто кто подсветил сзади, то вдруг отчетливо пергаментная серость и лысины воображение рисует.

Ну, издержки бессмертия...

Как бы не закончил свои дни его дядька Упырь, а прожить столько же хочется.

И у Ее Величества защемление мозгов...

Ладно, золотые рыбки, у мертвого моря сам, бывало, баловался с сетью, но лампа желаний?

И хватило же ума при всех сказать, что именно лампой обороняются предатели...

Какая лампа, коли, молния из тучи вылетела и положила с десяток вампиров, еще одна – и еще десяток. Сколько погибло-то, не посчитаешь, по всей стране траур. Но ведь действительно известно, что лампы желаний не исполняют желаний, связанных с убийством и любовью. А Ее Величество свое твердит: вот еще два желания, и будем доставать лампу – и все одним желанием исправится!

«Да, проредило поганцев, надолго запомним дни позора!» – с горечью подумал Его Величество, глотнув кофе, принесенное служанкой, резко оттолкнув ногой сервированный столик. Столик откатился и ударился в стену, сотрясаясь сервированной посудой.

Но сомнения все же были: а вдруг она права? А и в самом деле, что делают лампы в полуразрушенных городах на площади? Их не взять, тогда где они сами? В чьих руках? Почему драконы не могут объяснить, откуда города взялись? И что за саркофаги-статуи рядом с лампами? А если вампиры, то где следы? А подписи? Кому бы из вампиров пришла мысль играть в кошки-мышки? Тут самим Дьявол пахнуло,

что половина выживших вампиров готова смотреть на солнце на черной территории.

Да только и там свое твердят: «Мы вас пожить пустили бы, но наши возможности исключают вашу пропойность, нету у нас ресурсов, чтобы предоставить вам кровушку!»

И в правду, нет! Куда ни бросишь взгляд, пята в вампира упирается, и обеднение такое, что слеза наворачивается. Спаситель у них оказался то ли дурак, то ли призрак, который, слава Богу, отошел и уже не бродит, всех под одну гребенку подмел. Вот что значит: много вампиров, и ни одного вампира – нарочно не придумаешь! Лицензии ввели, в тюрьмы сажать начали за самоотлов, цены заломили на кровь такие, что то состояние, которое Ее Величество разрешила убывающим с собой забирать, на три раза голод утолить.

Его Величество усмехнулся: так скоро человек опять достоянием станет.

И сразу вспомнил о горошинах, которые нашел в пещере. Что за старик такой? Откуда взялся? Какого лешего делает с вампирами, восставшими против трона? Да еще с проклятой... Как мог такой старик волочиться за чудовищем? Почему сопровождал убогую? Что, не нашлось никого достойнее? Вроде умный старик. Такой смешной устроил подарок, знала бы Ее Величество – убила бы на месте.

Обладая такими способностями, как описал дядька Упырь, мог бы иметь от государства такую поддержку, что многие вампиры удавились бы от зависти...

По ним, по лапоточкам, по волосам из бороды, нашли-таки о старике сведения. И не нашли бы, да дядька Упырь на смертном одре подсказал, что мол бродит такой пакостник по миру, всем показывается, но в руки не дается. Не помнят. И горошины его самого Дьявола изобретение. Вреда больше, чем пользы: по миру идет, горошины раздает, и перестает быть всяк в своем уме. Знает столько, что знания его, дядьки Упыря, в щелочку уложить, но сам ими пользуется редко, практически никогда, предпочитая горох. И будто знания выдает только тому, кто их уже видел и понимает, а для остальных они без пользы: одолжить можно, а проникнуться ими нельзя.

А когда спросили Упыря про войну, ответил:

– Участвовать старик в этом мог, но, чтобы учудить такое – ни в жизнь! Он и вампирами не обласкан, и человеку худое, а только ни тем, ни другим ни в жизнь без него умными не стать! Если где-то что-то, он то примазывается, то глаза отводит, а чтобы кто-то ему угодил – такого свет не видывал! Там или Дьявол землю посетил, или маг такой силы воду мутит, что я в подметки не гожусь!

Произнес свои слова дядька Упырь со страхом, а спустя час вытянулся, как продажная сволочь, и копыта откинул...

Хотя нет, прокричал:

– В огонь меня, заразы! – задымился весь, прожег и кровать, и пол, и еще один пол этажом ниже, и еще один.

А когда прибежали за ним в подвал, собирать было нечего

– одна ржавая пыль.

Стоит теперь в горшочке, в покоях Ее Величества. И пролиwała она на него слезу, и слезы девственниц, и сама молила, и молиться на него заставляла, а крови извела – и молодых девиц, и вдов, и младенчиков, а толку то!

Тут бы блат ее закончился, да не телилась, устраивая одно судилище за другим, сажая на кол и людей, и оставшихся после войны вампиров, хоть сколько-то причастных к царскому сословию. Готовилась измена – все видели! Да только тот, кто имел бы виды и достаточно старости, чтобы вывести в люди такого мага или выйти таким магом самому, чтобы стращать происками и разным вредительством все государство, как в воду канул. Не каждому вампиру дано выдержать пытку, но никто ничего внятно не смог прояснить.

А еще спасибо Матушке ее, хоть и померла старушка, все те вампиры, которые ей своей чистокровностью обязаны, как сидели на колу, так и сидят, в верности их сомневаться не приходится, прикручены к жене намертво. В огонь и в воду пойдут, лишь бы угодить ей. А таких полцарства, прочих дядька Упырь и Баба Яга извели сразу же, как он и жена на троне утвердились.

Но, увы, прикручены они не к нему...

«Пожить бы еще!» – с тоской подумал Его Величество, понимая, что у супруги не будет выбора, если выяснится, что проклятая выходит в люди. Убьет его, не задумываясь. Найти вампира побогаче и с генеалогическим древом, чтобы

возместить утрату Матушки, тетушки и дядьки Упыря, же-
не не понадобится много времени. Да, престолонаследие у
него есть, но пятой водой на киселе. Никто не считал, сколь-
ко престолонаследников было перед ним.

Ожидание и неизвестность были хуже всего...

И куда вся решимость, куда вся мудрость подевались? Где
уверенность? Ведь были же, были! Откуда бессилие, откуда
сомнения? Откуда глухая тоска и нехорошие предчувствия?
Почему он чувствует страх, ущербность, как какой-то чело-
век, даром что вампир?!

Поговаривали, что проклятые не умеют ненавидеть...

Но, похоже, к его проклятой это не относилось – она имен-
но ненавидела его.

Он никак не мог подобрать слово, которое отразило бы
глубину его отвращения, которое последнее время не выхо-
дило из головы. Ненависть с новой силой полыхала на кон-
чике языка, как жгучий перец, вырвавшись на свободу: ско-
тина, сволочь, мразь, лохань, падаль, паскуда, стерва, отра-
ва, отребье, животное... – в каждом слове был недостаток,
не отражали они глубину тех чувств, которые он хотел бы
выразить словом. При одном упоминании о ней, накатывал
холод и слепая ярость. Он не понимал, как можно так нена-
видеть одного человека, но ненавидел. Хотелось хоть раз за-
глянуть в лицо этой твари, которую видел только в чулке со
сплюсненным носом и безумными глазами.

Но вот что странно: руки его уже не сжимались при мысли

о ней, как раньше, когда он мог ударом кулака пробить стену.

Впрочем, о чем ты думаешь, Величество?

Лохань, она и есть лохань, этой Маньке после проклятий-то любой покажется за счастье. Не станет носить лапти приличный человек. Убожество к убожеству. Нашла себе старика, который, видимо, ослеп от старости на оба глаза.

Ненависть отпустила, боль ушла, но не рассосалась, а при-таилась где-то в глубине сердца...

Неужели, все-таки Проклятие, а не Зов? Но какой в этом смысл? Что получают предатели, обратившись к нему с Проклятием? Царицей Проклятую не поставишь – ни знаний, ни древа, ни, на худой конец, партии. Кто за ними пойдет? И богатство не свалится – неоткуда, все давно поделили и разворовали, доброй женой тоже вряд ли получится – проклятые всеми болезнями болели, какие положили на них. Жалкие, убогие, бесхребетные. С ними даже рядом находится неприятно, с души воротит, уж теперь-то он много о них знает – посмотрелся. Пачками их притаскивают во дворец, чтобы присушить и сделать верными и смиренными тех вампиров, которые еще не присушены, оборотни по всему государству их разыскивают.

Вряд ли Проклятие...

И даже если так, что с того? Чтобы Проклятие заработало должным образом, прежде он должен проклясть себя сам – иначе, не дотягиваясь зримо, люди, которые должны ускорить процесс изгнания его на Небеса, увидят лишь пустоту.

Но, если все же Проклятие, которое прошло мимо взгляда жены, как укрылось от драконов? И в Зове дракону разобраться нетрудно, отсекая пришельцев. Мимо них ни один не проскочит, ни свой, ни чужой.

Как часть государства стала для вампиров бесполезной, этого даже лучшие ученые не могли придумать. Гадали всем миром. Но ученый мир не только появление Проклятой земли объяснить не мог, а и мумию, которая приперлась из далекого государства, чтобы поселиться навеки, как достояние.

Слава Богу, язык как-то выучить смогла...

Их, говорит, там много, все запасники музеев мумиями забиты, не выставляют, как экспонат, пуская на бумагу и удобрение, нет генеалогического древа, а и мумии хотят жить красиво. И ведь как-то добралась, не рассыпавшись...

Ну, мумия, ладно (надо бы позвать еще штук пять, пусть и в последних городах будут такие же. Не золотые рыбки, но хоть чем-то супругу порадовать), а руины городов откуда? До сих пор ломаются от сокровищ, сколько кладов нашли, не перечесть! То колечки цены немалой, то грамоты, то палата из камней самоцветных. Ведь мимо ходили, и по месту тому, не было их, никто не видел! А как Ее Величеству приспичило, выросли, как грибы после дождя.

(Да, были времена – богато жил человек. Ох, пожить бы в то время самому... Впрочем, зачем это ему? Добра и тут хватает... Царь он или не Царь?!)

Появление древних городов страну не спасали. Страна в последнее время стала обратно популярной – все о ней только и говорили и стороночкой объезжали. Земля эта, как чума – на всех континентах всполошились, объявили карантин. И капиталы повывезли бы, если бы, опять же, Ее Величество не объявила народный траур, приостановив банковские операции, и пока суд да дело, не приставила бы к каждой копейке счетоводов, которые урезали капиталы покидающих страну в пользу казны. И среди молодых вампиров недовольных было бы много больше, если бы мудрая жена не объяснила им, что только так они могут по-доброму зажить.

Все-таки Ее Величество – кладезь мудрости...

Молодняк после нововведений готов был целовать песок, по которому Ее Величество ножкой ступила, а некоторые целуют – сколько старых вампиров наконец-то освободили место под крышей! Донес на богатенького соседа – и нет соседа, и полагается тебе прибыльная премия. Если не земля, так хоть драгоценности, которые древние вампиры хранят в сундуках еще с тех времен, когда общественного мнения, как такового, не существовало. Каждый могущий узреть хваткую руку и прыткое обогащение приносит заявление: мол, вот вам донос на соседа, воровал, богател, не делился – ловите, а я благодарствую.

И ведь человек не брезгует кровушку у вампира попить! Помочил бумагу слезой и отправил хозяина в казенный дом...

В казне теперь прибыль, какую за десять лет не собирали. Воровать практически перестали. Так глядишь, государство выйдет на достойное место по отсутствию коррупции. Но где деньги на всякое непредвиденное брать? Тот, кто раньше без казны обходился, теперь на казну молится: помогите, заболел, ночами не сплю, прибыльность вижу и свою, и вашу...

Решение было не только ко времени, но умнее, чем все его решения прежде. Непонятно, как он раньше до такого сам не додумался? Сколько ума, сколько находчивости, изворотливости, сколько шестого чувства оказалось у жены! И непроизвольно задумаешься: а произошел ли человек от обезьяны? Много ли ей надо обезьяне-то? Ведь только человек придумал получать от любви удовольствие, а все остальные в строго обозначенное время плодятся и размножаются. И ни одной женской особи не придет кобеля искать, если потомство зачато – только человек может погладить дитя свое членом. Может, человек абстрактно мыслящее существо, что любви ищет, а не оттого, что взял в руку палку и решил жить стаями? И неужели смог бы человек так изменить свою природу, если бы произошел от скотины?

Кто же ты тогда – человек? Взять, к примеру, ее Величество – она уж точно произошла не от обезьяны, ей сам Дьявол в подметки не годиться. Сумел бы он так образумить народ?

Бог придумал человека!

Или Дьявол... Сколько в человеке противоречий!

Дьявол... Дьявол... Его Величество поморщился.

Почему именно Дьявол? Почему этот маг не Спасителем себя возомнил?

Понты?

С размахом под Бога косит, с той самой землей, которую все и во все времена искали...

А ну, как и вправду сам Дьявол? Пожалуй, он единственный, о ком не говорят: не умеет! Умеет, еще как умеет!

И странно, что Святые Отцы призывают молиться, креститься, хаять и не верить. Сие есть зло... Но у всякого зла есть оборотная сторона медали. Зло есть – но для проклятой вряд ли! А если ей будет зло, то другим как бы должно облегчение выйти – тогда благодать!

Это что же получается, против Бога восстали, а он как бы пугать их решил?

И почему сейчас? Почему ни на Царя раньше, ни на Царя позже?

Но если сам Господь закосил под Дьявола и поугал народ, восстанавливая справедливость, то обратное о нем мнение. Так народ ни в какие времена его не взлюбивал. Облажался он с Проклятой благодатной землей! При одном упоминании о ней, любой начинает креститься и молиться, лишь бы в связи не заподозрили. Обеспокоен народ, даром им такой Бог не нужен, повалил в синагоги, в церкви, в мечети, по святым местам – и верующий, и неверующий. Теперь, пожалуй, никому не скажешь: «креста на вас нет!» –

все крещенные. Даже еретики, которым не мыслилось жить, козни не строя. На что цыгане и евреи – и те перепугались, поведав по большому секрету, что и у них скоро свой Мессия намечается: мол, встали мы на путь вразумления, поняли, в чем великая сила Сына Человеческого.

Лучше признались бы, что не могут ни одного слова из Закона своего произнести, которое против себя не обернулось бы. Статистика хуже, чем у тех, кто от Пророка и Сына Человеческого не отказывался. Ну вот, прикатилась или выкатилась та самая земля, сам видел – там и мед, и молоко, и сметана со сливками, а как пальнула огнем, одинаково бежали без оглядки. И хоть бы один вспомнил, что вот она, благодатная – рассказал бы, как извели-то ее у себя! Но нет, тоже не держали Дьявола в уме, не ждали, не гадали, молились, крестились, стенали и пели хвалебные песни, и радовались, что есть кого попить и поесть. Оказались продажнее честно признающих в лице Спасителя самих себя.

А уж кому бы радоваться появлению Дьявола – священнослужители! Те только выиграли. Ныне собирают такую казну, какую в государстве и в четвертинку не собирали. Одурили с достатка, божьих домов больше, чем жителей, каждый день по три храма возводят, да все на средства из государственной казны. Зрелищные мероприятия закатывают – в иных государствах завитками давятся. Государство теперь не просто государство, а законно государственно спасенное и право славящее.

Его Величество закрыл глаза и расслабился.

И то верно, свечное производство сколько веков без перебоев работает! Оказывается, не применимо к нему слово «кризис». Свет нужен всем. И производство спасительных ликов поставлено на поток. От идолов деревянных перешли на иконостас с расширенными возможностями. Материал любой, лишь бы лицо человеческое. Чем больше канонизированных Благодетелей, тем больше возможностей выбрать Покровителя по вкусу. На все случаи жизни: для вора есть, для прелюбодея, для убийца, для лентяя – на каждое имя, на каждое ремесло, на каждый вид деятельности.

Им бы Дьявола-то прославлять за щедрость, ан нет, повампирами думают, прикрываясь Спасителем, отгораживаясь от Благодетеля, как Царь от мужика. В конец обнаглели и поставили себя выше Царя, охраняя покои жены – и не пройти мимо.

Его Величество поморщился, вспоминая, как Святой Отец обрисовал ему супружеский долг. Пресно, благопристойно, чинно – вошел и вышел, помолившись на святое царственное место. Будто Спаситель, лобзая всех без разбору, непременно останавливаясь в домах с хорошенькими девицами, ублажаясь вином на каждый вечер, ни разу ноги к себе на плечи ничьи не закидывал, не совал леденец между альенькими губками. Уж кем, кем, но евнухом он точно не был, не брезгуя ни мужиками, ни бабами. Не бог весть какой Сынок у Отца уродился – и пьющий, и гуляющий, и блудный, и отка-

зывающийся от родителей, и с наклонностями – тоже на любой вкус. А служители обоими руками за жену ухватились – сколько возможности обнять паству и выманить деньги на новые церкви! Если Сын Божий ни в чем себе не отказывал, чем он хуже?

Впрочем, и тут Ее Величество не сплеховала, приставила их к государственным делам привыкать помаленьку. Разрешила им в Думу избираться.

Ладно, вот пусть теперь не на козни тратятся, а на предвыборные компании.

Его Величество скомкал лист бумаги, который третий день лежал перед ним пустым с одним лишь словом: «План», метнул комок в мусорную корзину.

Никакого плана не было и в помине, а были тяжелые думы...

Самое страшное было в том, что Ее Величество никаким Величеством уже его не считала. Мальчик для битья, мальчик на побегушках, мальчик в мокрых штанишках. А он любил ее, может быть, еще сильнее, страшась свой будущей участи. И по-прежнему называл сладкая, милая, лапуля...

В общем, жизнь становилась невыносимо поганой, и, если так пойдет дальше, быть ему козлом отпущения во всех грехах. Сам не раз так делал, предавая министров законному народному гневу. Но на этот раз Ее Величество козлом отпущения решила сделать именно его, заступаясь за всех, на

кого он пытался повесить недоработки и взыскать неустойку.

А некого, оказалось, обвинить!

Как поймаешь за руку, как схватишь, когда маг этот вон какой, а ты только такой?

И ведь не чья-то, а именно его поганая душонка оказалась в нужном месте в нужное время!

Каким местом ее туда присобачили, и кто?! Какого черта она не подохла, не повесилась, не слетела с катушек, как у всех нормальных вампиров? Благо, что пока проходит по делу лишь свидетелем и заложником, или даже подозреваемой, а не организатором, и не исполнителем. Если выяснится, что она хоть как-то причастна и участвовала в восстании наравне с повстанцами – это будет конец!

Его конец!

Милая супруга наденет задним местом на кол и как знамя пронесет по всему государству, чтобы каждый видел, что будет с вампиром, который не убил проклятого, как будто в этом его вина, а не ее Матушки и дядьки Упыря, которые строили на нее какие-то планы, мечтая то колодцем обзавестись для драконов, то наследника родить, то через железо омолодиться на пару сотен лет.

Омолодились...

Сами же не добились ее, укрывая и утаивая от него. Благодаря этой твари, злключения свалились не только на его голову, но на головы всего народонаселения царства-государства, а он не может ничего сделать! Как ей прикажешь, ес-

ли всеми мыслями он не смог даже проникнуться ее местоположением, а Ее Величество приказать вероломным изменникам отворить двери в царство-подгосударство проклятого заповедника? И в транс-то его погружали, и током били, и черепушку ломали, и с головы его лучшие ведуны и ясно-видящие считывали – себя же и нашли! В конце концов, он пока не вампир в полном смысле этого слова, чтобы терпеть такие муки и получать при этом удовольствие.

Голова у него не тем местом приклеена?

«Сука! Сука!» – Его Величество сжал кулаки, чувствуя новый прилив бессильной ярости.

Так и подумать недолго, что не вампиры, а она со стариком Хоттабычем вампиров используют, ведя как агнцев на заклание. Того и гляди, начнешь гордиться своим бесовским приложением!

Говорят, от ненависти до любви один шаг...

Его Величество достал волосинки и положил перед собой. Поднес поближе свечку. Несколько черных и одна седая. Подержал над огнем, наблюдая, как они мгновенно прогорают и сворачиваются, оставляя пепел. Смысла отдавать их на экспертизу не было, а жена обнаружит – сразу гроб заказывай.

Наверное, стоило закатать на восковую куклу, проткнув ее иглами, но пробовали уже.

Нет, он ни о чем не жалел. На клушу, которая оказалось его душой, и с Зовом никто не позарился бы, а без Зова тем более. Ведь не узнал, когда увидел, ни одна мышца не дрог-

нула. Наоборот, испытал отвращение и стыд. Будь он умнее в тот день и знай, что она – душа его, и тогда не изменил бы решения. Так деревенское чмо заканчивало свои дни. Не было у нее ничего, что он мог бы пожелать себе – ни знаний, ни талантов, ни связей, ни родословия, ни красоты, как у жены. Что ему было делать с убогим ничтожеством – щи да кашу на печи хлебать? Он уже тогда понимал, что выбраться из той дыры в эту без поддержки не сможет – все именитые и уважающие себя люди бегали на побегушках у тестя. А он не выбирал, не было в его чувствах корысти, хоть и не сбрасывал со счетов очевидную выгоду женитьбы. Ее Величество была видная девушка. Она и сейчас видная, с ума по ней сходят без всякого Зова. Любил, как никто и никогда. Даже не знал, что способен на такие глубокие чувства. И родителям выбор его сразу пришелся по вкусу. И не ошибся. Его успех многим древним, как мир, вампирам только снится в самых потаенных и сладких снах. А ведь он даже и не вампир пока. Да и дали бы разве им жить, как в народе говорят, душа в душу? Сидел бы в остроге, или в поле лежал убитый, или бегал по лесам и выл на луну, или проклятая стала бы вампиром, и неизвестно кем стал бы он. Сколько таких, обремененных, он сам рассекал надвое, чтобы слить кровь проклятого и напоить нового верноподданного?

Чистокровного, который бы только ему служил.

И где ее, тварь, носит?! Может, закрутила с кем из подельников своих?

Неужто никого лучше этой лохани не нашлось?

Да нет, знал бы...

Он всегда чувствовал, когда у проклятой начинались именины сердца. Приходила болезнь – и милая супруга быстро ставила воздыхателя на место, вразумляя по-своему – комар носа не подточит! А появившись она меж людей, давно бы донесли. Приметы опасных преступников разосланы во все концы света. При таком вознаграждении и горох старикашки не застрянет между глаз!

Глава 2. Царем быть нелегко...

В кабинет без стука вошла Ее Величество. Его Величество тут же вскочил с кресла, зацепившись рукавом за чернильницу, опрокинув на пол. По полу расплзлось пятно. Жена лишь криво усмехнулась, слегка поморщившись. Его Величество покраснел, но заметив, что жена отвлеклась на входящего следом Святого Отца, переступил через пятно, прошел к дивану и сел, дожидаясь, когда она заговорит первой.

– Собирайся! – она встала перед ним, уперев руки в бока. Выглядела Ее Величество решительно.

Раздражена, как всегда, отметил про себя Его Величество. Но не послала за ним, не прислала приказ с посыльным.

Не сказать, что не обрадовался. Не стоило упускать шанс реабилитировать себя в глазах любимой. Но не одна, по душам не поговоришь. На секунду другую он смешался, вспомнив, что все еще Царь, и мог бы легко выставить Святого Отца за дверь – и тут же пожалел, что корона осталась на столе. Хотела Ее Величество или нет, он все еще был ее мужем, и корона пока принадлежала ему на законных основаниях. Но, заметив, что тот с озабоченным и измученным лицом пристально следит за каждым его движением, язык против Святого Отца не повернулся. Силой силу не превозмочь, так можно и последнего лишиться, что имеет.

Его Величество промолчал, стараясь не подать виду, что

взволнован. Лишь с любопытством наклонил голову, дожидаясь объяснений.

– Пора народ отвлечь от этого проклятого места, побольше положительных эмоций... – бросила Ее Величество, пройдясь по кабинету и останавливаясь у стола, разглядывая чернильную лужу на полу. – Снять напряжение, оставив Проклятую землю выдающимися заслугами. Все только о ней и говорят... Куда не глянешь, везде смертушка.

Настроение у жены хуже некуда. Она с досадой сцепила руки, несколько мгновений рассеянно разглядывая пол.

– Перво-наперво, обоснуешь появление проклятой земли – будто горячие подводные источники создают некое поле, угрожающее всему живому. Объявишь опасную зону государственной собственностью – и пустим слухок, мол, проводили эксперименты, эксперимент удался – теперь у нас самое мощное оружие... Народ слухам больше верит, чем официальным источникам.

– ???

Его Величество замер. Где у него голова?! Он с досадой взглянул на жену, которая еще раз доказала, кому он обязан своей короной и миллиардами.

Тоже выход. Простой, но, на первый взгляд, эффективный. Практика была проверенная. Для восстановления имиджа все средства хороши, и пока это был единственный доступный способ.

– Кстати, меморий уже издан. Подписан. Ставлю в извест-

ность! – сухо отрезала она, пройдясь взад-вперед, остановившись напротив Святого Отца.

– Там животные стадами бродят. Было бы опасно, не бродили бы, – высказался Его Величество и оборвал себя на полуслове. Ее Величество жестом поднявшейся руки приказала замолчать, резко развернувшись.

– Это еще не доказательство! – скривив губы, она гордо подняла голову в обрамлении золотых локонов, уложенных колечками, подбирая подол платья. – На то они и животные, чтобы вести неразумный образ жизни. Следующий шаг – военный парад, документальная хроника, ну и... выставка государственных достижений.

– Ты понимаешь, что после этого начнется? – спросил Его Величество.

– Понимай, не понимай, а делать что-то надо, – расслабилась она, опускаясь на кожаный диван рядом с ним, протягивая руку для поцелуя. – Мы не можем допустить упаднических настроений.

С ответом он не торопился. Рассеяно глядя перед собой, неторопливо перецеловал пальцы протянутой ему руки.

В последнее время все каналы усиленно зомбировали народ на положительную установку, муссируя преображение экономики. Установки начинали потихоньку работать – жизнь входила в свою колею. Найденные города оказались эффективным способом отвлечь народ от проблем. Народонаселение валом повалило в развалины, в надежде отыс-

кать старинные монеты и, если повезет, клад. Клад, само собой, принадлежал государству, но нашедшему полагалось двадцать пять процентов вознаграждения. Естественно, по оценке государственных экспертов, которые готовили часть собранной коллекции антиквариата к аукциону. На всякий случай все три города усиленно охраняли. За выемку ценностей у обокравших государство солдатам тоже полагалась премия в размере чуть большем, чем тому, кто клад нашел и не сдал куда следует. И сразу же во всех трех городах стали один за другим обнаруживаться воры и расхитители. Наказывали воров нестрого, лишая вознаграждения и доступа на охраняемый объект.

Конечно, сразу нашлись те, кто хотел бы вознаграждение от цены, за которую иной коллекционер приобретал вещь, но стоимость изделия одно, а блажь – другое...

Кроме того, захватывающие новости отвлекали подданных от новостей менее приятных, пробегающих по экрану быстреньким мелким шрифтом или произносимые шепотом по радио, желательно, когда народ подшофе, чтобы не сильно травмировать и без того расшатанную его психику, типа: подорожали ресурсы процентов, эдак, на двадцать пять, или про землю вот. Кто обратит внимание на такую мелочь во всенародный праздник летних каникул? А если скажут: не говорили, то вот они, новости – внимательнее надо быть!

Он не переставал удивляться, как царственной супруге удастся выдуть из мухи слона. Взять, к примеру, страдающих

сироток: показываешь малютку в патронатной семье, и вот уже государственная забота как бы на лицо. И кто после этого вспомнит, что сирот сотни тысяч, а в приютах за такую зарплату соглашаются работать разве что педофилы и извращенцы. И слава богу, что есть наставники, которые не корысти ради, а удовольствия для. Худо-бедно, и речь человеческую освоил, и лопату держать научился, и к смирению приложен. Чтобы сэкономить, приходится-таки открывать разные учреждения, которые сбывали сироток с государственных рук в руки частные. Например, тому же вампиру, который изгадил свои органы так, что год или два, и лежать ему в гробу. Не больно-то покрасуешься с дырой перед народом. Или продавая за границу. Спрос на сироток был, порой выпасть из женского места не успевал, как его уже рассовали по всем местам. И житье за морем не худо. Это кому как повезет – один на убой, зато двум сладко.

С землей то же самое, надо что-то большое, что-то этакое, чтобы все сразу поверили и пощупали, а вопросы отпали бы сами собой. А проблема противоположно направленная.

– Какие достижения? У нас их сроду не бывало! – буркнул Его Величество и скривился, перебирая в уме, что можно назвать достижением. Все из-за границы, во дворце ни одну вещь родной не назовешь. Разве что те, которые под заказ, но и они, как правило, народными умельцами из заграничных полуфабрикатов лепились.

– А ты в земельку загляни, собери чего понаряднее, да и

представь, как продукцию из государственных закров! – с издевкой процедила сквозь зубы Ее Величество.

– Так есть же нельзя! – обиделся Его Величество, старясь понять, шутит она, или всерьез решила отравить народонаселение.

– А кто есть собирается? Ты стране представь! Таким ведь и был Царем, что показать нечего! – упрекнула она. – В общем так, решено уже. Пресса приглашена, пресс-конференцию... – она оценивающе окинула его взглядом, оставшись недовольной. – Впрочем, нет, тебя народу лучше не показывать. Надежнее. Неизвестно, что с лица вылезет. Министр экономики поговорит с подданными. Но кроме тебя на Проклятую землю никто попасть не может, а нам сведения нужны, кто такие, там ли еще, кто бывает у них. В общем, вот причина, вот задание, а вот оправдание, – взгляд Ее Величества был твердым и слегка обеспокоенным. – У меня, зайка, всего ничего времени остается, чтобы государство в руках удержать. На драконе полетишь. Если с тобой что случиться, поймут сразу. Заодно проверишь, много ли Проклятая земля оттяпала от государственной территории... – лицо супруги стало озабоченным. – И, если Дракон попросит чего – выполнишь! – бросила она раздраженно.

– Ты что? Ты меня в логово? Чтобы проклятым?! – одурел Его Величество. Он не мог поверить, что жена вдруг повернулась на сто восемьдесят градусов, бросая на растерзание врагу, будто избавляясь от него.

– Возьми охрану! Впрочем, нет, не поможет, – спохватилась Ее Величество и подняла на него усталые глаза. Голос стал мягким. – Я понимаю, милый, тяжело жить с таким грузом... – она погладила его по волосам, проведя по щеке рукой, будто прощалась. – Но это не шутки уже. Пусть ты один пострадаешь, но зато все мы жить останемся. По крайней мере, тебя они не убьют. Достать их мы можем только так. А с твоим Проклятием разберемся как-нибудь. Я уже вызвала специалистов, наука не стоит на месте. И потом, если собрались наложить Проклятие – наложили бы, а Зов, позвали бы. В конце концов, ты пока еще Царь... – напомнила она с досадой. – Надо начинать переговоры – пусть уж произнесут заклятия, да и выйдут к нам, а там посмотрим, кто кого. Мы не знаем, чего они хотят, поэтому не можем предупредить их удары.

– Не трудно догадаться! Трон, чего же еще-то?! – Его Величество поднялся, прошел к столу, чтобы не показать обиду, смял еще один лист бумаги с царскими водяными знаками, отправляя в корзину для бумаг. Последние слова жены заставили сердце больно сжаться. Да, ради нее он готов умереть, но жить-то хотелось.

– Поэтому подписан Указ о передаче твоих полномочий на управление государством в мои руки, – твердо, как приговор, произнесла Ее Величество. – Черкнешь там, в приемной. Но это не главное, главное – заставить врагов обратиться к нам... Эх, мне бы лампу достать! – тяжело вздохнула

она. – Если она у них, мы быстро расправимся с ними.

– Опять ты... – Его Величество повернулся к жене, слегка усмехнувшись, почти с ненавистью бросив взгляд в сторону Святого Отца. Он не сомневался, что его отречение от трона была не ее идея. – Все твои лампы в городах лежат, возьми!

– Вот именно! Саркофаг... Лампа... Это знамение! – с жаром произнесла она, оставив надменное выражение лица. – Не случайно трижды повторилось одно и то же! Древний вампир встал из гроба, Антихрист – и пришел он с лампой, которая помогла ему захватит землю и обороняться против нас. Но, если мы получили знаки, значит, Спаситель и Отец Наш Небесный на нашей стороне! Это не рука человека, и даже не рука вампира – это спасение нам. Посуди-ка, мог ли маг предполагать, что города выдадут его с головой?

– Что-то поздновато нам сообщили... когда уже своим умом дошли, – Его Величество скривился, не сдержав усмешки. Как могла жена быть такой умницей и наивной одновременно? Ясно, откуда ветер дует: Святые Отцы основательно засрали жене мозги душещипательными проповедями. – Не кажется ли тебе, что Благодетельный наш Спаситель знавал сего вампира, будучи искушаем им в пустыне? Где Спаситель, и где Отец Его, когда этот умник ходит по земле? Кто, кроме того вампира, смог бы так объяснить нам, кто он, и кто мы с нашим Спасителем? Не удивлюсь, если выяснится, что и города его рук дело.

– Мы, братья Господа Нашего, поднимем знамя Спасите-

ля и спасем мир! – гордо возвестил Святой Отец. – Нам ли бояться Дьявола и приспешников его? Спаситель превозмог, и нам силу дал.

– Спасали уже... Жгли, вешали, убивали, проклинали и отлучали, – с укором попенял Его Величество. – Могли освоить космос полторы тысячи лет назад. Порчи, корчи на народе – прошли бы по желтым домам, да подняли одержимых бесами, но нет, уровень не тот, вам, Святой Отец, царские палаты подавай, да трон, да молодежь не защемленную, которая бесами не загружена... На руки, на руки свои посмотрите, Святой Отец... Давайте, мы сами как-нибудь с женой разберемся, а то, смотрю, за последние пару месяцев аппетиты ваши здорово выросли. Если будете продолжать в том же духе, прикажу финансирование строительства новых церквей урезать. Вряд ли народ от этого расстроится.

– Я понимаю вашу слабость духа, – смиренно грудным голосом проговорил Святой Отец. – Мы все находимся в стесненных обстоятельствах, когда враг переступил черту. Именно Дьявол поганит землю, пытаюсь сломить веру Христову, и вселяется в людей нетвердых, чтобы сделать его жилищем своим. И вижу, как неискушенного происками его улавливает в сеть. Ползут от него бесы, толкая человека на убийство, на прелюбодеяние, на гордыню, отвращая от Спасителя нашего. Дома с умалишенными не оставляли мы, и утешение несем всякому. Смирение и вера спасут нас, на колени встанем, и будем молиться на костях, сын мой, и упо-

вая на Спасителя Нашего. Тогда победили народ, и сейчас победим. Но на все воля Божья...

– И боевой дух нашей церкви! Которая, как в старые добрые времена, выйдет на охоту... Пока народ смиренно погибается и молится, стоя на коленях... – рассмеялся Его Величество, глядя Святому Отцу прямо в глаза. – Ваше Святейшество, я Царь, и могу поменять веру народа, если любимая мной церковь не будет обращать любовь народную на Царя. Как Пророк, который полюбить вас не сумел. Что вы делаете тайно, я вполне могу сделать явно. Крестным ходом на землю вы уже ходили. Она, наверное, этого даже не заметила. Лучше бы помогли Ее Величеству образумиться. Какая лампа?

– Не вижу ничего смешного, – ответила Ее Величество, заступаясь за Святого Отца, и твердо добавила: – Желания лампы предатели уже потратили. Первое – заказали себе землю, второе – добыли проклятую, а третье, чтобы мы туда не сунулись.

– А тетушку твою, а Матушку, а дядьку Упыря – они тоже лампой? – напомнил Его Величество.

– Не думаю. Один из них маг, и этим все сказано. Но мы тоже не лыком шиты. Он их поодиночке, когда они не ждали, а если всем государством, кто устоит?

– А если у них не одна лампа, а на лампу по знаку? Тогда у них три лампы и еще шесть желаний, – кисло произнес Его Величество. Он вдруг ясно ощутил, что стоит у стены – жена

его не слышала.

– Я советовалась с драконами. Проклятая не могла бы достать сразу три лампы. Человек может взять ее только единожды, – ответила Ее Величество. – Я предусмотрела вариант, что маг мог использовать трех проклятых, но следы были только чудовища и того старика, который вряд ли может называть себя таковым. Следовательно, лампа у мага одна. Достав использованную, которая была бы уже у меня, если бы я знала ее местонахождение, я смогу получить еще две. Одним желанием. И ты полетишь, и узнаешь, где она, и оставишь жучки, чтобы мы могли выяснить, наконец, сколько их, и кто с ними заодно.

Супруг ей не нравился: мешки под глазами, лицо серое, не одет подобающе...

За того ли она в замуж вышла?!

– Так ведь аппаратура глохнет и выходит из строя, – воскликнул Его Величество с недоумением.

– Ну, это не повод раскисать, – резко перебила его Ее Величество, нахмурившись.

– Понял, – покорно ответил Его Величество с некоторым облегчением. В конце концов, если драконы воспринимали лампы всерьез, кто он такой, чтобы сомневаться?!

Он хотел поцеловать супругу, но она отстранилась, встала, повернулась и направилась к выходу. Ее спутник – Святой Отец, не выпускающий из рук четки, со времени перепалки нервно поправляющий шарфик, поплыл следом.

Его Величество проводил Святошу мрачным взглядом. Распирает от удовольствия! Как же, Матушке Благодетельнице достали трон – единоправный, чего не радоваться! Будто он мешал ей править... Трон Святые Отцы доставали для себя, пытаясь добраться до казны, забывая его насмерть руками жены. Не иначе, убрать собрались. Все перевороты происходили именно так. Не пройдет и месяца, как его объявят тираном, слабоумным дурачком, который окружил себя сворой недоносков, наушников и казнокрадов, которые сбивали Царя с пути. Редкое правление Царей было долгим. Другое дело женщины, которые умели окружить себя толпой любовников, когда каждый мечтал взойти на трон, и бился не с Царицей, а с такими же, как он, претендентами на руку и сердце. Отправить его в Проклятую землю наверняка они же, Святые Отцы насоветовали. Он и сам иногда посылал, откуда не возвращались – своя шкура дороже. Увы, в данных обстоятельствах жену, которая так легко уловилась в хитросплетения красноречивых проходимцев, он понимал – и оттого ему становилось еще горше. Ей ли править государством, когда любой вот так легко может использовать ее женскую слабость и желание опереться на сильное плечо?

«Так, теперь мне нужно подумать!» – Его Величество собрался уже вернуться за стол, собираясь с мыслями, но вдруг Ее Величество обернулась, и холеный служитель Спасителя мгновенно оказался позади.

– Дракона возьмешь двенадцати голов, – бросила она пре-

небрежительно. – Пусть попробует еще раз огнем Проклятую землю пожечь. Негодная она ни к чему, нечего ее жалеть.

– Хм, если она не годна, то какая годна? – Его Величество сверлил жену взглядом, понимая, что заставляет ее волноваться. Любое упоминание без иронии или пренебрежения обо всем, что было связано с проклятой, вызывало у нее изжогу, и сейчас ему нестерпимо захотелось ее уязвить. – Может, нам как-то по-другому с землей надо было? Человеку она понравилась бы...

Ее Величество и в самом деле на секунду другую замерла, глядя на него широко распахнутыми глазами, в которых отражалась лишь любовь.

– Мы поделим государство на людей и вампиров? – сурово посмотрела она, и Его Величеству стало не по себе. Нет, бессильной ярости у нее не было, ошибся – было другое, холодная, почти железная воля. Такой он жену видел редко. И снова будто раздвоилось ее лицо, и опять он увидел клыки. Но на этот раз был готов, понимая, что однажды тоже станет таким же. Зато бессмертным. И невольно позавидовал.

– Мы – соль земли! – выставился из-за спины Ее Величества обиженный Пресвятейший Отец. – Кроме нас, кто делает ее соленою? Если не дает нам доброго плода, проклянем и перепашем, чтобы вовек не росло на ней ничего. Мазут пробовали, нефть пробовали, кислотой пробовали, а соль? Вот вы, сын мой, по Духу ли поступить решили, зная, что сам Сатана ищет головы вашей? Знает церковь наша все проис-

ки Дьявола и прислужников его бесовских. И вам, Ваше Величество, – служитель скривился, изображая смирение, но грудной голос продолжал звучать до противного поучительно, будто на проповеди, – выпала честь послужить на славу Отечества, опрокинув планы страшных слуг Дьявола. Вам ли враждовать с молящимися за вас?

Он вдруг изменил голос, стал вполне адекватным и здравомыслящим, глаза его оживились. Будто мысли прочитал.

– Поймите, сын мой, из-за вас столько проблем в государстве, что и вы, и мы понимаем, нет ничего худого, если уйдете вы один. Мне очень жаль. Но кроме вашей проклятой, кто еще смог бы притащить Дьявола в наш мир? Мы не раз и не два сталкивались с подобным явлением, и всегда умели выйти из положения, сохранив наше основное... основной источник духовности народа. Хотите вы или нет, но наша церковь всегда умела отстоять свои интересы. Цари приходят и уходят, а мы остаемся вот уже две тысячи лет. Мы – и наш Спаситель.

Святой Отец решительным шагом подошел к нему и протянул руку для поцелуя. Слегка изумленно взглянув на Святейшество, Его Величество пожал ее и улыбнулся, отринув руку, глядя ему в глаза.

– Спасибо, Ваше Святейшество, за добрый совет, – поблагодарил он, слегка наклонив голову. – Но не забывайте, Царь – Помазанник Божий. Я к Богу и Спасителю ближе любого из вас. Я ведь могу объявить, что несправедность ваша дове-

ла нас до Дьявола, который смог переступить через церковь, погрязшую в грехе и чревоугодии.

«Ты бы мне еще про Духа Святого, который упреждает каждый удар из своего гроба, поведай! Братской могилы вам! Братской могилы!» – мысленно попрощался со Святым Отцом Его Величество, скрывая едкую усмешку, поворачиваясь спиной.

Служители давно уговаривали Йесю представить гроб, как доказательство Его Бытия, но Спаситель упирался, считая, что плащаницы с его Ликом вполне достаточно. С нее и портреты рисовать во все времена было модно. Обнаружили такое необъяснимое явление, когда нашли поленья, в которых огонь. Он прямо изнутри сжигал вампира безо всяких следов, но! – если сверху на вампире что-то было, то огонь ровно впечатывал прожженного, оставляя о нем навечную память. Мышление от такого чуда зашкаливало. Правда, пришлось пожертвовать вампиром, но так оно даже лучше, ведь по преданию вознесение было живым телом, а не загубленным огнем. И сразу нашлись и противники, и сторонники, которые и так и так объясняли божественное произведение искусства. По одним выходило: Свят и непричастен, по вторым – Свят, ибо причислен. Один Спаситель Йеся от этого заболел: вроде и жив, а на лица не кажись – ибо на Небе. После распятия и не узнавали его, и не замечали, и многие дела его оставили без рассмотрения, так и не сумев объяснить народу, как воскресенный и вознесенный одновремен-

но мог быть и на Небе, и на земле. Один племяш Иоанн, не имея других знаменитых родственничков, обратил на себя таким образом внимание, переплюнув всех других апостолов, которые увидеть в дяде Бога не захотели. Быть племянником Бога разве не престижнее, чем просто быть?

Был он сыном Вефсаиды, сестры Йеси, и сыном рыболова. Первое произведение Ванька написал спустя десять лет после вознесения дяди под псевдонимом Марк, руководствуясь наставлениями Петра (которому Ванька достался по наследству) и Павла (он же Савл, который однажды услышал глас среди ясного неба, взывающий к нему из глубин: Савл, Савл, что ты гонишь нас?! Вот мы, душа твоя!). Второе, спустя шестьдесят пять лет на острове Птамос, когда ему было примерно около семидесяти девяти лет.

Его Величество задумался, подсчитывая, сколько лет было смышленому племяшу в то время, когда он увязался за дядей.

Мария вышла замуж за Иосифа, будучи беременной. Ни о каких детях и второй жене речь не шла, Иосиф считал Марию женой, а Мария Иосифа мужем. (Какой нормальный мужик бросит жену с семью детьми, чтобы жениться на беременной бесприданнице, у которой из родственников только священник и был, воспитавший племянницу не по самым взыскательным правилам? Так опорочить свою семью!) И по границам он с нею хаживал, и по синагогам, и блудного сына искал, пытаясь оградить семью от позора. И оба счита-

ли себя родителями чада, особенно Мария. А чадо уже тогда от родителей отрекалось, считая их недостойными. Наверное, все же пасынок Иосифу не пришелся по душе, и когда у Иосифа появились родные дети, отверженный Йеся разницу эту почувствовал особо остро. За это говорит и тот случай, который запомнился Йесе особо, и о котором он рассказывал не единожды своим апостолам, а именно: когда мать и отец просто-напросто забыли о нем, оставив в городе, куда приходили на праздник, спохватившись только на третий день. Предположим, мать апостола Иоанна Вefсаида была следующей за Йесей, родилась года два спустя, и пошла по стопам матери, соблазнив рыбакова, когда ей было лет шестнадцать, родив в семнадцать. Итого девятнадцать лет. Спасителю было тридцать три, когда его распяли. Год можно скинуть, год он прославлял себя. Получалось, что племяшу было в то время меньше тринадцати лет. И ходил Йеся с ним повсюду, и лобызал его, и возлежал с ним, и прижимал к груди, и обращался не как с племянником...

Или мстил Йеся своим братьям и сестрам за сиротское свое детство, что обошелся с племяшем еще хуже, чем обошлись с ним самим – ибо и Ваньку не искали родители. Ваньку можно понять, он болезненно переживал свой позор, открывая все новые и новые достоинства в своих Благодетелях, которые раскрывали ему очко, в последнем произведении примилив, наконец, дядю и мать его... Не иначе, выдавая желаемое за действительное, ибо жизнь подходила к

концу, своей матери у него уже к тому времени тоже не было, и жутко ему хотелось покаяться, но не перед братьями же.

Так, все педофилы вполне могут попасть в Рай к Отцу Небесному, минуя чистилище. Причем не просто педофилы, а инцестные педофилы, которые не брезгуют своими чадами. Ведь не скажешь, что прелюбоддеяние, ибо не женщина. И женщины не могут прелюбоддействовать, ибо не мужчины. Следовательно, нет греха, раз не упомянут. Понятно, почему требовали распятия жители Иерусалима, предъявляя в качестве обвинения детей, на которых была кровь...

Да, резня была самая, что ни наесть, вампирская – и не удивительно, что первые христиане слушались своих апостолов, как мусульмане Пророка.

«Руки по плечи в крови, а туда же... к престолу потянулись. Везде за нею таскается!» – с неприязнью подумал Его Величество, но промолчал.

Новоиспеченный провидец и соправитель государства его раздражал. Когда место на троне рядом с Ее Величеством окажется пустым, кто осудит? Ради трона снять с себя сутану не грех – тоже Помазанник. В последнее время Святые Отцы с корнем выкорчевывали любое его начинание, которое могло навести в государстве хоть какой-то порядок. Спорить с Отцами, когда они так близко подошли к жене, было опасно. Он не сомневался, что Зов Святой церкви не слабее его Зова, опыта им было не занимать. По крайней мере, не сейчас, когда они как никогда в силе. В школах ввели богосло-

вие и познание азов духовности, теперь это были наиважнейшие предметы. Осталось ввести розги и отменить все прочие предметы. Последнюю надежду отнимали у человека, а тот лишь благословлял руку, вырывающую его с корнем. До чего же слаб был человек, оскотинился по самое не балуй. Всем от шести лет и старше наладили учет, в определенной графе отмечая, кто к чему приписан. Так было проще.

Бывало, спрашивает учитель духовности:

– А сосчитай-ка ты мне наоборот от четырехсот семидесяти трижды! Или, не думая, шестизначное число произнеси. И где три раза ошибся, там и попался. Вот она – душа, спит и не ведает... А ее уже повели, как вола на заклятие. Вампир, оборотень, проклятый или пища... Преступность поползла вниз. Детишек теперь зомбировали насчет крамолы по душам. Бывали прецеденты, когда двое отпрысков из семьи вампиров, и тут уж кто кого переплюнет. И оба выходили болезные и сыпались жалобы. Ее Величество решала спор простым способом:

– Кто докажет лучшие организаторские способности, тому и вампиром быть!

Естественно не в ущерб казне.

И начинались травля и бойни. Их и без того было немало, разминались вампирчики, точили зубки. Стоящие зрелища снимали на пленку, чтобы доказательство было на руках. Взрослые отпрысков журили и драли ремнем, понимая, что ничего путного из дитяти не выйдет, если не сумеет по-

казать всем, какой он герой и право имеет носить высокое достойное определение. Молодому поколению нравилось играть во взрослые игры, не понимая, что, не достигнув половой зрелости, нельзя устроить свою жизнь по любви и с любовью. Детишки-проклятые вешались, топились, бродяжничали, прыгали с крыши. На погостах уже давно было не увидеть лица с морщинами. Не многие решались высказать несогласие, а точнее – никто. Но решилась проблема нехватки учителей. И каждый старался угодить духовному лидеру. Пришлось срочно открывать дополнительные семинарии.

Да что там! Поначалу он и сам нежился в лучах славы, когда Святые Отцы причислили Царствующих Особ к Личу Святых, объяснив всем вопрошающим, что стоят они у трона Спасителя и имеют от него благоволие казнить и миловать народонаселение, а, следовательно, при жизни встали по правую руку Его и рука Его на земле. Устроенное в честь Их Величеств шествие приятно изумило: какое примирение между двумя народами – человеком и вампиром, когда вместе он богат и беден, сыт и голоден, обут и раздет. В страдании народном – сила народа: вы – соль, вы – крепость...

Много было сказано добрых слов. Но потом Святые Отцы как-то слишком уж часто начали намекать, что за Святость надо платить... Пришлось построить закрытую церковь при Государевом Суде, ввести в Народную Думу, взять в советники, в школы вот...

Еще одно государство в государстве...

Его Величество так задумался, что прослушал Ее Величество, которая мило ему улыбалась, стоя рядом со Святым Отцом.

– Запасемся терпением. У проклятой Зов, наложенный тобой. Поманишь пальцем, побежит за тобой на край света. Я не бросаю тебя, я спасаю наш брак. Кто еще-то кроме тебя? Человека маг-вампира прочитает, оборотень в зверя превратится, а вампиру не ступить на Проклятую землю. Через горы Проклятая земля не переступит, а нам и этой части хватит оставаться Величествами. Мне надо достать твою проклятую во что бы ни стало, до других мне дела нет. Убьем и забудем, а Преосвященство грех замолит.

Его Величество насторожился, отгоняя грустные мысли.

– Так если мою... тьфу... мерзость убить, я могу вздохнуть спокойно?

– Мы всегда так поступаем! – ответил Святой Отец, будто разговаривал с поленом. – Ловим и на костер. Если горит, замечательно, не горит – бывает, приходится попотеть. Так у вас драконы есть, вы ими престол унаследовали! Самое место и время их применить. Зря хлебушек ваш кушают? Это ж какая сила в них запрятана! Он сам и есть проклятие на проклятых. Благородный муж не устоит, а тут особь женского полу. Царствие на земле и на Небе силою превозможем! Да разве ж мы себя спасаем? В чем сила, брат? – Святой отец положил руку на его плечо. И сам же ответил: – В нашем братстве! – и перекрестил его перстом.

Точно также прозвучали слова из уст самого Спасителя Йеси, когда он и его жена были допущены к Нему на прием. Спаситель, перво-наперво, прочитал им длинную пространную лекцию о всяком своем слове. Ничего нового Спаситель Йеся не сказал: повторил свои притчи, выдвинул предположения, что могло бы значить то или иное высказывание, приравнял четыре послания апостолов то к четырем концам света, то обзывая зверями по роду, то к мужеству, мудрости, правде и целомудрию, то к заповедям, угрозам, правде и обетованиям... Некоторое время рассуждал о своем появлении на свет, наивно удивляясь, как у него появились четыре брата и три сестры, если Иосиф не познал мать его Богородицу, обвиняя Иосифа в тайном многоженстве, а матушку в наивности, которая до конца дней своих верила, что детей приносит аист. Долго смотрел на трехкратное свидетельство, которое гласило, что мать его и братья стояли вне стана, и уговаривали его идти с ними домой, и одно, что братья его не верили и издевались, как над дурачком, посылая явить себя миру и стать известным, если такой, как о себе говорит – потом тыкал в следующее и восклицал, будто проснувшись: вот! Говорю же, не знал я их! Если не слушали, какие они мне после этого братья? Пока Он говорил, старческий дрожавший голосок из гроба усиливался сводами амфитеатрального строения, множественно отражался во всех направлениях, слышимый и спереди, и сзади, и с боков, и в уши, и летел в глаза, и звучал шишкой на голове.

Да-да, слово у святых Отцов было живое, но из гроба. И учились они ему у святых немощных мощей.

С тех пор так и повелось, как он какое действие затеял, служители Спасителя тут как тут. Самым строжайшим образом накладывают запрет на все его мероприятия по восстановлению экономики и борьбе с казнокрадством. И получалось, все вкривь и вкось, чему он же оставался виновник. Так было и с дурной травой и порошками, ввозимыми для испития крови на расстоянии. Уж лучше бы свои пили, а доходы можно бы и на восстановление здоровья выпитых потратить, и учет наладить, и выбить, наконец, рынок из-под ног иностранных завистников. Так нет, Спаситель не позволял своим травить своих, пекся об интернациональных отношениях. Или те же пошлые женщины, которым тоже... и пенсию по старости вынь и положь, и здоровье поправь. Где они, с кем, кого милуют? А так бы и стаж трудовой, и сами себе на здоровье и на пенсию, и присмотр какой-никакой. Опять же, строгий учет. И не искал бы, кто его самого обласкает, да так, чтобы в поте труда своего трудолюбивая женщина не угодила к жене на стол.

Его Величество позволил себе немного помечтать: сильно хотелось, чтобы не одна, а пятеро бы мяли его в своих пальчиках. Почему другим можно, а ему нельзя?!

И снова недовольство Отцов – как обозвать женщину падшей, если сам не без греха? Оказывается, прелюбодеяние, ворожба, книжничество, взывание к мертвым могли не столь-

ко навредить сим занимающимся, сколько открыть грех, положенный вампиром на проклятого. Вот, например, пришел Благодетель удовлетворить нужду свою, а потом проклятая посмотрела на муку свою – и все, и нет болезни. Или, пришел Благодетель к ворожее, заговорила она ему на доброе, а тут проклятая посмотрела на нее, и нет ворожбы, подняла и повернула против Благодетеля. Или сколько вреда, сколько растления от книг в книгах открыли! Слово должно быть твердым, да – да, нет – нет, а если смешается слово, и увидит проклятый, кому да, а кому нет? Или, а ну как каждый покойник начнет рассказывать, кому в государстве жить хорошо, и отчего хорошо? Попил Благодетель кровушки, а покойничек раз, и обратился с могилки к народу, тыча пальцем в достойного человека... А там, глядишь, и Дьявол пожалуйет Царства свои показывать, камни рушить и уминать их до хлебного предложения, выменивая на Благодетеля? Да разве ж соблазнится проклятый Благодетелем, если перед ним Царство выложат, разве ж пожалеет, разве не потащит на жертвенник, если выгода на лицо?

Так и спускали любое решение на тормозах...

И как-то так всегда выходило, что Ее Величество только выигрывала от их вмешательства, оставаясь надеждой и опорой в отечестве, и Матушкой, и Заступницей. Взять, к примеру, золотую рыбку. Во все концы мира летели гонцы, о любом подозрительном и сверхъестественном происшествии докладывая – и народ ждал, верил, надеялся.

А ему... ему поверили бы так безоговорочно?

Вряд ли... Стали бы считать, в уме прикидывать...

Пожалуй, проклятая бы ему самому не помешала. Минут на тридцать... Помощников найти нетрудно – без Отцов и Ее Величества. Не дурак, усвоил. Теперь, когда он знает, что почем, он и один управился бы, не так уж сложно: как хотите, чтобы поступали с вами, так и вы поступайте – а словоохотливые помощники засвидетельствуют деяния, обращаясь к народу. А то слишком многие о себе пекутся. Случилось нечто – и вот, он не у дел. Вроде и не плохо, масса времени появилась на отдых, на развлечения, на удовольствия, но из всех удовольствий остались только карманные средства, которые выдавала ему Ее Величество на игорные заведения, сначала ежедневно, потом через день, а теперь раз в неделю. И на резиновые куклы. И ему оставалось из всех развлечений честно проигрывать подачку от «государства» за занимаемое им место при этом «государстве». В покоях ее постоянно толпился народ, то приходил, то уходил, то валялся в ногах, вымаливая заступничества от Его Величества... Пришли бы к нему, попросили, чего жену беспокоить? Еще немного, и он будет этому «государству» совсем не нужен – хоть самому падай в ножки. И упал бы, но не при Святом же Отце!

– Да, Ваше Величество, с превеликим удовольствием, – ответил Его Величество, приближаясь к жене и загораживая проход. К черту этого служителя, семь «я» – дороже! – Если

не хватит достижений, зайдем у соседей. И дракону услужу. Но позвольте, милая жена, хоть к пальчику вашему губами приложиться!

Ее Величество сразу стала рассерженной.

– Это после того, что ты натворил, а я исправляю? – упрекнула она его, протягивая руку для поцелуя. – Все коту под хвост пустил, все, что дала тебе... Кстати, – она обернулась к Отцу народа и образцу духовности, – как там Котофей Баженович?

– Вспомнил, Матушка, вспомнил! Тоненький еще голосок, и чушь какую-то несет о мадам Маньке. Но думаем, это от потрясения. Надеемся, что еще неделя, и на всех каналах порадует народные массы своими сказками и песнями, открывая долгожданную истину!

– А принесите-ка его, надо понять, что за чушь он там несет. Его Величеству полезно будет послушать, – приказала Ее Величество Святому Отцу, который при примирении супругов проявлять доброе расположение сразу стал обоим.

– Сейчас, сию же минуточку, Матушка! – кивнул головой служитель.

Святые Отцы кланяться избегали, не пристало. Если кланялись, то всегда спиной. Но шипящие в речи Отца слушать было приятно. Его Величество с усмешкой проводил Отца взглядом, положив руку на плечо жены – как в старые добрые времена. Он еще Величество, и пока на жену влияние имеет, пусть и не так, как раньше. Нет, любимая, царствовать одна

ты не будешь! Его Величество нежно перецеловал каждый пальчик жены, чувствуя ее легкую дрожь. Теперь уже нежно, прижимая руки ее к своему сердцу.

Но насладиться близостью не удалось, кота внесли тут же, будто поджидали с ним за дверью. Может, так оно и было, Ее Величество любила кота безмерно, могла потребовать его в любую минуту. Такой обходительности и приятельских обольщений, какие имел в своем лексиконе Котофей Баюнович, ни у кого в государстве больше не нашлось бы. Чего греха таить, он сам не раз подглядывал за ними в щелку, записывал слово в слово, чтобы выучить и произвести на Ее Величество впечатление наедине. Разумеется, она понимала, откуда он это все берет, но не журила, а ласково гладила по голове, как своего кота, доставшегося ей от Матушки.

Но в последнее время ей было не до любимца...

Кот уже почти сформировался во взрослую личность. Шерсть его лоснилась, глаза зорко оценивали обстановку, уши прижаты к голове, пятая лапа исключительно подражала хвосту, задранному трубой, хвост на голове уложен колечком на подобие пуховой шишечки-шапочки, придавая его лицу милое выражение. Ее Величество сразу бросилась к нему, забыв о муже.

– Мой Баюнович, а как подрос-то, как подрос! Дай-ка я тебя поцелую.. Мма, мма, мма! Сколько ж мы не разговаривали-то, дружок!

Кот замурлыкал в ответ, обращаясь только к Ее Величе-

ству:

– Королева моя золотая, услада глаз моих, головушка светлая, лучезарная, царица полей, лесов и рек, ягодка моя садовая, простила ли ты своего котика? Мр, Мр, Мр...

– Конечно, конечно, Котофей Баюнович! Да могу ли я серчать на тебя, что не уберег тебя изверг... – она подняла кота на руки, поглаживая за ушками, передавая его Святому Отцу.

Кто был извергом, сразу же стало понятно, как только кот пренебрежительно посмотрел на Его Величество, как на преступника, распушил пятую лапу, выпуская на конце острые когти. Его Величество слегка стушевался – он понятия не имел, куда отправился кот.

Интересно, каким образом он мог помочь ему облажаться?!

– Поведай, друг сердешный, расскажи при всех, как убивали тебя лиходеи, видел ли проклятую?

И вдруг кот фыркнул, выгнул спину, глаза его сделались большими, он прыгнул из рук державшего его Отца на каминную полку, перепрыгнул на шкаф, взбираясь на самый верх и царапая лаковую облицовку, до крови разодрав Святому Отцу лицо.

– Не усмотрел... Упустил, Матушка! Злая девка! Злая! Уж и била меня, уж и била! Избы плакали!

– Да как же... – Ее Величество растерялась. – Неужто, Манька тебя?!

Она развела руками и с ужасом уставилась на кота. Его Величество приблизился, понимая, что сейчас, пожалуй, пришел его конец. Жена впервые... нет, не впервые, но раньше не с таким испугом, произнесла имя проклятой. Он с тревогой ждал, слегка побледнев, мысленно помолившись, чтобы амнезия кота оказалась неизлечимой. Кот вздрогнул, закатил глаза и свалился со шкафа, отчаянно мяуча. Минут пять он катался в истерике по полу, закрываясь лапами, изображая свое умирание, явно давая понять, что под каким-то тяжелым предметом, который был в руках у его убийцы, или сам он в руках убийцы. Наконец он остановился, встал на задние лапы и, по-прежнему продолжая рыдать, проговорил тихим жалобливым голосочком.

– Она, Матушка! Схватила меня, и ну давай раздирать на половины... Еле живой ушел...

– Да какой же живой, если дымом прилетел! – воскликнула Ее Величество, рассматривая кота пристально и с прищуром. – Как могла-то, ведь невозможно убить тебя человеческой рукой!

Кот на мгновение задумался и выдохнул:

– Так-так, золотая восходящая звездочка, Матушка-Благодетельница... Дымом... Не помню... А, так там еще старичок был, который на пороге догнал и кочергой меня, кочергой... – Котофей Баюнович заплакал, уронив несколько слезинок.

– А избы что же? Как впустили их? – гневно воскликнула

Ее Величество, поднимая кота с пола.

– Тоже, ласковая ясная зорюшка, тоже... Промолчали и покорились! Склонились к преступникам! – он положил голову на ее грудь, высмаркиваясь. – И меня склоняли! Мол, Манечка... – кот остановился, перевернулся и запрыгнул на камин, скривился и блеванул оттуда комком шерсти, – чертей повымела, злодейские замыслы повывела... Похвалялась, разлюбезное Пресвятейшее Ваше Величество, Матушку вашу убить и на косточках поваляться... – кот задумался, страшно кося в сторону Его Величества. – Или убила и повалялась?

– Вот, что я говорил! – воскликнул Его Пресвятейшество, доставая из рясы белый носовой платок, прижимая к поцарапанной щеке. – Бредовое его состояние – не признак ли неудовлетворительного самочувствия?! Да разве ж такое возможно? А враги там были?

Кот задумался, почесывая пятой лапой у себя за ушами.

– Может, были, а, может, не были... Помню, стоял... На берегу реки... С кем же стоял-то я? Были, госпожа сердца моего, были еще демоны! Страшные, глаза – во! Ротище – во! А зубы... От голода слюна капала, всю шерстку мне изгадила! В траве я сидел, под лопушком... Вас, Матушка Благодетельница, видел... Во множестве... Шли вы по бережку...

– Что?! – взревела Ее Величество.

– Это водяной с русалками, – пояснил Его Величество, оправдываясь. Он снова ненавидел проклятую, которая по-

кушалась на жизнь самых дорогих и близких. Что же за наказание-то?! И прикусил язык, вспомнив, как прореагировала его жена, когда он намекнул ей на удивительное сходство с водяными. – Я рассказывал...

– Господи, когда же она сдохнет-то, когда загнется?! – вскричала Ее Величество, обратившись к небу. – Чем им Котофей Баюнович помешал?! Ведь милейшее существо!

– Свят! Свят! Свят! – перекрестился Отец церкви. – Очистим! Изгоним! Сию же секунду... Вознесем очистительную молитву, всем миром!

– А дальше-то что? Что еще видел, Котофеюшка? – нетерпеливо потребовала продолжения Ее Величество, не обратив внимания на Святого Отца.

– Тыкву! Вот такую! – кот широко развел в стороны лапы, почесав макушку. – Свалилась на меня, когда я в кусточке сидел! С дерева...

– Да вот, Матушка, разве ж тыквы на деревьях растут? – с вымученным видом, Святой Отец обратился к Ее Величеству.

– Там растет, я видел, – оправдал кота Его Величество. Но кот не удостоил его взглядом, продолжая вылизываться и паскудно поглядывать в его сторону, будто видел не его, а проклятую.

– Нет, Матушка, Царицушка славного государства, больше ничего не помню, не стану ложные надежды подавать! – кот утирал слезы передними лапами и сморкался на подол

Ее Величества, спустившись на пол.

– А Манька-то, Манька, какова из себя? – поинтересовался Святой Отец.

– Глазищи – во! Страшные! Во рту огонь! Язык змеиный, ноги как столпы каменные, а руки... – и тут кот захворал, вытянулся, впал в горячку и замер, облезая шерстью.

Святой Отец склонился над Котофеем Баюновичем.

– Дышит? – поинтересовалась Ее Величество, вытягиваясь на цыпочках через плечо коленопреклоненного Отца, чтобы увидеть кота.

– Нет, Матушка. Самое странное в нем, – ответил Святой Отец, прощупывая пульс. – Никогда не дышит... И пульса нет!

– Валерьянкой напои, пусть проспит всю ночь. Завтра снова приведешь, – приказала Ее Величество.

– Слушаюсь! – ответил Отец, исчезнув с котом на руках.

– А ты, овца, похоже, закланная, – Ее Величество грозно повернулась в сторону мужа, зло сверкнув взглядом, – чтоб через три дня был у меня на докладе! Сутки туда, сутки обратно, полдня на поиски проклятой... Притащи ее! В твоих же интересах!

– А не боишься, что спущусь я к ней на крыльях дракона, и буду жить поживать и добра наживать? – усмехнулся Его Величество. Обида легла на чело, а сам он вдруг как-то сразу начал успокаиваться. К черту дворец! Три дня без постных и глумливых лиц хоть кому пойдут на пользу. Отпуск не со-

стоялся, так хоть выходные проведет по-человечески. А там, глядишь, и голова прояснится, а то в последнее время мыслей много, а умных среди них нет.

– Спустись, полюби... Если сможешь, – усмехнулась Ее Величество. – Этот... Зов и Проклятие... они... Ненавидеть будешь до конца дней своих. Это она у нас объективная, ей никто другое и не оставлял, а ты... А ты, милый, магнит всему царству, – она тоже вдруг начала успокаиваться, меняясь на глазах. Вернулась уверенность, окреп голос, весь вид ее стал медово-сахарный.

И сразу Его Величество заметил, как одна из голов дракона заглядывает в дворцовое окно, и еще одна другого дракона смотрит через другое окно, и еще...

В последнее время это было не в первый раз, когда он внешне улавливал присутствие и слежку драконов, когда один лишь их взгляд обращал жену в каменную скалу. Между ними было что-то общее, будто их связывали не просто служба и дружба. Драконы исподволь следили за ним, даже когда они с женой находились наедине в спальне, и она позволяла им положить голову на постель и гладила ее, забывая иногда о нем, но раньше он почему-то не обращал на это внимание, не помнил о них, не смущался и не придавал значения их присутствию. Сразу стало не по себе. Он навалился на стол, чтобы не упасть, когда закружилась голова и подкатила тошнота.

– Представь-ка другую-то на моем месте... – долетел до

него голос Ее Величества, вернув в кабинет. Головы драконов исчезли, и он уже не был уверен, что видел. Хотя... Клыки Ее Величества открывались ему точно так же, вдруг, на мгновение, будто он проваливался в другую реальность. Голос жены звучал пространственно, будто она говорила и в нем самом, приходил снаружи и поднимался из глубин, вибрируя, когда проходил сквозь него, вызывая приятную истоми и разливаясь благодатным огнем.

– Представь, представь! То-то и оно. Я знаю, как покажется она тебе, видела, полюбовалась на своего – хуже нет никого. Я тебе и душа, и жена, и Царица... Пора бы уже начать объективно мыслить. А то я по-всякому придумываю, как уберечь нас от беды, а беды-то, поди, и нет никакой... Надеюсь, справишься с собой, не убьешь ее сразу... – она замолчала, прошла к дверям, и, уже открыв ее, обернулась и приказала: – И дракону исполнишь, о чем попросит! – и сразу же твердым шагом покинула его кабинет.

– Слушаюсь и повинуюсь, Госпожа моя! – ответил Его Величество тихо, провожая ее взглядом.

Сердце кольнуло, но почему-то в правом подреберье. Да, жена имела над ним неограниченную власть, как и над всеми, на кого обращала свой взор. Он уже не надеялся на благополучный исход примирения. Она была права, как всегда: он стал бы искать встречи с проклятой лишь для того, что снять с нее шкуру. Вампиры ненавидели человека, особенно человека, с которым он был повязан, и всякий раз встре-

чи заканчивались или побоями, или летальными исходами. Предостережение жены было вполне обоснованным. После такой встречи внезапно на лице вампира начинали проступать те же черты, что и у проклятого, поворачивались к вампиру направленные на проклятого болезни – и никто не мог этого объяснить. Убийство, даже с приятными словами, все же оставалось убийством. Поэтому вампиры избегали встреч с проклятыми, как с зараженными чумой.

Его Величество почувствовал, как возвращается досада. «Сдохнуть мне что ли?!» – подумал он с тоской. И тут же поймал себя на мысли, что так думать мог только проклятый. Несомненно, он завидовал жене. Зависть была осознанной, он не чувствовал ее, он знал, что именно таким, как жена, хотел бы стать, чтобы предстать перед народом. Почему проклятие не действовало на чудовище? Кто помогал ей справиться с ним?

Тоска стала еще сильнее, когда он обратил мысли на жену. Именно она допустила, чтобы проклятая стала ему могилой и западней, а теперь отворачивается. Он поднял их на такую высоту, о которой другие не смели мечтать, и вот, все разваливалось в пух и прах, утекая между пальцами. Будто не чувствовала, что он все тот же, и сердце его, как драгоценный алмаз, трепетно сохраняло великую любовь, которую он познал и пил, как напиток богов, пылая бесконечной нежностью, которая разливалась во всем теле, искрилась и играла всеми гранями. Будто не видела в нем этой любви, будто не

слышала, как он зовет ее и тянется к ней. И это была не ревность, она оставляла его, бросала голодной своре, на которую он уже не мог прикрикнуть, ибо она встала между ними.

«Проклятую надо убить! – твердо и спокойно подумал он, без малейшего сомнения. – Но убить так, чтобы превозмог вампир!»

Из своего кабинета Его Величество приказал приготовить ему еды на неделю (Слава Богу, наконец, поест по-человечески), теплую одежду и дракона. Потом быстрым шагом прошел через приемную, бросив ожидающемуся его человеку с бумагами «После!», выскользнул в коридор, спустившись по потайному ходу на лужайку перед дворцом, где его уже дожидался экипированный и оседланный дракон.

Глава 3. Проклятая земля

Дракон летел быстро. У полуразрушенного древнего города, над которым они пролетали, он снизился и пролетел так низко, что почти задел крылом высокую башню превосходно сохранившегося здания. Всеми двенадцатью головами он высматривал что-то на земле, пугая туристов и охранников. Люди разбегались в разные стороны. Людей, приветствующих дракона, почти не было, разве что лоточные продавщицы. Его Величество город тоже рассматривал с любопытством, до этого он видел его только на фотографиях. Руины возносились к небу в виде огромных статуй, колон, когда-то великолепных дворцов, ныне с просевшими и обвалившимися крышами и стенами. С высоты город казался огромным. Как его не заметили раньше, оставалось загадкой, тайна хранилась у всех на виду. Раскопки велись в ускоренном режиме, пока в тех местах, где своды подземелий быстро обрушивались, вымываемые водами. Укрепляли каменные и кирпичные кладки, чтобы дать городу новую жизнь. Рук не хватало, но не каждый желающий мог стать участником экспедиции – тут оставалось еще много добра, и до полной их оценки было далеко, случайные люди могли развратить проверенных или сплотится и образовать бандитское формирование, которых в государстве было немало. И тогда все клады скоренько окажутся вне пределов досягаемости, где-ни-

будь в подвалах коллекционеров того же Три-пятнадцатого государства.

– Мне нужно туда! – сказал дракон, обернувшись к нему тремя головами.

Его Величество подсчитал: если дракон задержится, то к обозначенному сроку они не успеют. Супруга дала ему не так много времени. Попасть в Проклятую землю нужно было днем. Мало приятного заблудиться в зарослях и застрять там, вызывая подозрение. Он досадливо поморщился.

– Нет, – твердо сказал Его Величество. – Уже ночь почти, что мы там увидим? Ждать до утра я не могу, времени нет. К утру будем в земле, до изб полдня и обратно полдня, ночью вернемся, а послезавтра у нас в распоряжении будет целый день. Осмотрим город на обратном пути.

– Нет! – сказал Дракон. – Я спускаюсь.

Его Величество в отчаянии выкрикнул, понимая, что теряет последнюю надежду услужить Ее Величеству.

– Ночью, я не смогу вернуться от земли, ты что же, предлагаешь мне остаться там на ночь? Если мы переночуем здесь, а завтра с утра осмотрим город, мы прилетим в Проклятую землю только ночью. Еще не известно, что меня там ждет! Не забывай, ты сыт взглядом Ее Величества, но пищу даю я! – напомнил он твердо.

Дракон не ответил – захохотал и взмыл ввысь. Его Величество облегченно вздохнул, доставая карту, не обращая внимание на смех: дракон часто вел себя с ним подобным обра-

зом – невразумительно. И потом, когда обижался, лишь снова поднимал его на смех.

На этот раз Его Величество решил не давать дракону повод.

Ему удалось как следует выспаться, пока дракон летел над пустынной дорогой мимо гор. Он пробудил, когда заалел горизонт. Проклятые земли обходили стороной, никто не спешил в ту сторону, разве что с другой стороны, там, где раньше были Мутные Топи. А к расположенным вблизи селениям пробивали новые дороги, чтобы оградить местное население от влияния бунтовщиков. Лишь однажды, когда они почти долетели до места, ему показалось, что он увидел костер, и мелькнули тени – и дракон, обернувшись, предупредил:

– Тут они были, я видел свет...

– Не удивительно, не сидят же они на месте! – ответил Его Величество, рассматривая местность через бинокль, не заметив ничего подозрительного.

Костер оказался лишь игрой теней и отблеском зарева в небольшом ручье. Но следы указывали на то, что предатели вернулись в Проклятую землю, и изредка покидают ее. Скорее всего, ходили в селения, которые были неподалеку, на их наличие указывали сжатые поля и выкошенные луга, которые пестрели стогами соломы и не полностью вывезенного сена. Мало ли что понадобилось – соль, сахар, спички...

– Хм, там везде оборотни, мы бы уже знали... – не согла-

сился дракон, пролетая теперь над дорогой зигзагами, чуть медленнее.

Проклятая земля увеличилась раза в два, а то и в три... Дракон обогнул ее по краю со стороны гор, остановился, зависнув в воздухе. Не имело смысла осматривать всю землю, и так понятно, что и там, на востоке, она увеличилась в размере. С высоты граница ее четко просматривалась. Заметив избы и убедившись, что они все еще на месте, дракон опустил. Проклятая земля уже обогнула со всех сторон озеро и захватила подножие гор, ему пришлось выбирать для себя место на горе. Но зато отсюда край луга у реки и лесной массив просматривались, как на ладони.

– Тут же еще нет ничего, мог бы и ближе подобраться, – недовольно проворчал Его Величество, сбрасывая рюкзак и спускаясь по лапе.

– Нельзя! – прорычал дракон всеми двенадцатью головами. – Тут заканчивается огонь, который уходит вглубь горы чуть севернее, – он кивнул одной из голов, указывая направление, внимательно изучая местность остальными.

Видимая граница была лишь следствием проявления силы, которая поднималась из-под земли много дальше, охраняя подступы к озеру и реке с обширными лугами по обеим сторонам. Без сомнения, огонь поленьев разогревал землю. Изобилие сочной травы приманивало стада животных, а за

ними хищников. Имея непостижимое человеческому глазу зрение, все его двенадцать голов видели одно и то же. Но даже ему, имея перед глазами свершившийся факт захвата земли странным поленом, было трудно поверить в увиденное. Всего один человек – и огненная стихия вырвалась на волю...

Как мог один человек сокрушить тысячелетиями установленный порядок?

Глухая тоска изъедала его внутренности, и он, кажется, отпустил бы боль на волю, если бы вылупился хоть один детеныш. Проклятый человек, который должен был дать потомству крылья, подняв их в Небо, убивал одно яйцо за другим, упреждая его появление.

Будь проклято это полено!

В последнее время он, как и его союзники, не испытывал к Его Величеству ничего, кроме неприязни и плохо скрытого раздражения. Хозяин... скорее, раб госпожи, или жены, его жены, дракона, которая открыла ему чрево, был туп, необразован, непослушен, а еда не сытной, пресной и ядовитой. Хорошо, что раб не знал о договоре, который связал их обоих до смерти, принудив служить госпоже до последнего вздоха. Она была самкой, которая оплодотворила яйца, а он отложил их в чреве раба. Если бы не договор, который уже полностью овладел им, он давно бы поменял хозяев, или захватил трон, убив обоих. Бывали времена, когда дракон вырывался на свободу – и вся земля становилась как место, над

которым он был поставлен. И не только люди, но и вампиры трепетали при одном его имени.

Пока не приходил проклятый человек, и не приносил несчастье...

Как-то вдруг, когда казалось, что нет ни малейшего шанса вынырнуть из тьмы веков, один из миллиарда живых и мертвых таких же проклятых... Даже драконы не могли объяснить, как поднимал он знания, которые уничтожались веками между их пришествиями. И стоило им появиться, как они снова и снова шли к тому месту, где лежали поленья, как будто притягивались магнитом. Остановить его он мог бы – так уже было, если бы выманить его из Проклятой земли, но такие проклятые отличались повышенной прозорливостью, зачастую предугадывая опасность. Оставалось выманить с помощью вампира, бросая его проклятому человеку, который единственный мог проникнуть на запретную территорию, чтобы они разобрались между собой сами.

Дракон усмехнулся, взглядом одной из голов обласкав Его Величество, который собирал в дорогу рюкзак. Старая карга вынесла хороший урок, забив вампира, которого они ей привели, насмерть. Немного прошло времени, когда ужас поднятого в Небо вампира настиг ее саму, обратив в свинью. Злобная тварь наступила на саму себя. Не лучшая участь ждала и тех, кто соблазнялся посулами вампира, обращаясь с ним, как с костью земли. Капать на мозги вампиры умели. Когда на земле не оставалось человека, земля начинала

остывать. Вариант был беспроигрышный. Через сорок лет от земли оставались лишь булыжники и поленья.

Вампиры обычно хоронили их в тайных недоступных местах. Сначала топили. Но случилось то, чего не ожидал никто: драконы вдруг начали засыпать один за другим на века, и вроде бы были тут, среди всех, но их никто не видел и не чувствовал, кроме драконов, которые бодрствовали. Точно между драконом и поленом была какая-то связь. А когда сообразили, драконов почти не осталось. И сразу испугались – не всякий вампир готов был отказаться от услуг дракона. Дракона могла удержать единственная клятва – клятва на поле стать вампиру женой или мужем, чтобы произвести с ним потомство.

Он уже отложил яйца, и госпожа оплодотворила их, осталось лишь поднять детенышей в небо...

И вдруг наступила тишина, и пустота... источник силы иссяк. И потомство гибнет.

Там, где текла река крови, теперь вода, ядовитая, как слюна дракона. Как выпить проклятую, если она стоит на клятве ногой, если ее жало, как зуб дракона, и каждый укус достигает цели от края земли, а раб, который носит в себе потомство, не может его защитить?!

Его Величество почувствовал, что дракон на него зол.

Дракон всегда на него сердился, когда ему удавалось настоять на своем. Странно, что каждый раз, когда скрещива-

лись интересы дракона, Ее Величества и его собственные, он считал себя виноватым и тяготился своей виной, сдаваясь первым. В последнее время драконов он начал побаиваться. Он вдруг осознал, что один их взгляд превращает его в растение. Они постоянно следили за ним, исподтишка, словно бы управляли им. Но влияние их несколько ослабло, и он вдруг понял, что не цепенеет, как раньше, замечая, как приходит к нему чужая воля, выкачивая силу, заменяя одно содержание мыслей на другое, как когда заметил их в окне своего кабинета.

Слегка испугавшись драконьего гнева, он торопливо буркнул «спасибо» и шагнул на спасительную территорию, углубляясь в заросли.

Спасительная ли? Он шел в стан врага...

Примерно через два часа пересек гряду холмов, прилегающую к озеру, которая преградила ему путь, еще час шагал вдоль берега озера и, наконец, оказался там, где впервые увидел проклятую землю. Здесь ненадолго остановился, всматриваясь в глубину леса, который звенел голосами. Стояла душная жара, как в середине июля, в теплой одежде он сразу пропотел, по спине потекли струйки пота. Но беды пока ничто не предвещало, земля не сделала ни одной попытки задержать его.

«Нигде такого нет!» – подумал он, выбирая место для завтрака, снимая с себя теплую куртку, залюбовавшись полевыми орхидеями, яркими люпинами и маком.

«Почему ее называют Проклятой землей?» – задумался он, недалеко от себя заметив кусты малины, которая еще цвела и плодоносила. Неподалеку молодая яблоня с сочными плодами, обвитая плющом и хмелем, нагибалась молодыми ветвями до самой земли, по всей опушке рябины, с кистями оранжевых ягод, и орешник.

Люди здесь бывали: едва приметная тропинка со следами человеческой обуви вела вдоль опушки, многие кусты были поломаны, но в лес не заходили – тропинка обрывалась и сворачивала в сторону. Значит, предатели могли легко завербовать сторонников, которые добудут сведения и снабдят всем необходимым – и укроют, если придется прятаться в другом месте.

Его Величество попробовал ягоды на вкус.

Яблоки оказались кисло-сладкими, сочными. Натуральный продукт прокатился по пищеводу, не вызывая ни рвоты, ни поноса. Яблоки ничем не отличались от тех, что он ел во дворце, может быть, даже вкуснее. Он сбросил с себя рюкзак и вынул из него завтрак, уложенный в контейнер. Повар постарался на славу. Тут были запеченные мясные антрекоты, политые грибным соусом, с кусочками заморских фруктов, суп-пюре с белым вином и рыбой, термос с кофе. Кофе он выпил сразу две кружки, от супа избавился, но с удовольствием съел антрекот и доел яблоко. Потом собрался, шагнул под сень деревьев – и замер.

Лишь пара сорок, заметив его, сорвались с места и унеслись в глубь Проклятой земли. Молодой лес за лето успел подняться, буйно разрастаясь. В нем совсем не чувствовалось дыхание осени. Многие, на первый взгляд привычные деревья и кусты удивляли обилием цветения, уживаясь друг с другом, заполняя участки, на которых в обычное время не росли. Даже мох здесь был какой-то особенный, слишком зеленый и высокий, а редкий папоротник достигал размеров куста в рост человека.

Чуть дальше – и голова его пошла кругом.

Многим растениям здесь было не место, многие – не имели названия, будто он попал в густонаселенные джунгли. На него никто не обращал внимания – снующие по своим делам животные, натаптывая целые тропы, пробегали у самых ног. Он едва не столкнулся со стадом диких свиней, похрюкивающих и выискивающих в земле сочные корни и трюфели, брезгуя орехами, которые в изобилии осыпались рядом, грибами и ягодами, которые хрустели под ногами. И невольно пришли на ум рассказы о местах, зараженных радиацией.

Он шел долго и быстро, почти бегом. Лишь один раз ему показалось, когда резко обернулся на громкий хруст сухих ветвей, как некоторые деревья вдруг отступают вглубь леса, когда он проходит мимо. Стало не по себе, и он прибавил скорость, внезапно сообразив, что предатели могут иметь представление о маскировке. Возможно, оборотни не чувствовали следы, потому что маг умело использовал парфюм,

чтобы скрыть свое присутствие.

Обширного открытого пространства на берегу реки, продираясь сквозь густые заросли, он достиг лишь часа через два, остановившись у самого края опушки. Он словно попал в сон, изумленно рассматривая преобразившийся обширный луг (скорее луга, тянувшиеся по берегу реки), который видел несколько месяцев назад.

Война обошла эти места стороной. Здесь стало еще красивее и сытнее, чем в первый его приход. Избы паслись неподалеку, у противоположного края поля, по очереди прохаживаясь взад-вперед, оставляя после себя борозды.

«Пашут! – догадался Его Величество и сразу почувствовал горечь. – Жили бы рядом с дворцом, никто бы не заставил работать! – сокрушенно подумал он, невольно подсчитывая урожайность. – Жиреют тут... Столько добра пропадает, а люди и вампиры голодают!»

Никогда ничего подобного он не видел – досада его лишь усилилась.

Ближе к берегу, в том месте, где он останавливался в первый свой приход, не доставая тенью небольшого озера и разукрашенного колодца, рос большой дуб, увешанный желтыми наливными плодами, но не раскидистый, а устремившийся каждой своею ветвью в небо. Недалеко от него, как раз посередине между колодцем и плодоносящим дубом возвышался небольшой навес, дыряво прошитый досками. Рядом – открытая летняя печь из камней и кирпичей и длин-

ный широкий резной стол с удобными вместительными скамьями с четырех сторон. Туда он и направился, в надежде, что его заметили и не преминут выйти навстречу.

Он двигался медленно, старясь подавить животный страх: воспоминания о саблезубом охраннике колодца с живой (а может, мертвой, как считали вампиры) водой были еще живы, и глаза непроизвольно шарили по сторонам, выдавая волнение. Быть растерзанным каким-то хищником в его планы не входило, предстать перед предателями он желал как грозный Царь, но ноги с каждым шагом слабели, путаясь в траве, и походка его вряд ли показалась бы уверенной.

Казалось, пряные травы и всевозможные овощи зачались здесь от самой земли. Семена будто смешали и рассыпали, и они росли сами собой, как дикая сорная трава. Глаза его стали еще круглее, когда он чуть не запнулся за утонувший в широкой розетке листьев ананас. Продираться приходилось через заросшее сорняками поле капусты, достигающей размеров плотного бочонка, а цветная, уже на капусту походила мало, доставая пояса.

Похоже, кроме зайцев, коз и зеленых жирных гусениц никто ее здесь не ел. Дальше начиналась спаржа и лук, фасоль и горох, бамбук, и что-то похожее на коралл.

Предатели не бедствовали...

Заросли помидорных кустов, опирались на высокие стебли бамбука, висели, как яблоки. Изнемогали под тяжестью плодов, ломались от ягод сливовые и вишневые кусты, огур-

цы обвивали тонкие рябины. Дыни, арбузы и толстые кабачки валялись на земле, как поросята. Удивляя выживанием, стелились и поднимались виноградные лозы, опираясь на черемухи, рябины и забор из лыж. Наливались спелостью пшеничные и ячменные колосья, занимая целое поле, и, казалось, начинаются они чуть ли не от земли – зерна были ненормально крупные, ядреные, ссыпались в ладонь от малейшей примятости.

И снова грядки с овощами, а дальше – поля цветочные и плодово-ягодные кусты...

Чуть поодаль от огорода мирно паслись животные. Стада рассыпались вдоль реки, пощипывая травку и стряхивая назойливых мух и оводов. Буйволы, олени, овцы, козы, лошахи и сайгаки, будто не замечали ленивых хищников, которые или грелись на солнце, или играли между собой, отгоняя зверей от посевов пшеницы. Его Величество заметил несколько коров и лошадей, удивился пестрым зебрам, которых здесь никак не могло быть. Но, пожалуй, не только их не должно было быть – на реке плавали птицы, которые, очевидно, забыли, что им пора собираться в дальние края. Пара лебедей дралась с огромной сиренево-красной птицей за разорванную тушку лосося. Рядом пробежал горный козел, метнулся в его сторону и отскочил, заорав, будто его собирались зарезать...

По всем стадам тут же пронеслось смятение, и хищники насторожились, недобро посматривая в его сторону. Его ве-

личество замер, похолодев от страха.

«Охотников на вас нет! – с неприязнью подумал он, пробираясь к навесу, не без иронии поймав себя на мысли, что, если здесь появится человек, от этого места через неделю останутся лишь легенды.

Из воды высунулся водяной, вылез на берег, слеповато щурясь на солнце, пошлепал к избам, которые повернулись к нему передом.

«За пирогами!» – мелькнула догадка.

Но скоро водяной вышел без подноса, а избы захлопали ставнями, защелками и замками, угрожающе приблизившись к тому месту, где стоял Его Величество, остановившись на краю поля.

«Меня встречают!» – усмехнулся он, немного повеселев. Дома, очевидно, никого не было. От сердца сразу отлегло. По крайней мере, заклятия накладывать некому.

Интересно, где же они пропадают?

Поведение изб его несколько расстроило: избами его не соблазнишь, по сравнению с дворцом, они выглядели и маленькими, и суковатыми, с растительностью на крыше, из угловых бревен торчали ветки, покрытые листьями и цветами – но стало обидно, все ж не чужие...

Водяной на этот раз не ушел под воду, а прошлепал в его сторону, присвистнув.

И вдруг одно из деревьев, мимо которого он только что проходил, зашевелилось, и к водяному присоединилось не

менее страшное и уродливое существо. Его Величество слегка струсил, насторожился, сообразив, что в отсутствии чудища и ее подельников, эти двое, наверное, были за главных... Спрятал подрагивающие руки за спину, шагнул в их сторону, слегка наклонив голову в знак присутствия.

– С чем пожаловал, ваше-с-тво? – по-змеиному прошептал водяной.

– Да вот, думал урожаем у вас разжиться, – развел руками Его Величество, улыбнувшись во весь рот белоснежных зубов, над которыми долго трудился царский стоматолог. – Хотим показать народу, что вы... как бы это сказать... не страшные – и добросовестные налогоплательщики... – ласково и вкрадчиво проговорил он, не выпуская из виду крижистого.

Завалить его эта деревяшка могла легко, ростом корявый был на две головы выше и при его несурзанности двигался легко, слегка пружиня.

– Не дождетес-с-сь, шлем-с привет-с казне, что еще-с-с? – водяной прищурил оба глаза, продольные зрачки у него сузились в тоненькую полоску. Теперь он и в самом деле походил на змею, но серовато-зеленые толстые скрученные волосы с остатками тины и руки с межпальцевыми перепонками сходство сводили на нет.

– Повоевали, пора контакты налаживать... – Его Величество постарался улыбнуться, но понял – не получилось. – Зачем, когда можно дружить! Я смотрю, народу тут у вас не

густо.

– С вампирами что ли? – насмешливо проговорил водяной обычным, непривычно высоким и звенящим голосом, потеряв в говоре свист.

– А Мани, Мани разрешение есть? – с издевкой прогудел кряжистый, словно засвистел ветер.

– Так это... – Его Величество растерялся, не ожидая, что водяной и кряжистый поставят прокляту на первое место. На мгновение он потерял дар речи, продолжая наивно и доброжелательно улыбаться. Подозрения его, совершенно нелепые мысли, которые иногда приходили, когда в одиночестве он думал о проклятой и старике, вдруг самым неожиданным образом получили подтверждение. – Второй раз прихожу, а нет ее... Не одни вампиры среди племени нашего живут, – обиженно добавил он. – Я Царь, и обязан думать обо всем народе. Не было бы Царя, кому бы в голову пришло проводить реформы?! Уживаемся. Никто не жалуется.

– А кому у вас там жаловаться? – усмехнулся водяной, не спуская с него глаз. – Не-а, народу на волю никак нельзя, буйный становится. Перевероты, революции... А так, как только крамола – в ум, отрезал голову – и нет крамолы. Без пригляда за всеми крамола вылезит как-то вдруг – из тайной – сразу в явную. Хи-хи-хи... – ядовито хохотнул он.

– По делам она... Люди пушай, людям смотреть можно, – сказал кряжистый, одернув водяного. – По-деловому. Дадим мы...

– А рыбоньки не желаешь ли? – похлопал глазами водяной, обращаясь к Его Величеству, явно не поддерживая кряжистого.

– У вас и золотая водится? – пошутил Его Величество. – А то супруга заела, золотую рыбку просит. Ума не приложу, где достать, как достать?

– Нам-с ваша-с проблема известна, намедни не имеем-с, а как получим, сообщим-с-с... – водяной обратился к кряжистому: – Один раз посмотрели-с, воевать пришли-с-с-с..

– Осознали! Исправились! – торопливо проговорил Его Величество, оправдываясь.

Он слегка наклонил голову, скрывая усмешку. Подобный образ мышления был и у людей, но не у вампиров. Похоже, согласия между двумя обитателями земли не было, а дипломатию и ее тонкости ни тот, ни другой не изучали, говорили при нем, напрямую, не успев договориться заранее.

– Мы же не поняли, с чем столкнулись, – он присел на краешек скамейки, заложив ногу на ногу. – Не мудрено. И нас понять можно! – покаялся он. – Вы... как бы это сказать... не совсем законно оккупировали неприкосновенные государственные земли, нарушая территориальную государственную целостность. И мы не можем допустить... Вся соль в том, что...

– Мы соль солью не солим, чтобы солонее осолить. Всякая соль сама по себе червь. Не всякого солью солите, кого-то огнем, а кого-то солью... Но соль, она и есть соль – соль в

человеке, милый, это подагра, артрит, ишемическая болезнь и засохшие почки... Ибо червь, хоть с той стороны огнем, хоть с этой солью. Лучше шепотка соли на столе, чем запа-сы в костях. Не должен иметь человек в себе соль, а соль на земле – пустыня. Это наша земля... – недовольно перебил водяной. – Границы нужны не человеку, а вам, чтобы держать человека в неволе. Стало быть, поумнели?

– Государство в государстве, – возмущенно парировал Его Величество. – Далеко собрались разрастаться? – поинтере-совался он, внезапно осознав, что палец им в рот не клади. На соль наступил – и прогорел.

Неожиданно столкнувшись со скрытой враждебной идео-логией, он почувствовал себя не в своей тарелке. «Ибо вся-кий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится» – и в самом деле, как-то он раньше не подумал, что один огнем, второй солью, а соль-то, так и так на себя самого...

– Что такое государство? И что такое граница? – покачал головой водяной, прищелкнув языком.

– Это жизнь, это быт, это уклад, язык, общество, закон... – нахмурился Его Величество.

– Жизнь сегодня у вас, Вашество-с, есть, а завтра бабушка надвое не скажет. Бытовуха она и есть бытовуха – как поло-жил вампир, так и покладена. Язык переставляется с место на место языками незнакомыми и тайными, а они для всех звучат одинаково. Общество у человека – он сам. И законен ли ваш закон, если Закон не соблюдает? Высмеивался чело-

век рабством, и будет высмеиваться. Была земля, и были народы, и ходили друг к другу в гости. И говорили, здесь земля Петрова, здесь Иванова, а там Сидорова. А земли их называли краем земли. И ходили по земле странники, и смотрели, и учились, и учили, и не гнали чужеземцев. Но вот пришел вампир: и увидел – хорошо Петрову, Иванову и Сидорову. И пожелал он землю их, и самих их, чтобы работали на земле, и другие вампиры не отняли, установил границу и законы, которые охраняли бы его.

Царь, пошевели мозгами!

Вся земля наша, от края до края – мы духи ее. Любим, когда на нас работают. Закон у нас свой, Он при создании мира в Тверди высечен. И по Закону тому, ты можешь считать себя нашим имуществом. Ну, или... больным человеком. Язык наш, может, сам по себе допотопный, но говорят на нем и черви, и огонь, и мы, и земля, и соль... Для нас он не тайный, владеем мы им в совершенстве – и страшно правдивый. По себе знаем, наступи на границу – и нет границы.

– Ты это... сними мудайло с головы... Он мне как быку красная портянка! – кряжистый набычившись смотрел на Его Величество, но не на лицо, а куда-то перед лицом в пространство. – Я Паркинсоном не страдаю, ну, раз помолился, ну, два... Что бьешься головой?

– Сейчас Маня постучит им о дерево... – хохотнул водяной, и оба уставились на Его Величество.

Прошла минута тревожного ожидания. И вдруг как-то ра-

зом расслабились.

– Ну вот-с-с, я же говорил-с! – просвистел водяной. – Теперь какой есть-с-с... – акцент у него снова пропал. – Смотрю на тебя – ума нет, земли нет, чем пришился к Манюшке нашей?

«Они маску увидели!» – догадался Его Величество и покраснел. С такими дипломатия, пожалуй, уже и не наука...

Что?!?

Его Величество вздрогнул – проклятая сняла маску?!?

Продолжая улыбаться, он похолодел. Быть голым на виду у вампиров – равносильно самоубийству. И побледнел, наверное, впервые осознав, что проклятая точно так же держала его в руках, как он ее, насылая заклятия. Заклятия он никак не чувствовал, не ощущал. Обычно проклятые так же не чувствовали Зова и клятвы вампиров, но последнее уже вызывало сомнение.

– Наследница богатая знатной плеточкой охаживает, – хотнул кряжистый, толкнув водяного в бок, – чтобы, не дай Бог, подол нашей Манюшки не выпустил... Бедному без богатого не достать Благодетеля! – оба покатались со смеху. – Жучками с нами решил обменяться... – он махнул сучковатой рукой, утирая корявым пальцем уголки глаз, будто смеялся до слез. – Выбирай, какие тебе больше по нраву? У нас есть и с тылу, и спереди, и с боков, и исподнизу, и на навоз, и на мертвечину, и те, что по коре и под корой... Убежать не хочешь? – несколько озадаченно спросил кряжистый, от-

ступая в сторону и освобождая дорогу к опушке. – Тучи надвигаются, с минуты на минуту ждем...

– Я?! – Его Величество подавился слюной.

Он и убежал бы, но решил, что дать им урок стоило. Сознаться, провалиться сквозь землю хотелось. Обычные вампирские штучки на них не действовали. Оба господинчика дали понять, что не собирались выслушивать повести о нем от него самого – знали, или делали вид, что знают. Неудивительно, что чудовище здесь прижилось – одного поля ягоды.

Поди, и проклятие снимать учили...

Его Величество снова похолодел, нащупав в кармане жучки – тут же отбросил мысль сунуть их куда-нибудь.

Неужели его догадки верны и вампирами правит тот старик и проклятая?

С сожалением бросил взгляд в сторону изб – все же, жены имущество. Избы, не обращая на него внимания, продолжали распахивать поле. Получалось у них ловко.

– Ну что ж, ваша воля, хозяин барин. – сказал он с сожалением. – Тут у вас все падает и гниет, а вы чуток пожалели?! Для людей?! Для человека?! Ведь не для себя! Для меня ваша продукция, знаете ли, отрава! Но человеческому племени не вечно голодными ходить. Я, можно сказать, жизнью рисковал, спускаясь в вашу... в ваши уголья! Мы согласны пойти на мировую и закрепить ее за вашими людьми.

– И те яблочки? – водяной ухмыльнулся, хитро подмигнув и кивнув в сторону дуба не дуба, а не яблони.

Его Величество заметил, как кряжистый торопливо наступил водяному на ногу.

– Бери, – сказал добродушно кряжистый, но доброты в его голосе не прозвучало. – Все бери, что плодоносно. Но к тому дереву, – он указал на дерево посреди поляны, – близко не подходи! Это Мани нашей молодильные яблочки! С вами, с вампирами, без них долго не прожить. Сам понимаешь, бегать нам за тобой неохота и времени нет, чтобы на нежить его тратить. Насобираешь, сложишь туда, – кряжистый указал на расписной широкий и длинный стол, которому позавидовали бы во всяком дворце. – Я проверю! – предупредил он и проворчал недовольно: – Надоели вы с вашей продолжительной жизнью!

Его Величество насторожился: проклятая, похоже, жила тут, как в сказке. Изба есть, огород... Захочешь помереть с голоду, не помрешь. Голая пойдет, никто пальцем не ткнет, и не замерзнет. Пожалуй, так никогда вампиром не станешь! Если у нее молодильные яблоки, она запросто переживет хоть какого вампира...

Он чуть слезу не пустил от досады – здесь ее с такой охраной не достать.

Оставалось выманить...

Если наплетет про любовь, про цветы, про сопли с сахаром – душа все ж – вдруг соблазнится?

– Не дано ни люду, ни вампиру с него есть, – вкрадчиво и с умилением произнес водяной, с любовью бросив взгляд в

сторону дерева, в голосе его сквозила гордость.

Кряжистый опять наступил на ногу водяному, и тот виновато замолчал, будто нашкодил. Кряжистый махнул рукой, протонав в его сторону «э-эх!», и пошел прочь, остановившись у дерева и постучав об него, потом обернулся и посмотрел на Его Величество.

– Ай да гость дорогой. Ай да гость! – прищелкнул он языком. – Что Маня, то Маня, да Манина мука. Попотчuem гостя да девушку багряницу!

Дерево зазвенело в ответ, листва его зашумела от ветра, ветви опустились и встряхнулись, и опять поднялись высоко – тянись-тянись, не достанешь, будто кряжистый разговаривал не с ним, а с деревом. Несколько яблок упали и покатались по земле в разные стороны, как золотые солнышки, налитые желтым огнем.

Кряжистый вернулся.

– Не желаешь ли с нами откусать, добрый молодец?

Его Величество пожал плечами. Пожалуй, он бы поел чего-нибудь, времени после завтрака прошло много. А хотя бы тех же пирогов избы...

Но водяной склонился над арбузом, простукивая его.

– Ай да голова! Или поболее? – он посмотрел на Его Величество, раскалывая арбуз на несколько частей. Внутри он оказался сахарно крупянистым, красным, как ягода малина, с черными семечками и тонкой кожурой, будто вызревал на юге.

– Чего задумался? – с улыбкой спросил кряжистый, внезапно подобрев. Арбузный сахарный сок стекал по его деревянным губам.

– Да как же я это все унесу? Не знал, что у вас так... Думал одно, два взять... – растерялся Его Величество, пробуя арбуз. Арбуз был сладкий до самой корочки.

Он осмотрелся. Не так ему были нужны фрукты-овощи, про самое главное он пока ничего не узнал. Второй раз хозяйка не дома. И в избу не попал. Несомненно, чудовище здесь была, и возможно, жила. Но не часто. Кто-то снова подвязал на дерево алую ленту, которую он бросил в прошлый раз. Но это мог быть тот же кряжистый или водяной. Но белье-то, белье, развешанное сушиться, она должна была снять! Под навесом все так же трепыхались та же простынь, рубаха в горошек и еще одна рубашка, похожая на короткое платье. Разве это можно носить? А застиранные трусы, зашитые в нескольких местах? Его Величество брезгливо передернулся. Впрочем, разве могло быть иначе с ее-то ограниченным мышлением?! И все же, наверное, глупо было прийти сюда и просить на «показать» сотни видов овощей и фруктов. Тут и десятью повозками не вывезешь каждой штуки по паре.

– Я, вообще-то, на переговоры пришел... – честно признался Его Величество. – Пакт о перемирии заключить, статус определили уже... Объявлена ваша территория заповедником. Ну и... про выставку, тоже, правда... Только я не справлюсь...

– Заповедники у нас – заповедники и есть. В заповеднике за кровушку тебя забили бы уже насмерть, – усмехнулся крижистый. – А тут у нас житье-бытье... Не забивай себе голову, Царь, мы уж как-нибудь сами себя прославим. А что людям показать, это хорошо... – поощрил он, прищуриваясь. – Нам не жалко.

– А ты попроси помощи, чай, язык не отвалится, – посоветовал водяной. – А мы поможем, мы гордые, но по-своему, по-смешливому...

– Ну, так помогите! – добросердечно попросил Его Величество, сообразив, что, если люди в землю повалят, им будет несложно узнать о каждом шаге врага. Наверное, это был лучший способ открыть землю и распять ее. – Я заплачу! – пообещал он.

Водяной сунул пальцы в рот и свистнул, да так громко, позавидовал бы соловей-разбойник. И почти в ту же секунду на поляну прибежали два коня – черный, как смоль, и белый, как снег.

Его Величество не удержался и встал, схватившись за сердце.

Таких коней он сроду не видывал. Каждый конь в чистом золоте стоил столько, сколько бы весил сам. Конские шелковые гривы развивались на легком ветерке, разлетаясь кудрями в разные стороны, хвосты стелились по земле, поджарые, мускулистые, холеные...

– Откуда?! – Его Величество почувствовал, как сдавила

его тяжесть со всех сторон, и перехватило дыхание. Вот бы ему таких – он на черном, а Ее Величество на белом... – и все шейхи с их черным золотом лягут к ногам... – Откуда?! – сдавлено прошептал он, осипшим голосом.

Водяной конями не гордился. Смотрел на них недовольно и с разочарованием. Закусил губу и сразу стал каким-то виноватым.

– Кони так себе... Были бы кони, а эти... – он махнул рукой, будто тяготился ими. – Маня подгадала мне сундук с копеечной ломаной монетой. Половину я озерным проиграл, с вечера сели играть – а спохватился, другой вечер... Стыдно стало, ведь за подарками приехал... Дык, закрыли ярмарку уже, а до следующей год жди! По остаткам прошел. Стыдно-то, стыдно как! И дочки ругают... – сдавлено заголосил водяной. – Я и так, и эдак мерил... Скройся с глаз, мука моя беспросветная! – крикнул он коням, и те как сквозь землю провалились, в миг оказавшись на опушке поодаль. – Послали мы к морской сирене записочку, обещала караваном прислать к следующему лету серебряного, с золотой гривой, но заломила цену, как басурмане не запрашивают. Пришлось выложить могильную землицу и гробик с мертвецом...

Его Величество покосился на водяного: врет, не врет – цену набивает? И сразу понял – не врет. Кряжистый смотрел на коней не лучше, и тоже повинил водяного, грозно нависнув над ним.

– Тебя за чем послали, черт плешивый? Умный разве

конь, если в стойле стоял?

– Да понял я, понял! – сжался водяной, втянув голову в плечи. – Где табунькового было взять?! Их пригнали, выпустили, да еще рака поставили, чтоб свистнул...

– И за прялку спасибо! – еще грубее зашумел кряжистый. – Не нитку прядет, а веревки! Вот, на, смотри! – Кряжистый достал золотой клубок и сунул в руку водяному.

Водяной вытянул нить, не толще волоса, повертел ее и так, и эдак, и тут же изменился в лице.

– Убббью! – прорычал он, погрозив кому-то кулаком. – Подсунули! Ей Богу, подсунули! – залезил он перед кряжистым, виновато ссутулившись, глаза его забегали.

– На кон поставь в следующий раз, – посоветовал кряжистый, протягивая водяному веретешко, с широкой изрезанной извилинами шишечкой на конце, в которой были пробиты две дырочки. – Тебе за нее кто хошь, что хошь проигрывает...

Водяной поставил веретешко на палец, и веретешко завертелось...

Через минуту оно наполовину заполнилось серебристой пряжей. У Его Величества закружилась голова, и отчего-то по лицу потекли слезы, стало так обидно на жизнь, за коней, за землю эту богатую, в которой вампирам места не нашлось...

Водяной, заметив, что Его Величество плачет, остановил веретешко, пытливо заглянул в глаза.

– Да, не забирает серединочку и с одного боку... – разочарованно выдохнул он, отворачиваясь. – Может, старику ее? – предложил водяной кряжистому. – Ему в самый раз...

– Ну... – подумал кряжистый. – Ему, пожалуй, можно... С одного боку попрядет, с другого... На одежду нитка не получится, но на мешковину сойдет...

– А этих? – Его величество кивнул в сторону коней. У него совсем отвалилась челюсть, когда он потрогал нить клубка, которую водяной положил на стол. В платья из материала с такими нитями в пору лишь Царям одеваться. Он решительно не понимал, с чего эти двое решили облагодетельствовать проклятую и старика. Он перевел взгляд на коней. – Это... охрану бы им приставить. А этих, что же, продавать?

Водяной посмотрел на него, как на чокнутого.

– Да кто ж их купит? Тоже старику отдам, а то он все пешком, да пешком. Может, оно и не быстрее, но ноги не устают.

– А мне не продашь? Я золотом... золотом заплачу! Называй цену! – торопливо предложил Его Величество, почувствовав, как предательски нервно задрожали руки.

– Да какое золото! – скривился водяной. – У меня дна не видно под золотом. Забери даром, если справишься сумеешь! От позора избавишь!

– А если обоих словлю! – осмелел Его Величество.

– Да обоих и забери, – согласился водяной. – Могу и посадить, если не боишься!

– Без узды? – засомневался Его Величество.

– Ванька мог. Без узды как-то раз ускакал коня. И другие богатыри удержались. Но тебе так и быть, дам и уздечку. В сарае висят, возьми любую.

«Проведет, – подумал Его Величество, засомневавшись. – Подсунет рваную, а потом скажет, что это я коня не удержал» Но зашел в сарай. Там висели уздечки одна другой не лучше. Такой рванью коня не удержать. Он недовольно поморщился, вспоминая свою конюшню и коней. Если бы такого коня в табун пустить, через пару лет можно по царству в год выкупать...

– Ты мне крепкую дай! – он вернулся к водяному и попросил, засмотревшись на коней. – Вот моя бы была! – произнес он мечтательно.

– Пусть будет твоя, – согласился водяной. – Есть ли у тебя такая, с отметиной, а то скажешь потом, что не твоя.

– Есть! – радостно воскликнул Его Величество, припомнив, что была у него узда коню под стать. Вся золотом изукрашена, камнями самоцветными, кожа крученая, сталь – самая булатная. – Но она у меня в сейфе, – покраснел Его Величество, вспомнив, что именно этой уздой правила Ее Величество им самим, когда накладывали на него обязательство потакать жене и выполнять все ее капризы. Он покраснел, вспоминая. А досталась узда ему от Бабы Яги в подарок на приданое. И с самой их вампирской свадьбы не забывали о ней, изредка добывая, чтобы провести обряд очищения.

– А сейф в синей комнате, с черными бордюрами... – по-

смотрел куда-то вдаль водяной. – Это кто ж такую красоту учинил? Но условие, если коня не удержишь, ты узду мне оставишь. Я бы тоже не отказался царскую узду иметь. Самая, что ни на есть крепкая узда.

– Согласен! – ударили по рукам.

– Изволь! – Водяной протянул ему узду. – Эта?

– Она самая... – растерялся Его Величество. – Вы что же, можете...

– Да не вором ли обозвать меня собрался? – водяной протянул за уздой руку. – Я назад ее верну. А про инцидент забудем.

– Постой, – остановил Его Величество. – Зови коня! А хоть бы вон того, черного...

Водяной свистнул, и конь неспеша подошел к водяному. Тот, не торопясь, надел узду, протянув поводья Его Величеству. Подставил локоть. Его Величество проверил крепость узды, вспрыгнул на коня, и понял – его конь! Сам он в государстве был одним из лучших наездников.

Ай да конь! Всеми государствами управлять с таким конем!

Конь как-то сразу приосанился, взглянув на него лукаво, будто видел насквозь, и проговорил человеческим голосом:

– Ну, погнали, Царь! Спорим, что сделаю круг и удержу тебя на спине и уроню на этом самом месте!

Ответить Его Величеству не удалось. Конь закусил узду и легко перекусил удило, оставшись без управления. Он под-

бросил его на спине, и поводья вылетели из рук, но удержал седока, поймав на лету. И скакнул конь в воду, и пронесся под водой, и охнул Его Величество, удивившись дворцам из камней самоцветов, и золотым монетам, выстилающим дорогу, и по воде, поднимая брызги, точно бабочка, порхнув над лилиями и лотосами, и снова не уронил седока. И скакнул на верхушку дерева, легко перемахнул через весь луг, остановившись на другой верхушке дерева, и бросился вниз как раз в том месте, где он сел, и позволил седоку упасть.

Его Величество кубарем прокатился по земле.

– Что же ты, что же ты узду-то перекусил, – водяной сокрушенно покачал головой, – Ведь не молиться теперь, а плакать!

– Он за узду потянул, она и порвалась! – ответил конь, усмехнувшись.

Развернулся и неспешно присоединился к другому коню, хвостом и гривой подметая траву, которые не доставали до земли чуток.

– Про старика не знаю, но вашей проклятой на таком коне тоже не усидеть, – сказал Его Величество, поднимаясь с колен и отряхиваясь. – Ей и на тяжеловозе не удержаться. Я вас не понимаю, имея такой... потенциал, вас бы на руках носили. Такому коню цены нет!

– Так и ей, Манечке нашей, цена не более, – сокрушился водяной. – И человека, чтобы на здоровье пожаловался. Всяк поднимает на руки и с места на место переносит, туда-сюда,

туда-сюда. А с Манечкой мы про болячки свои, про редьку с хреном, про соль в костях, про несытое жите-бытие. Вроде не переносили, а полегчало. И за болотом успели побывать, и по небу прокатились, и в Раю погостили, и в Аду помучались...

– И часто вы с ней... так беседуете? – поинтересовался Его Величество, усмехнувшись. Не прост был водяной, пожалуй, он вампира вокруг пальца обведет, тот и не заметит.

– Да почти каждый раз, как топор в воду уронит, а не видит, куда упал. Стоит и щепки кидает, и вопит что есть мочи: «Дедушка водяной, забери мою худую жизнь, верни топор!» За худую жизнь мне топора не жалко. Бывало, замучу ее до смерти, а она кричит: еще, еще! – и так самого замучает, сил нет уйти под воду. Куда уж там воду мутить! Поднимут рыбоньки мои золотые топор со дна, ну и посидим, поговорим о том, о сем...

Его Величество побледнел и отвернулся.

Наскочил же! Откуда у проклятой столько умных мыслей, чтобы понять свое состояние и разобраться с тем, что вампиры ей ниспослали свыше? Знания это были чисто вампирские, которые охранялись пуше глаза. Сама она не догадалась бы, ума не хватит – ей таблицу умножения суметь бы выучить. Садо-мазо, пожалуй, не закроешь, их не только вампиры, их люди боялись, как огня, не зная, чего ожидать. Прощай вампир, когда проклятый заболел такой болезнью. Он боролся за свою жизнь самым непредсказуемым

образом: проходил все стадии проклятия, которые накачивали его половину ментального поля либидо, которое должно было поднимать у человека желание умереть, а у вампира желание от проклятого избавиться. Чаще это происходило, когда вампиры доставали не ту душу, и проклятый, имея в себе Проклятие, не имел Зова. И еще хуже, если он сам случайным образом имел в себе Проклятие на вампира.

При воспоминании о проклятой, живот свело судорогой.

«Сука!» – подумал он в который раз. Сразу захотелось проснуться: от земли этой, от водяного с кряжистым, от изб, от дурманящего аромата трав и цветущих плодовых кустов, от жары, которая плавил тело, так что спина рубашки промокла насквозь – этого не должно было быть!

А вдруг произошла ошибка? Но ведь сто раз проверяли. Это она была связана с ним, а, значит, ошибка исключается.

Так, что дальше? Зов работает, иначе...

«Что иначе, разлюблю жену? Никогда! Удавлюсь и удавлю!» Может быть, не так как раньше, но мыслей о других нет, чувствовал он только ее. Мысли о смерти? В конце концов, и вампирам не вечно быть молодыми, тем более ему, который даже не вампир пока.

– Скажи-ка, любезный, а мы... нашего роду племени приходят ли сюда? – спросил он напрямик без обиняков.

Водяной глянул на него изумленно.

– Как сказать... – развел он руками. – В руки не даются, но молитву терпим. Все как-то веселее... С Манечкой они...

Его Величество в который раз почувствовал, как при жаре во всем теле продрог до костей. Он спрятал руки под столешницу, чтобы кряжистый и водяной не заметили, что они начинают дрожать. Так, значит, вампиры все же были. Но как жили-то здесь? Может, поэтому бывают здесь так редко, что жить приходится в другом месте? Выходит, Ее Величество опять права. Он вконец запутался. Или водяной нес околесицу, или говорил правду, но не всю.

– А кто тут у вас за главного? – спросил он, взглянув на кряжистого и водяного исподлобья.

– Мы все... сами по себе и как бы вместе. Главное не нарываться, а то мы, когда боимся, нас несет! – разоткровенничался водяной. – Ведь если Манечку убьют, мы сиротами останемся! – он пролил слезу и высморкался. – Но когда горе на горе, разве ж богатырке нашей дома усидится?

– Значит, что же... она у вас вес имеет? – удивился Его Величество. – Кому она нужна? Кто бы слушать стал? Это у нас с ней горе, а без нее и горя нет!

Принять проклятую как человека, с которым запросто могли иметь дело, голова отказывалась. Тело отяжелело, голова стала мутной, не своей, в глазах появился песок.

– А как же без весу-то? – водяной выпучил глаза, будто увидел чудо. – Это я легонький... Так, я не мерил себя сегодня, – спохватился он, обернувшись к кряжистому, который, усевшись за стол вразвалку, молча наблюдал за Его Величеством, не скрывая ехидства.

– Горе у вас, что правда, то правда, – согласился кряжистый, ухмыльнувшись. – Но ведь это с чьей точки зрения посмотреть!

– Ну, не за главного же? – удивился Его Величество, совсем сбитый с толку. Похоже, оба уродца принимали его слова в том значении, в каком они употреблялись применительно к объекту. Вес у чудовища, естественно, был, и надо полагать, не меньше, чем положено иметь человеку. Тростинкой, какой была его жена, не многие умудрялись остаться до ее возраста.

– Нет! – признался водяной сокрушенно. И добавил: – Меньше ее тут никого нет.

– Значит, пропилась, проелась, и пришла проситься на покой, – удовлетворенно заключил Его Величество, чувствуя, как уходит тяжесть. В общем, он выяснил все, о чем хотел узнать. – Ну, когда надоест об слезу ее запинаться, поставите меня в известность. Мы как-нибудь решим вашу проблему.

– Обязательно известим! – пообещал водяной, раскланявшись.

На берег выплыла одна русалка, вторая, третья, четвертая. Поднялись на берег, и хвосты обернулись в ноги. Его Величество засмотрелся. Его жена была красавица, но русалки имели свежесть, которая с нее уже сошла. Особенно в последнее время. Он вдруг вспомнил, что за праздник жизни приходится расплачиваться. Да, стоило вампиру подумать или пожелать, как все начинало крутиться, и выстраивались

в очередь желающие угодить. Вампир не мог сказать, что он не умеет жить, не добился, или думает чужой головой, но сам он вряд ли жил в гармонии с самим собой. Миллионы вампиров испытывали постоянное неудовлетворение по любому поводу, страх, подозрения – и лицо вампира менялось. Обмануть можно было и человека, и оборотня, и Отца Небесного, и, поговаривали, Дьявола, но только не вампира. Он видел, в кого превратится, когда чудовище, наконец, сдохнет. Первое впечатление напугало его. Но страх быстро прошел: нельзя получить, ничего не отдавая взамен. Зато вампир никогда не мучился угрызениями совести, в любое время испытывая невероятную чистоту своих помыслов, какой бы они не были направленности.

Показательный пример, когда некий Царь решил войти в историю, как реформатор, обнаружив, что весь мир ушел далеко вперед, отказавшись от рабства. Огромная страна испытывала потребность в рабочей силе, в свежих идеях, в открытии новых производств, и, в конце концов, не имея средств, чтобы платить помещикам за каждого рекрута, он подумал, что неплохо бы освободиться от давления со стороны дворянства, укрепившего свои позиции на мировом рынке экспорта зерна. Ведь до чего дошло: имея за границами имения, могли в лицо плюнуть Батюшке Царю и свалить. Особенно молодежь, которая никак не могла выйти в люди. Раньше этот вопрос решался просто: Царь, внезапно осознавший тягу к служению отечеству, вперед ногами выставлял из цар-

ских покоев предыдущего Царя, а молодежь призывал под ружье – и сразу почет и уважение и Царю, и молодежи. А тут не поймешь, кого призывать и против кого выступить. Весь народ в неволе, у каждого вампира родовитое имя, а бунтуют, в основном, разорившиеся помещики, которым ума не хватило пить кровь не сразу, а постепенно. Как истинный вампир он пошел проторенной дорогой, спихнув ответственность на чиновников и самих помещиков, но потратив уйму времени на уговоры, наконец, своим умом дошел: ни один помещик не имеет желания отказываться от своего имущества, которым был оскотинившийся человек. Порядка пятидесяти тысяч вампиров владели миллионами людей, которых могли казнить и миловать, продать, обменять, вырвать кишки, посадить на кол, забить плетьюми, если тот не приносил ему дохода. И еще пятьдесят тысяч духовных наставников помогали удерживать человеческий скот в узде. Школы – для вампира, больницы – для вампира, искусство, музыка, культура, театры....

Без крови вампиры жить не умели. Реформа, с согласия вампиров, обернулась в итоге еще большим рабством. Повинность отработать барщину теперь стала обязательной – огороды стоили дорого, а дороги, прогоны и водопои для скота стали платными. И то, что было тайным, теперь стало явным. Не имея возможности забить человека плетьюми на задворках помещичьего двора, чтобы утолить голод и вернуть себе умиротворение, когда снова хочется стать Благо-

детелем, помещик был вынужден искать кровь и пить ее на виду у всего общества, связанного круговой порукой. Круговую поруку, когда никто не мог бы отказаться от своего бедного и неплодоносного надела и уехать на заработки в другое место, помещики благословили сами, чтобы не упустить своей выгоды, которая, как кровь, у вампира всегда на первом месте.

Не жизнь, а сказка. И никто угрызениями совести не мучился. Где, о какой совести в то время шла речь? Кто помнил, что вампир выходит из того самого народа?

Человеческий ресурс всегда котировался, как нефть, как газ, как золото, как свиньи и коровы... И замечательно, что многомиллионный скот обрюхатился новым поколением еще более жестоковейных вампиров – немного прошло времени, когда они смели старое поколение, поднялись и, усвоив урок, установили жесткие правила, по которым теперь любой вампир мог бы подняться до Царя – но в жесткой конкурентной борьбе. А народ, упраздненный до простонародного быдла, потерял надежду в справедливость раз и навсегда, наконец, утвердившись в мысли, что жить в Раю у Батюшки Небесного тому хорошо, кому хорошо живется в государстве при Царе Батюшке. И успокоился. Вампир был бессмертным. И таким же древним, как человек, начиная род свой от Каина, который знак на чело получил от Бога первым. Со времен Каина не было такого, чтобы человек стоял над вампиром. Хоть три проклятых земли выступят против

вампира, вампир переживет.

Тьфу, тьфу, тьфу, чтобы не сглазить!

У проклятого наоборот – стоило подумать, и все начинало крутиться в обратную сторону. Любая их мысль, в конце концов, сводилась на нет. Им нельзя было доверять свои тайны, желания, и уж ни в коем случае рассказывать о делах. Любое дело разваливалось тут же, стоило проклятому пожелать доброго их завершения, особенно, если он был заинтересован в этом лично. Вампир всегда держал уши остро и умел повернуть время проклятого вспять.

Его Величество снисходительно усмехнулся, провожая взглядом русалок, проплывающих мимо легкой походкой. И слегка поморщился, заметив корявых девушек. Девушки срезали цветы, вытаскивали луковицы и укладывали в коробки. Венки на их головах смотрелись нелепо и глупо. Зачем украшать голову, которая с человеческой рядом не стояла? Не поймешь, где голова, где тело.

– Это сколько же вас тут? – лучезарно улыбнулся он, пожав плечами.

– Да уж, не как у вас! – хохотнула русалка человеческим голосом. Тонким и звонким, будто прозвенел колокольчик. – Нашлась золотая рыбка, али нет еще?!

– А про золотую рыбку, откуда знаете? – слегка смешался Его Величество, сердито взглянув на водяного. Не иначе, успел рассказать.

– Так она нам, чай, не чужая! Матушка наша, сирена морская, золотых рыб поит, кормит, на стада тучные выводит.

– А они разве не владычицы морские? – заинтересовался Его Величество.

Русалки сдержанно улыбнулись в ответ.

– Вот поэтому-то она и не смогла желание старухи исполнить, – одна из них осуждающе покачала головой. – Не ее компетенция.

– Поговорите у меня! За болотного замуж отдам! – прикрикнул на русалок водяной, недовольный, что место для сбора гусениц выбрали поблизости.

Русалки поспешили пройти мимо.

– Экие красавицы! – сказал Его Величество, провожая их взглядом. – Что им в болоте-то делать?!

– Речку новую! – ответил водяной недовольно, подняв листья лопуха и собирая в корзину слизней. – Кормишь их, поишь, ночей не спишь, а им лишь бы языки чесать!

Его Величество прошелся по лугу. Работников на огороде изб было много – и все заняты делом. Он отобрал плоды для себя, отнес к столу, раскладывая по виду. Это оказалось нелегко. На десятую ходку он уже не без зависти смотрел на корявых девушек, которые легко управлялись с огромными арбузами. Казалось, стоит им подойти, растения сами роняют плоды, которые катятся в нужное место. Между ними бегали резвые полосатые лошадки, подставляя спины, на которые взваливали мешки. Нагруженные лошадки тут же будто

проваливались сквозь землю, исчезая и появляясь уже пустыми.

– Куда это? – поинтересовался Его Величество у кряжистого, когда тот проходил мимо, кивнув на собранный урожай.

– От нашего дома в вашу думу, – ответил он, показывая лошадке направление. – Не пойму я, ты человек или вампир? – он остановился, метнув из-под широких бровей пронзительный взгляд. – Вроде человек, а дума у тебя – вампиры позавидуют. Манечку пришел убить? – напрямую спросил он, поднимая мешок и на этот раз взваливая на Его Величество.

– Ну не люблю я ее! – взмолился Его Величество. – Что мне, всю жизнь мучаться?

– Так разведись, а проклинать-то зачем. Не любишь, а вяжешь. Стыда нет, – с досадой проговорил кряжистый.

Его Величество перекосило. Слушать о чудовище приятно он не мог – не умел. Опять сдавило шею и голову, руки онемели. Не хотел – было противно и тошно. Он уронил мешок на землю, усаживаясь на него.

– Кто она мне, чтобы я с ней разводился?

– Вот видишь, какой ты больной, чтобы своей головой думать. Развел червей... и страха нет. Вот поднимется на небо – заберем у вас все царство.

– А людей не жалко? – Его Величество посмотрел на кряжистого с жалостью. Попугать решил, но что он мог сделать?

Разве что камины протопить сучковатыми своими дочурками... – Кто ты такой, чтобы нам указывать?!

Кряжистый усмехнулся.

– Мне не жалко. От вашей думы к нашему дому – своя выгода. А кто мы... Он рыбами заведует, его стихия вода, – кряжистый жестом указал на водяного. – Берет у человека больше, чем тот имел бы за всю свою жизнь. Я даю человеку больше, чем тот имеет за всю свою жизнь – с этого имею. Ты, например, стоишь мало, да много.

Его Величество кисло скривился: бормочет чего-то... Кто бы что у него взял... Кряжистый искал выгоду там, где ее нет – у себя бы короедов поискал, непременно найдутся. Ни один уважающий себя вампир близко не подойдет к этой земле, а уж миловаться с таким уродом, подавно. Наверное, господинчик думал, что сухофрукты – это вся жизнь. Такому, пожалуй, не объяснишь, что не каждый человек рожден для грядки с овощами. Здесь было хорошо, да, но не настолько, чтобы забыть, что дома ждала горячая ванна и теплая постель, жена, которая только что приняла ванну с ароматными травами, слуги, государственные дела, друзья, повара с заморскими деликатесами и изысканной кухней, которую этим никогда не попробовать. И мало найдется людей, которые не оценят все, чего он добился... Сам! От проклятого избавляются, чтобы расправить крылья, вырезают как аппендикс, который все время ноет и ноет. Если могла бы – поднялась бы. Как он, как жена, как любой, с кем приятно иметь дело.

Кряжистый посмотрел на Его Величество, и сразу закричал, завиноватился, страшные деревянные глаза его, как выгнутые линзы, отражающие свет и поляну, замутились и поблекли.

Наверное, понял, о чем я думаю, с усмешкой подумал Его Величество, глядя свысока на кряжистого, ползающего по земле на коленях. Ну и пусть! «Что, чурка неколотая, не получилось червями, помидорами закидаешь?» – собирать фрукты и овощи расхотелось. Не его это было. Кряжистый ему не нравился, он все время хмурился и посматривал недобро, в отличии от словоохотливого водяного. Возможно, без кряжистого ему удалось бы разговорить водяного и выудить больше информации, но он все время одергивал водяного, наступая ему на ногу.

– Мы простые, неотесанные, а вы, как я посмотрю, птицы высокого полета, – проблеял кряжистый, будто соглашаясь с его мыслями. – Вот и избушки на курьих ножках не делом Маньке нашей достались. Убила Матушку Их Величеств, и не прослыла ни миллионером, ни сватом, ни братом. Отпугнула от себя только. Поделом нам, что люди бестолковые и те стороной нас обходят. То ли дело вы! Чем больше убил, тем больше славы. Пойду-ка я, посыплю солью оружие наше и перекушу немного...

Его Величество закусил губу. Напоминание о Матушке и недавнем сражении заунывным басом прозвучало, как насмешка. «Но вышла сила у вас, вышла! Нет никого оружия,

ничего нет! Танком проедем, и нет ваших томатов! – мстительно помечтал он, высверливая взглядом дыру в спине кряжистого. – Не быть вам хозяевами на земле царства нашего!» Он не мог поверить, что проклятая земля обладала большими возможностями. Исполнилось желание лампы – и только! Где же они ее держат?! Неужели вне пределов земли?! Избы продолжали пахать, крепко закрывшись на все запоры, не иначе, лампу хранили здесь, в избах. Только тут ее не смогли бы достать вампиры или драконы. Если дракон действительно видел следы, то получалось, что предатели где-то неподалеку, как же они оставили ее? И как возьмешь, если пуще глаза охраняют?!

Все было готово, но молодильные яблоки валялись у самых ног, и Его Величество не торопился уходить. Собрать яблоки с полу – не совсем то, чего он хотел, но испытать их, стало навязчивой идеей. Не существовали такие в природе, и земли этой не должно было быть. То и дело яблоки падали со звоном, будто дерево роняло слезу. Но он понимал, что за ним следят в четыре глаза. Водяной крутился неподалеку, набирая в короб земляных червей и прожорливых гусениц, русалки уносили короба в реку, и вода пенилась, и летели брызги от выпрыгивающих рыб и рыбешек. Кряжистый и корявые его дочери крутились вокруг да около, собирая урожай.

– Поговаривают, что в избах такая есть печь, пироги печет знатные, подавиться слюной можно. Может, покормите? Дорога дальняя у меня, – ласково попросил Его Величество, в

надежде, что присматривающие за ним отвернутся, или хотя бы один уйдет с глаз долой.

– Хлебосольная у нас и земля, и изба с пирогами. Отчего не накормить? От нас не убудет, – добродушно приветил гостя водяной. – Мы бы и в баньке помыли, да банька злопамятна. Боюсь, примется обжаривать, как мясо на сковородке. Не забыла она Бабу Ягу с дочушкой. А ты поел бы? – он обратился к кряжистому.

– Неси! – согласился кряжистый. – Время далеко за полдень, а я еще путем не завтракал. Арбуз не еда.

– Чем вам моя жена не угодила? – обиделся Его Величество. – Мы бы слова худого проклятой... Мане! Манечке! – поправился он, заметив, как зыркнул кряжистый. – Не сказали, но ведь не по закону в избе живет. Жена моя – наследница, избы принадлежали и будут ей принадлежать. Любой суд докажет, закон есть закон, – обиженно произнес Его Величество.

Ему и в самом деле было обидно. Хуже быть не могло: чудовище оттяпала все добро Бабы Яги! А он еще узду потерял... Ох и достанется от Ее Величества, если это та самая узда. Но в то, что водяной так легко смог ее достать, верилось с трудом, он подозревал, что его провели, как последнего лоха, и почти был уверен, что найдет узду на старом месте.

– А ты у изб спроси, с кем они и чьи. Они, по ходу дела, совершеннолетние, – посоветовал кряжистый. – Я вот смотрю и думаю, ты по манну пришел, или по избам соскучились? –

он не переставал усмехаться про себя.

– Свои мы, не чужие, – произнес Его Величество, запри-
метив, что водяной уходит в сторону изб. – Вон, Маня и сук
срубить не может, – он ткнул пальцем на избы. – Как ей в
избах-то жить? Цветник на крыше... Засрет все, потом не
отмоешь. А сорняк какой в огороде! Мне не трудно прислугу
приставить. Жили бы, как у Христа за пазухой.

Кряжистый глянул в сторону изб.

– А это! Это у них имидж. Венок на такую крышу не спле-
тешь, вот они и решили, что клумба гораздо интереснее бу-
дет смотреться... – Он наклонился, раздувая огонь – и два
яблока оказались у Его Величества в кармане. И еще од-
но, когда кряжистый черпал воду из колодца, повернувшись
спиной. – Вот ты, на грудь пристроился, одеждой мертвеца
прикрылся, а по отрубленной голове не скучаешь хоть ино-
гда?

– Да как же ему отрубленной головой по голове скучать? –
Водяной вернулся с огромным подносом румяных и поджа-
ренных пирогов.

Его Величество не ответил. Не ихнего ума дело. Может и
отрублена, да только не его – с отрубленной головой Царями
не стают.

Чай вскипел быстро. Кряжистый порезал салат, принес
запеченную в яблоках утку, водяной копченой рыбы, икор-
ку красную и черную, на столе появился мед, лук, сливки,
фрукты, напиток из цикория, соленые грибочки и огурчи-

ки...

Да, питались тут не хуже, чем во дворце. Продукт был свежий, только что с огорода и из речки.

– А вот отчего у вас такая туча собралась? Это наши ученые объяснить смогли бы, но не знаем, из какого места ее пригнало, – поинтересовался Его Величество, уминая пироги. Так вкусно и повар во дворце печь не умел. Пироги во рту таяли, видно, был у избы свой секрет, или мука была особенной, и каждый пирог со своей начинкой...

– А мы ни о какой туче и не слыхивали! – весело проговорил кряжистый, тоже с набитым ртом. Настроение у него поднялось, и он как-то сразу подобрел. Наливал себе из кринки четвертую кружку молока. – В центре оно всегда так! Тишь да благодать. Пронесло, слава Богу.

– Это Манино желание исполнилось, – поведал водяной. – Не иначе, а то как бы мимо-то?

– А жена моя, на дочерей ваших отчего так похожа? – Его Величество сунул несколько пирогов в карман.

– Так мы сначала с Бабой Ягой сдружились. Давно это было. Лет эдак тысячу или две назад. Мы ее тогда приветили всем миром, честь по чести. И плакала она, что дитя ей не дается. Вдове дитя уже не положено. Дал я ей семечко. Долго не было у нее ребеночка. Забыл уже, а тут раз, и новость... Мои дочки – серены морской, а жена твоя человеческий ребенок, вода не для нее, и оплодотворил семечко вампир. Так что я у нее мама, вампир тот папа, а Баба Яга как бы сурро-

гатная мать, если по-вашему, по-человечески рассуждать. У нас все наоборот. Я был бы папой, вампир мамой, а Баба Яга – суррогатный отец. Я вот со своих глаз не спускаю. Сплавают, бывало, к Матушке, а через неделю опять дома. В пену обернулись, на туче прокатились, дождиком пролились. Не хотят, – сказал водяной с досадой. – А какие там женихи могучие! Да и болотные ихние, не то что наши...

– Мои такие же, – согласился кряжистый. – Погостили в земле, погрелись у Матушки, и наскоро выплыли через жерло, обернулись пылинкой и с ветром айда домой.

– А у меня нет детей, мы как-то все не соберемся, – сказал Его Величество с досадой.

– А Маня наша вдовушка при живом муже. Ей бы мужа-то похоронить по-человечески. А какая невестушка завидная. Да ты не переживай, может кто-нибудь выживет, вылупится... Будешь суррогатной и папой, и мамой...

– А этот, бородатый... не сделал ей еще предложение? – поинтересовался Его Величество, ухмыльнувшись на слова водяного. Скажет тоже, суррогатный мама и папа...

– Этот, Борзый-то? Ну что ты, у Манюшки другой полет. У нашей Манюшки женишок сахарный, устами говорит, будто реченька журчит, крыльями машет, что землю пашет, к кровушке присосется, пока вином не станет, не отлепится.

– А-а-а! Так тут и вампир может жить? – удивился Его Величество.

– Еще как может, он всем вампирам заказал сюда доро-

женьку, чтобы не дай Бог, Манечку не отбили... А человеку, пожалуйста...

– Древний, значит... Маг? – поинтересовался Его Величество, насторожившись. Получалось, что жена его была права. И вампир этот... метил на царство.

– Всем магам маг! Поднимется из забвения, и положит армии в рядок, еще поднимется – еще положил!

– Из первоживущих? – Его Величество поперхнулся, изменившись в лице. – Неужто Маньку так охраняет? Да как же выжил?!

– А молодильные яблоки на что? – удивился кряжистый. – Маня его из гроба подняла, а он уж яблоками... Встал из гробика, и говорит: Маня, разлюбезная моя, вампиры проклятой тебя сделали, но ты не переживай, сама сходишь весточку от меня передать, или мне проведать и передать братве, что обелил я вас, госпожа моя?!

– И тут берет Маня его за белые косточки, – возбужденно продолжил водяной, глаза его заблестели и увлажнились. – И говорит: Нет, милый друг, вместе сходим, а пока идем, будем друг на дружку любоваться...

– Повеселел он своей буйной головушкой, а рога-то – во! А клыки – во! – кряжистый поднял руки высоко и опустил их ниже пояса. – Слушаю и повинуюсь, говорит, госпожа моя! А закусить?!

– И пошли они искать, чего поесть. Говорит ему Маня: а царствующая чета подойдет? Он, естественно, согласно

кивнул в ответ. Мне, говорит, вампиры слаще меда, но я и человеком не побрезгую. И повел он Маню в горы, – глаза у обоих рассказчиков засветились, – в места тайные, в город проклятый. И увидела Маня богатства неисчислимые. Но говорит он ей: «Бери только лампу. Знаю, чем золотишко обернется, сам тот город проклинал!»

Глаза у Его Величества стали круглыми, как у водяного. О вампирах, которые умели напасть на город и проклясть его со всеми жителями, не слышали уже три или пять тысяч лет.

Мороз пробежал по коже.

– А почему меня пускают? Я что же, не мужчина? Или страшная такая ваша Маня? – улыбнулся Его Величество, скрывая испуг.

– Не ревнив, верит. Да как же не верить, если поставил он ей такой Зов, от которого и звери бегут к нам? И люди прибегут, если Манечка закручинится. Но хорошо ей.

– Да как же можно души Маниной не пустить? Прошел ты по саду, посмотрел, – и видит Маня, какое дерево нарасти должно.

– Да знаю я... – отмахнулся Его Величество. Он вдруг сообразил, что уже за вечерело. Солнце скрылось за вершиной. Но древний вампир?! Зов?!

Значит, он все же проклят...

Стало трудно дышать. Он сидел бледный и не мог вымолвить ни слова. Он вдруг вспомнил, как подумал о смерти. Здесь было хорошо. Ей, Маньке, и не надо другое счастье.

Он всегда это знал. Как этот вампир прошел мимо него, мимо жены, мимо драконов? Он чувствовал каждого человека, который приходил в ее жизнь – а тут, пустота...

Вот именно, человека, которым легко управлять...

Вампиры проклятую обходили стороной, или рассматривали ее не иначе, как ступеньку. А если он ее использует? Чтобы добыть трон? Манипулирует ими, исстрачивая ресурсы, убивая тех, кто мог бы ему противостоять? А там, глядишь, и жену приберет к рукам. Мысль потеснить его на престоле, не пришла ли к жене от него?

Попал в сети, как школьник...

– А где же сами? – поинтересовался он, стараясь скрыть волнение. – Давно были, давно ушли? Куда? Мы были бы рады поприветствовать...

– Путешествуют. Мир изменился. Манечка показывает ему болезни и все, чем мучается человек, и вас, кстати, тоже, а он – как прекрасно было бы вернуться в прошлое, когда человек искал его, чтобы убедиться, что он все еще живой. Безусловно, он вами недоволен. Крови много пускаете, а вампира настоящего нет.

– Отчего, добрый молодец, побледнел? – удивился кряжистый. – Напугался, али напугали чем?

– Нет, дома меня ждут, к утру. Боюсь не успеть. Супруга моя не любит, когда не по ней. Пожалуй, маг ваш в подметки ей не годиться. Мне еще в руины, три города вдруг свалились на нас, и непонятно как...

– Проклятые?! А, так это его работа! Манечке показывал, как закрывают город и как открывают!

Его Величество побледнел еще больше. Сдохнуть можно, какой он после этого вампир, если больше, чем вампир, обратил внимание на проклятую?!

«Сука! Ты сдохнешь, поганая тварь! Убью! Мразь! Падаль! Ведьма! Ненавижу! Ненавижу!» – но губы Его Величества продолжали улыбаться, лишь взгляд сверлил кряжистого и водяного, которые смотрели на него ласково, приторно, до противного вызывающе. Они не боялись, играли, не стовариваясь.

«Придурки!» – он разозлился на себя.

Глупо думать, что читали мысли, но подозрение было, или видели маску и напрямую обращались к ней. Он заторопился. Луг и лес засветился голубоватым мерцающим светом. В воздухе замелькали голубоватые, белые, желтые и зеленоватые светлячки, луг загорелся, от растений и от земли поднялось голубоватое свечение. В последних лучах солнца, которые еще освещали небо, и сумраке в тени горы, место выглядело нереальным, сказочным и таинственным. Не хотелось думать, что здесь притаилась его смерть.

Его перебросили через коня, привязав к одному из мешков, приказав не шутить с конем, чтобы тот ненароком не решил, что он наездник. Конь стоял смирно, но ношей был недоволен.

«И зачем я согласился? – рассуждал конь сам с собой, по-

ка потихоньку брел в сторону опушки. – Ну прошлись бы по моей спине плеткой... Снова таскаю мешки, как безголовая скотина... Молчи! – приструнил он сам себя. – На мне нет узды, я жив, я дышу! И тоже провидец... И в присядку могу... И забыл, как железные кандалы стягивают ноги, как снимает кожу железная плеть! Я был мертв и се жив... Золотой конь – это еще как повезет, а я надежный товарищ! Я больше чем конь, я земля и небо!»

Кони взмыли на верхушки деревьев и в пару минут оказались чуть ниже того места, где Его Величество оставил дракона. До него было рукой подать. Встав на дыбы, они сбросили свою ношу. Дракон, завидев коней, взбесился, заметавшись по краю Проклятой земли, выпуская пламя из двенадцати голов. Кони весело заржали и прошлись коленцами. Потом в пару мгновений исчезли из виду.

Глава 4. У драконов тоже есть тайны

Погрузка не заняла много времени. Кидать мешки Его Величество не разучился.

– Что у тебя в кармане, – громко закричал дракон, как раненый зверь.

– Молодильные яблоки, – ответил Его Величество, не собираясь с ними расставаться. – Хочу проверить, что они из себя представляют.

– Выбрось их! – посоветовал Дракон с мольбой в голосе.

– Не бывать этому! – запротестовал Его Величество. – Врага надо знать в лицо. Чем он дышит, что пьет, что ест – это война на смерть. А я, знаешь ли, не собираюсь играть со смертью. С кем связались, посмотреть надо.

– Я знаю! – сказал дракон, тяжело поднявшись и едва набрав высоту.

– Те двое сказали, что вампир – маг, что страшен, как черт. Сказали, что города те – его рук дело. Кто он такой?

– Вампир, который знает обо мне все. Я снова вижу следы... – Дракон сделал круг над дорогой, которая вела к проклятой земле. – Были не так давно, – сообщил он и сделал еще один круг, зорко присматриваясь. – Они где-то неподалеку!

– Они могут быть где угодно, – устало ответил Его Величество. Ему меньше всего хотелось бы сейчас ввязаться в драку. – Нам нужно за ночь успеть долететь до разрушенного города. Кстати, что ты хочешь там найти?

– Я рабам не открываю тайн, – расстроился дракон. – Я их убиваю, когда они узнают больше, чем следует, – ответил он, замолчав.

Пока Дракон добирался до города, Его Величество успел выспаться. Молчание дракона пришлось как нельзя кстати. Он хотел разозлиться, что тот обозвал его рабом, но не смог. Вряд ли стоило обижаться на того, кто привел его к власти. Дракон – продажная тварь, который легко менял хозяев. Или тех, кто думал, что хозяин. Страшные Горынычи не были своевольными, пока Матушка жены была жива. Чем же она держала-то их?

– Огнем, который ушел в землю, – обернулся к нему дракон, прочитав его мысли. Возможно, он сам разбудил его: они подлетали к полуразрушенному, как выяснилось, Проклятому городу. – Если сможешь укротить огонь, можешь назвать меня своим рабом. Я буду быстрым, как тот золотогривый конь, и сильным, как тот вампир, который дал мне жизнь.

Его Величество кисло усмехнулся. Убить проклятую – и земля сама собой перестанет существовать. Куда этот вампир денется, на коленях приползет...

Но попробуй-ка, достань ее...

– Убить надо мага и огонь, – вразумил его дракон. – Проклятых много, каждый день кто-то становится вампиром, кто-то проклятым. Убьешь ее, на ее место придут другие.

Возразить дракону было нечем. Но проклятый проклятому рознь, другие проклятые его не волновали. Во всяком случае, он для них был недосыгаем.

– Что я должен найти? – поинтересовался Его Величество, рассматривая город с высоты.

– Вещь, знак – все, что убирало этот город с глаз. Возьмешь, и полетим к другому городу, – ответил дракон, снижаясь и кружась над городом.

– Ты знаешь, где эта вещь лежит?

– Чувствую. Где-то на площади... Там искривление пространства...

– Почему раньше не сказал, что нам придется облететь три города?! – грубо перебил Его Величество.

– Ты не спрашивал, – зло ответил дракон.

Все складывалось не так, как он хотел. Если дракон заставит его облететь все три города, неизвестно, когда он попадет во дворец. Но спорить было бессмысленно. Будет хуже, если он не исполнит приказ. Дракон еще не простил ему молодильные яблоки, которые лежали у него в кармане.

Наконец, дракон высадил его рядом с площадью, внимательно просматривая дорогу и принохиваясь к ней.

«Странно, – подумал Его Величество. – Площадь обычно

бывает ровной, или вогнутой...»

Земля в этом месте была, наоборот, изогнутой, перепад был небольшой, но заметный. Огороженные красной лентой, неподалеку лежали обломки полуутопленной в земле призрачной статуи-саркофага и такой же призрачной лампы. Обычная на вид, медная, с узором по кругу. Узор напоминал руническую надпись, которая повторялась трижды.

Он прошел площадь вдоль и поперек, обошел окрестные дома. Время бежало быстро. Закусив в небольшом уютном ресторанчике, открытом для туристов, он вернулся к дракону.

– Послушай, я не знаю, что искать, – признался Его Величество, не рискнув подойти к дракону ближе, чем на расстояние, на которое он дышал огнем, когда не хотел никого спалить. – Если ты мне не скажешь, то я буду ходить здесь вечно. Хотя бы намекни!

– Печать. В печати ключ. Ключ открывает и закрывает проклятие города и дает мне жизнь. В этой печати моя сила. Я родился с этой печатью в один день, в один час.

– Раньше ты об этом не говорил, – удивился Его Величество. Было принято считать, что драконы бессмертные существа, не взирая на их малочисленность.

– Раньше я не знал, – признался дракон. – Но догадался. Я слышал голоса, крики и вопли, и вдруг они замолчали, и город стал виден. И сразу почувствовал дыхание смерти. Моей смерти. Другие драконы чувствуют то же самое. Ищи все,

что могло быть положено древними вампирами, или теми, кто снимал проклятие. Найди ключ! – взревел Дракон всеми двенадцатью головами.

Час за часом Его Величество осматривал каждый дом, прилегающий к площади, носом рыл землю. Он торопился. И злился на судьбу. Почему все, кого он любил, поставили на нем крест? Ответ лежал на поверхности – проклятие написано на его лице! Как проклятой удалось завоевать доверие вампира, который смеялся над ними над всеми? Наверное, со временем мозги все же отказывают вампирам, старческий маразм, или решил исправить то, чем мир стал по его вине. Или мир древних вампиров был настолько отличен от мира настоящих, что он, проснувшись и не увидев своего мира, решил переделать его под себя?

Его Величество чувствовал себя так, будто провалился в дыру в деревенском клозете. В глубине своего сердца он знал, что никакие ключи, никакие махания пистолетиками не вернут ему его самого. Его использовали, выжимали, как лимон. Дракон никогда не считался с ним, он пил через него проклятую, как пьют из кубка вино, а жена когда-нибудь забьет его насмерть. Он и Царем-то себя не чувствовал, может быть, потому, что когда накладывали на проклятую Зов, Царем он еще не был, но все говорили: Царь! Царь! И он понимал: да, надо, тужился им стать.

Время шло...

Дракон нетерпеливо махал хвостом, внимательно наблю-

дая за всеми, кто пытался составить Его Величеству компанию, помогая в поисках. Торговые лотки при их приближении побросали, и теперь вся площадь была мусорной свалкой. Площадь оцепили, выпроваживая немногих любопытствующих, осмелившихся приблизиться к дракону. Его Величество сел, готовый сорваться, обхватив голову руками.

Взгляд его привлек участок земли, на котором камни мостовой были перемешаны с землей и песком. Камни уложены неровно, не скреплены дорожной мелкой пылью, слой разобран... Кто-то копал в этом месте, но зачем? Вряд ли кому-то пришло в голову искать клад посреди площади... Его Величество отбрасывал песок и камни руками, ломая ногти, внезапно осознав, что жизнь и его, и Ее Величества висит на волоске...

Его забрали! Ключ забрали!

Тот, кто подлю подмял под себя одну четвертую царства, знал раньше, чем драконы. Они искали то, что первоживущий уже достал и показал проклятой – и дракон просто считал с него информацию! Точно так же, как делал он сам, когда вампир стоял перед ним и взывал к его милости, как жена, как дракон – это было знание не дракона, а проклятой!

Вздых облегчения.

Вот он ключ! Только как его взять, если висит лишь его голограмма?! Как разбитая статуя, как лампа...

Подполз дракон, разглядывая непонятный знак в виде круга, разбитый на двенадцать частей...

– Настоящий ключ лежит в другом месте, – констатировал дракон, заметно волнуясь. Он тоже понял, откуда к нему приходит информация. — Тот человек... из саркофага... он тоже искал его, – вспомнил дракон, кивнув на статую. – Ему не хватило сил и времени...

Его Величество усмехнулся. Да, проклятая знала. Значит, этот маг и проклятая на шаг впереди даже дракона...

– Где? – устало спросил Его Величество.

– Если бы я знал!.. – дракон попятился, пригнувшись и присматриваясь всеми двенадцатью головами. – Они были здесь. Здесь их следы, но немного. Полена здесь нет.

– Давно?

– Следы частично или полностью затоптаны. Возможно, неделю назад.

– Постой, на дороге ты тоже видел следы. Они были здесь и возвращаются в Проклятую землю?

– Точечные. Как будто летели по воздуху.

– Возможно, первоживущий показал чудовищу ключ и объяснил, как и что он из себя представляет... Передает знания? Ему нужны помощники?

– Ключ существует. И он не здесь, – Дракон обошел ключ, рассматривая знаки. – Он в другом месте, – повторил он твердо.

– Получается, что и лампа лежит там же? – предположил Его Величество. – Если они пришли с гор с этой стороны, а поднялись с той, тогда и лампу, и ключ надо искать в горах.

Но зачем им нужно было освободить город, если они не взяли ни того, ни другого?

Дракон промолчал, прислушиваясь к себе. Он с любопытством рассматривал среди камней черепки, вывернутые вместе с землей.

– Они поступили мудрее: сначала вынули человека и, загадав желание, оставили лампу в городе, чтобы я не искал ее. Потом спустились и разрушили печать, чтобы из нее вышел ключ.

– А мертвый человек им зачем?

– Он и жив и мертв. Один из многих, кому известны тайны проклятого города и моей смерти.

– Ты хочешь сказать, что это... все это натворила мое чудовище?! – впервые Его Величество усомнился в том, что ему говорили о проклятых. Но он видел их много раз, и сам не раз пускал им кровь, участвуя в наложении Проклятия и Зова. Опустившиеся люди, больные, безгласные... Иногда он сомневался, но проходила неделя, другая, и он понимал, что выбор был сделан правильно – вампиры никогда не ошибались. В этом было их преимущество.

– Она пока не имеет над тобой власти. Но первоживущий открывает ей тайну проклятия, и она снимает его с себя. Вот почему ты не можешь дать своей госпоже доброй пищи...

– Дракон с интересом и с некоторой жалостью взглянул на Его Величество. – После этого она закроет тебя, и будет, как первоживущий, – он захохотал всеми двенадцатью головами,

и смех его раскатился по городу, пугая всех, кто мог слышать. – Проклятая снимет... с себя... Господи! – воскликнул дракон с мольбой, обратившись в небо, – почему ты сделал меня драконом, а не золотогривым конем?!

– Ни хрена себе!.. Она что же, в чистопородные метит?! Бессмертной захотела стать?! Да кто он такой?! По какому праву?! Только за то, что она его разбудила?! Где она его нашла?! – Его Величество пришел в ярость. – Прекрати смеяться, ты дракон, в конце концов! Надо накладывать на нее новый Зов, и сделать так, чтобы она никогда не смогла убрать ни того, ни другого. Черт с ней, с землей, проклятая должна умереть!

– Я не знаю, я его не вижу. У него нет лица. Но он здесь. Он существует. Время не властно над ним. Он выжил. И принес магию Тьмы. Возможно, он снова проклянет города и поднимет новых драконов. Но я умру, чтобы знание проклятой стало полным. Я чувствую, как слабею.

– Что ты все: умру да умру?! – возмущенно отозвался Его Величество. – Ко мне тоже писец пришел! Но я же не стою на коленях и не канючу: умру, умру! – он передразнил дракона, исказив лицо. – Я не сдамся просто так! Он еще пожалеет, что связался с проклятой! Полетим в другой город, посмотрим... Возможно, они искали не ключ...

Но во втором городе Дракон обнаружил те же следы. И в третьем. Теперь место, где лежала печать, искали недолго.

– И как охрана их пропустила?! – Его Величество был подавлен. – Всех, всех поставить к стенке!

– Проклятый город! Я знаю! Я помню! – вдруг одна из голов дракона с ужасом уставилась на город, а остальные одиннадцать обернулись на горы. – Люди приходили и приходили... каждый, кто видел город...

Дракон посмотрел в сторону гор с тоской и надеждой.

– Мне нужно туда! – как раненная птица, прокричал он.

– Мы все пойдем, – пообещал Его Величество. – Я, во всяком случае. Мы достанем ключи. Обещаю!

Дракон не спорил. Он не знал, сможет ли он сам поднять ключ, по крайней мере, лампа при его прикосновении исчезала, снова оказываясь в городе. Но ключ был другое, ключ был частью его самого, как город, который стоял на земле перед самым его носом. Но когда он найдет, он узнает – у него еще было время: следы, которые он видел во время битвы и которые вели в горы, были оставлены более полугода назад, а те, что здесь, совсем недавно. Если бы они уже ушли за ключом, он бы учуял следы, пока ждал Его Величество. Значит, первоживущий и проклятая, и те, кто сопровождал их, искали город очень долго – пусть идут, они пойдут прямо и укажут ему путь, и он опередит их. И он будет не один – два других дракона пойдут с ним.

Прочитав мысли Его Величества, дракон с усмешкой взглянул на жалкого человека, так и не сумевшего стать вампиром. Он боялся не за него, нет – раб боялся подумать, что

будет, если он сам достанет ключ и станет свободным. Человечишка метил сделать его послушным, как проклятую, чтобы он пахал для него землю – но кто мог подчинить себе дракона, который пережил миллионы вампиров? Только проклятый, как тот, который пришел в город однажды. Раб знал, что он читает его мысли, и когда думал, каждую мысль заканчивал видом земли и разговором с кряжистым и водяным. И кони, которые не выходили у него из головы.

– Забудь, – посоветовал дракон. – Они не могут принадлежать одному человеку дважды. Ты упустил свой шанс. Теперь они ужас для тебя, – он довольно щелкнул хвостом.

– Почему? – изменился Его Величество в лице. – У меня никогда не было коня, чтобы умел подниматься на вершины деревьев...

– Ну да! Как же ты поднялся на царство? Небось, забыл, как вы глумились, когда закрывали проклятую в стойло? Ты, поди, узду-то не узнал, когда водяной показал ее тебе в сарае? А показал он, чтобы ты понял, что нет ее в стойле, и конь ее на воле. И твой конь отказался от тебя, порвал он узду...

– Он приготовил их проклятой твари в подарок. Она ему сундук с ломаными грошиками, а он ей коней. Но забраковал, решил старику подогнать, а ей... Серебряного, с золотой гривой, с крыльями. Разве такие бывают?

– Бывают. Но это не водяной. Это кто-то другой достает ей коня. Конь тот черпает силы в земле, которая не имеет ни

конца, ни начала. Издалека он. Водяной выкупил ее и твоего коня от водяных, ими теперь никто управлять не сможет, кроме нее. Может, и старика посадить, но хозяином он не станет. А значит, Проклятия ваши в руку ей падают, а не в голову.

– В смысле?

– В том смысле, что показалось ей, будто оседлали ее, скакнет она на дерево, под воду уйдет, и упадет воловья голова под ноги. А когда придет время, проедет на обеих конях, и первоживущий заколет их, посвящая ее в вампиры. Надо полагать, золотогривый конь объединит их, и будет она, как первоживущий...

– Это ж надо столько сил потратить, чтобы стать вампиром! Не проще ли было подать нам весточку, и мы, общими усилиями, придумали бы, как украсить его жизнь красотками. Ну не проклятой же украшать себя!

– Вряд ли он считает вас вампирами. Выскочки... Ему не сложно заполнить мир такими, как вы. Я слышал плач, пока город был подо мной. Он бывал там, и пил людей, и жалел, что вас там немного. Среди них было несколько вампиров, не успевших покинуть город, когда сработало Проклятие. Их он пил с гораздо большим удовольствием, чем людей.

– Получается, что он сам под Проклятие не попадает?

– Нет. Он ужас и для меня. Я назвал бы его Богом, если бы нуждался в Боге.

– Что же он освободил их?

– Я знаю только то, что слышал. Я не мог найти город, но уши мои всегда были там. И лишь однажды я видел площадь и ее окрестности, когда пришел человек и открыл его.

– А что с ним стало.

– Я думал, что убил его, когда он замолчал, и город вдруг снова исчез, а на его месте осталась женщина и двое ее детей. Тот вампир приказал мне отпустить их.

– И ты отпустил?

– И я отпустил. Вампир накормил меня досыта.

– Тогда я тем более не понимаю: зачем ему убивать тебя?

Дракон долго молчал.

– Я не знаю, разные мысли приходят ко мне, – признался он. – Может быть, он ищет человека, который исправит то, что он натворил? Он уже делал так. Были времена, когда нас было много. А потом он приводил человека, и мы умирали один за другим. Но иногда мы убивали человека, и тогда он оставлял нам город. Он зовет вампиров и проклинает человека, потом берет человека и снимает Проклятие. Кто может знать, о чем он думает? Может быть, он игрок, а, может, тасует колоду и сдает карты. Или достает человека, чтобы сделать его вампиром. Я чувствую, проклятые и любят, и ненавидят его, и верят, и пытаются обойти. Он хочет, чтобы она признала, что вы больше, чем человек.

– А она? – спросил Его величество, насторожившись.

Дракон промолчал.

Его Величество насторожился: значит, чудовище не влюб-

лена в вампира. По крайней мере, не сходит от него с ума. Зная о Проклятии все, вампир-маг мог бы догадаться, что для полного взаимопонимания надо помолиться над душой. Делов-то!

За то время, что они летели, он успел подумать, с кем имел дело. Он был всего лишь человек, пусть и с начатком вампира. Первоживущий был больше, чем вампир – он имел знания, которые ушли в прошлое с теми вампирами, которые могли проклясть город и родить дракона. Дракон, несомненно, боялся его, и как будто стал добрее и мягче – наверное, запаниковал. Противник у него сильный. И опасный. Чтобы победить мага, дракону нужны были и он, и вампиры. Слава Богу, что маг не использовал методы, которыми обращали человека в вампира они. Не важно кто он, но мудростью он обладал не большей, чем благородный проклятый, которому все люди казались образцом добродетелей. Его Величество усмехнулся: им не видать его, как своих ушей – он сумеет справиться.

– Не держи в кармане яблоки, – попросил дракон, тяжело взмахнув крыльями. – В них яд. От них исходит огонь.

– Мало ли что может быть в молодильном яблоке. Я же сказал: разберемся. Осталось часа три до дому. Три часа ничего не изменят.

Дракон поморщился, но спорить не стал.

Ее Величество стояла на балконе. Драконы о трех и ше-

сти головах с нездоровым видом лежали на лужайке, а не обивали крышу, как обычно. Очевидно, они чувствовали то же, что и двенадцатиголовый. Завидев их, она, не торопясь, ушла с балкона и вскоре появилась на парадной лестнице, спускаясь вниз.

Его Величество поднялся навстречу супруге, и они обнялись, как в добрые старые времена.

– Что?! Говори быстрее! – потребовала она.

Его Величество вкратце, путаясь, рассказал обо всем, что с ним произошло. Она хмурилась, наморщив лоб, обдумывая ситуацию. Лицо ее становилось мрачнее с каждой минутой.

– Я ей покажу, этой выскочке! – наконец произнесла она. – Глаза выцарапаю! Не переживай, личико мы тебе поправим, мне бы только эту тварь достать! Значит не вампиры... один вампир, один! И ключ нельзя взять? Понятно...

– И вот еще... – Его Величество достал три яблока и положил их на стол. – С земли, правда, сам видел, падали... К дереву не подобраться.

– Что это?! – завизжала Ее Величество, закрываясь от брызнувшего от света яблок.

Его Величество растерялся.

– Молодильные яблоки... Прекрати кричать... Тот вампир их ел... Приведите старуху... – приказал он слуге. – С площади, любую, человека...

Старуху привели минут через пятнадцать, а пока ее вели,

пришлось выслушать упреки жены, которая осталась недовольна, когда не нашла подписанных документов о передаче власти. Оправдаться оказалось проще, чем он думал. Страх, волнение, забывчивость...

– Ешь, – приказал Его Величество распластавшейся в коленопреклоненном поклоне старой женщине.

Старуха несмело, с обреченным видом надкусила яблоко, потом еще и еще. В руках остался огрызок.

Но ничего не произошло, лишь глаза засветились живым светом.

И вдруг...

Морщинистая кожа разгладилась, налилась румянцем. Старуха расправила плечи, перестала горбиться, руки стали молодыми и гибкими. Как яблоки налились груди.

Старуха глянула на Ее Величество и снова повалилась в ноги.

– Ой! Матушка! Благодетельница! Да как же?! Помирать собралась, а вы...

Голос у старухи стал звонкий, девичий...

– Закройте ее во дворце, посмотрим, как скоро с нее эта молодость сойдет, и что с молодостью этой сделать можно. А яблоки закройте в сейф, обеспечив температуру хранения. – Она развернулась в сторону Его Величества, всплеснув руками. – И зачем они тебе понадобились? Матушка моя и без молодильных яблок тысячи лет прожила! У нас драконы умирают, а ты тыковки собираешь... Я и без тебя знала, что

вампир там! – супруга сорвалась. – Драконов спасай! Ключ достань! Достанешь, драконы никуда не денутся, у ног и лягут, и спляшут, если понадобится! Такой же безмозглый, как чудовище твое! Два сапога пара...

– Это еще не все, – вздрогнув от крика, произнес ровным голосом Его Величество. – Призрачная лампа в городе... В свете последних событий, думаю, она там же, где и ключ – в горах... Они не вынесли ее из города, поэтому смогли использовать проклятую трижды.

– Мне не до... Лампа? – Ее Величество внезапно остановилась, выдавая волнение. – Настоящая лампа в горах? И как мы их найдем? Горами занята одна четвертая государства!

– Нам не надо искать, прямая дорога к ключу и лампам лежит по пути того вампира, старика и проклятой. Они нашли и оставили их, как есть, снимая проклятие с городов. Иначе драконы почувствовали бы опасность раньше. Мы видели следы. Они спустились с этой стороны гор и вернулись в обход в Проклятую землю. Наверное, вскоре они снова отправятся в горы, чтобы достать ключи.

– Но из гор никто не возвращался! Мы не можем рисковать... В прочем, теперь есть выжившие, лучше б они сдохли! – расстроилась Ее Величество. – Господи, чего этот вампир прилепился именно к нашему чудовищу? Взял бы кого-нибудь другого, мало их в государстве?

– Ему нужен трон... ты права. Я думаю, что города проклятием переносились в другое место. И каждый, кто туда

попадал, оставался в городе. Дракон сказал, что люди приходили и приходили. Если проклятие снято, то мы ничем не рискуем. Конечно, дорога будет трудной, но мы должны попытаться достать ключи. Иначе... будущего у нас нет. Тот вампир не слишком обрадовался нашему присутствию на земле. Ты можешь оставаться во дворце. А я попробую пройти по их следам.

– Ну уж, нет! – возмущенно ответила Ее Величество. – Я никому не оставлю шанса устроить мне западню.

– Опять подозреваешь? – Его Величество был обижен, но мысль управлять драконами показалась ему соблазнительной.

– Боже, как ты собираешься справиться с драконами один? Что будет, когда ключ попадет в их острые коготки? Ключ не накормит их – это могу сделать только я! – напомнила она. – Без меня никто не сможет управлять ими, и я не собираюсь уступить их другому вампиру, который окажется рядом, когда не будет меня. У нас нет полена, чтобы шантажировать их, как делала моя Матушка. Выводи всех строиться, мы пойдем не одни. Значит так, надо предусмотреть все, и подготовиться ко всем неожиданностям, которые могут нам встретиться в горах. Люди на еду пойдут своими ногами. Выбирай сильных, способных поднимать тяжести и быстро передвигаться в горах. Обратней, особенно тех, кто умеет обращаться в зверей по желанию. Они понесут нас на спине, если возникнет необходимость, нагонят предателей и

остановят, если те опередят нас. Остальные пригодятся нам в полнолуние, а до этого понесут наши вещи и помогут подняться на вершины. Из вампиров бери сильных охотников, чтобы выдержали, верных, чтобы удерживать тех, кто может поднять бунт, пока мы отсутствуем. Не хватает мне вернуться и услышать, что трон уже кем-то занят. Кабинет министров заберем с собой, останутся заместители и исполняющие обязанности, а вместо меня и тебя останется мой советник, под присмотром старых друзей дядьки Упыря. Только им могу доверить государство, уж они сумеют остудить любую голову, а до престолонаследия им далеко. Конкурент у нас один, у него драконы о двух и пяти головах, его посади под замок, но со всеми почестями, чтобы не думал, что мы его боимся. Назначь срок на годик за любую провинность. А хоть бы тот же колодец! Проворонил – пусть отвечает! А если его уберут без нас, мы от этого только выиграем, тогда его драконы к нам перейдут, а пока Престолонаследник жив – не договоримся.

– Может, с собой? – предложил Его Величество. – Там от него избавиться будет проще.

– Отвергнется, – с сожалением покачала прелестной головкой Ее Величество. – Справки от врачей принесет, шумиху поднимут, мол, больного мобилизовали... Накараем беду... Ох, заболел бы и умер! Ни убить его, ни отравить путем...

– Я бы обошелся домашним арестом. В любом случае, до

нашего возвращения он не рискнет посадить себя на трон. Что его семь голов против наших двадцати одной?

– А драконов его посадим на цепь, – согласилась Ее Величество. – Ключи от замков я с собой возьму. Если что, скажу потом, что потеряла... Оборудование возьмешь самое лучшее и про подъемники не забудь. Пустим вперед опытных альпинистов из оборотней и людей, они будут закреплять веревочные лестницы, чтобы мы могли подняться следом. Другие пойдут за нами. Им останется снять снаряжение и отправить его наверх. Через две вершины переправимся на драконах и коврах-самолетах. Продукты бери только для людей и для оборотней. Для вампиров побольше концентрированной крови. Месяцев на семь – столько провели времени в горах проклятая и маг. Кроме того, нам понадобится взрывчатка и подрывники.

«Откуда она это все знает?!» – удивленно воззрился Его Величество на супругу. Жена раскрывалась перед ним, как цветок лотоса, в своем мироощущении и знании гор. Но через минуту он уже знал: она считала с него информацию, как вампир вампира, с пользой для дела выуживая знания проклятой о горах и опасностях, которые могли их поджидать. Проклятие и Зов слабо, но работали.

– Сколько тебе нужно времени? – спросила Ее Величество спокойным ровным голосом, как всегда в таких случаях, когда вопрос был решенный.

– Не меньше месяца, – ответил Его Величество.

– Значит, уложимся за неделю. Думаю, и бандиты недалеко за это время уйдут. На драконах мы их обгоним. Вне земли нам ничто не помешает взять их живыми.

– Хорошо, полторы. Меньше не получится. Но мы не можем оставить трон на семь месяцев, – забеспокоился Его Величество.

– Ну, отпуск за десять лет – получается год. Что же мы не люди? Государства без Царей оставались и на больший срок. Когда у Царя сносило крышу и песок сыпался, или наследничек оставался грудничком. И на войну Цари уходили надолго, оставляя трон. Мы идем на войну. Главное, вместо себя оставить верных людей, которые народу понравятся, они у нас, слава богу, есть. Пообещай им, если избавят нас от Престолонаследника, получат все его земли. Вернемся, как только ключи будут в наших руках. Драконы ползают так же быстро, как летают. Вампиры, оборотни и люди нам нужны, чтобы с бандитами справиться. Я не собираюсь воевать с неизвестным мне врагом.

– Логично, – заключил Его Величество. – Надо бы выставить оцепление на границе земли, чтобы не дать удрать этим вероотступникам в горы раньше нас, так надежнее.

– Нет, – остановила его Ее Величество. – Оцепление выстави, но незаметно. Пусть идут, а наши следом, оставляя нам сообщения. Впрочем, думаю, они уже в горах, – с иронией усмехнулась она. – Нужно, чтобы они шли прямо к тому месту, где находились проклятые города. Сколько они успе-

ют пройти за пару недель? Одну, две горы... Мы там уже были, нет там никаких городов. А мы будем знать, куда они направляются.

– Вообще-то, они уже оставили следы, – напомнил Его Величество.

– Так это в первый раз! А вдруг они бегали туда-сюда? На этот раз у них есть цель, они пойдут прямо к тому месту, куда нужно нам. Их нельзя вспугнуть. Жаль, что у нас нет снимков этих гор. На фотографиях остается белое пятно, меня больше это беспокоит. Может, там какое-то излучение? Затребуй информацию. Пусть попробуют еще раз. Надо бы и уфологов с собой взять, – Ее Величество устало потерла виски. – Но вряд ли получится. Пока воевали с землей, все перепробовали.

– Почему же только на наших драконов нацелились? Почему Престолонаследника не трогают? – Его Величество размышлял и не находил ответа. – Послушай-ка, сдастся мне, что там еще два города.

– Наши драконы при престоле. Это еще раз доказывает, что нацелились на трон, – напомнила Ее Величество. – Ему нежен не только трон, но и наши драконы! Замечательно! Теперь мы знаем, откуда драконы взялись и в чем их сила. Если повезет, достанем ключи и от драконов Престолонаследника. Нам останется пожелать ему долгих лет ожидания или скорейшей смерти!

Его Величество поклонился и вышел. Был еще один нере-

шенный вопрос, который мучил его сомнениями. Он быстро пересек холл, поднялся на лифте на три этажа и оказался в темном коридоре. Вход сюда был запрещен не только посторонним, но и прислуге. Быстро поднялся в кабинет с зашторенными окнами и на мгновение замер перед сейфом, вспоминая код. Дважды щелкнул замок...

Лицо его вытянулось, руки задрожали – там, где лежала узда, было пусто...

Глава 5. Спасение утопающих – дело рук утопающих и тех, кому без него не жить

Поход предстоял тяжелый. Потребовался всего один день, чтобы закрутилась, завертелась и набрала обороты компания.

Высочайшие горы вполне подходили под определение «чудо света». В мире были подобные горы, но числились такими же неизведанными, покрытые ореолом тайны.

Все государства искали решение убрать с лица земли Проклятую землю. Многие – и за границами, и в собственном государстве, были недовольны невесть откуда свалившейся на них новой историей государства, и жаждали развеять миф о древнем происхождении царства-государства. Особенно беспокоились Святые Отцы, которые родили государство в муках, вытаскивая народ пещерный и необразованный в люди. Летописи Нестора, случайно найденные в подвалах монастырей, описывали страшный народ, который кровавыми жертвами опустошил государственные земли еще до их приезда в любимую страну.

А любовь к государству, у посланцев из города Без Визы, начиналась прямо при пересечении границы...

Да и как не полюбишь народ, который, при своей грязи и

неопрятности, с коей являлся на собрания, быв рослым, русым, голубоглазым, умеющий побить и врага, и в воде с тростинкою посидеть, и с кротким нравом, встречая и провожая пришельца из рук в руки, оставляя для него всегда в незакрытом жилище пищу, и будучи мстительным, требуя кровь за кровь, даже за обиженного чужеземца, имеющий гордых жен, которые восходили на смерть по смерти мужа, ибо того требовал закон, который охранял мужей от мужеубийства, а вдовство считал позором, вдруг, обузданный человеколюбивым духом христианства, слетел с катушек и добровольно пошел к неприятелю своему требовать государя. Так и сказали: «Велика земля наша и обильна, а порядка в ней нет – идите нами княжить и владеть нами!»

И как-то сразу распределился по крепостям, записывая себя в имущество к барину и помещику, отказавшись от своих прав на себя самого и на все окрестные и дальние земли...

Как не полюбишь такой народ, который и величие, и обилие постигал под ноги обездоленным и стесненным? И вот так – мирно, добровольно, умом дошедший, склонив голову перед образованностью, сразу признав себя быдлом и крепостным рабом, который грамотность осилить не мог, разве что смотреть в рот образованных людей, чтобы испытывать перед ними благоговение, трепет и желание положить себя за Благодетеля, живота не жалея...

Нет, с новыми фактами истории Святые Отцы смирится никак не могли.

Когда пришло известие, что в горах есть особое средство, мгновенно посыпались предложения оказать всяческую поддержку, в том числе финансовую. Это было как нельзя кстати. Экипировку и снаряжение готовили всем миром. Было решено использовать и ковры-самолеты, и вертолеты, и самолеты-разведчики. Лететь в горы на самолетах не рискнули – помнили о том происшествии, когда враг облапошил руководителей военной компании, развернув самолеты и вызвав тем самым панику в умах благочестивых граждан Три-пятнадцатого государства, оставив им знак, похожий на тот, который был нацарапан на скалах. Да и разбивались рукотворные изделия, падая, как раненные птицы. Но на небольшое расстояние, наверное, переместить людей смогли бы.

Желающих сопровождать Величества было много и мало. Каждый, кто желал, мало подходил, а кто подходил, искал любой повод, чтобы не исполнить свой долг. Брать старались только самых неблагонадежных без присмотра, самых благонадежных при любом раскладе и выносливых физически.

– Но оттуда никто никогда не возвращался! – возмущались избранные и поставленные под вопрос.

Все желающие и несогласные сразу же направлялись в разрушенные города на экскурсию, где немногочисленные кости были выставлены на всеобщее обозрение.

– Жадность фраерков сгубила, – чеканил человек, назначенный ответственным за подбор членов экспедиции. – Вот видите, сгнившая одежда! Но не вся она из того времени.

Эта недавняя, ей лет двести. А эта вышла из моды лет шесть назад. А вот скелет... человек пропал. И попал сюда. И мы, возможно, попадем домой быстрее, чем планируем!

– Если город здесь, то здесь люди заблудились, а не там!

– А лыжи? Разве не говорят они вам, что человек в горах пребывал? Это, брат, машина там такая стояла, которая закрывала город и переправляла всех оттуда.

– Мертвых?!

– А вот мы и разберемся!

– Но среди них нет останков вампиров! – возмутились несогласные с избранием на ответственное задание. Особенно кабинет министров, который ни в какую не желал покинуть народ во время отсутствия Их Величеств.

– Обойдемся без революций и переворотов, – вразумляла кабинет министров Ее Величество. – Имейте хоть каплю уважения к тем же Святым Отцам, которые сначала не хотели, а теперь хотят – и претендуют на единственную команду в составе!

– Им ключи нужны, чтобы миром править, вот пускай идут! – возмутились народные избранники. – Их много, а нас – по одному на кресло!

– То-то и оно, что вас мало, а получают ключи, совсем не останется! Зачем богатое кресло отдавать под чужую задницу?!

Пожалуй, радовались альпинисты, неожиданно получившие возможность пройтись по неизведанным горам, полу-

чив указание ни в чем себе не отказывать. И люди, которым неожиданно выпала честь услужить Величествам, проведя много времени в их обществе. Еще оборотни, сразу же разглядевшие шанс отомстить за поражение – они не забыли о Проклятой земле, в которой их убивали и серебро, и живая вода, и огонь земли. Грубая сила лучше всего выявляет слабое звено. Посчитали: в горах, без поддержки со стороны сил природы, справиться с бандой подонков труда не составит – и пусть попробуют накрутить им хвосты лицом к лицу!

Когда члены будущей команды собрались в полном составе, и самые отъявленные скептики признали: экспедиция обречена на успех, даже если отправилась бы покорять космос, а не какие-то там горы. Подводы с продовольствием и снаряжением отправились к месту подъема за неделю. Подняли на первую гору, проверили на прочность и целесообразность в условиях, приближенных к боевым. Вампирам позволили идти в горы налегке, как на прогулку, но вооруженными до зубов: кабинет министров, партийные лидеры, оппозиция в полном составе, ретивые слуги народа, зачем-то выявляющие родословие Их Величеств – и, естественно, их соперники. Набралось чуть больше четырех с половиной сотен. К каждому Их Величествам была приставлена охрана из государственной службы безопасности, которая придушила бы всех и сразу, если бы имела такую возможность.

И такая возможность представилась.

Не обошлось без эксцессов: министр финансов в первый

же день наступил на ноги министру экономики, лидер партии «либеральные демократы» выставил ультиматум партийному лидеру «демократические либералы», а «кислятина царства» раскроила несколько черепов «обломовцам». Его Величество не растерялся и по закону военного времени приказал подкованных нарушителей спокойствия отдать под трибунал. Руки ГСБ уже давно чесались – и руки им развязали. И когда на всех, пытающихся развести экспедицию по разные стороны баррикад, надели наручники и расстреляли на глазах у остальных членов экспедиции, пока еще без наручников (количество вампиров сразу уменьшилось на треть), каждый понял – Их Величества не шутят, и не простая это экспедиция, а с тайным смыслом. Перед лицом опасности все члены в тот же день сплотились дружным коллективом.

Пища шла своими ногами: на каждого вампира взяли по два – три человека. Сокращать количество людей, естественно, не стали, оборотням тоже нужна была пища. Людей выбирали качественных, самостоятельных, покладистых, непривередливых, приспособленных к жизни в горах, сразу предупреждая, что все они могут погибнуть по самой банальной причине. Каждому человеку показывали образец контракта, по которому он, в случае гибели, смог бы получить кругленькую сумму. Бумагу на руки не выдавали, обещая вручить и вознаграждение, и бумагу в торжественной обстановке по возвращении, и поначалу тех, кто не согла-

шался, сразу отправлялся восвояси – бунтарей и склочников в экспедиции не приветствовали. Но когда бунтарей набралось больше половины, Его Величество приказал бумагу выправлять, уменьшив суммы вознаграждений за увечья и смерть до пределов разумного, сократив половину нулей.

– За все в этой жизни надо платить! – согласилась Ее Величество. – И сытость, и благополучие чего-то да стоят, но благоразумно обойтись золотой серединой...

Людей набралось около тысячи человек.

Армия оборотней предпочитала держаться особняком. Эти не задавали лишних вопросов. Часть пути им предстояло пройти с людьми и людьми. И наравне с людьми и вампирами они несли спальные мешки, палатки, продукты для себя и для людей, оружие, ничем не выделяясь, разве что военной выправкой. Их было так много, что счет им вели постайно. В каждой стае вожак имел право облить любого члена сообщества бензином и поджечь, так что оборотни оказались еще и самыми дисциплинированными. Все вожаки подчинялись непосредственно командиру стаи и лично Их Величествам, не вмешиваясь ни в дела вампиров, ни в дела людей.

Естественно, кроме тех, которые охраняли людей и вампиров, назначенные ответственными за их подъем в горах и благополучие. Многие вампиры предпочитали взять своего зверя, который бы ухаживал и охранял господина. Но Их Величества взять из своих разрешили не более двух, которые на время экспедиции считались под началом Их Величеств.

Для пущей надежности каждый оборотень был напоен слюной дракона, которая выжигала всякую крамолу, заменяя ее приятными мыслями об отмщении.

Вертолетами решено было добраться до подножия второй вершины, а если повезет, то до середины третьей. Дальше по возможности на драконах, коврами-самолетами и пешим ходом. На этот раз драконы безропотно согласились служить в качестве средства передвижения – экспедиция была организована исключительно с целью сохранения их вымирающего вида. Но об этом знали только сами драконы и Их Величества. Основная цель экспедиции, для непосвященных в тайны рождения и смерти основной силы, охраняющей законность и порядок престолонаследия, осталась загадкой.

Весть об экспедиции затмила собой поражающие воображение сообщения о катаклизмах и катастрофах, участвовавших в последнее время, унося из жизни не только людей, но и вампиров, оказавшихся в центре события. То в море смоеет, то осиновый сук вдруг проткнет сердце, то спотыкнется вампир на ровном месте и полетит новость об его истаивании, то самолет вдруг ни с того ни с сего откажет, а то низшая форма жизни приспособится паразитировать на всяком месте. Три версии, не противоречащие одна другой, озвучивались на всех каналах. Первая – заполнить пробел на карте. Вторая – выкурить и уничтожить террористов, осмелившихся противопоставить себя государству и его конституционному строю, вступив с оным в открытую конфронта-

цию. Бандитов было немного: пять – десять человек, которым из-за ярко выраженной склонности к агрессии не удалось ужиться с народом. Третья – разведывательная операция по выявлению национальных ресурсов с целью их дальнейшей переработки и продажи на внутреннем и внешнем рынках.

В общем, любая цель была благородной, и трудности никого не пугали...

Лишь Котофей Баюнович замяукал, пытаясь образумить Ее Величество:

– Матушка Благодетельница, да кто ж надоумил?! Там холодно, голодно. Сердешная моя, свидимся ли? Веришь ли, был бы я поздоровее... Говорят, горы те чудо чудное, диво дивное, не то море там, не то они в море, а еще говорят...

– Заткнись! – приказала Ее Величество, обнимая кота. – Смущать себя перед дорогой не позволю. Со мной пойдешь, будешь талисманом и духом экспедиции. Встретим Манькиного ухаля, глаза ему застишь и склонишь к сотрудничеству. Богат, умен, интересен. Все ее благодетели в ногах моих валялись, трех копеек не давая, да еще благодарили за спасение, неужто этот дороже стоит?

Все, кто присутствовал при разговоре Ее Величества и Котофея Баюновича посмеялись. Не такова была Ее Величество, чтобы прощать. Величая падение признаком слабости, приговаривала оступившимся: «Не пожалел бы души своей отдать, не пал бы так низко! Ведь ко мне вела тебя, а ты бед-

ность с проклятым человеком разделил! Хорошо ли было тебе?» И отвечали оступившиеся: «Нет, Ваше Величество, хуже беды не сыскать, хороша копеечка, да пахнет не так».

Манькиных воздыхателей Ее Величество из виду не выпускала, муж должен был видеть, от чего она его спасала: от бедности, от болезней, от серости и убожества, от всякого худого слова и насмешек. Суть чудовища была именно такова: могла она сделать жизнь разве что никчемной.

Перед дорогой она собрала их всех, чему они были несказанно рады, чтобы над обесточенным мужем еще раз каждый воздыхатель обязательно послал проклятия в адрес проклятой, вразумляя своими невзгодами членов ее банды.

После ее слов Его Величество морщился. Смотреть на Манькиных воздыхателей приятного было мало. Жена не только не прощала, она мстила, выжигая дырки в черепе, чтобы убожество и серость были на лицо. Будто он не знал. У каждого обремененного невзгодами при упоминании о Ее Величестве начинала течь слюна, а взгляд становился, как колодезь благодати. Имея такую дырку в черепе, разлюбить Ее Величество пока ни у кого не получилось.

Господи, сколько этих Проклятий было послано – работали бы! На теле не осталось живого места от ран, которыми Ее Величество подкрепляла свои слова. Другие могли только мечтать о шрамах, какие украшали его тело – ведь не мазохист он...

Переброска первой партии экспедиции чуть ли не на вершину второй горы состоялась на четырнадцатый день к утру, второй партии к обеду. Пики второй горной гряды вертолеты перелететь уже не смогли – крылья начали отказывать. Слишком гора была высока. С помощью драконов еще через пару дней экспедиция достигла подножия третьей гряды гор. Здесь драконы летали еще быстро и сновали туда-сюда без усталости. Еды для них было навалом. И когда рвали на глазах у всех они туши коров и тех, кто смущал членов экспедиции вольностью своей, обращая их в пепел, все сомневающиеся перестали пытаться искать способ увильнуть от мобилизации. С драконами и мудрыми наставниками покорение вершин оказалось не таким уж сложным мероприятием.

И тут выяснилось, что нашлись следы банды террористов, от которой они отстают дней на пять...

При донесении оба Величества одновременно побледнели, а сразу после этого встревожился военный совет, который собрался стихийно, окружив оба Величества с вопросительными лицами, и долгое время не могли найти, что сказать друг другу.

– Получается, если вы, Ваше Величество, видели их следы семнадцать дней назад у подножия первой горы, что две горы они преодолели за двенадцать дней? – изумился один из ста вампиров, посвященных в тайну экспедиции с самого начала. – Да как же это?

– А как мы сумели за четыре дня? – усмехнулся другой

вампир, который как будто не удивился известию. – Незарегистрированный ковер-самолет или вертолет... Значит, вы правы, Ваше Величество, им помогают...

– Это исключено, – возразил еще один вампир. – Но ковром или вертолетом можно перебраться лишь через первую вершину. Максимальная высота подъема ковра от земли не более километра, а вертолета шести километров. Кроме того, у каждого ковра-самолета имеется опознавательный импульс-передатчик. Нет, транспортное средство наши засекали бы немедленно и без усиленной охраны.

– Мы должны были подумать о маге, который, вероятно, владеет какими-то дополнительными ресурсами... В любом случае, они сейчас или спускаются с этой горы, или поднимаются на следующую.

– Или уже во дворце устраивают переворот, – подал голос еще один, встревожив остальных. – Очень удобно заманить нас всех в горы с драконами!

– Но что они будут делать, когда мы вернемся? – кто-то пожал плечами.

– Но теперь мы знаем, что преодолеть гору они могут за пять-шесть дней... Обратни могут преодолеть гору за один – два дня. Следовательно, мы можем легко их нагнать теми оборотнями, которые умеют трансформироваться в любое время. Мы переберемся через третью вершину и пустим их по следу. И через пять – десять дней вся банда будет в наших руках...

– Не обольщайтесь, министр. Там маг! Сорок оборотней, способных без полнолуния стать собой, могут и не справиться с ним. Нам лучше не строить иллюзий и надеяться на полнолуние и драконов. Возможно, мы нагоним их сами. Все же, мы поднимаемся в гору быстрее. Первая гора не такая высокая, вторая выше, но не такая, как эта. На эту гору у них, несомненно, ушло больше времени... В полнолуние, когда все оборотни смогут пуститься в погоню, мы справимся и с магом.

– А как найдем, где стояли проклятые города? – спросил кто-то из вампиров, благоговейно взирая на третью гору, представшую во всем своем ледяном величии. Членов экспедиции начинало беспокоить, что каждая горная гряда была намного выше предыдущей. Троица выбирала самое меньшее из зол, горы той же горной гряды слева и справа были не только выше, но и опаснее, поднимаясь отвесно на километровую высоту, иногда под углом. Выбор маршрута оказался невелик.

– Я знаю, как, – ответила Ее Величество, посвящая тех, кто еще не был проинформирован. – Шакалы повсюду оставляют следы, и сейчас они не рыщут в поисках, а идут туда, где города стояли. Мы движемся следом. Оборотни быстро найдут то, что мы ищем. Во-первых, там должна лежать лампа, во-вторых, статуя, а в-третьих, нам останется взять ключ...

– И вырвать сердце всем, кому мы обязаны нашим путешествием, – сплюнул один из вампиров.

– Так, значит, города... тоже их рук дело? – сразу несколько непосвященных пока голов обернулись в сторону Ее Величества с протрезвившим взглядом.

Многие видели оставленные предателями следы, возмущаясь, что были испорчены как раз те самые подъемные места, которые казались самыми безопасными и удобными. А многие перепугались, когда поняли, что идут по следу тех же самых опаснейших преступников, которые с такой легкостью отбили все атаки на захваченной ими территории.

– Мы погибнем! Даже их след заразен для нас! – воскликнули сразу трое.

– Не смешите! Не придумывайте способностей, которых у них сроду не было и не будет, – пренебрежительно пожала плечами Ее Величество, успокаивая непосвященных. – Не они, а неугасимые поленья, которые драконы доверили охранять моей Матушке, оставляют такой след. Поленья были украдены и огонь выпущен на волю, этот огонь смерть для нас, и только убив их, мы сможем уничтожить его. Они таскают эти поленья повсюду, и даже здесь. Теперь вы видите, как опасны преступники, которые покусились на государство и на всех нас. Это война, господа, война не на жизнь, а на смерть. Да, среди нас появились предатели. Но они бояться нас больше, чем можете себе представить. У нас есть оружие и драконы, нас много, а у них только это полено. И они торопятся, но преимущество на нашей стороне. Я уверена, через пару недель мы будем дома за чашкой кофе вспо-

минать наше путешествие с улыбкой.

Вампиры засмеялись...

Усмехнулись про себя оборотни, охраняющие Совет и присматривающие за людьми, которые разбирали вещи выскопоставленных членов экспедиции. Им не было дела до проклятых городов, но предстояла большая охота – до полнолуния оставалось менее двух недель.

Люди, которые оказались неподалеку, тоже заулыбались, но не так уверенно. По большей части не понимая, о чем идет речь. Они не умели определить землю, которую Ее Величество и приближенные называли «проклятой», разве что по мху, которым покрывались в тех местах камни. Часть экспедиции обходила их стороной, исполняя рекомендации держаться от таких мест подальше – но не всем, а только тем, кто обладал особой чувствительностью. Но те, кто смеялся уверенно, всегда были такими обаятельными, милыми, и когда они смотрели в глаза, хотелось стать яблоком, чтобы покусали. Не поддержать их было равнозначно противопоставить себя дружному коллективу, команде, в которой каждый мог рассчитывать только на поддержку друг друга. Не каждый день простому человеку выпадала честь стоять рядом с Величествами, полетать на драконах и не быть сожженными заживо. Каждый понимал – ему выпал шанс открыть новую страницу в истории, увековечив себя величайшими открытиями.

Но на вершину третьей горы поднялись лишь через шесть дней. Поднялись, в основном, благодаря драконам, которые умели ползать по скалам и отвесным стенам с удивительной быстротой и цепкостью, когда казалось, что и пауку зацепиться не за что. За ночь драконы успевали спуститься вниз, загрузиться грузом и людьми, и уже к завтраку следующего дня оказывались на вершине, так что оставалось просто сидеть и ждать остальных. За день они успевали сделать еще один заход. И основная поклажа, которую им пришлось поднимать, представляла собой продукты, снаряжение, оружие – и все то, без чего такая масса народу не смогли бы обойтись в горах.

Многие впервые осознали опасность, когда повисели вниз головой над пропастью, привязанные ремнями к сидениям, вцепившись руками в подлокотники. Сиденья ходили ходуном, каркас для драконов готовился в облегченном варианте, чтобы не стеснял движений. Кроме того, сказалась неорганизованность и отсутствие навыка выживания в горах. Немногие бойцы успели побывать в них прежде.

Одной общей кухни оказалось мало, кормились в несколько заходов, а продукты и котлы пришлось разбить на две кухни, одна из которых отправлялась с первой партией, вторая в самом конце. Палатки собирали и разбирали при каждой остановке – и первыми к отправке всегда были готовы те, кто устраивался в пещерах и гротах, но им-то как раз приходилось дожидаться последней очереди, поскольку с боль-

шим комфортом устраивались нужные члены экспедиции – врачи, Святые Отцы, поддерживающие дух экспедиции, повара... Кроме подрывников, которые пользовались особыми привилегиями: им вменялось контролировать трассу и переправлять запасы взрывчатого материала и устройств – им требовался отдельный дракон, заранее специально обустроенное место и охрана, а еще альпинисты особой категории и обслуживающий драконов персонал, которые следили за безопасностью и исправностью креплений и механизмов.

Неожиданно испортилась погода. На вершине шел снег, у подножия – проливной дождь. Для того, чтобы высушить одежду требовалось дополнительное топливо. Благо, у военных нашлись плащ-палатки, но их было мало.

Подножия четвертой горы достигли лишь на восьмой день от начала экспедиции, переправляя людей и грузы с вершины третьей горы коврами-самолетами и, опять же, драконами, которые с горы спускались быстрее. Чтобы слететь с горы им хватало часа, а поднимались полдня. Благо склоны с другой стороны гор оказались пологими, но опасность представляли трещины в ледниках, расщелины, горные бурные потоки рек, непроходимые ледовые торосы и нагромождения скал. И этот чертов холод и пронизывающие до костей ветра, сдувающие плохо закрепленные палатки. Многие, кто имел опыт катания на лыжах в горах, не дожидаясь своей очереди, сами съезжали с горы на лыжах, что значительно облегчало спуск, но перебраться через расщелины и трудно про-

ходимые места им приходилось с помощью приспособлений, которые почему-то начали отказывать и выходить из строя один за другим.

Слава Богу, погода к шестому дню более или менее наладилась! Небо было хмурое и выли ветра, но дождя не предвиделось.

Низина между третьей и четвертой горной грядой была широкой и падала глубоко вниз, обогреваясь не только солнцем, но и горячими источниками. Снега здесь еще не было, или был, но таял. На шапки ледников уже налюбоваться успели, и теперь радовались возможности еще раз пройти по траве. Обширная межгорная территория густо поросла деревьями и кустарником, радуя взгляд осенним нарядом и живописными водопадами.

Люди разбили лагерь, дожидаясь остальных. Первые группы прибыли сразу после подъема на третью вершину, на которой мало кто задерживался, и кто-то здесь был уже шестой день.

Стучали топоры, горели костры, кто-то заготавливал уголь, чтобы пополнить запасы горючего. Видавшие виды альпинисты разевали рты, любуясь уходившими круто вверх редкими ступенями, вырубленными в твердом граните, на которых не скапливался снег. Разбрелись, фотографируясь группами и одиночно на фоне первозданных пейзажей, где не ступала нога человека, или, по крайней мере, ступала, но

не часто. Кто-то брал пробы грунта и собирал для исследований камни. Кто-то порывался слетать на ковче-самолете к озеру, расположенному не так далеко от основного маршрута. Наловили сетями рыбу, накормив ею экспедицию до отвала. Кто-то ахал и охал, когда ему показывали, как бешено вращается стрелка компаса, потеряв и север, и юг.

Слава Богу, подтягивались последние группы, на третьей вершине остались лишь высокопоставленные особы, которые замыкали колонну.

Немногие обратили внимание, когда вдруг ни с того ни с сего по-зимнему засвистел ветер, сотрясая горы – и еще меньше слышали, когда в вышине, обрушив вниз тонны выпавшего за предыдущие дни снега, сотрясая соседние горы и запирая проходы слева и справа, в чистом небе отчетливо прокатился смех, и нечеловеческий голос несколько раз произнес внятно и грозно: «Умрете!».

Голос прокатывался эхом, ударяясь в скалы и откатываясь назад, будто искал кого-то... Лишь один из людей, стоявший в стороне и с тоской высматривающий третью гору, насторожился, прислушиваясь и побледнев, поднял голову и подумал, что не надо было идти с людьми, которые и плачут, и смеются одновременно, и часть из них раскрывают пасти, когда лица их немного сонные. С такими людьми отношения у него не ладились. Хуже, они зачастую искали ему смерти...

Он мог бы и не ходить, но бедственное положение не оставило ему выбора. Сам он был смысленый, по крайне ме-

ре, считал себя таковым, но какой-то невидимый и беззлой- ный. Болезни, над которыми он посмеивался, правили его телом, странная изнуряющая тоска приходила и выкачива- ла его, внезапно накатывало отчаяние и сердце сжимала без- надега, от которых хотелось повеситься, и пустота внезапно окружала дух, обрушиваясь на каждого, кому он становился не безразличен, убивая самых дорогих людей. Он задыхался в этом вакууме. И он знал причину, по которой свалилась на него напасть: бабка-кормилица, старая ведьма, которая вла- чила жалкое существование, проклинать людей умела и зна- ла о проклятиях и порчах не понаслышке. Прислушиваясь к себе, он давно не питал иллюзий, что дерьмо в его голове вдруг изменит о нем мнение, и не пытался договориться – дерьмо было мертвым. Были ночи, когда он плакал и завидо- вал людям, которые не имели представления о ночи, скрыва- ющей людей, не понимая его. Голова чернила его настолько предсказуемо, что иногда обезьяна имела право называться человеком больше, чем человек, который прикладывался к этому гаду, удивляя покладистой покорностью и выказывая то, что он меньше всего хотел бы увидеть или услышать от человека. Зависимость от погани, плюющей на него и из него самого, бесила. Бесила до такой степени, что он с удоволь- ствием раскрыл бы себе череп, чтобы вынуть оттуда мерт- вый камень. Но он знал, Благодетель, который истыкал его своими насмешками, наступивший на его голову и заклю- чивший сделку с самим Дьявол, только того и ждет – и он

бежал от себя, от Благодетеля, от людей...

Новости об экспедиции добились его окончательно. Против правил он мог оказаться рядом с драконами, изучить их повадки, найти слабое место и, наконец, раскрыть секрет долголетия. В другое время к драконам было не подступиться. Но разве неудачник, как он, мог мечтать о том, чтобы перепрыгнуть через миллионы желающих отважиться на рискованное предприятие?

На призыв он откликнулся не за тем, чтобы его взяли, а чтобы убедиться, что именно его не возьмут. Но верховный главнокомандующий ошупал его со всех сторон, заглянул в рот, смерил давление и сказал «браво!», выдавал талон на получение полного комплекта амуниции, инструментов, снаряжения и аптечки. Так быстро и внезапно все произошло, что потом, в номере отеля, куда селили везунчиков, схватившись за голову, долго пытался вспомнить, где и как он получил свой рюкзак и спальный мешок.

«Нет, – решил он, – пора вернуть добро народу!» Он всегда был незаконнорожденный сын, и сама мысль узаконить себя в глазах народа показалась ему дикой. В очередной раз он убедился, что его господин эксплуатирует его и на этот раз: сам он попасть сюда не торопился, но был искренне заинтересован в получении достоверной информации. Благодетелю ничего не стоило получить ее, будучи далеко, тогда как он, прислушиваясь к себе и усматривая лишь сумерки, терялся в догадках, кто этот Благодетель и что ему от него

нужно, ровно как чем он там занимается.

Он сложил обратно разобранные вещи, с сожалением пересчитал уже полученную часть вознаграждения и собрался выйти, как вдруг представители двух народов вошли в его номер, несмело озираясь по сторонам.

И на свою беду, или на счастье, замешкался, разглядывая добрых молодцев, которые в свою очередь с одинаковым любопытством, как-то уж слишком заинтересованно, рассматривали его, загородив выход. Не преднамеренно, просто он занял кровать у окна, а им достались две кровати, которые были ближе к двери.

Один был бледнолицый голубоглазый северянин, с пышными густыми золотисто-русыми локонами, напоминающими, скорее, парик, с такими женственными чертами лица, что, встретив его на улице, он так бы и подумал – женщина и, несомненно, обратил бы внимание. Одет он был соответствующе, в синие обтягивающие джинсы и черную кожаную куртку с блестящими заклепками, цепочка на шее удерживала ковбойскую шляпу, которая болталась за спиной.

– Зуля, – он протянул руку, одновременно нога об ногу снимая вышитые серебряными нитками сапоги с острыми концами и на каблуках. Глубокая голубизна его глаз завораживала и притягивала, длинные ресницы, которые почти ложились на брови, несколько раз как-то уж слишком игриво моргнули.

Утонув в его глазах, он не сразу обратил внимание на пра-

вильные черты его носа и пухлых губ. Пожал концы его пальцев, едва пошевелив губами и тряхнув головой.

Думать о Зуле, как о мужике, получилось не сразу.

– Валимир... Можно Валя... Я привык.

Второй – загорелый кареглазый южанин, противоположно мужественный, с черными смоляными волосами, связанными в пучок, разом привел его в чувство, выставив и поднеся к носу кулак. В пронзительном взгляде второго народа чувствовалась некая сила, которая могла бы разоблачить и Благодетеля, чернившего его день и ночь. Он невольно засмотрелся, забыв, что только что собирался уйти, слегка позабыв довав мужественной красоте и статности северянина.

Кулак разжался, и парень протянул руку первый.

– Игорь...

Оба парня были жилистые, высокие, как он сам. Он даже почему-то не стал сопротивляться, когда они к нему подступили и начали ощупывать со всех сторон, и совершенно растерялся, когда вдруг новоприбывшие искреннее чему-то обрадовались и, таинственно и лукаво глядя друг на друга, пришли к молчаливому согласию. Никогда прежде у него не было, чтобы его приняли вот так, сразу. Обычно приходилось долго доказывать, что он человек и чего-то стоит. И вдруг понял, что ждет их решения, как приговора...

– Этот, кажись, нам подойдет, – сказал один из них, пощупав его за ягодицу.

– Изыдите от меня! – Валимир грубо оттолкнул обоих. –

Благочестив я, и помышления мои не допускают сатану!

– Наши тоже, – прогундосил второй. – Но как жить без сатаны? Кушать, бывает, хотца! Тьфу, святоша... – разочарованно повернулся северянин к своему товарищу.

– Изгнали! – быстро поправился Валимир, пока те двое не разочаровались в нем окончательно. – Лицом не вышел, Дух Святой не пристаёт...

Он так устал от одиночества, что ему было все равно с кем его разделить.

Так с народом он не веселился с тех пор, как ушла из жизни бабка-кормилица, самая веселая повитуха и ведьма, которая могла часами приучать его смеяться над собой. Он помянул ее с благодарностью, невольно списав быстрое сближение на последние тренировки и медитации, которые применил к себе, используя ее наставления. Много она в него вложила премудрости, но тогда он был мальцом и премудростями не интересовался – а жаль, их-то как раз ему и не доставало. Пятнадцать лет спасение было под боком, но разве кто-то задумывается о могиле, когда вся жизнь впереди и все дороги открыты? Как гром среди ясного неба грянула беда, когда вдруг в скором порядке пришлось вспоминать бабкину науку, чтобы спрятать себя под вуалью и отвести глаза косенькой с косонькой. Вспомнил он о них совершенно случайно, наткнувшись в столичной библиотеке на манускрипт, который выставили как музейный экспонат. Документ нашли в

архиве некого мецената, который, разобидевшись на наследников, завещал коллекцию раритетов городу.

И вдруг понял, что смог его прочитать...

По-своему. Вот поле ужаса, а вот рука Владыки, придавившая голову, и светильники, и Зов Крови, и Зов земли...

Бабка знала, как без всяких пентаграмм вызвать демона пред светлые очи и заставить раскаиваться во всяком своем происке, и как обличить нечистого и избить человека, не дотрагиваясь до него, и как сварить чудесное зелье или обрюхатить вдовушку и покрыть вуалью молодую девицу. Сама она крови не искала, помогала положить Владыку, или похабила его и разворачивала в другую сторону, но за помощью к ней обращались люди обездоленные, так что заработанного едва хватало на пропитание.

Ребята оказались веселые, по жизни больные оптимизмом. Казалось, ничто их не волнует – шутки сыпались, как горох из дырявого мешка. У него так не получалось. В тот же вечер они затащили его в кабак. Подъемных выдали немного, но в горах вряд ли пригодились бы – и он с радостью согласился потратить состояние.

Знали бы они, сколько лет он не имел на руках столько денег сразу!

Но два парня, похоже, не за тем шли, чтобы помнить о его благородной бедности. Со скучающими лицами отодвинув бутылку из-под самого дорогого вина, какое нашлось в заведении, они дождались метрдотеля и выложили ему на стол

все что имели. Метрдотель оглядел их придирчивым взглядом и предложил на выбор: или платите, или молитесь на господина в форме.

– Программа у вас не самая изысканная, посмешить бы народ. А можно, станцуем? – предложил северный народец, заметив на сцене полуобнаженную девицу, искреннее удивляясь, что они заказали, чтобы им принесли такой огромный счет. – Поплачем, глядишь, подадут...

– Все трое? – округлил глаза метрдотель, не без интереса приглядываясь к Зуле. – Освистают, будете мыть посуду и полы на все дни, пока вас в горы не заберут! – пообещал он. – И завещание на меня напишете. Я слышал, наследнику вашему подъемные полагаются?

– Я бы лучше помыл, – согласно кивнул Валимир, но ему подмигнул южный народец.

– Брось, не парься! – Игорь не скрывал довольную ухмылку.

И зачем-то потащили его в гримерную, раскрывая свои спортивные сумки, туго набитые барахлом...

Зуля сразу же принялся учить его извиваться у ног, стягивая с него в нужный момент шелковые платки и полупрозрачные покрывала. Игорь забряцал браслетами, цепями и опакалами. Вскоре его поставили перед зеркалом, и Валимир едва узнал себя накрашенного и выряженного под султана. Северный народ стал не то госпожой, не то наложницей, южный явно рабом.

– Ты, главное, не тушуйся, гладь себя по тепленьким местам, от которых бабы дуреют, а я займусь мужиками...

– Честно отработывай денежки, а то неустойку требовать начнут, – посоветовал Игорь. – Он тебя прикроет. Но не сразу, дождись, когда постучу вот так, – он изобразил два прихлопа. – Встанет, покажи народу красоту свою, не встанет, лучше попридержи набедренную повязку. Остановиться надо вовремя. Там подклад, он не даст упасть лицом в грязь.

– Да я народу в глаза после такого не смогу смотреть! – возмутился Валимир, ужасаясь тому, на что его толкали.

– А для чего тебе пялиться в глаза-то? – удивился Зуля. – Ходи, не поднимая глаз. И пусть нагибаются, чтобы в твои глазоньки заглянуть. Да ладно, брось! – он подбадривающе похлопал его по плечу. – Мы их так насурьмили, кто опознает? Представь, что ты на невольничьем рынке, и богатые бабы покупают тебя.

Южный народец подсел к нему и душевно произнес:

– Пойми, мы ничему другому не научились. Я и Зуля танцуем вот с таких лет! – он показал от горшка два вершка. – А театры нам не слишком рады.

Заиграла музыка. Его провели и уложили на подушки. Поставили перед ним фрукты и налили бокал вина. И он обалдел, когда вышла красоты неопишуемой принцесса Зулейка и запорхала по сцене, зазывая и животом, и попой, и всем, чего у нее было и не было, позволяя прикоснуться к своей ножке. А тут еще раб Ибн-Ибрагим стал ухлестывать за кра-

соткой, выставляя его дураком.

Пока он ползал, как самый настоящий придурок, теряя по дороге то башмак, то колпак, зал разрывался аплодисментами и визжал от восторга, бросая на сцену кошельки...

Столько денег он в жизни не имел...

Сама судьба подогнала ему двух друзей – он так и заявил об этом, намекнув, что не было бы счастья, да несчастье помогло. Но оба парня лишь переглянулись, сокрушенно покачав головами.

– Ты у нас будешь четвертый третий, которому снесут головушку, если наши барыши достанутся не нашему Благодетелю. Нас ищут. Поэтому мы решили пожить рядом с Величествами, чтобы по доброте их, освободить себя от бремени Благодетеля.

Он отговаривал их, не так настойчиво, как сделал бы это сейчас. Все же, тогда он был чужим для них и не забывал об этом. Но разве отговоришь, если оба они задались целью обойти всех и войти в состав самой известной и богатой труппы при дворце Их Величеств? У каждого человека есть мечта, у этих двоих – особенно, и он понимал, что оба его друга заслуживают того, о чем мечтали. И когда представился случай остаться с последней группой на третьей вершине, оба приятеля остались, не раздумывая.

Ох, если бы он знал, что успел так полюбить их за эти три недели, он бы заставил их сесть на ковер-самолет силой.

Он еще неделю назад решил, что останется с ребятами, когда они вернутся, и не сомневался, что справится с их Благодетелем и без заступничества Их Величеств. Себе помочь трудно, другим было как-то проще. Он и драконов умел обвести вокруг пальца...

Но так и не успел сообщить им о решении и посвятить в свою тайну, подыскивая для этого подходящий момент. А когда вдруг узнал, что они остались там, на вершине третьей горы, тревожно кольнуло сердце... Может быть, он не умел сделать такой номер, как Игорь и Зуля, зато понимал кое-что в людях, научившись от своей кормилицы. И когда против правил в их палатку подселили двоих из чужого отряда, впервые за последние три года открылся, чтобы получить информацию извне....

И сразу услышал крик о помощи, и пришла боль...

Как всегда в таких случаях заболела голова, но какой-то не своей, чужой болью...

Нет, с болью можно жить, боль пройдет, в видении он не увидел главного – драконов, его драконов, которые пожирали людей.

Страх отпустил, Валимир снова подумал, что если сумеет разгадать тайну драконов Их Величества, то победит своих, которые приходили к нему во сне, и в видениях, и воровали его силу, и убивали людей. Наверное, драконы Их Величеств были такие же опасные, но эти не видели его, как те, которые держали его голову в своих страшных лапах. Сегодня вече-

ром он посвятит друзей в свою тайну, которая мучает его много лет. Он верил, что все обойдется, и крик о помощи не имел отношения лично к нему. Он не позволил себе слушать сердце, которое продолжало ныть, чтобы не накликать беду...

Но почему они не спускались с горы?

Каждая минута превратилась в вечность. Где же вы, Зулейка и Ибн-Ибрагим? Бог не мог забрать у него друзей, как всех, кто был ему дорог...

Грохот барабана позвал людей на ужин. Валимир оглянулся. Драконы улетели за последней партией экспедиции давно, еще до обеда, но пока их было не видеть. И облегченно вздохнул, когда один из возглавлявших экспедицию, взглянул в бинокль и весело передал по рядам: «Вижу! Вот они! К ночи будут. Установите маяк!»

Он обрадовался и незаметно завернул в пуховик буханку хлеба и три банки консервов, огляделся, чтобы выскользнуть незаметно из-за стола – и случайно подметил, что еще один вспомнил о тех, кто остался наверху. Он тоже расстегнул теплую куртку и случайно уронил внутрь небольшой кусок колбасы и вареную курицу, подобрал кем-то оставленный ломоть хлеба.

Валимир улыбнулся: этот парень давно ему нравился. Наверное, дожидался балагура – лицом один в один. Их постоянно видели вместе – не иначе, братья. Оба они были из

группы подрывников. Подрывники в экспедиции имели особый статус – им и места получше доставались, и на драконах они поднимались в особом режиме, и уважения к ним было поболее, чем к остальным. Пока в их подрывниках не было нужды – ребята скучали.

Нет, подрывника не тронут – Валимир заставил себя успокоиться окончательно.

Представился удобный случай завести полезное знакомство, а если повезет, добраться до серьезного оружия – кое-какой опыт у него имелся еще с армии, о которой он старался не вспоминать.

Познакомиться и наладить отношения оказалось делом простым. Виткас сразу же протянул руку и представился, обрадовавшись знакомству. Было заметно, что он нервничает, переживая за брата, с которым давно не расставался. Новый знакомый назывался и с ходу начал рассказывать о себе, забыв поинтересоваться его именем. Наверное, волновался. Запинаясь, будто извиняясь, он поделился, как оба брата оказались здесь: к призывному пункту призвали всю их бригаду – она работала в горах, очищая от снега горные трассы. Брат, услышав о призыве, увязался за ним, и в экспедицию взяли обоих. Брат подрывником не был, осваивал профессию на ходу, и сейчас Виткас не понимал, почему попросили остаться не профессионала, а несмышленища – и для чего вообще понадобился подрывник, спуск давно очистили от опасных снежных наносов.

– Валимир, – представился Валимир, улыбнувшись, когда Виткас не без восторга признался, что всегда думал, что жил в горах, но, увидев эти, понял, что теперь не назвал бы их холмами. Глаза его горели, когда он смотрел вдаль, где поднимались одна горная гряда за другой, и на горное озеро, на поваленные лавинами деревья, не переставая тревожно следить и за третьей вершиной.

Поджидая драконов, Валимир немного рассказал о себе, невзначай намекнув, что когда-то был сапером. Показывая добытый провиант, он, в свою очередь, посетовал, что не сумел умыкнуть спирт, который им выдавали, чтобы согреться и снять напряжение.

– У меня лучше есть! Коньяк! Домашний! – радостно сообщил Виткас. – Виноградник нам с братом от отца достался, а коньяк еще отец отжимал... А давай к нам перебирайся, – с ходу дружелюбно предложил он. – Ребята котел греют, помоешься, и твои не помешают. Пещера у нас небольшая, но место есть. И вакансия... – сообщил он воровато, вполголоса, едва ли заметив, как вздрогнул Валимир. – У нас трое перед самым походом, в последний день выпили какой-то отравы... Струсили, наверное, – расстроено проговорил он и покраснел, как будто струсил сам.

– Ну и правильно, – оправдал их Валимир. – Чего им тут делать? У них, наверное, семья, дети... Брать должны были необремененных, а я смотрю, кого здесь только нет...

Неожиданному предложению Виткаса Валимир обрадовался несказанно, о такой удаче он не посмел бы мечтать. Радость была омрачена лишь отсутствием друзей. Во-первых, он давно хотел посмотреть на жилище тех троих, которые оставляли надписи на скалах, но пока случай не представился. Пещеры доставалась группе подрывников и тех, кто готовил путь для высокопоставленных особ, а он грузил и перетаскивал тяжести, когда группы экспедиции отправлялись на новое место. Каждый, кто нес палатку, должен был поставить ее и дождаться остальных, потом шли на ужин, а после ужина все обязаны были вернуться на прежние места. В лагере ввели комендантский час, покидать палатку от ужина до утра никому не разрешалось. Впрочем, никто и не покидал – спали, как убитые, в горах было мало кислорода, организм здоровых людей требовал отдыха. А днем их из виду не выпускали охранники, которые были приставлены к каждому отряду. Да и не до того было, все время приходилось что-то делать, в крайнем случае начинались учения. А во-вторых, выпавший шанс оказаться в группе подрывников, давал хоть какую-то надежду выжить в горах, когда кругом то и дело не то люди, не то звери внезапно загадочно скалились и уходили, когда была нужна помощь.

Валимир вошел в палатку, собрал в рюкзак вещи и свернул спальный мешок.

– Ты куда? – остановил его старший по группе.

– Парень меня один пригласил, у них место есть. Они в

небольшой пещере расположились, там, где подъем начинается по лестнице. Они там баню устроили, – он растянул улыбку от уха до уха. – Помоюсь по-человечески!

– Иди, – согласился старшой. – Если место есть, иди. Видел я эту пещеру и подъем видел. Не знаю, парень, что здесь происходит, но как-то странно, что люди обходят стороной самые добрые места. Там подъем проторенный, кому-то не лень было вырубать лестницы. Завтра, когда начнем, вернешься...

– И это... я, наверное, не вернусь, – сообщил он. – Им подрывник нужен, а я... не скажу, что специалист, но имею опыт. И моих ребят тоже отпусти, – попросил Валимир. – А то я без своих не пойду.

Старшой с интересом посмотрел на него, махнул рукой.

– Ну... друг у меня там, привет передавай... Иваном кличут. Без дела они тоже не сидят, а палатку мы утром сами соберем, все равно на драконах подниматься. А от двух лодырей я с удовольствием избавлюсь, – порадовался он. – Но их, похоже, куда-то уже перебросили. Тот, с эмблемой, – старший неопределенно кивнул на выход и посмотрел на два спальных мешка, в которых лежали новые люди, – привел этих и сказал, чтобы я вместо тех двоих принял... Тоже мне, экспедиция! – фыркнул он. – Кажется, немногие обрадовались найденным припасам, половина не притронулась ни к зелени, ни к орехам, ни к грибам, которые мы собрали на той поляне... – старшой нахмурился. – Неизвестно,

сколько нам еще здесь, консервы бы экономить...

– Я просто думаю, радиоактивные они. И кто-то знает, а кто-то нет, – подал голос один из новеньких. – Я слышал, они про полено какое-то говорили, про огонь из земли, про проклятые города... На военном совете. Мы неподалеку стояли.

– Я завтра узнаю, – еще больше нахмурился старшой. – Спрошу, почему нас не предупредили.

– Ага, и все ступени радиоактивные! – засмеялся из спального мешка второй новенький. – Радиация она или есть, или ее нет. Мы на драконах штурмуем горы, как крепости, а люди ходят, где легче. Иди быстрее, – посоветовал он Валимиру. – А то Его Величество больно строг, или охрана наша затоскует – враз на место вернут. Все они, похоже, за людей нас не считают. Они сами по себе, а мы сами по себе. В горах так нельзя. Слышали, еще не прошло и десяти дней, а восемнадцать человек уже погибли. Нас десять в палатке было, восемь среди ночи исчезли. Странно как-то: то зверь, то лавина, то со скалы сорвался, а то ушли, говорят, в каком-то другом направлении. А если ушли, почему не разбудили? Вот, записку оставили: «Беги!», – он вынул из кармана мятый клочок бумаги и передал старшому. – Куда бежать? Зачем? И вещи их... После всех этих смертей нас и пописать не выпустят.

В спальниках зашевелились, высовывая головы, прислушиваясь к разговору. Записку пустили по рукам. Но не все, кто-то уже спал.

– Дурак, о тебе же беспокоятся, – заступился за руководителей экспедиции старшой. – Знал бы, сколько народу в этих горах сгнуло. Нечисто тут. Я от отца про горы эти слышал. Не возвращаются отсюда.

– Как пропали? – насторожился Валимир, предчувствуя недоброе. Обычно, он не слушал, что говорили за спиной.

– Да так, сегодня за ужином сказали, – подтвердил слова новенького старшой. – Это поначалу не поймешь, кто есть, и есть ли вообще, а теперь, когда друг друга знают, не скроешь. А свита молчит. Наверное, чтобы паника не началась. Короче, кто людей знал, за ужином рассказали, что все они или оставались с последней группой, или ложились спать со всеми, а проснулись – их нет. А я вот думаю, может, троица эта, которая шныряет где-то здесь, охоту на нас устроила, а нам не говорят?

– Вряд ли. Злой человек не стал бы в горах себя так показывать, – не согласился Виткас, застыв на пороге, дожидаясь, когда теперь уже товарищ соберет свои вещи. – Те трое, пожалуй, далеко ушли.

– А что же они пишут: «Смерть вампирам! Смерть оборотням!» – обижено произнес старшой, залезая в спальник. – А подписываются как? «Маня, Борзеевич и Дьявол!» И странно пишут, будто выплавляют камень. Мы люди, а они о нас что? Совсем совесть потеряли. Кто такой Дьявол? Это же сатана!

– А кто такой сатана? – пошутил Виткас. – Это же Дьявол!

Да ну, – не согласился он. – Лес не палят, не мусорят. Не людям же смерть. Там один в яблочко непонятно откуда попал. Я яблоко видел, и следы нашел, но уж слишком далеко. И грибы, и ягоды собирали они. Мы четыре дня назад прилетели, делать нечего было – пока ждали, все тут облазили. Хотел бы я посмотреть на этого стрелка! Нет, они не прячутся, смело идут, открыто. Ерунда какая-то.

– Ребята, кто-нибудь из вас на войне был? С землей, мимо которой пролетели? А я был! У меня до сих пор огонь в глазах стоит. Может, и в самом деле Дьявол подписался? Я бы не удивился! – усмехнулся он.

– Какой огонь? – живо заинтересовался Валимир, не обращая внимания на гнетущую повисшую тишину. Дьявол, безусловно, заслуживал внимания. Увидеть надписи ему повеселилось только раз на третьей вершине.

– Обыкновенный. Молнии из тучи. Одна молния – и роты нет, еще одна – и ракетная установка накрылась. Я думаю, мы как раз за теми предателями идем. Вон сколько оружия с собой, а зачем оружие, если не война? А если мы за ними идем, то чего от них-то ждать?

– Ну, у нас автоматы и винтовки... – подытожил старшой. – Не справиться им с нами со всеми.

– Стрела бесшумно летит – пойми потом, откуда она прилетела! – усмехнулся Виткас. – Но сами подумайте, люди пропадают то позади, то рядом, а те, что на скалах пишут, те впереди идут – все время впереди! Они зерна заварива-

ют, вот, – Виткас вытащил горсть пророщенного зерна. – И просыпают иногда. Смотрите, зерно проросло. Они тут были неделю назад.

Виткас высыпал горсть зерен на газету, поднял рюкзак Валимира и вышел.

Валимир вышел следом, заметив, что драконы вот-вот достигнут лагеря. Надо было поторопиться встретить друзей. Позвать их, наверное, он имел право.

Странно, известие о смертях, вместо того, чтобы заставить его убиться, принесла ему облегчение. Он вдруг ощутил пустоту – и хотел расстроиться, но не мог. Такое затишье он всегда чувствовал перед бурей, когда уже ничего исправить было нельзя. Он почти не сомневался, что с друзьями что-то произошло, и теперь виновато смотрел на Виткаса и пытался понять, как помочь парню, когда тот поймет, что с братом случилась беда.

И все же, не следовало паниковать раньше времени...

Глава 6. Первая кровь

Дракон мог посадить на себя до трехсот человек. Все, кто летел последним рейсом, прилетели на одном драконе. Два других доставили вещи, палатки и продукты высокопоставленных особ. Валимир оставил Виткаса, когда тот свернул к драконам, добрался до пещеры, в которой расположились подрывники, бросил рюкзак у входа и бегом, хоронясь от взглядов, вернулся, насторожившись, когда среди людей не заметил ни Зулю, ни Игоря, ни брата Виткаса, ни других, которых знал и помнил, что они остались там. с его товарищами.

Не дойдя до места, он застыл. Сразу вспомнился крик о помощи, вырвавший его из бытия.

Двойные лица на людях были четкими и просматривались, как никогда. Он похолодел – столько довольства видел он в тех страшных лицах, скрытых застывшими масками любви и сочувствия. Но он видел – и впервые так ясно, что не поверил глазам. Обычно информацию приходила к нему на уровне интуиции, и лишь изредка различал, как густая пелена прикрывает лица.

Или у него начались галлюцинации, или здесь, в горах, обострилось его видение...

Драконы уже отлетели и отдыхали, прикрыв глаза. Но Валимир знал, драконы никогда не спят. Не умеют. «Суки!» –

подумал он, обеспокоено бросив взгляд в сторону драконов. Драконы умели читать мысли, в таком состоянии его легко могли запеленговать. И сразу понял, что его собственные драконы уже почувствовали боль и теперь пытались нащупать его местонахождение – вся его левая сторона забилась чем-то липким и противным, хотелось тут же смыть с себя драконью слюну.

Откуда тогда пришла боль, если не его драконы велели убить его друзей?!

Валимир тут же взял себя в руки, заставляя успокоиться – посмеялся над Виткасом, над своими невернувшимися друзьями, порадовавшись их отсутствию, и дал драконам пищу получше: облил себя грязью и помечтал о самоубийстве, прислушиваясь к тому, как дракон сладко прошептал: «давай, давай!» Липкая муть освободила левую его сторону. И сразу же впились в тело тысячи игл.

«Черт!» – выругался он. Даже подумать не мог ни о себе, ни о близких ему людях. «Уходи! Уходи!» – мысленно помолился он, закрывая глаза и отсчитывая удары сердца. Едва сдерживая дыхание, Валимир скользнул в палатку полевой кухни, прислушиваясь к каждому слову за тентом. Взмахом ножа разрезал материал, вырезая кусочек материи, чтобы видеть, что творится снаружи. И прильнул к дыре, пытаясь рассмотреть врага.

Именно, врага!

Виткас стоял возле группы людей у самого костра. Он по-

теряно бродил между теми, кто прилетел, и теперь размещался в приготовленных для них палатках, провожая человека недовольными безучастными взглядами.

– А где, где мой брат? – услышал он его голос, в котором было столько отчаяния, что невольно Валимир взвыл, но молча.

– О, это, наверное, один их тех десятерых, которые погибли под лавиной? – мягко спросили его, но Валимир почувствовал в голосе фальшь и уловил хищный оскал спросившего.

К Виткасу подошел Его Величество и тепло похлопал по плечу.

– Я приношу свои соболезнования. Но мы же знали, куда идем, и сколько опасностей нас поджидает. Бумагу подписывали? Там черным по белому объявили: никаких вопросов и никаких ответов. Если по каждому случаю назначать расследование, мы останемся здесь навечно. Я не Бог, чтобы понять, что толкнуло парней лезть в непроверенные места. Соблюдение инструкций и техники безопасности обязательно для всех. Как дети малые, ей богу! Кого набрали?!

– Ну что ты! – остановила Его Величество Ее Величество. – Кто он тебе был?

– Брат, – выдавил Виткас из себя одним дыханием.

– Понимаю. Мы все понимаем твою боль. Нам хуже, чем тебе сейчас. Нам тяжело об этом даже говорить... О, эти горы! – Ее Величество трагически возвела очи и вскинула ру-

ки. И тут же голос ее стал твердым, а взгляд стальным. – Но мы не имеем права останавливаться на полпути. В нас верят, нам доверяют, и пусть мы погибнем, но как герои. Мне жаль, мне так жаль, что я бы вырвала сердце, если бы могла вернуть погибших!

– Но вы же на вершине были! – воскликнул Виткас в отчаянии. – Откуда там лавина?! Я бы увидел!

– А она была! Не на вершине, мы спускались, – холодно ответил Его Величество, поинтересовавшись его именем и местом, где он остановился.

Виткас ответил чисто механически, на одном дыхании, как в армии. Выслушав его, Его Величество повернулся к тем, кто стоял рядом, даже не пытаясь скрыть равнодушие и раздражение.

– Слава героям!

И вся группа людей радостно крикнула, снимая шапки:

– Слава героям! Слава! Слава! Слава!

Ее Величество обронила слезу, глядя на Виткаса широко распахнутыми глазами, произнесла тихо:

– Слава! – протянула носовой платок. И как-то сразу, будто бы не скорбела только что, попросила проходившего мимо охранника: – Приготовьте нам с Его Величеством что-нибудь перекусить...

Виткас принял платок, поклонился с каменным лицом, а потом распрямылся и замер, сминая платок в руках – и смотрел то на одного, то на другого. Губы его задрожали, весь он

стал жалким, точно просил милостыню.

– Ваше Величество... – произнес он тихо и растеряно, загнулся и вдруг упал на колени и тихонько завыл, как малое дитя, разрывая руками землю и камни, будто хотел спрятаться в яме, зажимая в руках платок Ее Величества.

Валимир сжал кулаки: друг его напомнил ему себя самого в младенчестве. Вспомнив, он усмехнулся. Бабка-кормилица в это время стояла рядом и получала удовольствие, насмехаясь, незлобно, но вынуждая пролить столько слез, сколько было в слезных железах, навсегда отбивая желание плакать, или завывала громче его, навсегда отбивая желание слушать жалобные вопли, которые исторгались после драки.

Мертвы?!

Смысл сказанного, наконец, дошел до него, Валимир побледнел, ноги подкосились – он едва сдержался, что бы не закричать самому.

Ее Величество дождалась, когда Его Величество поднимет юношу с колен, тихонько разворачивая и подталкивая в спину в сторону его месторасположения. Улыбнулась мягко, погладив Виткаса по волосам.

– Впрочем, нет, не надо, – сказала она, покачав отрицательно головой, словно хотела остановить посыльного, одновременно жестом показывая в сторону полевой кухни, в которой прятался Валимир. – После того, что случилось, мне кусок в горло не полезет. Это уже двадцать восьмой человек, которого мы потеряли, – голос ее снова стал трагическим и

сочувствующим.

Валимир запомнил восемнадцать. Значит, часть людей погибла еще раньше, в самом начале, когда никто друг друга не считал. Или она посчитала тех, кто погиб на третьей вершине...

В палатку направлялись четверо человек – он метнулся вглубь, заметив, что охранники провожают Виткаса мимо полевой кухни. Выйти из палатки с задней стороны не получилось – ее окружили. Он едва успел спрятаться под мешками, оставляя себе небольшое отверстие, заметив, что Виткас пьяно бредет в другую от грота сторону. Наверное, он сошел с ума от горя...

Прошло около часа. Вампиры, набрав приготовленную для них теплую воду с растворенным в котле красноватым порошком, разбрелись по палаткам. Кому-то их них повезло зазвать в палатку свою нимфу из фрейлин Ее Величества, которых тут было немного. Почти вся экспедиция состояла из мужчин и нескольких личных служанок, которые помогали Ее Величеству ухаживать за собой, одеваться и раздеваться. В просторных шатрах-палатках высокопоставленные особы жили по двое и по трое, обогреваясь сухим бездымным горючим. На каждом их шатре были установлены пленочные солнечные батареи, которые не только обогревали, но и позволяли иметь электричество. И теперь, когда дров было навалом, многие использовали его, чтобы побриться

и послушать музыку. Охранники тоже разбрелись. Часть отправилась отдыхать, часть собралась у костра, часть ушла на обход лагеря.

Валимир выбрался из-под мешков, заглянул в котел, посветил фонариком и обомлел: на дне его осталась самая настоящая кровь.

По спине пробежали мурашки, он похолодел, припоминая надписи на стенах. Значит, глаза не обманывали. Сомнений не оставалось, часть людей, которых они сопровождали, были вампирами – те, что с масляными лицами, а те, что со звериными мордами – оборотни. Он сунул в карман пакет из раскрытого рюкзака, сваленных в кучу у входа, тихо проскользнул мимо палаток, стараясь не попадать в полосы света, устремившись в ту же сторону, в которую ушел Виткас.

Голова его шла кругом – почему вампиры гнались за троицей? И кто те двое, которые сопровождали Маньку? Врагами они не были, это он понял так же ясно, как то, что его друзья были выпиты и съедены.

Валимир остановился, обнаружив, что почти знает ответ, и почувствовал, что лицо его вытянулось. Мелькнула догадка: Маня – связана с драконами, не иначе, она знала о них что-то такое, что мог знать только связанный с ними человек. А Борзеевич и некто, называющий себя Дьяволом, сопровождали ее. Если она была проклятой, как он, в горах у нее появилось преимущество. Здесь Благодетели не могли настроиться против нее людей, она не встречалась с людьми,

которые могли бы стать жертвой драконов, или которые как-то выдали бы ее местонахождение. Но как проклятой удалось найти союзников, с которыми драконы ничего не могли сделать?

Проклятая земля...

Она что, нашла какое-то оружие против них?

И сразу Валимир похолодел еще больше, а зубы начали отбивать дробь, по позвоночнику потек ледяной холод, скрывая кости животным ужасом. Голодные драконы, не имея доступа к проклятому, будут требовать пищи у вампиров – начнется голод. Вампиры уже обнаружили себя: двадцать восемь человек за восемь дней – это только начало!

Мир изменился...

Но кто кроме Бога мог внезапно обрушиться на развращенное человечество? И почему он сопровождал проклятую, а главное – как?! Как она вынула его из глубокого анабиоза, и почему явил себя миру под знаменем Дьявола? Кто, проклятая или сам Дьявол заманил драконов и их хозяев в горы? И кто такой Борзеевич – ангел или демон?

Значит, ему не мерещилось...

Рассказы, теперь уже, наверное, пророчества кормилицы, вдруг обрели смысл и стали явью...

Задумавшись, Валимир не сразу обратил внимание на едва заметное свечение среди травы, которое вело в темную чащу лесного массива с невысокими редкими деревьями, осторожно ступая рядом. Тропинка поднялась на возвышенность

и спустилась к реке. И едва не наступил на Виткаса, который лежал на земле, подогнув под себя ноги и распластав руки, будто упал, как шел. Он уже не сотрясался в рыданиях, а просто лежал, уткнувшись лицом в землю.

Валимир потрепал товарища за плечо и попытался поставить на ноги, усадил его, но тот повалился, как тряпичная кукла. Расширенные и мутные зрачки Виткаса смотрели в пустоту...

Валимир здорово напугался, теряясь в догадках. Невменяемый вид товарища внезапно затмил смерть Игоря и Зули. Он несколько раз ударил парня по щекам, но Виткас не реагировал.

. – Виткас, вставай, пойдем, – Валимир испугался еще больше. Виткас ушел от лагеря далеко, здесь было тихо, но их отсутствие могли заметить. – Честное слово, я вытащу тебя, если мы сегодня спасемся! Клянусь! Господи, да что с тобой?!

И вдруг понял, вглядываясь в пустые глаза: он не пил за ужином чай. Горячий сладкий чай остался на столе, когда он торопился унести продукты в палатку, а когда вернулся, кружка была пустая...

Так вот почему все люди спали, не просыпаясь до утра, выстраивались за ним в очередь, едва дождавшись, когда его вечером будут разливать по кружкам.

Валимир мысленно помолился. Он тоскливо посмотрел вокруг себя, заметив, что они находятся в той самой ложи-

не, откуда ребята принесли грибы и орехи на ужин. Место тут было спокойное, но он встревожился: здесь повсюду играл все тот же таинственный свет, поднимаясь от земли. Исследуя источники свечения, Валимир заметил, что свет поднимается от растений, не то кустарника, не то маленьких деревьев, которые сами оставались темными. Лишь странное раскидистое деревце, с поставленными ребром не опавшими листьями, при его приближении, вдруг засветилось, как бы наполнившись огнем, который заструился в нем кровью.

Валимир дотронулся до листьев и отдернул руку – от дерева шел жар. Свет был теплым и приятным. Пересилив страх, он надломил маленький сучок – и тут же из него вышел огонь, а другой огонь, жидкий, выделился в месте преломления и мгновенно затянул рану.

«Это не радиация!» – успокоился он, с любопытством исследуя странное раскидистое растение. Во всяком случае, орехи и грибы ничем не отличались от тех, которые он ел раньше, разве что чуть крупнее и не потравлены червем. И неожиданно опешил от догадки, которая вырисовалась в голове с такой ясностью, что вполне могла сойти за озарение.

«Наверное, то самое, из которого Бог воззвал к Моисею!» – голова его пошла кругом, он на мгновение забыл, зачем он здесь.

Валимир прислушался к себе, удивляясь своим мыслям, которым не находил объяснения.

Те, которые прилетели последними, сюда не сунутся – его

словно кто-то погладил, подбадривая. Многие люди не чувствовали ни свечения, ни огня, но те, с двойными лицами, обходили эти места стороной – и признавались, что тоже видят свет.

Значит, и это ему не мерещиться...

Не выпуская дерево из виду, он вернулся к Виткасу, пытаюсь придумать хоть какой-то план спасения. Комендантский час в лагере наступил давно – лагерь спал, костры гасли один за другим. Светились лишь палатки вампиров и тех, с клыкастой пастью, как будто для них комендантского часа не существовало. Но жизнь в лагере текла вяло.

«Черт!» – выругался он, перетаскивая друга поближе к теплому дереву, уложив между поваленными деревьями. Он вдруг подумал, что неплохо бы свалить отсюда. К черту все, спрячется где-нибудь, а после останется тут жить, найдет грот, заготовит дрова на зиму, запасется припасами, будет ловить рыбу – с голоду не умрет, а после отправится искать Маню. Она предстала перед его глазами богатыркой, красоты неопишуемой. Он тоже рожей вышел. Научит его всему, что знает, и он избавится от проклятия. Он уже сейчас любил ее всем сердцем, всей душой. Его самого вряд ли будут искать до утра – он ушел от своих, свои не хватятся, и бросил вещи на полдороге, когда заметил, что вернулись драконы, так что и группа подрывников искать не станет. Другое дело Виткас, его знали, и знали, что он отправился встречать брата. Бежать было самое время, но мог ли он оставить друга и

как далеко он его унесет?!

«За что?! – взмолился он, и сразу поднялась волна протеста. – За что, Господи?!» Каждый раз он был уверен, что вот он – худший день его жизни, но приходила новая беда, и день тот, оказывается, был не самым худшим. Лица друзей встали перед ним, как живые, на смену отчаянию пришла ненависть. В бессильной ярости он сжал кулаки, против воли возненавидев себя за сырость на щеках. Здесь, где никто не мог его видеть, он мог дать волю чувствам, но их-то как раз и не было, а была боль, запертая внутри – и вой, которым воют на луну. Ему больше всего на свете хотелось убить всех тех, кто забрал у него Зулю и Ибн-Ибрагима, плюнуть в довольные клыкастые лица. И за бабу-кормилицу, которую нашел с пробитой головой, и запуганного брата, который боялся собственной тени, и за Мирабель, и за Стаса...

Вой рвался наружу, не доставая боль – боль была там, а он здесь. Слава Богу, что его все же чаще вычеркивали из своей жизни – но вычеркивали так, что не оставалось сомнений, кто за этим стоит.

И вдруг деревце ярко вспыхнуло змеиными языками пламени, словно предупреждая о чем-то – и сразу погрузилось во тьму. Спустя пару минут Валимир услышал шаги. Он отпрыгнул в сторону, заваливаясь в высокую траву за бревно, затаив дыхание.

– Нашел! – спокойный уверенный голос прозвучал чуть

в стороне, там, где он оставил Виткаса. – Спит он, на него сонное зелье подействовало.

– Ну что, позавтракаем, поужинаем? – с оживлением, полшутя, спросил второй, наклонившись над Виткасом.

Валимир нащупал в голенище нож, достал его и спрятал в рукаве.

– Хорошо бы, но я пока обхожусь своим пайком. Кровь и мясо мне нужны в полнолуние. Ты это, слышь, не шути, у вампиров жизнь тут незавидная. Выглядят они неважно. Людей взяли по обычному рациону, но, похоже, голодуха у них началась. Дальше хуже будет. Вверху холод, колбасить их начнет, своя-то кровь не греет. Вот увидишь, начнут влет толпами забивать. Сегодня в двенадцать группа подойдет, нам достанется, я договорился, а эти на учете. Он из подрывников, их трогать запретили.

– Никогда не видел вампира в естественном виде, а тут краска с них быстро слазит. Видал, какие клыки? – голос был молодой, неокрепший, высокий. – Я думал, они сытые...

– Мои не хуже! А сытыми они никогда не бывают... А где этот... второй? – второй голос явно принадлежал человеку в летах.

– А разве в пещере его нет? – удивился тот, который был помоложе.

– Нет, я проверял. Рюкзак и мешок у входа брошен. Может, сбежал?

– Далеко не убежит, тут наших больше двух тысяч, пол-

торы сотни в любое время могут трансформацию пройти.

Валимир слегка приподнял голову, рассматривая обоих оборотней. Ни тот, ни другой под определение «юноша» не подходили, оба истинно взрослые особи – пожалуй, он не справился бы даже с одним. И вздрогнул, когда услышал еще один голос. Третий оборотень продирался сквозь кусты, внезапно поднявшись из тени дерева, на ходу застегивая ремень. Валимир вжался в землю, принимая позу спящего человека, подложив руки под голову. Сердце бешено колотилось, готовое выпрыгнуть из груди. По крайней мере, он знал, что просыпаться нельзя и нельзя откликнуться, и прятаться было бесполезно, все равно найдут.

Он слегка засопел, пуская пьяную слюну.

– Кормят, поят, чай, кофеи... Че ему сбегать? – тот, кто говорил, хихикнул. – Это тем, кто свое отгулял, наливают из белого чайника. Вампиры не любят, чтобы кровь была с отравой. Вот чего не понимаю, так это удовольствие в душу перед смертью плюнуть. По мне так порвал горло – и сыт, и весел. А у них обязательно садо-мазо. Не-а, сбежать можно только в полнолуние, когда наши в погоню за троицей уйдут... Странно, по запаху двое, а подписываются тремя... Дьявола еще приплели... На испуг берут? Шустро они по горам лазят. Думаете, далеко ушли?

– Да хоть как! В полнолуние мы их в два счета нагоним, – проговорил молодой голос.

– Я бы не был так оптимистичен. Слышали, сколько на-

ших в Проклятой земле полегло? Там наших раз в десять больше было! – одернул его тот, который был постарше.

– Там они дома, а здесь им крышка, ни серебра, ни воды, – проговорил сквозь зубы подошедший последним, голос его прозвучал уверенно.

– Говорят, еще огненные стрелы будто бы у них есть? А разве такие бывают? – очевидно, один из оборотней был много моложе остальных. Бравада у него была напускная, и теперь Валимир почувствовал в голосе страх.

– Достал я одну такую стрелу, – последний задумчиво и загадочно усмехнулся, выдержав некоторую паузу, заинтриговав и Валимира. – Они их вымачивали в воде и серебрили наконечники. Прикиньте, от огненной стрелы умираем, как человек от пули. Наверное, они их делают из того полена, которое с собой таскают. Мы с братом мимо пробежали, думать ни о чем не думаю, и вдруг вжик, пролетела и воткнулась в братишку моего. Сразу достал ее и рассмотрел. Хотел своим показать, положил в карман, а она пропала. Всегда так. Была-была, раз, и исчезает. Не-е-ет, здесь они от нас никуда не денутся. За братишку я один их порву! Я бы на их месте из Проклятой земли носа не казал, а они в горы поперлись!

– Интересно, а чего им тут надо? – удивился молодой оборотень.

– Думаю, это связано с Проклятыми городами и драконами. Ключи они ищут. У нас всегда так: нет, чтобы раньше голову свернуть, ждем, пока жаренный петух в жопу клонет.

Бог в помощь, драконы нам не помешают, а так бы одни по горам шарились.

– Подслушивал что ли? – проявил подозрительность старый оборотень.

– Нет, подсматривал! – усмехнулся тот, который пришел последним. – Видел, как Его Величество в Проклятом городе на площади копался. Пошел и посмотрел потом. Там штука-вина такая, круглая, черная, и дракон нарисован, а еще знаки – но не настоящая, а настоящая где-то здесь.

– Вот бы достать! – восхищенно выдохнул молодой оборотень, который приблизился к Валимиру настолько, что он испугался, что тот вот-вот на него наступит. – Прикиньте, я – властелин дракона!

– Ха-ха-ха... – загоготал тот, который, несомненно, руководил поисковой операцией. – Да ты хоть знаешь, что только самый сильный вампир может дракона себе подчинить? Их еще надо накормить, а чтобы накормить, надо проклятие иметь в себе на душу. Проклятые их подпитывают, как батарейки. А ты уже на себя проклятие не наложишь – поезд ушел! Как возьмешь, так и отдашь. Я тоже был бы вампиром, если бы у меня мамка нашла благоверную. Не успел, порвали ее. Вампиры и порвали. Строгают нас, как буратино.

– Что же, они не боятся, что та тройца раньше нас ключи достанет? – удивился старый оборотень.

– Как не боятся, боятся! Те, которые умеют трансформироваться, ушли за этой тройцей еще вчера. Так что, без нас

догонят! – разоткровенничался посвященный, откровенно пожалев, что погоня скорее всего, не состоится.

– А сам дракон? Пошел бы, да и взял ключ, – пожал плечами молодой.

– Не-а, он не сможет. Оборонять только. Дракон признался, ключ и он, как два в одном. И колдуна он боится. Тот колдун, говорят, здорово проклинать умеет. Это он в одном месте ключ оставил, в другом печать, в третьем дракона, в четвертом город... Перестарался он. Или перестраховался...

– Какой колдун? Борзый что ли? – недовольно переспросили знающего оборотня.

– Нет, который не пахнет. Дьявол. Он тоже вампир, только старый очень, как дракон.

– Откуда знаешь?! – недоверчиво полюбопытствовали оба непосвященных.

– Слышал, – покаялся знающий. – Я же сказал, тогда в разрушенном городе был, как раз на площади. Хотел на мумию посмотреть, а тут раз, и дракон. Все, кто на площади был, побросали все к чертовой матери, а я от страха в плетеную корзину залез. Она как раз рядом с тем местом стояла, которое искал Его Величество. От страха описался и понял, в зверя превратился, только в такого, который не звереет и сам себя понимает.

Валимир услышал, как один из оборотней прошелся рядом, принюхиваясь.

– Я бы тоже хотел уметь контролировать свою трансфор-

мацию, – завистливо проговорил молодой оборотень.

– В полнолуние это невозможно. А вообще это редко кому удается. Я же говорю – от страха! Но я пока никому об этом не рассказывал. И вы не рассказывайте... Всех таких сразу на службу забирают, а у меня семья и неплохой доход.

– Нашел! Вон и второй! Спит! – радостно воскликнул тот, который стоял рядом с Валимиром уже минут пять. – Наверное, пошел за первым. Говорят, будто тот, которого сегодня выпили, братом у этого был.

– Ну, значит, скоро его очередь, вампиры любят соленого человека, – посочувствовал старый оборотень.

– А на кой хрен они нужны? Давно пора, – хмыкнул второй. – Эти люди и вампиры – одна обуза.

Оба оборотня тоже подошли к Валимиру, склонились, прислушиваясь. Голоса зазвучали над самым ухом. Валимир слегка засопел, вдыхая глубоко и ровно. Он лежал, оперевшись на бревно, боясь пошевелиться и выдать себя.

– А что они тут среди бревен-то делают? – удивился молодой.

– Сидели, наверное, а как заснули, так и свалились. Не на земле же сидеть, холодная уже. Я бы так же поступил. Завтра оба с простудой свалятся от переохлаждения. Чуете, морозец? У меня случай был, друган так умер. По осени, по пьяни. Заснул на дороге, а через месяц почки отвалились.

– Может, это, поднимем на бревна? – озаботился молодой оборотень.

– Не успеют, их раньше завалят. Больных в первую очередь скармливают. С чего мне переживать за консервы. Слышь, – знающий оборотень обратился к старшему, посветив фонариком в лицо. Валимир едва сдержался, чтобы не открыть глаза или не моргнуть. – Я вот смотрю на него, и странное у меня ощущение, не проклятый ли он?

– Не-а, не проклятый! – свет стал ярче. Наверное, второй оборотень, который был много старше остальных, тоже посветил фонариком. – Его бы не взяли.

– А знак есть. И скорее проклятия, нежели повинности. Но неясный. На свету его вряд ли заметишь, даже будучи вампиром. Ладно, пошли. Если завтра не придут, славно поохотимся.

– Что, так и оставим? – молодой оборотень склонился к самому лицу. – Мне иногда жалко их. Среди них нормальные ребята есть, им бы подсказать...

– Не на себе же тащить! Ты че, первый раз что ли? Вампиры тоже своими всех хотят сделать... Голод не тетка, пару раз попробуешь, покатит. До полнолуния доживи! – он хохотнул. – Я вот удивляюсь, вроде час оборотня, а пируют вампиры – где справедливость? Надо места занять, а то опять, как в прошлый раз, одни кости достанутся.

– А ты хозяина найди, будешь, как в Раю жить, – усмехнулся старый оборотень. – Своих они не обижают.

Валимир облегченно вздохнул, когда шаги удалились.

Значит, догадка его была правильной, полчища оборотней и вампиров не исследовали горы, не искали спрятанные в горах сокровища – они гнались за теми тремя, а те трое искали нечто, что могло убить дракона.

Ключ дракона...

Глупец, как же он раньше не догадался?! Значит, и у его драконов есть место, за которое их можно больно ущипнуть. И разгадка где-то здесь, в горах... Эх, достать бы эту троицу, да понять, как они разворошили муравейник?!

Но догнать их он вряд ли получится, шли они быстро.

А Дьявол-то... Дьявол...

Мысленно он всегда знал, что и за ним Дьявол иногда приглядывает. Но как бедной девушке удалось расположить к себе самого Дьявола?! Он же за копейку, брошенную проклятому, удавит и удавится – и не спросит, как звали! Неприязни к Дьяволу он не питал, людей убивали люди, валить вину на Дьявола то же самое, что оправдывать воров и убийц. Но там, где кровь, всегда был он.

Деревце снова вспыхнуло, излучая тепло, но теперь горело у самого основания, прикрывая огонь костра верхними ветвями. Земля вокруг дерева и воздух стали необычайно теплыми. «Умница!» – подумал он о дереве, подтаскивая Виткаса поближе к огню – взглянул на небо, где висела желтая луна. До полнолуния оставалось немного – около недели. Но счет шел на часы, за каждым из них следили в четыре глаза и облизывались. Сбежать вряд ли получится, если

только замуровать себя в пещере... За неделю они успеют подготовить побег, а неделю как-нибудь продержаться. Чтобы выжить, вещей придется взять немало. Он прилег рядом.

А как сказать людям, что все они обречены и взяли их как пищу?! Промолчать, выжидая момент? Никто ж не поверит... Люди гордились своей миссией, стараясь оправдать доверие, переступая через головы своих же – не иначе, в питье добавляли не только сонное зелье. Не зря людям так этот чай приглянулся. И первые набросятся и разорвут, если попробует сказать что-то против Их Величеств.

Валимир вдруг почувствовал себя беспомощным – и таким гадом, что стало тошно. Нет уж, себя бы спасти. Он не мог поставить на колени свору нелюдей, разве, когда оборотни уйдут и станет понятно, кто человек, а кто... Но, наверное, кто-то из оборотней останется охранять Их Величества, а, значит, погони не избежать. Валимир покрылся холодным потом, вдруг отчетливо осознав, сколько врагов вокруг. Он проклинал и себя, и эту экспедицию, и каждого, кто мог выдать его.

Огненные стрелы... Огненное дерево... Серебро... Вода...

Странно, никогда бы не подумал, что оборотни бояться воды, может, если ее как-то внутрь засунуть? Или вода должна быть особенная, но уж точно не святая...

В чувство его привели крики, доносившиеся из лагеря, внезапно разрезавшие тишину. Валимир вскочил. Заметив

высокое дерево, он взобрался на него. И сразу помертвел. В лагере ярко пылали костры, возле которых на коленях стояла группа людей. И множество народа, вокруг. Люди кричали и звали на помощь, а толпа глумилась, превращая убийство в цирковое представление. Наверное, им доставляло удовольствие полное надежд лицо, обращенное в их сторону. Вымирали целые селения, а вампиры не вспоминали об этом, даже когда дрались между собой за место под солнцем. Людей гладили с экрана до самой их смерти, закармливая обещаниями и творя показушную милость, которая сводила людей с ума. Наверное, Дьявол был и тут, и плевал людям в лицо, предсмертно открывая глубину падения не только вампиров и оборотней, но и их самих, которые искали смерти человеку, ведомому им.

Валимир спустился с дерева, вжался между бревнами, затыкая уши, чтобы не слышать. Он невольно завидовал Виткасу, который спал мертвым сном. Подняться и дойти до лагеря он не рискнул, мог нарваться на охрану. Да и что бы он сделал?

Крики стихли часа через полтора.

Было холодно, Валимир смотрел на теплое дерево сквозь слезы, застывшие глаза, с надеждой. Что это, знак или знамение? Наверное, не зря его боялись вампиры... Огненные стрелы... «Если бы ты могло спалить этот лагерь, и всех, кто в нем!» – подумал он, и дерево будто почувствовало, о чем он думает – загорелось чуть ярче. В пространстве стало теп-

лее.

Незаметно для себя Валимир уснул – и впервые за последние две недели увидел сон...

Горел город. И сам он был охвачен огнем. Где-то впереди сиял свет, как будто светилось дерево, под которым он уснул. Но теперь дерево было большим и сильным. В одной руке у него был меч, почти такой же, как у Его Величества – символ власти Царя... В другой посох, из которого исходил огонь. И стрелы. Прямо на него шел дракон, со многими головами, и поливал, поливал его огнем...

«Вот почему я горю!» – подумал было он, заслоняясь посохом...

И сразу же и город, и огонь заслонила черная тень, от которой ему стало не по себе.

– Ты прости, но мне казалось, ты не вошла бы в наше общество, – голос был мягким.

– Достань мне проклятого! – потребовал слезливый голос. – Я чувствую, он среди вампиров. Там, в горах!

– Что ты предлагаешь? Сесть на дракона и полететь в горы? Они на цепи! Меня обложили, как проклятого. Даже если они там сдохнут все, я вряд ли смогу занять трон. Наш клан проредили, как грядки от сорняков. За границей давно трон наследует выборами. Дожить бы до конца этой гребаной компании.

– Подними оборотней и отправь за ним. Я чувствую, он где-то там. Мы найдем способ, как его опознать. Я не могу больше ждать своего часа, я ведьма, только ведьма, а не вампир. А если они его убьют, я буду собакой. Представляешь, если зубастые твари выставятся из моей бедной головушки? Господи, откуда свалилось это несчастье? Это ты достал не того!

– Дорогая, я попробую отбить его, но ничего не обещаю, голос был раздражен. – Драконы врачуют его, вместо того, чтобы отправить его на тот свет! Ну, хорошо, хорошо... Они согласны поднять оборотней. Но вступить в открытую конфронтацию мы не можем. Прости, любимая. Знаешь, я иногда так желаю этой Маньке отправить на тот свет оба Величества...

– А пока они собираются отправить на тот свет мою душу, – взвизгнул голосок, который шел от Валимира, будто он был тем самым человеком, который внезапно побеспокоился о душе. – Если они откроют его и провозят свое проклятие, они закроют нам дорогу к трону быстрее, чем я успею поставить защиту. Драконы оставят меня, ты больше не сможешь их накормить, – из глаз Валимира лились слезы, но в голосе была угроза. – Ты можешь найти другую, но без поддержки отца трон не будет твоим никогда!

– Хорошо, хорошо! – перебил мужской голос, – Естественно, там есть мои люди, но мне нужно связаться с ними. Они найдут твоего проклятого и попробуют сохранить ему

жизнь, а группа оборотней, которая выйдет сегодня, доставит его в замок. Я обещал – сделаю.

Глава 7. Когда молиться бесполезно...

Валимир проснулся в холодном поту. В лагере трубил горн. Здесь его было слышно, пожалуй, лучше, чем в лагере.

Он увидел то, чего боялся больше всего на свете. Бабка не зря закрывала его от дурных людей. Е-мое! Это как же, душа девица, вычислила-то ты меня? Спалился на вампирах? Вот уж никогда бы не подумал, что на самих Величеств порчу насылают!

Виткас тоже открыл глаза, протирая их – взгляд его сразу потух.

– Так, вставай! – приказал Валимир. – Нам с тобой отдыхать некогда... Придется бежать так, чтобы пятки сверкали, а в какую сторону, уж и не знаю!

– Ты что, сдурел? – Виткас посмотрел на него недовольно. – У меня брат погиб, брат! – он сел, обхватив голову руками.

– Да не погиб он, съели его, – спокойно сказал Валимир, сообразив, что чем быстрее Виткас справится с траурными мыслями, тем больше шансов выжить. – Вышка тут, нас скоро всех съедят. По существу, нас окружают оборотни и вампиры. Я давно их вижу, с детства, когда меня с братом перепутали. Но на большой земле я видел их не так ясно, как

вчера.

Виткас поднял голову, тупо уставившись на Валимира, явно сомневаясь в его здоровом уме.

– Они думали, что я – это он, – объяснил Валимир, внезапно сообразив, что слова «вампир» и «оборотень» для Виткаса персонажи далекие от того, чтобы считать их людьми и вообще реально существующими персонажами. – Мы на это день рождение вместе пришли, а брата не пустили. Мы похожие, но он помладше был на год. А там торты, клоуны, игрушки разные. Ну, думаю, пусть идет вместо меня, ему нужнее. Он и сказал, что он – это я. А потом всех отвели в домики для гостей. Я увидел, куда его повели, пошел следом. И вдруг слышим, люди идут, а раз меня быть не должно, я спрятался. Они долго изрыгали проклятия, молились и кланялись. Домой пришли, бабке все рассказал, а она мне – к чему привиделось. Она у меня богатющий опыт имела по этой части, ведьма она – потомственная ведьма.

Виткас смотрел на него, как на прокаженного. Валимир мгновенно пожалел, что выложил ему все сразу, но времени на проповедь не было.

– Сам подумай, двадцать восемь человек погибают при странных обстоятельствах, – объяснил Валимир на пальцах, решив, что лучше сразу открыть пациенту болезнь, чем ходить вокруг да около. – А нас или нет, или мы дрыхнем, как убитые. Ты помнишь, как я пытался тебя добудиться? Ты смотрел на меня так! – Валимир изобразил Виткаса, закаты-

вая глаза. – Оборотни и вампиры – это люди, но не люди, они другие.

Виткас посмотрел на него с еще большим сомнением.

– А как же ты? – с досадой произнес он, поднимаясь. – Бред! Ты сумасшедший. Тебе лечиться надо! У тебя паранойя...

– Я чай не пил вчера, прятал консервы и хлеб, – Валимир с надеждой посмотрел на дерево. – Параноик, говоришь... Параноик... Параноик, это когда один видит и слышит то, что не видят и не слышат другие. А как же экстрасенсы, пророки, медиумы? Их параноиками не считают, а знаешь почему?

– Почему?

– Потому что они видят и слышат не во вред, а если во вред – сразу или шизофрения, или паранойя! Первые объясняют явление, вторые живут с ним. А знамение – тоже бред? Если бы чудо на глазах произошло, поверишь? Например, если по слову моему загорится вот это дерево, – Валимир ткнул пальцем в древовидный куст, – и погаснет, и не сгорит, поверишь?

Виткас отошел от него, но кивнул.

– Поклянись! – потребовал Валимир.

– Клянусь, – вяло пообещал Виткас.

– Дерево, пожалуйста, не подведи меня! – шепотом попросил Валимир, встав у дерева. – Дерево, ну что тебе стоит... – он возмутился. – Ты же умеешь!

С минуту он ждал, но дерево гореть не желало. Виткас покрутил пальцем у виска и направился к ручью.

– Господи! Дьявол, что мне сделать-то, чтобы убогому человеку помочь?! – взмолился Валимир, воздев руки к небу, грохнувшись перед деревом на колени.

Другим Богам смысла молиться не имело, он уже не сомневался, что дерево посадили те трое.

– Не по моему слову, по-твоему! Не лишай меня надежды спастись! – вскрикнул Валимир в отчаянии.

И вдруг дерево загорелось. Он вскрикнул радостно, заметив, что Виткас обернулся и в глазах его отразился испуг. Минут пять пламя полыхало на глазах изумленных свидетелей. И потухло, не обгорев ни одним листком. Валимир обрадовался.

– Видел?! Видел?! – возбужденный, он бросился к Виткасу, схватив его за руку, подтащил к дереву.

– Это что, фокус такой? – Виткас оттолкнул его, замерев перед деревом с потрясенным видом. – Как ты это сделал?

– А брат твой – тоже фокус? Вампиры и оборотни – это люди, но другие... Поверь, они нас людьми не считают, – обернулся он к Виткасу с надеждой. – Черт! – выругался он, заметив, что Виткас его не понимает. – Мы себя людьми считаем, вампиры себя людьми считают, и эти... оборотни – тоже себя считают людьми

– И что?! – Виткас нахмурился, продолжая слушать, но два чувства боролись в нем: уйти или остаться – и с сожалением

нием морщился, когда недоверчивый взгляд его натыкался на дерево, возле которого стоял Валимир.

– Но у людей отметины нет! Если человек улыбается, то улыбается, а вторые и третьи улыбаются, а мысли на горло твое нацелились. На них смотришь – одно, под маской другое, все что угодно можно ждать. Мы для них не люди – и для них считать нас чем-то иным так же естественно, как опорожниться... Блин! – Валимир сплюнул, начиная раздражаться. – Ну, представь, война была, концлагерь. Мимо человека тысячи людей в день проходят в печь, а он вечером идет в гости, смеется, пьет вино, хлеб с молоком покупает, газету читает, а когда речь заходит о тех, кто в печи сгорел, морщится и говорит: «это не люди!»

Взгляд Виткаса уперся в землю, он набычился.

– Или вот еще пример: помещик в усадьбе, – Валимир надеялся, что в голове Виткаса что-то да просыпается. – Ждет другого помещика, накрывают столы, и вдруг одна из крепостных, поскользнувшись на свежeweымытом полу, роняет поднос. И помещик приказывает тащить ее на двор и пороть плетью... Служанка для помещика не человек, – он с сожалением покачал головой.

– Ну, так... это всегда было, – пожал плечами Виткас, но теперь взгляд его стал слегка заинтересованным.

– Вот именно, они всегда рядом! И всегда выше, – воодушевленно продолжал Валимир. – Та же служанка или тот, которого сжигают в печи, разве смогли бы так же поступить?

Виткас пожал плечами.

– А почему бы нет? – усмехнулся он.

– А ты смог бы? – подозрительно прищурился Валимир.

– Я нет, но это я!

– И они не смогли бы, – усмехнулся Валимир. – Мы другие... Но смогли бы – и ты, и я, если бы вдруг стали как вампир или оборотень, в одночасье, воскреснув из тленного в нетленное. «Вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие». Это такая тварь, которая входит в тело и становится человеком, убивая любые его живые мысли. Они сами создают эту тварь и становятся ею добровольно, чтобы все вокруг видели нимб на голове и не увидели истинное лицо. Это как белые одежды, которые они на себя одевают – и я вижу ее, и вижу лицо. А тот, кто не видит, слеп, и кто не слышит, как глумятся над ним – тот глух. Все они поводыри слепым, и ведут человека на убой. Ну сам посуди, сколько крови на земле пролилось, чтобы человек не думал свободно. Человек не жестокий, и не все, наверное, над человеком, вампиры, но ему не дадут подняться. Человек смотрит вокруг и думает, как помочь людям, а вампир, как подняться самому, чтобы его не достали.

Виткас пожал плечами, скривившись в усмешке. Но промолчал. Немногие могли бы сказать иное, и стоило ли об этом напоминать.

– Я сейчас думаю, как мне спасти себя, тебя, людей – а вампиры и оборотни, насколько им нас хватит... – в отчаянии выкрикнул Валимир. – Короче, мы не люди, мы пища. Мы в большой опасности, нам пора делать ноги! – он сунул руки в карманы, внезапно успокаиваясь. Виткас не верил – и никто не поверит. Зато груз ответственности рассосался сам собой. И радостно вскрикнул: – Вот, смотри! – Валимир вытащил из кармана запечатанную в непрозрачный полиэтилен пачку, которую прихватил в палатке полевой кухни.

– Что это? – удивился Виткас, разглядывая грустную свинью на переднем плане и улыбающееся лицо человека за ней.

– А ты как думаешь? – усмехнулся Валимир, вскрывая пачку ножом и высыпая на руку буроватый порошок. – Кровь. Разводят и пьют. У свиной кровь, почти как человеческая, и, наверное, человеческую добавляют, чтобы сытнее было.

Он подошел к ручью и высыпал порошок в воду. Ручей сразу же окрасился в цвет крови. Виткас подошел ближе, побледнел, наблюдая, как вода размывает кровавые струи. Кровь произвела на него большее впечатление, чем горячая проповедь.

– Нас всех убьют, – грустно предсказал Валимир, поджигая пакет и омывая руки.

– Так надо же спасти людей! – вдруг спохватился Виткас, не отрывая расстроенный взгляд от ручья. Порошок все еще поднимался со дна, но вода очистилась.

– Никого ты не спасешь, – ответил Валимир предостерегающе. – И ты не поверил бы, не будь этого дерева и порошка, – с пренебрежением усмехнулся он. – У тебя погиб брат, ты видел горящее дерево, ты против правил не проснулся, когда я нашел тебя, ты знал, что я полночи охранял тебя и видел все, что творилось ночью в лагере – и до последней минуты боролся со мной, объявляя лгуном.

Наконец, до Виткаса что-то стало доходить. Он побледнел и вид его стал жалким.

– За нами такие сволочи следят, шаг влево, шаг вправо, и мы пойдем на прокорм. Первыми, если хоть кто-то поймет, что знаем. Могила, понял?! – потребовал Валимир. – Сначала доказательства нужно достать и своих вычислить. Если сможем, спасем, но я не собираюсь рисковать собой ради людей, которым приятнее верить вампиру, чем остаться в живых.

– А что было ночью? – оживился Виткас.

– Еще несколько человек убили, я видел. Человек шесть. И знают, что мы здесь, трое приходили за нами ночью, но в лагерь не потащили, – при воспоминании об убитых Валимир вздрогнул, руки его сжались сами собой, скулы свело судорогой.

– Получается, они сначала молодежь?.. – Виткас о чем-то напряженно думал и внезапно испугался, с опаской прислушиваясь к тому, что делалось в лагере.

– Ненужную молодежь! Ботаников, геологов... Потом за

нас примутся, – Валимир задумался. – Странно, почему же меня-то не съели? Обычно, меня бьют в первую очередь... – он спохватился и пожаловался: – Но опасность не только тут, у меня две беды! От меня жена ушла к другому...

– От меня две ушли, – буркнул Виткас и посочувствовал, осудив Валимира, который мог думать об этом в такую минуту. – Что мне теперь, разможжить себе голову? Нашел, о чем переживать! – он с досадой отмахнулся, стараясь сосредоточиться и размышляя о чем-то своем. – Если я с ребятами поговорю, наверное, мне они поверят. Мы давно в горах, знаем, как тут люди гибнут... Зря ты порошок выкинул, – расстроился он.

– Не та жена, которая жена, а та, которая головой крутит, – Валимир назидательно поднял палец, усмехнувшись. – Я полжизни от нее бегаю, а она именно крутит. Я как та Манька, за которой мы гонимся, только ее Благодетели уже на троне, а мои собираются стать царствующей четой, – возмущенно, с обидой, произнес он, задумчиво закусив травинкой. Махнул рукой в сторону лагеря. – Крови у них там полно, если понадобится, достану. А носить ее в кармане, это, знаешь ли... Может, они ее чувствуют.

– Надеюсь, хотя бы на этот раз ты шутишь? – Виткас снова посмотрел на друга, как на сумасшедшего, но уже не безнадежного. – Я имею в виду, твою жену!

– Отнюдь, – совершенно серьезно проговорил Валимир. – Видишь ли, друг, – он обнял Виткаса за плечи и отвел от

ручь, развернув в сторону лагеря, – жизнь у бессовестных людей такая беспокойная, что нам совестливым и не приснилось бы, не заночуй мы сегодня под святым деревом. Во-первых, здесь есть люди моих Благодетелей, а во-вторых, сюда мчит еще одна стая оборотней, но не за Манькой и Борзеевичем, а за мной. Оставаться в лагере на виду мне нельзя.

Он озабоченно покачал головой, совершенно уверенный в том, что в семье Престолонаследника уже решили вопрос, как сообщить новость о его существовании здесь.

– Эй, вы, чего не в лагере?! – к ним неспешно приближались двое из вчерашних ночных оборотней.

– Да друг у меня переживает, вчера брат под лавину угодил, – сердито отозвался Валимир, сжимая Виткаса за локоть и загораживая собой, заметив, как тот набычился. – Вы бы попросили поваров, пусть продпаек нам оставят. Что-то свалились вчера, как два бревна, на земле холодно, простыли оба. Нам бы подлечить себя чем-нибудь. Силы не те – слабые.

– Так у этого коньяк... – проговорился один из оборотней, ткнув пальцем в Виткаса, и замолчал на полуслове.

– А ты откуда знаешь? В сумку мою залазил? – глухо спросил Виткас, недобро сверкнув взглядом в сторону оборотня.

– Так мы думали вы это... того... сбежали...

– Что того? Что того? – взревел Виткас.

Валимир с силой наступил ему на ногу, развернул к себе.

– Успокойся! – предостерег он, слегка ударив его по ще-

ке. – Люди беспокоились! Люди за нас переживали! – он махнул оборотням рукой, отправляя их назад. – Сбежали... Куда здесь можно сбежать? Слава Богу, крыша у меня на месте! Мы придем, приведу его в порядок и придем. Дайте человеку горем захлебнуться! У него ремиссия началась...

– Ну-ну, – оба оборотня, скривившись в усмешке, развернулись и направились в сторону лагеря.

– А это кто, люди? – поинтересовался Виткас, кивнув вслед.

– Нет, вчерашние оборотни. При луне мы обязательно полюбujemy на них, вчера они мне лично пообещали... – обнадеежил Валимир, стараясь улыбнуться, но улыбка не получилась.

– А как ты их видишь? – сам не свои, спросил Виткас, провожая оборотней долгим взглядом.

– Сложно... Сложно объяснить. Надо не на человека смотреть, а перед ним... На лоб что ли... – Валимир пожал плечами, пытаясь сообразить, как у него получалось. Раньше он никогда об этом не задумывался. – Смотришь-смотришь – и хлоп, черте что начинает мерещиться. Картинки такие есть, вроде бы хаос, а в глубине образ скрыт. Если смотреть на человека так же, то можно увидеть и услышать. У людей такой печати на лицах нет, а у них есть... И у меня есть, я еще один подвид человеческий – проклятый. Лезут, лезут из меня вампиры и женушка моя... – раздраженно произнес

он, уже не обращаясь к Виткасу, а только к себе. – Только Проклятие у меня кривое, я о нем знаю. Я не сам, я брата на себе несу. Но в том-то и дело, в полную силу работает, мы с ним как две капли воды. Теперь хотят, чтобы я сам на голову свою сел и приказал себе умереть, а женушка лучом света засветилась бы в темном царстве, – он тяжело вздохнул. – Вот бабка моя умела козюлю соорудить. Ведьма была, экстрасенс по-научному. Сечешь? – он перевел взгляд на Виткаса. – Я бы на раку пошел, если бы она нас с братом местами не поменяла, – лицо у Валимира стало грустным. – А брата довели. Довели и поняли – не тот.

– Ты че, жид? – отстранился Виткас, осматривая Валимира с головы до ног.

– Нет, целомудренная дева Мария... – с иронией произнес Валимир. – Жид от слова жить, смерд от слова смерть, жид – это вампир и есть, а смерд – проклятый. А ты – горе луковое, потому что каждый день под мечом стоишь, а не уразумеешь. И слеп, и глух, и грех в себе несешь. Покайся, сын мой, и в ножки мои поклонись, или вот, к ручке приложишься... – он протянул тыльную сторону ладони.

Виткас отстранился, Валимир усмехнулся.

– Был у меня период в жизни... Целый приход мне руку целовал, – признался он, вспомнив прошлое. – Проповедь читаю, а сам думаю: что за дребедень несу? Крутишься, как уж на сковородке, и к каждому слову придумываешь боголепное объяснение. Обыкновенный проходимец, который

умел глаз вырвать и без руки оставить. И понеслась моча по трубам. Выгода немалая, целая организация на пустом месте – мешки не таскаешь, зарплата стабильная. Приходит человек и кается, советы какие-то спрашивает... Как у Бога... А я Бога не слышу, не вижу, не понимаю, потому что Бог в моем представлении интеллектуальным должен быть, уметь все царства мира показать, обнять, защитить, и каким боком не поверни, уж как-то сильно смахивает на Дьявола... И вот, приводят как-то ко мне одержимого бесом. Корчит его, голос из него выходит, а голос ну до того знакомый... Получается, не Дьявол, братки наши уселись на хребет. Выходит, я против Бога восстал? Через неделю приход оставил и вернулся в мир.

– Ты священник? – рассмеялся Виткас.

– Да-да, я был там, и видел, чем мои братья зарабатывают на жизнь, – неохотно признался Валимир. – Был... Да кем я только не был! – он тяжело вздохнул. – Кормить нас надо было, ну она и в глаз поплевать, и курицу зарезать, чтобы кровью помазать, и свечечкой обнести, и руками помахать, и на икону подсадить... Я бы, может, и вампиром стал, если бы барракуда моя не заболела, и бабка моя на нее всякую бяку не положила. Ее вызвали и заплатили хорошо, а как положила, поняла: здоровье внучка оставлять желает лучшего. И давай бабка бяку свою снимать, а она не снимается. Можно, конечно, переиграть, но для этого барракуда нужна, но вот вопрос, как до нее добраться? Обременила она себя богатым

приданным и надежной охраной, и позволила себе печатать государственную валюту, а самый влиятельный вампир опозорил мою женушку, присвоив половину нашего с ней состояния.

– Всегда так, – согласился Виткас. – Бабка у нас одна была. Тоже лечила, а в семье умирали один за другим.

– Вот именно! Экстрасенсы всем помогают, кроме себя, потому что себя не смоешь. С тех пор я безутешен. Но за трудное время, проведенное в глубоких размышлениях, почему-то передумал становиться вампиром. Вполне устраиваю себя, как человек... Ты понял, что я тебе тут наговорил?

Виткас отрицательно покрутил головой, потом кивнул утвердительно.

– Я так и подумал, – рассмеялся Валимир. Но в голосе его прозвучало отчаяние. Он прошелся взад-вперед. – Я бы тоже не понял на твоём месте, будь я воспитан в традициях нравственной чистоты. Но когда я догадался, что жизнь повернулась ко мне задницей, я начал искать способ стать самым подлым и безнравственным типом. Поэтому мне все равно, чего ты обо мне думаешь. Если ты думаешь, что я герой, который бросится спасать утопающих, ту глубоко заблуждаешься, я сам за себя, но одному мне здесь не выжить, придется кого-то еще вытаскивать из этого дерьма.

– А чего не стал? Вампиром? – Виткас смотрел вдаль, на горы, и как будто не видел ничего. В глазах его застыло столько боли, что Валимир содрогнулся.

– Поздно спохватился, – признался он. – Говорю же, обошли меня. В принципе, я парень неплохой, из меня можно даже веревки вить... – и вдруг он упал перед Виткасом на колени, схватившись за край его куртки, зарыдал громко и безутешно, как не рыдал Виткас, когда узнал о смерти брата. – Я хочу жить! Я хочу жить! О, как я хочу жить! – слезы катились по его лицу крупными горошинами. – Я вчера двух друзей потерял, первый раз они у меня появились с тех пор, как брата потерял!

Виткас растерялся. Он испуганно смотрел на Валимира, пытаясь поднять его с колен, оглядывался на лагерь, в котором горн протрубил второй раз, созывая людей на работу.

– Перестань, перестань, нас увидят... Придумаем что-нибудь, ну, не реви... – голос Виткаса становился то мягче, то тверже, то умоляющим. – Ты же почти вампир!

Валимир поднялся с колен, став почти на голову выше товарища. Слезы мгновенно высохли. Он отряхнулся, усмехнувшись добродушно, и проворчал:

– Такой ты мне нравишься больше. Но именно так ты будешь рыдать, когда мы придем в лагерь. Припадешь к ногам Их Величеств и будешь умолять рассказать, как погиб твой брат, что он кричал, какими словами матерился, как долго бежал от лавины... И будешь целовать подошвы... брюки ее будешь целовать: ах, Ваше Величество, как бы я хотел быть на месте брата своего, как он был горд, что умирал на ваших глазах, как я благодарен вам, мстить поклянешься тем, кто,

не иначе, бомбу на той треклятой горе оставил... Ну, придумаешь, за что благодарить эту клыкастую сволочь. Или оборотней...

– А зачем? – пожал плечами Виткас.

– Чтобы тебя не съели, дурень! – проворковал Валимир. – Вампирам молебны нравятся, они от этого дуреют. Подозревать перестанут. А то, вы, горцы, народ горячий, мало ли что... Они от тебя молитвы не ждут, а ждут, что ты правду начнешь искать, Оборотни вас, подрывников, тоже посчитали не слишком нужными, – он улыбнулся, решив не говорить другу, что слышал разговор. Наверное, известий для одного человека за одно утро Виткасу было достаточно. – Три горы прошли, а ни разу не понадобились, зато возни с вами, как ни с кем другим, и оружие при вас. Опасно такую группу держать под боком, когда факты насильственных смертей уже не скроешь. Двадцать восемь человек плюс еще шестеро ночью – это только начало. Значит, слабое звено. А теперь подумаем, что нам делать.

– Бред какой-то... Да нет, я верю, – мрачно произнес Виткас, глядя на дерево. – Но не укладывается в голове. Правда, все это смахивает на какой-то бред...

– Когда не знаешь, болит вот здесь, – Валимир прижал руку к груди Виткаса. – А когда знаешь, ужас – вот здесь, – он постучал себя по голове. – Сидишь, бывало, смотришь новости и видишь, пятнадцать тысяч человек – все в синяках, ползают в ногах нескольких тварей, которые обобра-

ли их до нитки, и лица наглые, опьяненные кровью. А они осанну поют. А сто тысяч в год, которые вдруг теряют память... Немного, одна десятая доля процента, но десять лет – и вот уже один процент. Или четыре миллиона наркоманов, которые сделать с собой ничего не могут? Или миллион сумасшедших, с повышенной половой активностью? Или пять миллионов сирот, у которых родители с пробитой головой? А пять миллионов бездомных, которые не могут вспомнить, как на улице отказались? А двадцать миллионов обманутых вкладчиков, которые картинками и посулами соблазнились? – Валимир тяжело вздохнул. – Всему есть причина и законное следствие. Вот такие твари посадили их на иглу, выжгли мозги электрошоком, бьют дубинками, чтобы одну мерзость заменить другой. А церковь все видит, все понимает – и рассуждает так: половина смертники, зато половина паства. Пир во время чумы. И заткнул бы глаза, закрыл уши, но враг стоит и прямо, и за спиной. А ты бежишь, бежишь... И вот смотрю и думаю, или враг повсюду, или на месте стоял все время, или бегу той же дорогой, по которой враги бежали. Черт, надо же было так вляпаться!

– Если знал, зачем пошел? – раздраженно бросил Виткас.

– На драконов хотел посмотреть. Понять, что они собой представляют, – признался Валимир. – И тут я не умнее тебя. Видеть мало, надо знать, что с этой нечистью делать. Проблема у нас.

– А что нам делать?

Виткас осунулся. Он был напуган и расстроен. Наверное, что-то да до него дошло, или посчитал, сколько смертей прошло мимо.

– Вот тут я сам, знаешь ли, в полной растерянности, – задумался Валимир, беззаботно сунув руки в карман. – Скоро полнолуние, оборотни уйдут за Маней и Борзеевичем. Если балом и вправду правит Дьявол, думаю, троица убьет их всех. Бог не такие армии ложил к ногам пророков, – обнадеживающе приободрился он. – Ну, или завалят Маньку и Борзеевича, – он сник. – Пророки долго не живут. А нам это ох как не на руку. Мне бы узнать, чем они там Дьявола зацепили... – Валимир кивнул на дерево. – Столько лет прошло, а он все еще из кустов плюет!

– Откуда знаешь, что Дьявол тот самый Бог? – подозрительно прищурился Виткас.

– А какой еще Дух мог бы сказать про себя: «Я Жив!» – и прийти к человеку и помучить его вот так?! – он с пренебрежением кивнул в сторону лагеря. – Видел бы ты... Сколько ненависти должно быть у Бога, чтобы вот так напоследок открыть глаза и закрыть их! А огонь и сера? Оружие-то у Бога и у Дьявола одинаковое! Огонь – вот он! И сколько бы не бежали, серость наша впереди нас бежит... – Валимир в сердцах зло сплюнул. – Видел я этого Дьявола пару раз! – признался он неохотно. – Перебросились мы как-то в картишки разок...

– С Дьяволом?! – брови Виткаса поползли вверх, он снова

смотрел на Валимира, как на сумасшедшего.

– Я на картах собаку съел, и вот сажусь играть, – рассмеялся Валимир. – Мужик так себе, пальцы едва гнутся. И раз он у меня выиграл, и второй, и третий... Ну, думаю, не ты, кто-то другой играет вместо тебя. А тут ба! – и вправду, Дьявол. Сидит и ухмыляется. Я же говорю, вижу иногда. Он как бы сам по себе, печать гладит и, несомненно, умнее. Я ему поклонился и приветил: «Здравствуй, Отче!» А он мне: «Ну, здравствуй, блудный сын! Как, корчит тебя болезнь? Может, помолишься, наконец, на Помазанника? Слаб ты – и имя твое... не в почете у меня». Я говорю: «Э, нет, я некрещеный, а если хочешь, я тебе бумагу выправлю!» Он еще раз ухмыльнулся и был таков, а печать у этого... Крученая! Это у меня пальцы не гнулись и глаза отвалились! Позади все время зеркало висело, а я смотрю и не вижу.

– Ты Дьявола Отче назвал? Любопытная деталь, я всегда думал, что Бог – это любовь.

– А как его называть, если других богов не встречал? Он один лыбится с каждой булатной головушки. Они же у него штампованные все. Да посмотри кругом! Все одной головой думают, и каждый уверен, что уж он-то не такой как все! – напомнил Валимир Виткасу самого себя. – Любовь, конечно. Какой вампир скажет, что Бог не любит его, если он тебя под ноги ему положил? – он закусил губу, с горечью взирая на лагерь. – Я ж говорю, я на всем этом собаку съел, образованный. Нам бы как-то вырваться от гадов и схорониться, а

потом, если выживем, спустимся в проклятую землю и найдемся, а хоть бы батраками. Лучше быть батраком, чем покойником. У меня выбора нет, но есть вопросы к этой самой Маньке. Крутая она! Я всегда считал себя первым лицом в государстве, а теперь получается, что как бы не я...

– Я домой вернусь, у меня своя земля есть, – помолчав немного, решил Виткас.

– Когда все успокоится, вернешься, – Валимир взял себя в руки и стал серьезным. – А теперь давай рассуждать: поляна эта не простая. Вампиры ее за версту обходят. И след везде остается, где троица побывала, но не конкретно след, а что-то другое – свет, свечение... Как радиация. Как такое может быть?

– Я слышал, бандиты... тьфу, тьфу, тьфу, – поправился Виткас, сплюнув. – Те трое всюду таскают за собой какое-то полено...

– Правильно! – подтвердил Валимир. – И оборотни вчера то же самое сказали – про полено, про огненные стрелы, про ключ дракона...

И Валимир, и Виткас разом усталились на куст, который играл огнем, показывая фокусы.

– Не, не! Я ломать его не буду! – замахав руками и отходя от дерева подальше, воспротивился Виткас. – Я что, враг себе? – он отрицательно замотал головой.

– Постой-ка, у меня во сне посох был! – вспомнил Валимир. – Если им шарахнуть как следует, можно запросто вам-

пира поджарить... Нам в любом случае что-то нужно взять с собой, – он снова упал на колени, сложив перед собой руки. – О, дерево, может, покажешь? От этого зависит и моя жизнь, и вот этого благородного дядьки... – Валимир подождал немного, и помолился уже на небо: – Дьявол, ну хоть какой-то подай знак! Видишь, смиренно прошу!

– Ужас, я чувствую, что мы влипнем еще больше, если поднимем руку на святое дерево, – похолодел Виткас, обойдя куст со всех сторон. – И, пожалуйста, не поминай Дьявола часто! Он обязательно, обязательно устроит нам западню!

– Мы и так в западне, – напомнил Валимир. – И если он сам нас туда сунул, ему и вытаскивать! Прикинь, если завтра нас съедят! – снова ужаснулся Валимир, мертвея лицом. Он ткнулся головой в землю и взвыл: – О, я так мало пожил!

И вдруг, дерево разом сбросило листья. Листья мгновенно почернели, свернулись и стали землей. Виткас и Валимир замерли, но больше ничего не происходило. Валимир поддал подзатыльника Виткасу, пригнув его на колени.

– Помолимся, сын мой! Сдается мне, что за деревом пригляд, не хуже, чем за нами.

Молились минут пять. В духе. Каждый про себя. Но больше знаков не намечалось.

– Ладно, нам пора, а то останемся на закуску. Думаю, Манька, Борзеевич и Дьявол простят нам вандализм, но нам тоже нужно полено. В крайнем случае, если выживем, сбегает сюда еще раз, посадим. Ломай такие ветви, из которых мож-

но сделать стрелу и осиновые колья. Если уж быть закусью, то деликатесом. Глядишь, подавятся...

Виткас не удержался и хихикнул.

– Кол осиновый, а дерево-то не осина, – пояснил он. – Ну, – он с сожалением взглянул на дерево, доставая нож, и виновато произнес: – Мы же не под корень...

Виткас ломал дерево со знанием дела, оставляя побеги, которые бы позволили сформировать новую крону, не упустив шанса объяснить городскому недорослю, что в деревнях не дураки живут. Он отмечал ветви, которые Валимир мог взять, а которые должен был оставить. Срезал два крепких ровных сука на излучины, зачистил от коры и подал один Валимиру, как посох. Прошлись вдоль ручья и обнаружили еще такие же деревья, с вертикально поставленными листьями, будто кто-то специально рассаживал их ровными рядами. Но эти больше походили на кусты. Они были такими же теплыми, как первое дерево, с зеленой, ничуть не пожелтевшей подле них травой. Ветвей нарезали две охапки, обрезь закопали в землю.

– И что нам теперь с этим делать? Нам такое добро не спрятать, и вряд ли драконы поднимут нас с таким грузом, – задался вопросом Валимир, когда охапки были связаны сообразив, что план как следует не продумали. – С другой стороны, – он почесал затылок, – вчера оборотни тут были и не увидели его. Получается, что они видят силу, но не источ-

ник? Иначе, все тут уже перекопали бы.

– Можно пронести их в пещеру, как обычный хворост, – предложил Виткас. – Все знают, мы спали на земле, скажемся больными. Около пещеры никого нет, Дьявольские тропы далеко стороной обходят, и в пещере сейчас никого – наши с утра грузят оборудование и вещи этих...

– Вампиров.

– Нет, тех, которые нас сопровождают. Поднимут, приготовят место, потом наша очередь. Мы догоняем их на следующий день. Наверное, они не вампиры... – он задумался. – Они работают наравне с нами, только все время грызутся и с нами, и между собой. И прав у них больше.

–оборотни.

– Может, и оборотни, – согласился Виткас, еще не привыкнув. – Я им не стал бы доверять. Так что у нас целый день, а потом можем завернуть стрелы и колья в спальники или в рюкзаке уместить. Влезут, если делать чуть короче обычной стрелы.

– Ну и? – вопросительно посмотрел на Виткаса Валимир. – А когда нас на драконов посадят?! Если от следов шарахаются, думаешь, от дерева не стошнит? – он с тоской посмотрел на ветви, уложенные в две вязанки. – То-то и оно! – он расстроился окончательно. – Барракуда моя гонится за мной – любо дорого посмотреть, кто бы еще так помнил о душе своей! Драконы, всем на зависть, ублажают ноги мои... оборотни охраняют от всякого зла. Вампиры... эти, скорее,

мечтают порезвиться с моим бранным телом...

Виткас впервые улыбнулся.

– Думаю, нам не стоит задерживаться, – сказал он так, что Валимир поднял голову и взглянул на друга с удивлением. Голос Виткаса прозвучал спокойно, как будто это не Валимир его, а он приводил в чувство их обоих. – Мы придумаем что-нибудь в пещере.

– Значит, ты мне веришь? – с замиранием сердца спросил Валимир.

– Не знаю, – сказал Виткас, заметив взгляд Валимира. На губах его заиграла зловещая ухмылка, он снова посмотрел вдаль, на вершину третьей горы, самую меньшую в череде гор, которые возвышались слева и справа. – Но, если ты прав, я сам все увижу, – он с какой-то холодной решимостью сжал кулаки. – Не было никакой лавины, я бы знал. Мы все проверили. Я все время туда смотрел... – он поник и насупился, сдерживая отчаяние, которое омрачило его лицо. – От лавины следы остаются. Не было... не было никакой лавины!

– Ты бы увидел? – обалдел Валимир, с сомнением посмотрев в сторону третьей горной гряды, которая была так далеко, что отсюда видны были только пики, укрытые снежными шапками. – Ни хрена себе!

– Орел с высоты десять километров видит мышь. У меня зрение особенное, признался он. – Только я не стал говорить об этом. Мы с братом самые меткие стрелки... Были, – Виткас тяжело вздохнул. – Раньше думал, все так умеют. У него

девушка была, свадьбу хотели весной сыграть... Думал, денег заработаем. Наверное, я верю.

– Ни хрена себе! – произнес Валимир, все еще глаза в сторону третьей горной гряды, скрытой ледниками. – Ладно, пошли, – сказал он, и вдруг остановился, спохватившись: – Стой! Нам больными надо стать!

Он прошел по поляне, выкопал луковички и натер глаза, сунул остатки в нос.

– Так мы за больных сойдем, – пояснил он, подавая одну луковичку Виткасу. – Не бойся, это безопасно, лишь на время вызывает отек слизистой оболочки.

В пещеру с хворостом они попали легко. Врач передал градусники – натереть их, подержав над веткой неугасимого дерева, оказалось делом пустяковым. Больных у врача пока не было, разве что вывихи и головокружения, когда поднимались на драконах. Он обрадовался, когда захворали сразу двое, почувствовав свою необходимость. Сам принес в пещеру еду, питье и лекарства. И оставил их. Разожгли костер, положив в него ветвь неугасимого дерева. Огонь запылал ровно, и стало тепло. Дрова, к их удивлению перестали прогорать. Когда ветку достали, оказалось, что она ничуть не обгорела.

– Понятно, – произнес Валимир, задумчиво рассматривая ветку.

– Что тебе понятно? – поинтересовался Виткас, примери-

ваясь ножом, обрабатывая конец стрелы. Нож дерево резал с трудом и быстро тупился.

– Как они путешествуют налегке. Дай-ка, – Валимир взял готовую стрелу из рук Виткаса, подошел к стене и воткнул ее в камень. Стрела вошла почти полностью. – Смотри-ка, а я удивлялся, что за сучки из скалы торчат! – радостно всполошился он. – Этой стрелой Бога можно убить... Хотя... – задумчиво покачал головой. – На оборотня серебро нужно, а его-то у нас как раз-таки нет. Они еще про воду говорили, но это вряд ли. Сам видел, как пьют.

– Есть, – радостно воскликнул Виткас, снимая с себя внушительный серебряный крестик. – Цепочка тоже из серебра. Если расплавить его и обмакивать концы...

– Не самое лучшее серебро, если в богадельне побывало, – рассматривая крестик и цепочку, произнес Валимир. – Волшебное свойство серебра – у оборотней и вампиров оно белеет, у проклятых чернее черного становится. Как будто черные мысли души на себя собирает. По нему можно определить, какая у кого душа. Наверное, это какое-то особенное должно быть серебро. Никогда не понимал, как оно работает, и почему они не боятся брать его в руки. Наверное, оно с кровью что-то делает.

– Золото еще, – сказал Виткас, подув на стрелу и проверив ее на глаз. – Иногда черные пятна оставляет на коже, я сам видел. Хрен смоешь! А проклятый – это кто? Тоже гаденыш?

– Проклятый – это я. И Манька. И Борзеевич, наверное, –

объяснил Валимир. – Но я не совсем проклятый, а только наполовину. Я видел их, видел, как моя барракуда себя прославляла, а брата мое в дерьмо макали, каждого в лицо помню, поэтому оно на мне не так заметно и работает криво. И на человека не летит, если отверзаю человека от себя. Кроме того, я знаю, как проклятие работает, поэтому вижу иногда ужас в себе. Все люди в той или иной мере проклятые, но не до такой степени, как проклятые, которых проклинаяют со знанием дела.

– В смысле? – приподнял Виткас бровь.

– Проклинают человека не здесь, а там, а зовут отсюда. Человек о встрече с вампирами никогда не помнит. Просто вдруг все становится черным. И мысли, и сама жизнь. Обычно вампиры в покое не оставляют, пока всех, кто проклятого мог бы поддержать, не изведут. Я на них в церкви насмотрелся, они больше других спасения ищут, и у них все вкривь и вкось, и их тоже видно, на них тоже маска есть, но она отталкивает. Было бы странно, если бы на брата наложили, а меня оставили. Но то проклятие, что на меня положили, не совсем умное, в этом я уверен. Они на меня накладывали его, как на третье лицо, перекрестив на самоуничтожение с обеих сторон – и получилось, что барракуда сама себя ославила. Жаль, что они не на себя, а от себя проклинаяют. Я же говорю, нас с братом перепутали, но мы с ним похожи, поэтому само проклятие работает, как будто он это я. Я даже в семинарии смог всех обмануть. Спрятаться от барракуды

и ее благоверного хотел, но она тварь все время знает, где я. Ей драконы найти меня помогают.

– Все равно ничего не понимаю, – признался Виткас. – Как можно что-то на кого-то наложить, чтобы вылезло в другом месте?!

– Вот смотри, – развел руками Валимир, – помещиков было один на три – пять тысяч крепостных. У нас слово раб не в ходу, но от перестановки мест слагаемый сумма не меняется. И все рабски зависимые молились на Благодетеля, а почему? А потому что поднять над собой вампира не то же самое, что заставить проклятого сунуться головой в петлю. Проклятие и Зов – жесткое зомбирование, когда два человека, связанные между собой, обрабатываются с двух сторон. У каждого вампира есть свой проклятый, которого они пытаются отправить на тот свет, но так, чтобы он сам ушел.

– А при чем здесь крепостные?

– Если все будут вампирами, кто кормить их станет? Мужик – чтобы молился на Благодетеля, а женщина сидела дома и не дергалась, занимаясь воспроизводством рабской силы. А в массе те и другие на коленях стоят. Они замучались бы искать душу раба, а им это и не надо. И тут уже механизм зывания к человеку по упрощенному варианту, когда женщина становится объектом наложения как бы Зова, но того, кто с нею связан, а мужчина Проклятия – и тоже без той, которая связана с ним. В упрощенном варианте именно крепостной раб и получается, потому что без самого человека

и не прославишь его, и не унизишь ниже того положения, в котором он живет. Бабы помещика меньше чтили, но стоило ей голос повесить, мужик пару ребер сломал – и замолчала. А мужика плеточкой помещик охаживает, а он ему только в ноги кланяется и спасибо говорит.

Обычно таким зомбированием церковь занималась. Поэтому, когда человек в церковь приходит, он как бы замирает в благоговейном ужасе, чувствуя присутствие невидимого человека и страх, и его тянет пообщаться с Благодетелем. А когда выходит, испытывает невероятное облегчение.

– А что тогда настоящие Зов и Проклятие?

– Настоящие накладывают, когда хотят человека сделать вампиром. Или когда он сам этого хочет. Хитро-мудрая наука. Я там, в семинарии, понял, что мог бы разобраться, все в Библии расписано, только ключи нужны. Просто подумай, как много странных высказываний, которым нет ни подтверждения, ни опровержения, а они душу греют. А если копнуть глубже и приложить не к человеку, а к двум, которые между собой ребром связаны и как одна плоть, то сама Библия вдруг предстает в ином ракурсе. И то, что на первый взгляд не имело смысла, становится кучей дерьма, которая всю нашу жизнь на ладони держит. Возьми, к примеру, торговцев белой смертью. Или бандиты, которым надо удержать человека, чтобы быстро получить свое и свалить. Ведь это все было и начиналось там, в то время, когда вампиры обрушили на человека свое слово. С чего, с какой радости человек

вдруг оставляет семью, близких и любимых – и все отдает кому-то, кто не воспитывал его, не копил имущество, не радовался его успехам?

– Ну, может, на самого человека накладывают что-то. Есть же у нас гипнотизеры.

– Нет, это как любовь с первого взгляда. Человек помер раньше, чем к нему пришли. Они никого силой не тащат за собой, а воли у человека нет, чтобы остановится и подумать. И каждое слово, как бальзам на душу. Это кодирование, но не человека, а души. Такое крепче держит, с двух сторон. Кто устоит, если мед из души выходит?

– Ну, торговцам белой смертью только первое время и надо, а там зависимость держит, – поддакнул Виткас. – Человек крепко сидит на игле.

– Если прозомбириван, то крепче. Зависимость появляется с первой дозы, такому не вырваться. А если посылка от души нет, через какое-то время начинают понимать, что их дурачат – в больницу бегут, сами бросают, борются как-то за себя. Тут только Дьявол разберет, что к чему. Поэтому все Благодетели его как огня бояться, Дьявол – самый страшный враг. Вот пришел он, и все вампиры за проклятой бегут! – Валимир рассмеялся. – Обычно, когда имущества уже нет, или почки вырезаны, или сидишь в долговой яме, спросить бывает не с кого – и никто не ищет. А пикнул – и убили. Убить человека легко. А вылечить только раньше умели, когда Бог человека учил сам.

– А у меня такой знак на лице есть? – Виткас подставил Валимиру лицо.

– Нет пока, – улыбнулся Валимир. – Но не расстраивайся, будет, со временем. Вампиры каждый день сучат кого-нибудь.

Перед ними уже лежала добрая кучка стрел и кольев, когда вдруг они услышали визг и вопли, и вой – и сразу наступила гробовая тишина, будто остались одни. Оба вскочили и замерли в ожидании, прислушиваясь к каждому шороху. После недолгого затишья раздался топот бегущих ног, и снова вой, но уже смертельно раненного, и испуганные голоса, и вскрики. По голосу оба признали, что воеет Ее Величество.

Виткас сгреб в охапку и стрелы и колья, рассовывая их в два рюкзака. Валимир быстро убрал хворост и щепки под спальные мешки, в заранее подготовленную яму, присыпав сверху землей и камнями.

– Думаешь, это собачки моей барракуды посадили Ее Величество на кол? – переглянувшись с Виткасом, полушутя, полусерьезно бросил Валимир, слегка побледнев.

– Думаю, твои еще далеко, – предположил Виткас, вслушиваясь в доносившийся шум и приближающийся грохот. – Наверное, их тоже ждать надо к полнолунию.

Оба рванули к выходу, столкнувшись в проходе, и, не раздумывая, выскочили наружу, одеваясь на ходу.

Вернулись через полчаса, но оба довольные и счастливые.

– Господи, я видел чудо! – помолился Виткас, встав на колени и сложив перед собой руки. – Я больше никогда не буду в тебе сомневаться! Стыдно называть тебя Дьяволом... Чувствую, кощунствую... Можно, я буду называть тебя Господом? Но если он, – Виткас ткнул в сторону беззаботно развалившегося на спальном мешке Валимира, – позвал и ты услышал, может быть, ты и меня услышишь? Пожалуйста, позаботься о моем брате, о моей жене и ребенке... Пошли нам, Господи, хлеб насущный и благополучный исход дела!

Виткас склонил голову и благоговейно и смиренно замолчал, полуприкрыв глаза.

– Не-а, он этого не любит! – сказал Валимир, наблюдая за другом. Улыбка во весь рот не сходила с его лица с тех пор, как они вернулись. – От него все милости ждут, а не жертвы. А он молитвами ни сыт, ни пьян. Ему, как вампиру, тоже кровь нужна!

– Не богохульствуй! – с серьезностью осудил друга Виткас.

– Не зря вампиры его вампиром называют... – криво усмехнулся Валимир в ответ. – Вот мы, решили боднуть болезни и немощи наши – и, пожалуйста, драконы пали к ногам! – он растянулся на спальнике, блаженно улыбаясь. – Господи, я исправлюсь! – пообещал он кому-то в потолке, виновато разведя руками: – Ну не могу я, вот так, сразу... – он снова воззрился на Виткаса, который смотрел на развязного друга с осуждением. – Что?! Это самый бессовест-

ный и хитрый Дух, Вечный Изгнанник и Скиталец, в общем, законченный Поганец. Ну сам посуди, разве надо было так долго ждать?

Валимир помрачнел, вспомнив Зулю и Игоря. Но обвинить Дьявола в их смерти не получилось – на этот раз он знал убийц в лицо. Он лишь надеялся, что, как Бог, Дьявол не будет с ними слишком суров и несправедлив.

– Корчит из себя параноидальную шизофрению... – произнес он с досадой. Сел, одевая теплые унты. – Молись, не молись, а береженого бережет. Меня скоро хватятся люди барракуды и Благодетеля, и, если они меня вычислят, от себя уже никуда не отпустят. Кроме того, эта внезапная болезнь драконов... Им завтра наверх тоже ножками топать, устанут, бедненькие, оголодают. Нам по лесенкам, а им на веревках, – Валимир снова с ехидцей захихикал. – Им и за две недели в гору ни за что не залезть, так что мы им теперь за место Бога... У них теперь вся надежда на оборотней, которые обернуться в собак и потащат на себе. Нам пора выздоравливать и сваливать.

– Согласен. Мы можем прямо сейчас отправиться. Магазин у нас боеприпасами заполнен. Я еще один нож под шумок на кухне стянул, – Виткас вытащил из-за пазухи здоровенный секач, помахал им в воздухе.

– Нож нам не поможет. Даже стрела из дерева. Я слышал, они умирают от стрел, как от пули, если только ранить смертельно. Нам еще луки нужны, – напомнил Валимир, разгля-

дывая нож. – Ты можешь максимально приблизить их к тому состоянию, когда их можно будет называть луком? – он кивнул на две дубины, оставленные в углу грота.

– Заметят, если приблизить, – ответил Виткас уныло. – Для того, чтобы сделать лук точным, с максимальной дальностью полета, нам еще трубка нужна, хорошая тетива, а где мы это все возьмем?

– У рыбаков, – произнес Валимир и слегка растерялся, не сразу сообразив, откуда у него взялась эта мысль – У них и лески есть, и трубки. Я видел, когда они на озеро собирались. Металлолома здесь хватает. И от драконов остались каркасы, легкие и прочные, один им уже точно не понадобится. На худой конец, можем оборотня завалить и забрать у него автомат.

Виткас нахмурился.

– Про автомат забудь, тогда нам точно крышка. Везде предупреждают, во всех сказках и легендах: не лезьте на рожон, если у вас креста нет, святой воды, серебряных пуль и осиновых кольев, – он тяжело вдохнул. – Не известно, умирают ли они от обычных пуль. Судя по необычному дереву, наверное, и крест какой-то особенный должен быть, и вода. М-да... – он озабоченно смерил ношу. – А как мы все это понесем? Тот же лук в рюкзак не спрячешь... Надо, чтобы он быстро собирался и разбирался.

– Могу я в горах ногу подвернуть? – возмущенно воскликнул Валимир. – Вместо подпорки используем. А там стянем,

когда придет время. Но зарубки и насечки лучше сделать сейчас. Правда, я понятия не имею, как это делают, – он повертел приготовленные излучины в руках. – Наверное, уповать на лук глупо. Лучше бы пистолет с серебряными пулями, но где столько серебряных пуль взять? Тут и тонны серебра на всех не хватит!

– Ты из лука хоть раз стрелял? – поинтересовался Виткас с улыбкой знатока.

– Нет, не приходилось, – признался Валимир, слегка покраснев.

– А мы с братом в соревнованиях участвовали иногда, чтобы деньги достать, – Виткас убрал спальный мешок, сгребая землю. – Пусть и моя нога повредится тоже... Заберем, что осталось. Я дяде Ване скажу, что так надо, он не станет спрашивать зачем, прикроют... О!... О!...

Виткас замолчал, тупо уставившись на яму, в которой они оставили остатки срезанных ветвей и щепу.

– Что? – Валимир слегка перепугался и нехотя поднялся, приблизившись к Виткасу. Взгляд у него стал не менее озадаченным, брови удивленно поползли вверх. Весь хворост, который они ставили, оброс корнями, которые уходили в землю, пробивая камень толстыми плетями.

– Мы сколько ходили? Полчаса?

– Меньше...

– И это всеросло за полчаса? Ай да молодцы! – Валимир хлопнул себя ладонью по лбу. – Кому бы в голову при-

шло заглянуть под землю! И на кой хрен тащить, если посадил и выросло?

– Что ты на это скажешь? – спросил Виткас, выворачивая то, что еще можно было употребить на стрелы и на тонкие крепкие кольца.

– Наверное, мы в любое время сможем пополнить боеприпасы... Только как долго ждать? Могли бы и приписку сделать, – обиженно надулся Валимир, – что, мол, так и так, произрастает в этих краях дерево, которое приятно иметь под рукой, когда вами заинтересовались большие люди...

– Теперь подрывники должны будут подниматься первыми, чтобы обезопасить новый лагерь от возможного схода лавин, – рассудил Виткас, повеселев. – Правильно будем подниматься, как люди. Я попробую договориться насчет нас, чтобы нас взяли наверх. И разживусь едой на вечер и на утро. Только как мы с этим... нам же еще динамит тащить! А вдруг...

Оба одновременно уставились на два рюкзака, из которых торчали стрелы и кольца.

– Переборщили мы, – согласился Валимир. – Я теплые вещи оставлю, снаряжение придется оставить, но без веревки нам не обойтись. И кто-то понесет динамит, а кто-то стрелы.

Из рюкзаков выбросили все лишнее. Рюкзаки им выдали хорошие, вместительные, чтобы человека можно было нагрузить по полной. Избавившись от теплой одежды и кучи ненужного хлама, сразу стало веселее. Стрелы в рюкза-

ке умещались и не торчали. Коляя рассовали по спальным мешкам. И даже осталось место вернуть в рюкзаки часть вещей, часть закопали.

– А вдруг все же динамит заставят тащить? – расстроено произнес Виткас.

– Забудь про динамит, – уверенно произнес Валимир. – Не будем могилу себе копать – попросим ребят.

– Нас не за тем отпустят, чтобы мы свои шкуры спасали! И потом, подставлять ребят... У нас это не принято, – напомнил Виткас, осуждающе покачав головой. – А вдруг взрывать, а у нас взрывчатки нет? Нас еще всегда человек двадцать охраняют, и на драконах нас сопровождали. Догадуются – нам не жить. Суровые ребята.

– Вот и пускай несут сами. Теперь-то мы не на драконах! – возмутился Валимир. – И потом, с чего мы взяли, что обязательно взорвемся? Видал, какое дерево умное? А про ребят... Я к слову сказал, мы можем динамит, а они пусть наши рюкзаки.

– Ладно, по ходу разберемся, – решил Виткас, одеваясь. – Есть у нас пара человек, с которыми можно договориться. Мы тут все свои. Пойду, разведая, что к чему. Поплачу еще, а то горец, а о мести ни разу не упомянул... Подозрительно. Клятву мести свидетели должны скрепить, которые мечь у нас признают справедливой, обычно отец или старейшины. Но раз их нет, наверное, Царь с Царицей подойдут? – он усмехнулся. – Чувствую себя скотиной, как я могу взять в

свидетели клятвы тех, кому собираюсь мстить?

– Ага, если подпустят. Я думаю, справедливо объявить тем, кому ты идешь мстить, о своей мести... Вежливо, тактично, интеллигентно, – ухмыльнувшись, одобрил Валимир. – Так мол и так, считаю смерть брата запланированной, иду мстить, признайте месть справедливой, а цель мщения благородной – и вижу врага своего, достану из-под земли, настучу по барабану. Обалдеют от твоей наглости и ни за что на себя не подумают. Кто, кроме врага, смог бы месть лучше всего охарактеризовать? Если назовут ее благородной и справедливой, считай благословение свыше получил. Да с дубиной-то не ходи! – проворчал Валимир, тоже одеваясь. – Они его за версту чувят...

Глава 8. Дьявол с сюрпризами...

– Манька, обиделась что ли? – расстроенный Борзеевич поковырял в носу пальцем. – Я же помню, город стоял здесь, а где площадь была, найди теперь под снегом-то!

– А говорил, память фотографическая... Тут дома были или нет? – с обидой в голосе возмутилась она, ткнув наугад посохом в снег и расплавив его до лужи.

– Это первый город... Вырос так неожиданно... Я в совершеннейшем потрясении был! Кто в таком состоянии по сторонам смотрит? – сокрушенно оправдался он.

Борзеевич потерянно стоял на высоком месте, тупо уставившись на обширную территорию, которая открывалась ему с высокого скального выступа. Улицы города, по которым они прошли, петляла, и шли они не просто по улице, а забегали то в один дом, то в другой, глазели по сторонам и выходили из домов порой через другой вход. Теперь всю вершину завалило снегом. Его сдувало, но все равно, местами снег был довольно глубоким.

– Теплее, теплее... Тут вы зашли в город, а тут что было? – похохатывал Дьявол, сидя на камушке и наблюдая за обоими.

– Тут? – Манька с минуту смотрела в указанное Дьяволом место, морщила лоб и потирала виски. – Ворота... Наверно... Открытые, а у стены что-то темное было... Или это

было во втором городе? – она остановилась, уставившись в пространство перед собой мукой отчаяния, пытаясь вспомнить. – Ну, бли-и-ин!

Она уже битый час колесила по тому месту, где видели город. Город исчез, теперь тут была обширная, сравнительно ровная, будто кем-то наискось срезанная вершина, которая ничем не отличалась от прочих горных ландшафтов. Камни, скалы, снег. Ни лампы, ни саркофага, ни намек на сам город – все замело. Ну, лампа, понятно, она небольшая, а саркофаг? Но разве разглядишь, если каждый камень откололся от чего-либо художественно? Чтобы обследовать каждый камень на предмет отпечатка от руки, носа или ноги – тут и месяца будет мало. Нужное – оно всегда в самом конце... И даже затылочное зрение показывало какие-то ужасы, которые к городу вряд ли имели отношение. Вампиры, в общем, репертуар не меняли, оплевывали, уродовали, поганили ее саму, поминали Борзеевича и какого-то вампира, который был вызван к жизни и упорно продолжал оставаться ее сообщником, хотя ему предлагалась помощь в борьбе за выживание в этом изменившемся, несомненно, в лучшую сторону, мире.

Рассмотреть подробнее и понять, что за вампир, у нее времени не было. Дьявол торопил и посоветовал на время на вампиров забить. Вряд ли зывали к Его Величеству.

– Уже обед скоро, быть не может, чтобы ты забыла! – наконец, сказал Дьявол сердито.

Манька, к неудовольствию Дьявола, попросила его встать,

порылась в снегу и в этом месте, извинилась и отошла, раздумывая.

– Ну! Что ты тут искала? – спросил Дьявол, выразительно удивляясь усмешкой.

Манька покосила в его сторону: с него станется, мог сидеть с намеком. Она медленно побрела в сторону Борзеевича, пиная носком ноги камни и снег.

– Площадь, Маня, чуть дальше центра была, а я сижу у ворот, – крикнул ей вслед Дьявол. – И прошу тебя, не наступи на железо, а то донашивать заставлю.

– Ой, а они тоже носили железо? – она резко остановилась, радостно выдохнув, припоминая встречу с человеком из первого города. – А шли босиком!

– Милая, ты меня удивляешь, – наставительно пожурил ее Дьявол. – Кто в такие горы полезет иначе? Тут сплошной магнетизм, не прилипнешь – снесет!

Манька полюбовалась на подошвы своих ног, обутых в теплые сапожки.

– Не прилипаю же, нет у меня нынче столько железа! – возразила она.

– А разве сама ты не железяка? – напомнил Дьявол. – И они железо ели... Правда, доброе. Слава Богу, Упырь тогда еще не родился. А само по себе оно иногда разрушается, если человек на него день и ночь смотрит тысячу лет. Какое железо не сгнило бы за такое время? А сгнило оно на человеке, въедаясь в плоть. Прележи-ка в железе-то вечность, не

захочешь, а пропитаешься. Но на кой оно тебе, ржавое? – пожал плечами Дьявол.

– Оно рукотворное! – весело воскликнула Манька, поднимая посох. Выглядела она довольной. Борзеевич, который залез на каменную скалу от греха подальше, тут же слез и неспеша направился в их сторону, согревая руки дыханием.

– Камень, покажи, где человек железо свое оставил? – попросила Манька, слегка ослабив хватку, чтобы не она управляла посохом, а он ею.

И сразу почувствовала, как потянула ее сила камней, зацветившихся голубоватым светом, по пику вершины в обход скал, на которых только что сидел Борзеевич, поднялась по щебеночной насыпи, пересекла снежный занос и остановилась.

Посох постучал о землю три раза.

– Вот, нашла, – довольно сказала она, расплавив снег, направляя воду в сторону, и выковыривая два примерзших к земле изношенных до дыр ботинка.

От них почти ничего не осталось, и, пожалуй, можно было оставить – железо рассыпалось в руке, когда она нагнулась и подняла один. Человек не то снял железо, не то просто вышел из него. А возможно, железо перестало для него существовать, как бытие, в котором он был лишь гостем. С другой стороны, как-то ковали санки и ничего. Сдавалось ей, что и железо, как все, что от Дьявола, времени не боялось, но за такое время пропитаешься не только железом, но и понима-

нием: если открыл человек ворота вампиру – оставь его, и пусть вампир с ним сам разбирается.

Ну или Дьявол...

Лампа и статуя лежали тут же, неподалеку, но ключ нашли не сразу. Видимо, человек сумел сойти с того места, где вампиры закопали печать. Все же, в первом городе многие люди исполнили свою часть договора. Землю перекапывали, разбивая и выковыривая камень. Манька мечом и посохом, Борзеевич помогал откидывать обломки, орудуя кинжалом, стрелой и колышком. Ключ к поверхности был намного ближе, чем кувшин со свитком на площади города. Наверное, часть земли со временем унесло вместе с ледником, который потихоньку съезжал вниз, утаскивая грунт и камни за собой.

– Вот он! – весело заорала Манька, вытаскивая на божий свет черный круг, с полметра в диаметре, с выгравированными надписями, как на Дьявольском кинжале. В центре распластался сплюснутый с обеих сторон трехглавый дракон, каждая его голова упиралась в одну часть ключа.

– Ну, так я его разбиваю? – спросила она у Дьявола, который прохаживался неподалеку, к чему-то прислушиваясь, всматриваясь в вершину четвертой горы.

– А он тебе нужен? – спросил он, мельком бросив взгляд в ее сторону.

– Нет, – ответила Манька, пожимая плечами.

Она с силой махнула мечом. Выскочил сноп искр, ключ отскочил, прокатившись по земле, не получив ни царапины

– не погнулся даже.

– Сначала колпак сними, – с озабоченной подозрительностью рассматривая ключ, посоветовал Борзеевич.

– Какой колпак? – слегка растерявшись, она подняла ключ, рассматривая его.

– Мой, – подсказал Дьявол. – Шутовской колпак. Я, когда ключ положил, мысленно произнес, сколько чудес претерпит город. А ты произнеси мои мысли вслух. Удиви ключ смекалкой.

– Помнишь, Маня, когда мы были в четвертом городе, те люди достали из-под тебя такую же штуковину? А как сломали, дракон испустил дух, – напомнил Борзеевич. – Они не мечами махали, а крутили ее так и эдак и хихикали...

– А-а! – сообразила Манька, примериваясь к ключу, огорчившись, что пропустила такой ответственный момент, увлекшись битвой. Один из призрачных людей в это время рубил головы дракона. Жаль, что не порасспросила.

Но ни одна умная мысль не пришла в голову. Манька вертела ключ и так, и эдак. Город как город, ну прокляли его, а чудеса при чем? Борзеевич тоже подошел, рассматривая ключ.

– На подсказки смотри, – снова посоветовал он. – Это головоломка! Видишь, город нарисован, и крест на нем. Город не город, а условно башню с тремя домиками, наверное, можно числить городом. А тут башенки перевернулись, будто в воде отразились, и креста на них нет...

– Что? Город будет стоять в одном месте, а видеть будут в другом? – Манька повернула ключ в руках, рассматривая знаки.

И вдруг надпись на ключе загорелась, по ней пробежал огонь, и одна треть ключа выпала и преломилась.

С минуту любовались останками полуразрушенного ключа, забыв закрыть рты.

– Э-э... Круто! – Борзеич даже вспотел, внезапно переживая за благополучный исход разгадывания кроссворда, от которого зависело будет жить дракон или нет.

– И не будет в городе жителей, но все они будут живы, – уверенно сказала Манька, заметив пустой город и перевернутых людей, которые тянули руки вверх.

И еще одна часть ключа треснула и вывалилась, рассыпаясь обломки.

– И будет город охранять дракон, который не увидит его, пока охраняет? – заинтересованно прочитала она третий рисунок, на котором был нарисован город и дракон с завязанными глазами.

Подсказки Дьявола, что разгадка кроется в чудесах, который претерпит город, оказались кстати. Последняя часть ключа треснула и раскололась.

Дьявол посмотрел на ключ с тоской, тяжело вздохнул, исторг их глаз голубой огонь, оплавливая осколки.

– А теперь вам придется бежать бегом, – ядовито сообщил он, ухмыльнувшись.

– С чего бы? – разом вскинулись его спутники.

– Потому что сюда ползут два других дракона, – порадовался он, довольный произведенным впечатлением. – Налегке, они будут здесь через сутки. В лучшем случае. Сейчас они у подножия четвертой горы. День на подъем, ночь добраться до этой, день в эту гору залезть, и еще ночь настигнуть вас у подножия шестой горы. Итого, – Дьявол посмотрел на свои пальцы. – Двое суток. Эти горы чуть выше, но для них это не так существенно. Ползают и летают они быстро.

– В худшем? – хором, сдавленным шепотом, испугано, вскинулись оба слушателя.

– Чуть меньше. Летают они быстрее, чем ползают. Если им хватит воздуха и сил поднять себя, с вершины четвертой и этой горы пролетят на крыльях часа за три, – Дьявол махнул рукой на шестую гору. – Быстрее им не поспеть. В общем, у вас около пятнадцати часов, – подытожил он.

– Там люди? Или только драконы? – ужаснулся Борзеевич.

– А как они оказались у подножия четвертой вершины? – поперхнувшись, совершенно потрясенная, прохрипела Манька.

– Вы опять меня удивляете! – изумленный Дьявол развел руками. – Цивилизации не стоят на месте! У них столько приспособлений, что вам и не снились. Взять, к примеру, ковры-самолеты...

Он замолчал, с любопытством наблюдая за онемевшими

спутниками, которые потерянно и со страхом уставились на четвертую горную гряду и самую меньшую из ее гор. Наверное, там тоже когда-то стоял призрачный город, и Дьявол, чтобы тот уместился на вершине, подрезал ее.

– Но это еще не все приятные неожиданности на сегодняшний день... – весело промурлыкал Дьявол, наслаждаясь их страхом и растерянностью.

Манька и Борзеевич промолчали, превратившись в само внимание. Оба стояли с побледневшими и вытянутыми лицами, с округлившимися и потемневшими глазами.

– Нас догоняют тридцать оборотней, они уже начинают подъем, – так же радостно сообщил он, причмокивая от удовольствия, будто оборотни торопились дорогими гостями, нагруженные подарками. Дождавшись, когда кто-то один пошевелится, он продолжил в том же благодушном тоне:

– Они злые и голодные. Они бегут за вами без сна и отдыха вторые сутки. Бегают они, сравнительно с ползущим драконом, медленнее, но они опередили Горынычей, и если те сумеют полететь, догонят вас одновременно. И тогда – вам крышка! Я буду расстроен, если они не справятся с вами, но не сильно. А справятся, порадуюсь за Помазанников. Кстати, – он оценивающе смерил обоих взглядом, – я ошибся, времени у вас меньше. Оборотни и драконы могут сутками не спать, оставаясь в бодром состоянии духа.

Убитые известием, вопросов не задавали. Выразительный испуг мог бы объяснить больше, чем описание этого испуга.

Ни Манька, ни Борзеевич радости Дьявола не разделяли, переглянулись, поняв друг друга без слов.

– Будете выращивать нам еду на ходу, – строго наказала Манька котелкам, закидывая их в рюкзаки. – Что-нибудь такое, чтобы и нам не спать...

Будут, не будут, она не знала, но в этом путешествии Борзеевич нет-нет, да и баловал их с Дьяволом изысками, о которых много рассказывал в первое путешествие. Семян у него с собой было много и разных, занимали они половину его рюкзака.

Вообще до этого момента их путешествие нравилось им обоим. Так все было красиво и опыта хоть отбавляй, никуда не спешили, не замерзали, вдоволь любясь и своими надписями на скалах, делая некоторые добавления, упущенные в первом путешествии, и множественными эрами, которые слоями выставлялись из земли, и закатами, и восходами, красочнее которых, пожалуй, было не сыскать. Ослепительно белый под солнцем снег вдруг начинал гореть и искриться всеми цветами радуги, горело небо, полыхая всеми оттенками, от фиолетового до желтого, и светилось по ночам, поражая воображение красочностью развернувшихся гигантских полотнищ. Небо тут чаще было чистое, разве что догонял циклон, который в высоту иногда был с Вершину Мира. А какие тут были звезды! Любая обсерватория могла лишь мечтать о такой близости к ним. Даже ступеньки нравилось подправлять, чтобы любопытные могли идти по их

следу. Манькин меч от этого становился только острее.

Проверили боеприпасы: колчаны были полными. Дьявольских стрел насчитали штук сорок у Маньки, и столько же у Борзеевича. И обычные, из неугасимого дерева, с серебряными наконечниками, выдержанные в живой воде по пятидесяти штук.

Дьявольские стрелы берегли, впереди их ждали опасные подъемы, когда обычная стрела с веревкой могла не долететь до намеченной цели. Но, если оборотни нагонят, им не составит труда окружить их. Здесь земля была им не помощник. Элемент неожиданности, который предоставил им Дьявол, был на руку и мог сработать только сейчас. Манька не сомневалась, что Дьявольскими стрелами отсюда, с вершины, сможет легко их достать, а внизу у зверей появиться возможность прятаться за скалами.

Она встала на краю пропасти, прислушалась к пространству. И сразу нащупала бегущих зверей, которые рассыпались и карабкались вверх по ступеням. Натянула тетиву, выпустила стрелу и через минуту почувствовала, как стрела угодила в чье-то сердце. Там, где был оборотень, пространство стало чистым.

Чтобы выпустить тридцать стрел, понадобилось полчаса – главное отыскать зверя...

– Не так страшен оборотень, как его малюют, – удовлетворенно хмыкнула она, подбирая посох. – Теперь на нас обижены только драконы.

Борзеевич крякнул и почесал затылок, взваливая на себя рюкзак. Недовольным остался разве что Дьявол. Но он всегда был недоволен, если обижали его любимую нечисть.

– Почему ты всегда умудряешься все испортить? – с укором проворчал он, через кругляшки пальцев разглядывая рассеянные по склону трупы. – Я приму к сведению, что маленькая стая не смогла вас напугать, – расстроился он, нахмурившись.

– Я переживаю за Борзеевича, – с вызовом ответила Манька, пытаясь сообразить: Дьявол пригрозил, или похвалил? Наверное, похвалил – было лестно.

Дьявол покачал головой, наконец, простив ей и раздолбаный раритетный артефакт, без которого дракону не жить, и смерть оборотней, умеющих становится зверями по желанию. Как обычно, он повернулся на сто восемьдесят градусов.

– Маня, знаю, ввысь на крыльях тебе уже не подняться... – он болезненно поморщился. – Бремя физической материи, которая, являясь фундаментом, в некоторой степени сковывает их в подлунном мире, особенно здесь, где воздух разряжен, и им не на что опереться, но кому-то дано поднять и фундамент, – и процитировал: – «Ибо то, что невозможно человекам, возможно Богу, ибо все возможно Богу».

– Это не про полеты, – возразила Манька, рассудив по-своему. – Это про то, кто войдет в Царство Божье. Дьявол, я не вампир, ты опять берега попутал.

– Это, Маня, про спасение ныне, во время гонений и в веке грядущем жизни вечной, а по-другому – смерть! Кто не успел, тот стал пищей. Не спорь. Под именем Спасителя всегда есть что-то, на что его положили, иначе имя не продержалось бы дня. Крылья опираются не только на воздух, но на силу духа. Если дух человека крепок, он может стать, как бог. Умные люди это уже давно подметили и пользуются.

– Как знать, что не Святым Духом поднимаются, – скривилась Манька.

– Ну-у... – протянул Дьявол и выставил вперед руку, в которой оказались весы, а глаза его стали враз завязанными черной повязкой. – На одной чаше – вы... – Манька и Борзеевич восхищенно вскрикнули. На одной чаше весов и в самом деле сидели их уменьшенные копии и о чем-то весело болтали. Борзеевич не удержался и потыкал в себя пальцем. Борзеевич, который сидел на чаше весов, выставил ему кулак. – А на другой – Благодетели, – объявил Дьявол. И на другой чаше весов появилась толпа разгневанных человечков. – Глупо рыкать на льва, если он стоит перед тобой. И если не хотите, чтобы вас растерзал лев, придется лететь, – маленькие человечки поволоки их другие уменьшенные копии в костер. Чаша с казнью сразу перевесила и оказалась внизу, а чаша, на которой сидели они вдвоем, взлетела вверх.

– Подумаешь, чудо! – шмыгнул носом Борзеевич.

– Но их же много! Разве это чудо? – возмутилась Манька. – Мы ключ нашли, город освободили, дракона завалили

– вот это чудо!

– Народ по дракону уже скучает! – ядовито съязвил Дьявол. – С одним драконом вы бы еще справились, но с двумя – это вряд ли. Станешь к одному лицом, второй нападет сзади, и Борзеевич не помощник, от огня драконов он горит сразу и безо всякой надежды на выздоровление. Только силикатом и жив до сих пор. Глина, если ее обожгли, долго лежит в земле ни живая, ни мертвая. А головы у драконов не простые... Сруби одну, на ее месте две нарастет. До двенадцати. Больше им пока носить не удавалось.

Манька осуждающе покачала головой. Дьявол знал, что с крыльями у нее то и дело возникают проблемы. Опять поставил в невыносимые условия и рад.

Выбора нет: хочешь жить – лети, не хочешь...

И сразу стало стыдно: если на то пошло, то люди из проклятых городов летали на крыльях не хуже Дьявола, а у человека из пятого города даже меча еще не было.

Она примерилась к расстоянию.

Далековато...

С горы неслись с такой скоростью, что подивился даже Дьявол, довольный, что ему так легко удалось напугать обоих. Он все время был позади Борзеевича, то и дело подхватывая его за шиворот и оказываясь рядом с Манькой. Но когда вдруг впереди стали вырастать расколы и возвышенности, которые в горах были не редкостью, Манька почувство-

вала, что дело ее дрянь, теперь Дьявол был впереди.

Подножия шестой вершины достигли поздно вечером. Было уже темно.

– Спать! – приказал Дьявол, кидая свой плащ на снег.

Не зажигали ветку неугасимого полена, не снимали рюкзаки и оружие. Глотнули живой воды, чтобы восстановились силы за время сна, упали и сразу поплыли в невесомости, полностью отключившись от утомленного тела. Сознанием они все еще продолжали бежать.

Дьявол никуда не исчез. Он что-то пробубнил под нос – и мягкие хлопья мокрого снега повалили сплошной стеной в том месте, где они только что прошли.

Через четыре часа они были готовы, но Дьявол приказал выпить горячего чая на живой воде и не очень плотно перекусить. Еще была ночь, когда начали подъем. Глаза Дьявола освещали ступени, горели камни посоха, и сами ступени слегка светилась, указывая путь.

– Это зачем? – спросил Борзеевич, оглянувшись и заметив, что белая стена движется за ними.

– Фору решил вам дать... У них восемнадцать голов, у вас только две. Немного покувыркаются в сугробах, выиграем часов десять... А то, глядишь, заплутают. Параллели и меридианы здесь не то, что там, умнее расположились.

– И с чего такая щедрость? – не поверила Манька в искренность Дьявола.

– Так приятно, когда на меня молятся, решил продлить

себе удовольствие, – усмехнулся он в ответ. – Но это ненадолго, траур по дракону скоро закончится.

Глава 9. Как умирают драконы

Подъем на четвертую вершину был тяжелый. С утра двух драконов загружали всем, без чего экспедиция могла обойтись в течении четырех дней. Трехглавый дракон ушел первым с первой партией, чтобы те обустроили новое место и по мере прибытия остальных, размещали их, разгружая драконов. Гора была слишком высокой и крутой, преодолеть ее даже незагруженным драконам требовалось не менее целого дня, ноша их задерживала. Несколько отрядов с утра отправились на охоту и к озеру, чтобы пополнить запасы провианта – и те, которые поднимались на вершину первые, искренне завидовали тем, кто останется в долине до последнего дня.

Время близилось к обеду.

Его и Ее Величество сидели за походным столиком перед шатром, наблюдая за сборами, прочитывая последние донесения разведчиков и дожидаясь, когда накроют столы для высокопоставленных особ. На обед готовили лань, добытую у озера, ее поджаривали на вертеле – от костра приятно пахло. Те, кого не пригласили на обед к Их Величествам, поглядывали завистливо: следов в долине было много, но зверей не осталось, разве что зайцы, которые тоже попрятались. Зато рыбы в озере было в достатке, сети вытаскивали полными. Но не пойми какую рыбу можно есть, а какую нельзя, сплошь вымершие виды. Проверляли приготовленную из

улова еду на оборотнях.

– Черт! – выругался Его Величество. – Взяли бы человек десять тех, тридцать тех, и сотни две третьих – и были бы уже дома! Может, оставим основную массу народу здесь, а сами уйдем вперед? Оборотни нагонят нас, когда начнется полнолуние. Мы только время теряем.

– К проклятой торопишься? – скривившись, усмехнулась Ее Величество.

– А ты не думаешь, что они достанут ключ раньше нас? – попытался образумить царственную жену Его Величество.

– Мы не нагоним их быстрее, чем те оборотни, которые ушли за ними вчера, – напомнила она. – Не сомневаюсь, они уже нагнали их и ведут тепленькими. Больше нет смысла держаться на расстоянии.

– Ну, не знаю... Не забывай, с ними маг, – успокаиваясь, произнес Его Величество.

И вдруг, послышался одиночный выкрик, а через секунду крики уже раздались отовсюду. Люди задирали головы и показывали руками вверх.

Дракон с тремя головами, который ушел первым и был уже далеко, сорвался и камнем катился вниз, ломая скалы и подминая под себя редкие корявые сосны, бог знает каким способом проросшие на голых камнях, увлекая за собой камни и снег.

Оба Величества обратили взгляд в ту же сторону, и выскочили из-за стола. Ее Величество, побледнев, как белое по-

лотно, взвизгнула и рванула в ту сторону, куда должен был упасть дракон, но Его Величество схватил жену, крепко ее удерживая, пока она брыкалась в его объятиях, не отпуская в опасное место. Ее маска продолжала висеть где-то чуть выше, радостно приветствуя своих подданных, и сам Его Величество стоял бледный, с потрясением и ужасом в глазах.

Казалось, падение длится вечно...

– Почему он не машет крыльями?! Почему он не машет крыльями?! Дай сюда! – Ее Величество, наконец, освободилась из железной хватки Его Величества, шагнула к стоявшему рядом вампиру, вырвав у него из рук бинокль. – Что с ним стряслось? – руки ее дрожали и она никак не могла поймать в окуляры падающего дракона.

– Похоже, хана ему, – наблюдая за падением, растеряно, с благоговейным трепетом, ответил вампир.

Еще минут десять, и все, кто стоял внизу, начали разбегаться в разные стороны. Вопли теперь неслись отовсюду. Дракон приближался с немыслимой скоростью, а позади него на лагерь катилась лавина, и наконец, упал и прокатился тушей по палаточному городку, едва не задев нагруженного и готового к отправке шестиглавого дракона. А вслед за тем на палаточный лагерь обрушились камни и снег.

Драконы казались не менее растерянными, в тихом молчании застыв над собратом, не замечая, что каменные глыбы падают на них. И вдруг, взревели всеми головами, испустив страшный вопль, сорвались с места и с боевым воем броси-

лись наверх, карабкаясь, как ящерицы, теряя по пути грузы, людей и упряжь.

– Нет... Боже... – метнулась за ними Ее Величество, остановилась возле умирающего дракона, упав перед ним на колени без сил. Провожая драконов взглядом, прошептала едва слышно; – Мы найдем вас! Не дайте им взять ключ!

Но, казалось, драконы не слышат ее. Ни один из них не повернул ни одной головы. Вниз летели скалы, которые они в ярости выворачивали на своем пути, и взбирались так быстро, как будто бежали по ровному полю.

– На пятой горе... Мы были так близко! – растерянно выдохнул Его Величество, наблюдая за драконами. Он стоял рядом с Ее Величеством, придерживая ее за плечи. – Похоже, твои оборотни их не остановили... Надо было отправить их раньше... Драконов и оборотней. Оставить себе одного.

Ее Величество сотрясла дрожь. Она оттолкнула мужа и пытаясь обнять головы, то одну, то другую. Дракон бился в конвульсии – ее оттаскивали, не давая попасть под крыло или лапу. Три головы его уже начинали гнить и гореть – и там, где образовались в шее дыры, вытекала зеленоватая слизь, выжигая землю.

– Вставай! Вставай! – горестно кричала Ее Величество, рыдая и обнимая дракона. – Нет! Нет! Пожалуйста, живи!

И только когда дракон рассыпался прахом, она упала и завывала, как раненый зверь. Вопль ее заставил ужаснуться и скорбеть даже тех, кому дракон в последнее время становил-

ся опасен. Те, кто представлял здесь оппозицию, в тайне не одобряли экспедицию, понимая, что многие не вернуться. Не так было в других государствах: умный человечиче приходил, ругал или славил себя и царя на троне, и тем, полюбившись народу, добивался трона безо всяких драконов и престолонаследия. Любой мог стать Царем, но только не в их государстве. С драконами разве себя прославишь, если выбирают достойного они? За такую крамолу можно было сгореть в пламени дракона, особенно с голодухи, но каждый, кто увидел его падение, может быть, впервые испытал безотчетную тревогу – новая сильная обнаглевшая рука показала всем, что грядет, когда она устроит на троне себя.

– Думаешь, догонят? – спросила Ее Величество у Его Величества, ползая по месту, на котором дракон стал грязью, все еще проливая над этим местом чистые и искренние слезы. На сырых ее щеках теперь была размазана грязь.

– Понятия не имею. Я не знаю где мы и куда идем, не представляю, где и как стояли здесь города. Надеюсь, что наши орлы уже тащат их сюда. Одно дело достать ключ и сломать его, другое – уйти от оборотней, – ответил он с тревогой. Он также тяжело переживал смерть дракона, но молча. А возможно, почувствовал облегчение, драконы никогда с ним не считались. Но без них он быстро потеряет трон, если вампиры жены и дядьки Упыря не избавятся от Престолонаследника. Это было в их интересах, иначе все они потеряют власть и окажутся на дне вместе с царственной четой.

– И драконы... Не думаю, что все три города стояли на одном месте. Они нагонят их и не подпустят к ключам.

– Боже, это не проклятая, а черт знает, что... Рад поди?

– У тебя с головой все в порядке? – искренне поинтересовался Его Величество. – Я бы с удовольствием вырвал ей внутренности и полил кровью каждый камень, на который она ступала. Ведь кто-то пробивал дорогу для людей, для нас, а она прошла, и уже никто не может идти, кроме таких же отбросов, – он выругался, стараясь унять дрожь, но руки предательски выдавали его. – Нам нужно торопиться... Любимая, может быть, как-нибудь... – Его Величество кивнул в сторону лестницы, пестрившей головами оборотней и людей, которые бросились на помощь раненым, собирая придавленных, на этот раз пренебрегши правилами держаться от лестницы подальше.

– Видишь, там камни покрыты лишайником, – Ее Величество ткнула рукой. – Наверное, споры из нее сыплются. Мы все чувствуем это, – с обидой произнесла Ее Величество, утирая слезы, голос ее окреп и стал гордым. – Там ее тропа, а здесь наша. Я не хочу ступать там, где ступала она!

– Увы, Ваше Величество, мы тоже не хотим, но нам не поднять груз в другом месте, – проговорил вампир, который скорбел по дракону как все. – Я думаю это разумно разделить и воспользоваться проторенной тропой для оборотней и людей. А часть из них поможет нам подняться здесь, на подъемниках, – он взглянул на Ее Величество покорно,

но голос его звучал уверенно: – Вы представляете, если они все будут подниматься здесь?! – он указал рукой на отвесные скалы, которые уходили высоко вверх.

Лагерь как-то сразу притих. Раненные и погибшие были и в лагере, камни придавили многих. Из тех, кто поднимался на драконе, не выжил ни один, падение было слишком высоким, тела собирали по частям. И тем, кто поднимался по ступеням, в конце концов, спастись оказалось некого. Скорбь, тела и останки переносили в один из гротов, найденных неподалеку. Что делать с ранеными, не знал никто. Решили, что лучше всего дожидаться утра, и тот, кто встанет, пойдет вместе со всеми, а те, кто не сможет, будут дожидаться помощи здесь. Их тоже отнесли в обустроенный под госпиталь грот.

Как только более или менее разобрались с обстановкой, к обоим Величествам подошел начальник экспедиции из оборотней, который отвечал за людей и за подъемы, намечая маршрут для продвижения вперед.

– Ваше Величество, надо отправлять вперед людей, чтобы приготовили место для лагеря, – обратился он к Его Величеству. – Первыми пойдут подрывники, которые очистят горы от возможного схода камней и снега, потом те, кто будет готовить лагерь для остальных. Нам теперь придется рассчитывать только на свои силы и, я так понимаю, нужно торопиться.

– Отправляйте, – согласился Его Величество. – У вас уже есть кого послать?

– Да, есть... Но это люди, – оборотень многозначительно посмотрел на Его Величество. Он покачал головой, виновато заглядывая в глаза. – Подрывники – профессия опасная... Их у нас всего девять человек... Было заказано двенадцать, двое не явились... один... погиб – мы не рассчитывали, что такое произойдет, и уже хотели отказаться от... от их профессиональной надобности. Но я нашел среди бывших военнообязанных еще одного, который согласился заменить погибшего, кроме него пока никто не высказал желание.

– Вы же знаете, что нужно делать... Дайте соответствующие инструкции сопровождающим... Вы с ними знакомы?

– Ну... в общем, да. С одним из них, и вы знакомы. Это тот молодой человек, который вчера потерял брата... Он подошел к вам вечером. Я хочу отправить его.

Взгляд Его величества стал слегка удивленным.

– Нет, нет! – поторопился воскликнуть оборотень. – В том-то и дело, слишком импульсивен. Он уверен, что была заложена бомба, которая вызвала сход снега. Долго спрашивал и что-то говорил про месть, про то, что ему надо достать врагов государства, которые убили его брата, клялся отомстить и взорвать себя, если потребуется... Он спрашивал, как вы себя чувствуете после пережитого кошмара, здоровится ли вам, просил узнать, не нужно ли чего, хотел непременно взять вас в свидетели клятвы мщения по обычаю гор. Но я не позволил. Интересовался, не кричал ли брат чего-нибудь перед смертью. Нет, он ничего не знает. И ко-

гда дракон погиб, первый пришел с просьбой, отпустить его, чтобы вырвать горло этим тварям, которые убивают людей. Он уверен, что здесь так же сработала ловушка. Еще сказал, что жил в горах, а горные люди мыслят немного иначе и месть у них на первом месте. Второй, который вызвался идти с ним, новенький, видимо друг, как оказалось, сапер, служил в войсках Вашего Величества. Я заметил... – оборотень смутился под пристальным взглядом Ее Величества, – мне показалось, что они говорили вполне искренне. Еще один тянул жребий, старший по группе, и двое вызвались сами, когда узнали, на кого жребий упал. С ними будут десять наших. Они понесут взрывчатку и проследят, чтобы в назначенный час все пятеро выпили сонное зелье. Еще пятеро на всякий случай останутся здесь, чтобы очистить путь для вашего подъема, если это будет необходимо.

– Хорошо. Пусть отправляются немедленно. Сегодня будет объявлен траур, так что они успеют приготовить место, – приказал Его Величество и добавил, обернувшись к жене и успокаивая ее: – Люди мыслят так предсказуемо! Познакомились, и один потащил второго, – он вернулся к разговору с оборотнем: – С нами остаются надежные люди? Не забывайте, им предстоит расчищать путь для Ее Величества. Здесь должны остаться самые опытные, но не менее опытные должны быть там, наверху!

– Они опытные, Ваше Величество, – заверил оборотень с облегчением.

– Берегите и охраняйте людей. Каждый человек на счету! Мы, оказывается, взяли с собой их не так уж много... – проворчал Его Величество с сожалением. – Давайте им волю еды, и пусть Святые Отцы подадут пример, выявляя слабеющих духом. В армии, когда Святые Отцы собирали и разбирали автоматы, это сработало, народу понравилось, народ вдохновился. Надеюсь, сейчас они тоже подадут пример, сплотив всех вокруг Ее Величества. Каждый должен понять сердцем, сколь важна эта операция.

– Слушаюсь, Ваше Величество!

К ночи собрали разбросанные вещи и подсчитали убитых. Погибли в основном оборотни, которые поднимались первыми для того, чтобы обустроить лагерь, и оппозиционные вампиры, которых отправляли вперед, чтобы они не смущали умы в лагере. Они падали вместе с драконами. Среди них оказалось около пятидесяти вампиров и около двухсот оборотней. И придавленные драконом и лавиной из камней и снега, которые не успели выйти из палаток. Десять вампиров, которые не жились в спальнях мешках, и около пятидесяти оборотней, которые дежурили ночью и отсыпались. Падение с высоты и вызванный этим камнепад не оставил им шанса выжить: все внутренности были отбиты, разорваны и раздавлены – их собирали по частям.

Смертям вампиров Его Величество и даже Ее Величество были несказанно рады: голодные вампиры слишком быстро

уничтожали стратегический человеческий запас, а вот оборотней было искренне жаль.

Трупы сразу же поднимали и уносили в одну из найденных пещер в паре километров от обозначенного маршрута. В пещеру за ними ушли желающие попрощаться с собратьями. Но попрощаться разрешили не всем, а только тем, кто имел с погибшими близкий контакт. После этого вход в пещеру взорвали, нанеся на карту братскую могилу. И сразу же разбились на группы. Согласно новым правилам никто не имел права уходить от группы дальше пределов видимости. Каждому присвоили номерной знак с буквой группы и порядковым номером.

Люди, оборотни и вампиры разделились.

Вампиры приуныли: люди и оборотни теперь поднимались по ступеням. Но когда им объяснили, что поднявшиеся по проторенному пути будут сбрасывать им сверху веревочные лестницы и подъемники, повеселели.

– Ты иди с ними, – приказала Ее Величество Его Величеству, указывая на тропу.

– Почему я? – удивился он.

– Потому что никто из нас больше не может, – раздраженно ответила она. – Кто-то же должен присматривать за ними, кроме оборотней. Так мы сможем поднять в них желание идти дальше. А я буду поднимать настрой вампирам. Кто-то должен поддержать их. Если я, слабая женщина, могу и делаю, то им не останется ничего другого, как идти вслед

за мной... Что тебе? – нахмурилась ее Величество, заметив молодого оборотня, который уже несколько раз нерешительной походкой прошел мимо их палатки и теперь остановился, топчась на месте.

Молодой оборотень решительно направился в их сторону.

– Ваше Величество, может, нам вернуться? Если драконы их не догонят, мы подождем внизу у гор и арестуем мага, пожилого человека и... – он смутился, подбирая слово, – их неухоженную спутницу. Каждый день погибает столько людей, что все только об этом и шепчутся.

Ее Величество с досадой сжала губы, какое-то время сверила его взглядом. Наивных и зеленых, не стрелянных и ни разу не прошедших трансформацию, среди оборотней оказалось много. Их приходилось усыплять вместе с людьми, и вели они себя как люди. Это не могло не раздражать. Если бы у них было чуть больше времени для подготовки экспедиции... Набрали кого ни попадя. А еще эти ботаники и геологи, взятые исключительно для утоления голода, все время пытаются выбраться из лагеря, чтобы собрать образцы.

– Мы не отступим и поторопимся нагнать драконов. Возможно, им понадобится наша помощь. Идите, передайте всем сомневающимся: и я, и Его Величество с вами. Мы так же рискуем каждый день, как и любой из вас. И весь оставшийся кабинет министров. И Святая Церковь. Война никогда не обходится без жертв. А это уже война. Но с преимуществом на нашей стороне. Идите спать.

Человек отошел, сомнение на его лице сменилось пониманием.

– Но он прав, – с раздражением глядя ему вслед, высказал мнение Его Величество. – До полной луны осталось дней пять. Потом оборотни уйдут, нам придется рассчитывать только на свои силы и на людей. Остается надеяться, что земля не станет защищать первоживущего, если он вдруг нападет на нас. Он не пахнет, и как узнать кто он и где он? Возможно, он все это время следит за нами.

– Мы должны достать эти ключи! Драконы будут нас ждать! – твердо сказала Ее Величество. – А если они не смогут их взять? Кто мы, без драконов? Хорошо, что я позаботилась разместить в иностранных банках на наши имена и на предьявителей. Если к власти придет Престолонаследник с ведьмой, ему придется начинать все заново. Я наготовила для него столько подводных камней, что он будет умолять нас остаться на троне, – Ее Величество уронила слезу, вздохнув горестно: – И за что нам это все?

– Я не мог бы пожелать тебе лучшего наказания... Ты и твоя Мать оставили проклятую в живых, – раздраженно позлорадствовал Его Величество.

– Проклятие пало на нас обоих, – напомнила Ее Величество. – Неужели не понимаешь, что поганый вампир лишает нас обоих всего, чего мы добились за все эти годы? Он умен, он хитер, он не торопится и просчитывает каждый шаг... В первую очередь, он решил избавиться от драконов. Если б я

только знала об этих проклятых городах!

– Ты не думаешь, что он специально заманил нас в горы, а сам собирает единомышленников, чтобы начать переворот? Что за маг такой, откуда он взялся?

– У нас нет выбора. Драконы – единственное наше спасение. И ключи где-то здесь. Если он готовит переворот, тогда первоживущего нет с проклятой, он ее бросил. Я вообще думаю, что мы имеем дело с хорошо прозомбированной куклой, а тот, второй, старикан – ее контролирует и направляет, пока нет мага. С драконами мы защищены, следовательно, спасать надо драконов. Советник, замещающий нас, верен мне, мы накладывали на него Зов, а моя мать долго держала его проклятую у себя, поэтому, подступиться к трону ни Престолонаследнику, ни магу не удастся. Если бы первоживущий мог хоть как-то влиять на нас, он бы не стал обременять себя проклятой.

– После того, как я узнал, что первоживущий убил твою мать, я уже не так уверен в Зове тех, чьи проклятые были у твоей матери. Он, наверное, мог подправить их...

– Не смеши! Они закрыты. Я не знаю, как и где, но даже сама Матушка не могла туда попасть. И никто не смог бы. Это на земле и не на земле, любая попытка достать проклятых убьет раньше, чем их достанут. Когда мать хотела от них что-то получить, она вставала посреди избы, называла имя и говорила к ним. Мы и чудовище не торопились убить, чтобы засадить ее в это место. Тогда ты мог бы жить вечно, как

дядька Упырь, оставаясь человеком. Дьявол слеп, когда проклятый не у него в геенне.

– Надеюсь... – тяжело вздохнул Его Величество. – Но Упырь умер, Упыря нет...

– Тут другое. Жадность его сгубила. Помнишь, он готовил проклятой железо? Он решил, что помолодеет, если выкачает из нее ту силу, которая делает ее живой. И смог бы... Если бы первоживущий не уцепился за эту связь и не направил ее против него самого... – Ее Величество задумалась, слегка побледнев, пройдясь взад-вперед возле стола. – Послушай-ка, возможно, первоживущий раскрыл секрет тайных комнат в избе... Как я об этом сразу не подумала? – она остановилась, резко обернувшись к Его Величеству. – Помнишь, Котофеюшка обмолвился, что чудовище повывела в избах нечисть? Что избы имели в виду? Я разорву их вот этими руками! Я вырву им сердце! О, они меня еще не знают!

Его Величество поймал супругу, обнимая сзади и пограв ладони в своих руках.

– Этими? Этими даже мышшь не разорвешь. Давай уж я сам как-нибудь. Сомневаюсь, что он что-то подправлял, тогда вампиры уже давно покинули бы нас, переметнувшись на сторону мага, но они с нами и верны нам, я не чувствую среди них бунтовщиков, мой меч указал бы на изменников. Ты права, пока у нас есть драконы, пусть даже один, никто не рискнет против нас выступить. Их безопасность для нас сейчас важнее.

– Прошу прощения, – сзади к ним приблизился вампир, – мы идем вперед или назад?

– Вперед! – Их Величества произнесли это почти разом. – Вернуться мы всегда успеем!

– Еды у нас достаточно. Кроме того, у нас еще есть оборотни. Не так питательно, но съедобно. Конечно, с человеческой их кровь не сравнить, но она прекрасно регенерирует наши тела, – твердо ответила Ее Величество. – Посчитайте оборотней и отберите тех, которыми в дальнейшем можно будет разбавлять человеческую и концентрированную кровь, – она жестом указала на молодого человека, который только что подходил к ним. – Мы отдохнули, восстановились, набрались сил. Но на вершине нам снова понадобится лекарство. Жаль, что мы успели собрать так мало крови. Вы уже поняли, что свернувшаяся кровь нам не подходит, взять ее можно только у раненого оборотня.

– Мы погубим себя, если начнем резню на глазах у стаи... – насмерть перепугался вампир. – Оборотни догадливы.

– Нет, если дадим им мяса и сделаем это в полнолуние. Сегодня ели, не отравились. Выберите тех, кто был близок к Престолонаследнику, обвините в измене. Перед тем, как отправить оборотней в путь, надо хорошенько накормить их еще раз. Кто оборотня кормит, тот и правит им в полнолуние. Кровь, которую вы собрали сегодня, поможет нам преодолеть эту гору, кровь, которую соберете на вершине, поможет преодолеть еще одну. До полнолуния осталось пять

дней, некоторые пройдут превращение раньше. Как только мы получим дополнительные средства, чтобы подняться наверх, мы будем подниматься быстрее.

– Мне донесли, что следующая горная гряда хуже этой, – озабоченно проговорил вампир. – И я не уверен, что за теми горами нет еще одной горной гряды. Так что нам нужно быть готовыми ко всему.

– Но кто мог знать, что нам будет так тяжело? – Ее Величество взглянула на подданного с глубокой печалью. – Потрудитесь выбрать тех, кто останется с нами, тех, кто будет принесен в жертву, и тех, кто пойдет вперед, чтобы отомстить за своих.

– Но люди... Обратни не справятся с собой, если им придется поднимать на себе людей.

– Естественно, люди будут подниматься сами. Оставляйте самых сильных и выносливых физически. И предусмотрите оборотней, которые понесут на себе имущество людей, чтобы люди нас не задержали. А мы пойдем следом, отдыхая низу. Холод и голод нас убивают, в подножии нам оставаться удобнее.

– Хорошо, мы все подготовим, – вампир повернулся и отошел.

– Господи, ты такая хрупкая, но в тебе столько сил, столько решимости и воли! – восхитился Его Величество. – Если бы у меня в правительстве был один такой министр, мы бы уже давно жили, как в Три-пятнадцатом государстве!

Ее Величество рассмеялась.

– Ну так, носи меня на руках, – предложила она, позволив Его Величеству взять себя на руки.

– С удовольствием!.. На нас же смотрят, – улыбнулся он, обрадовавшись, что жена отошла от потрясения, которое они пережили днем. Он поправил шарф на ее шее, подсадив на колено, укутал сверху своей курткой.

– Господи, да пусть завидуют! – хмыкнула она. – Сама себе удивляюсь, стоит подумать, мысли приходят – и голова заработала, как часы! Вот как хорошо, когда нет бремени. И твоя голова будет такой же, – она шаловливо щелкнула его по носу. – Ладно, надо поспать, пока не вернулись герои... Жаль, что среди погибших почти не было людей, я бы не отказалась от чистой человеческой крови. Эти горы действуют на нас всех, постоянно хочется крови.

Его Величество с Ее Величеством на руках поднялся с бревна, которое служило им сиденьем у костра, чертыхнувшись, заметив, что на брюках остались пятна смолы, и откинул полог царского шатра-палатки, скрывшись за ним....

На небе зажглись крупные звезды, по небу поплыла неполная желтая луна. Деревья и скалы утонули в темноте. Лагерь спал. Трое вампиров сидели над списками и негромко спорили. Еще сотня оборотней дежурила у палаток и бродила между ними, как приведения, не нарушая покоя спящих.

И вдруг в стороне раздался свист. Как по команде за-

зглись три костра в центре расположенных кругом палаток вампиров. Около трехсот вампиров поднялись, встречая тридцать два припозднившихся человека. От них сразу же отделились двенадцать, пропуская вперед остальных. Обратни привели людей строго к обозначенному часу. Кровь оборотней лечила вампиров, но не насыщала, а концентрат без живой человеческой крови был пустым, как мякина. Приготовленных в пищу еще днем отправили на разведку с таким расчетом, чтобы они не мозолили глаза – так было проще объяснить их исчезновение. В лагере начинали ходить слухи и подозрения, если человек ложился спать и утром его не могли найти. Без любви людей недолго и на сопротивление натолкнуться, а без драконов людей не так легко усмирить – вампиры помнили об этом, особенно теперь, когда остались одни. Двадцать человек сдали оружие и доложились, с удивлением разглядывая людей, которые окружили их, сдвигаясь плотным кольцом.

Их потеснили и связали руки.

– За что? – выдохнул человек, отступая к костру, заметив в руке одного из тех нож.

Нож подрезал ему горло. Человек захрипел.

Тело перевернули, наклонив над емкостью с темной жидкостью, голову отделили от тела, и когда кровь перестала течь, тело бросили в толпу, которая наблюдала за действиями пяти человек безмолвно, не обращая внимания на ужас связанных людей, которые звали на помощь протяжными и

громкими криками, пытаясь освободиться от пут. Его тут же освеживали, наткнув на вертел и подвесив над костром. Еще девять человек повторили его судьбу. Вампиры понимали, с утра тяжелый день, и подъем будет трудным, нужно подкрепиться, как следует. Что такое двадцать человек на триста вампиров? По пол-литра крови на одного. На большой земле все пять литров твои и удовольствие можно растянуть на два и на три дня. Крови не хватало. Зато оборотни были только рады, оставшееся мясо отдавали им. Таким оборотням, которые столовались из рук вампира, доставались самые жирные куски.

Следующую жертву рвали не так быстро, наслаждаясь страхом и кровью, слизывая ее с человека, пока готовились те, что на вертеле. Кому-то нравилась печень, кому-то селезенка и костный мозг.

Еще около трех сотен оборотней обсуждали представление, стоя неподалеку и дожидаясь, когда тела отволокут в сторону, делали ставки на то, сколько продержится тот или иной человек, и когда он был мертв, уносили в ночь к своим соплеменникам. Оборотням было без разницы, чье мясо есть, они питались со стола хозяев, и это было лучше, чем ничего. Мяса в долине было немного, животные ушли сразу же, как только почувствовали, что сюда приближается человек. Вампиры не только кормили оборотней, но и защищали их – и оборотни знали свое место, установив строгий порядок для бодрствующих. Пятнадцать оставшихся человек

на триста оборотней, дежуривших неподалеку от костра и на сотню охранявших покой вампиров, были еще менее сытными, чем кровь двадцати человек для вампиров. Оборотно требовалось не меньше двадцати килограмм мяса на раз, чтобы быть сытым всю неделю, но нынче вечером глаза их не были такими голодными, голод частично утолили своими собратьями. К тому времени, когда гроты взорвали, там не осталось даже костей.

Крики жертв полночи разрывали ночную мглу, но лагерь спал мертвым сном....

Лишь пятеро человек и слышали, и видели – но они были далеко. Десять оборотней спали неподалеку, опоенные сонным зельем. Оказывается, зелье на них тоже действовало...

– Заметили, они не ступают на эту землю, – с тоской в голосе, проговорил один из людей. Он поднимался следом за двумя, которые умудрились идти след в след почти рядом, по очереди поддерживая друг друга, подставляя плечо и подавая руку.

– Ага, а на ступеньках трава... – поддержали его снизу.

Он оглянулся, всматриваясь в расстилавшуюся внизу долину. Место лагеря отсюда уже было не видно, да и сама долина скрылась из вида. На первый взгляд она была спокойной и безмятежной, безопасной и красивой, но на поверку оказалась сущим испытанием. В подножии горы еще четверо из их группы ушли с отрядом на разведку и не вернулись. В

пещере им оставили еду и рюкзаки с одеждой и снаряжением, но перед самым отправлением он заглянул и увидел, что рюкзаки и консервы исчезли. Он попытался остановить ребят, но один из охранников грубо толкнул его в спину, развернув в сторону лестницы, которая вела вверх по склону.

Те четверо не нагнали их, и никто не знал, куда их отправили, а вопросы задавать запрещалось.

Ступени после ночи и подтаявшего снега были скользкими, поднимались, удерживаясь за страховочные веревки. Их приготовили еще ночью. Позади шел еще один отряд, который собирал снаряжение. Высокопоставленные лица остались внизу. Они шли другим путем, подъемы для них готовили особо.

– Они не могут, кроме Его Величества, – обернулся один из тех, к кому обращались слова. – Мы сразу попали в эту группу, потому что у нас чувствительности нет.

Человек обрадовался, получив возможность высказать свои соображения.

– Мне как-то не верится, что моего друга зверь задрал... Мы с ним не один год на заимке зимовали, медведя мог в рукопашную уложить. Он же охотник! Да тут и зверей-то почти нет, разве что горные козлы да зайцы. Ну, орлы еще летают... Даже странно, место вон какое богатое. Что-то тут нечисто. Может быть, здесь какой-нибудь злой дух-людоед? Такие красивые горы, а Бога на них нет.

– Руку, руку давай! Осторожнее... – один из тех, что шел

впереди, протянул ему руку. – Смотрите: и здесь были Маня, Бор...

Человек ухватился за руку и поднялся на пару ступеней, сразу подставляя локоть ноге того, кто помог ему, как это делали те двое.

Наверное, теперь их было трое...

– А там продолжение – «зеевич и Дьявол»... Как они туда залезли? Вот смотришь и думаешь: а не духи ли это? – с сомнением произнес он, кивнув на отвесную скалу в метрах пятнадцати от ступеней.

– А тут: «Смерть вампирам!» Разве вампиры существуют? Им бы лечиться! Вот так нарвись на гада, у которого таракан в голове, посчитает вампиром и замочит. Ты там к надписи... ближе, нацарапай: «пошли вы на куй!» – услышал он снизу.

Человек криво усмехнулся – ну его! Съехал со ступени, а он, вместо того, чтобы поймать, посторонился. И чуть не сбил Его Величество.

– Укушу! – поторопил всех Его Величество, услышав часть разговора. Он замыкал колонну. – Что вы там нашли?.. «Здесь были Маня, Борзеевич и Дьявол... Смерть вампирам!» А при чем здесь Дьявол?

– Дьявол – это падший ангел, – поторопился объяснить тот, который шел на четыре человека выше и теперь обернулся. Он обрадовался возможности передохнуть.

– Я знаю. Я не просил объяснять, кто такой Дьявол, – про-

яснил вопрос Его Величество. – На скале он при чем?

– А при том, что зубы бы им выбить! – зло ответил тот, который в каждой надписи видел угрозу. – Крыша у мадам и старика съехала, вот при чем!

– Заболеть может всякий, – беззаботно ответил еще один. – А многие не заметить свою болезнь. Смотрите-ка, пещера... Может, заглянем? – Он пропустил двух человек вперед. Теперь была его очередь страховать. Тот, который только что присоединился к двоим, засомневался, но ему кивнули в приказном порядке.

– Я вам загляну! – остановил их Его Величество. – До лагеря недалеко, остался один переход. Быстро наверх!

– Слушаемся, Ваше Величество! – с готовностью отрапортовали те, кто услышал его приказ, прибавляя шаг.

Трава поднималась прямо из-под снега, который таял на ступенях – необычные, будто кто-то масло резал. Именно для ноги, на расстоянии высокого шага. Очевидно, у старика и мадам Маньки ноги были короче, и они приноравливались, выбивая себе заступы. Раньше след проклятой троицы оставался только там, где они останавливались на ночь, а теперь и там, где ступали. Вампиры так и не рискнули использовать для подъема этот путь, а он, будто в насмешку, оставался голым от снега и теплым. Но и по ступеням подниматься становилось сложнее – гора круто уходила вверх, хотя казалось, что круче уже некуда. Иногда в отвесных скалах ка-

менные ступени уходили в глубь скалы, образуя туннель, который продолжал подниматься вверх, иногда лестница начинала петлять между скал или ступенька за ступенькой поднималась вверх по отвесной пропасти с боку в одну сторону, потом резко разворачивалась в другую, и нельзя было понять, куда она приведет. Иногда заканчивалась и начинались песчаные и щебеночные насыпи и ледники, застрявшие между хребтами с застывшими навечно озерами и реками, которые оставались живыми и медленно текли в долину, образуя жуткие непроходимые разломы и нагроможденные друг на друга торосы, пробиваясь к краю пропасти, чтобы сорваться вниз. Живописная долина в подножии гор осталась внизу. Там было по-летнему тепло, но стоило подняться на сотню метров, все почувствовали: на дворе – зима.

Пора бы, как никак, середина октября...

Имя на скалах раздражало, вызывало отвращение и необъяснимую неприязнь. Он даже не подозревал, как много знает о ней: бедна, несостоятельна, неуклюжа, ей плюют в след, по большей части, никому не было до нее дела, потому что каждый делал свое дело, а она... У проклятых не было дел – они совали нос в чужие дела и создавали проблемы. И он не мог представить, что кто-то мог относиться к чудовищу иначе. Не понимал. И не мог себе объяснить, как она смогла опрокинуть на него столько бед сразу.

От одной мысли о проклятой его начинало ломать.

Или все это время он знал другое чудовище?

Что же их тут задержало?

Убедившись, что за ним не наблюдают, Его Величество юркнул в обнаруженную пещеру.

Здесь было теплее. Глаза привыкли быстро – все же, что-то было у него от вампиров. Он достал бутерброд, и жадно проглотил. Вампиры или обнаглели, дорвавшись до дармовой кровушки, или здесь, в горах, в самом деле, не могли есть ничего другого, кроме крови и еще теплого человеческого мяса. От вида нормальной еды Ее Величество начинало рвать. Сначала он подумал, что это беременность, обрадовался, но к своему разочарованию заметил, что с другими происходит то же самое. Сам он человеческое мясо не то чтобы любил, привык, как к свинине или баранине, оно было нежным на вкус, и как свинина готовилось быстро. Но от сырой крови ему становилось дурно, особенно от концентрата, который был солоновато-мыльным на вкус. Обглоданных до кости людей временами даже не утруждались оттащить в сторону на достаточное расстояние, чтобы скрыть ночную резню, засыпая снегом. Люди проходили мимо, но оборотни принюхивались и от запаха крови иногда начинали звереть – до полнолуния оставалось всего ничего.

Он достал еще один бутерброд и забыл о нем, заметив желтые горошины у входа.

«Опять?!» – подумал он, протянул руку и тут же ее одернул. Нет, на этот раз подарки ему никто делать не собирался – на полу рассыпали кукурузу. Не похоже, что бы троица

голодала. Откуда она здесь? После троицы постоянно находили остатки их пищи: горох, пшеницу, просо, рис, листья салата, картофельную ботву и шкурки печеной картошки.

Если несли с собой картофель, почему бы ботву не оставить? Ума не хватило?

На стене тремя разными, корявым и ровным почерками сделана надпись; «Здесь тоже были Маня, Борзеевич и Дьявол!» И три подписи: большая размашистая «М», поскромнее «АБВГД», и круг с перевернутой буквой «А» или «Д» с размашистой перекладиной от края круга до другого края.

«Прямо психологическая атака! – усмехнулся про себя Его Величество. – Наверное, это тот самый маг...»

Он дотронулся до его подписи. И почему всегда перевернутая? Надпись была не нацарапана, а выжжена, оплавленный гранит стекал по стене неровными наплывами. Его Величество провел рукой по желобку, понюхал – ничем не пахло. Тут и автогеном не справишься, но гранит расплавился, как воск. Если первоживущий был магом, то таким, о котором он не слыхивал – в крайнем случае, кому-то удавалось погнуть металлический предмет взглядом.

От того, что первоживущий маг-вампир, возомнил себя именно Дьяволом – сам себя иначе, как Дьявол, он не называл, внутри шевельнулся червячок. Мог бы поскромнее, каким-нибудь Благодетелем, Спасителем... в конце концов, Богом. Их тоже было немало. Подними исторические хроники – найдется много имен. На худой конец, прославлял бы

свое имя.

Или уже прославлял, но не прославилось?

Но не Дьяволом же, Дьявол всегда был персонаж нарицательный! Его не то, что боялись, не связывались и старались обратить в прах. Живучесть его никого не смущала. Обычно такие имена выбирали психи, которые имели маленькое-маленькое достоинство, те же вампиры или отчаявшиеся люди, которым не нашлось места или не нашли себя. Ну, или слетевшие с катушек... которые как раз-таки старались защитить себя от постороннего взгляда, или решительно противопоставляли себя обществу, как абсолютное зло. Рано или поздно их отлавливали, обращали в правильную веру или изолировали, но вряд ли кто-то из них мог бы назваться магом. Этот был амбициозен, его самоуверенность начинала действовать на нервы. Если подумать о том, что он уже натворил, его и психом-то не назовешь...

Фраерок чудовища был болен не только на голову. При своей психической неустойчивости, он еще обладал способностями, которые трудно не заметить, и которые он применял, как сбежавший из Ада не последний в иерархии демон. Историки и эзотерики так и не смогли определить, какой именно. Им не мешали – кто поверит в такую чушь!

И словно в подтверждение их утверждений, на противоположной стене Его Величество внезапно обнаружил три нарисованные фигуры – одна женская, почему-то с крыльями (зараза к заразе, разве бывают люди с крыльями? Прокля-

тая потихоньку тоже начинала съезжать с катушек!), вторая – старикашка, с торчавшими в разные стороны волосами и бородой, с маленькими круглыми глазками, в лаптях, в галифе, рубаха навыпуск, подвязанный поясом (именно таким он себе и представлял Борзеевича, который не имел ничего от своих знаний, блаженный, такой же больной), а третья...

Такой приснится, в штанишки напишешь...

В центре сошлись лучи, или от фигуры исходили лучи, улыбка до ушей, правда, без ушей. Глаза продольные, как две полоски, наверное, он так смеялся. Рога – один вперед, другой приподнят, или это и были уши, но почему-то на лбу, длинные и острые. В развевающемся плаще, в одной руке плетка, другой, в которой держал и трость, опирается на огромный не то глобус, не то шар – и весь размазан...

Уродство к уродству. Понятно, почему не соблазняют его женщины-вампиры. Кто ж от такой красоты не сбежит!

Внизу под рисунком мелким шрифтом надпись: «Я вас люблю!» Сбоку приписка: «И мы тебя, Маня!»

Телячьи нежности! Неужели у проклятой была какая-то своя жизнь?

Его Величество брезгливо скривился и вышел из пещеры, нагоняя в этот раз людей, не прибегая к помощи оборотней. Настроение было безнадежно испорчено. Он еще не решил, что делать с оборотнями и группой подрывников, которые ушли в горы прошлым днем, чтобы приготовить место для лагеря. Все десять оборотней несанкционированно и

внепланово прошли трансформацию, а кроме того, двое из подрывников бесследно исчезли со многими вещами. Но это и не удивительно: если оборотни чувствовали приближение трансформации, они были голодны, и двое людей съедены, а вещи... вещи могли отнести или спрятать. Оборотням не составило бы труда. Наверное, именно на это рассчитывали, что людей посчитают сбежавшими. Но кто смог бы пройти с вещами оборотней мимо десяти оборотней? Хотел бы он посмотреть на того смельчака! А тут – юнцы... Уж если бы сбежали, то все пятеро. Ну, попросили бы, послали бы пару человек дополнительно...

Оборотням было строго наложено наказано не трогать людей, которых сопровождают. А если тот, мститель, то почему на людей напал, а не на тех же оборотней? По закону военного времени всех бы расстрелять, но где взять подрывников? Взорвать-то можно, но еще надо знать, как и где. Обыкновенный сход снега стоил жизни двум вампирам и пяти оборотням. Пятерых подрывников, которые остались с вампирами, катастрофически не хватало чтобы проверить все пути, а оборотни, которые вызвались взвалить на себя ответственность, сразу же обошлись им дорого.

Слава Богу, Ее Величество жива и невредима.

От посещения пещеры остался неприятный осадок, как будто два этих события были между собой как-то связаны ...

Глава 10. Погоня без передыха

Четвертую гору штурмовали пятый день, до вершины оставалось рукой подать. Здесь повсюду лежал снег и ледники. Они не таяли, но оплавлялись солнцем, превращались в непроходимые для вампиров ледяные горки. Сорока и пятидесятиградусные морозы стали нормой. Порой на сотню метров ступени тонули в снежном сугробе, который вырос тал стенами слева и справа, разрезанный узкой расщелиной, защищая людей от пронизывающего ветра и от холода. Правда, после того, как пять человек укрылись в снежной яме и, выждав, когда все пройдет мимо, спустилась вниз и бежали, именно эти расщелины стали самой главной проблемой. Бежавших недосчитались вечером, на перекличке, но погоню посылать не стали – с ними ушли два оборотня. В тот же вечер состоялась казнь шестидесяти трех изменников. После этого случая следовали в определенном порядке группами из пятнадцати человек. Группу замыкали пять оборотней, за последней группой на час позже шел еще один отряд, наделенный особым нюхом – они проверяли тропу, выскивая места, на которых или человек, или оборотень мог бы свернуть в сторону.

Его Величество оглянулся. Вампиры прошли лишь половину намеченного пути, отставая примерно на сутки. Здесь их способности резко шли на убыль. Висели на скалах, как

сосиски. Горы иссушали вампиров. Чем выше поднимались, тем хуже становилась ситуация: вампиры замерзали, надевая на себя все больше и больше одежды съеденных людей, но одежда едва согревала их. Концентрата крови и порошок, из которого ее готовили, таяли так быстро, что уже никто не сомневался, что его не хватит до конца пути. Вампиры пили кровавые субстраты литрами, но насыщались более или менее только ночью. Им становилось хуже и хуже – маски висели, не закрывая изможденные серые лица, украшенные клыками, и даже люди интуитивно чувствовали страх, оказываясь поблизости. Отчасти, именно по этой причине они держались позади всей экспедиции, подбирая тех, кто отстал. Он бы пожалел, но так уж вампиры устроены, что пожалеть могли только тех, кто заложен в Зове – в этом он был вампир. Другие этим же Зовом отметились. Многие поднимались на оборотнях, которые почувствовали луну и прошли трансформацию. Их сильные тела, сбросившие оковы человеческой немощи, не знали усталости, не чувствовали боли, имели силу дракона. Один зверь мог поднять двух и трех вампиров, но места на его спине было только для одного. Таких зверей оказалось меньше, чем планировали. Оставалось ждать полнолуния. Но тогда люди могли не успеть за вампирами – и советом было принято решение отправить людей как можно дальше вперед.

Группа из двадцати оборотней, а с ними пять подрывников и десять учеников, от которых толку было ноль, готови-

ли место для всей экспедиции, расставляя красные указатели направления маршрута, по которому двигались и люди, и оборотни, и вампиры. Люди по ступеням поднимались быстро, в режиме два часа на бросок, полчаса на отдых. Каждому было объявлено, что обратного пути не будет. Спали по пять-шесть часов. Кто-то не выдерживал – оставляли, чтобы присоединились к тем, которые поднимались позади, оставляя в помощь оборотня. Желающих остаться было немного – то и дело приходилось выбирать самому, выявляя слабое звено. Смотреть на людей казалось невыносимо. За время, пока он был с ним, он многих узнал, и были среди них такие, которых он с удовольствием сделал бы вампирами, приближая к себе. Он понимал, что скоро начнется настоящая резня, ни одному человеку не выжить. Сначала выпивали по пять – десять человек, потом по пятнадцать, последние пять дней по тридцать и более, чтобы каждый получил хотя бы по пол литра человеческой теплой крови, но и этого было мало. А люди не переставали удивляться Его Величеству – как выдерживал он, питаясь рядом с людьми и поднимаясь вместе со всеми.

Ее Величество была права, в его присутствии люди обретали второе дыхание.

И он ловил себя на мысли, что удивляется им.

Немногие знали, что как только люди засыпали, несколько оборотней, которые уже прошли трансформацию, несли его вперед к устроенному лагерю, где он дожидался людей, про-

пускал их, а потом показывался сзади, и мог отстать, не покидая лагеря, пока не наступала ночь. А иногда успевал проведать Ее Величество и приструнить вампиров. В его отсутствие многие пытались образумить жену, досаждая просьбами повернуть назад. Она не сдавалась. Последний такой разговор произошел не далее, как этой ночью.

– Если мы здесь теряем силу, значит, и маг теряет ее, – отвечала жена. – Вот для чего нужна ему проклятая! Но у нас есть пища, а у них ее нет, нет нашей подготовки и снаряжения. Не забывайте, мы перешли через три вершины, и вот-вот достигнем четвертой. Они опережают нас на три – пять дней, и возможно, драконы уже загнали их в такое место, из которого им не выбраться. Даже если они ушли от нас, им не уйти от драконов. Значит, они где-то на следующей горе. Мы не можем бросить драконов, они не простят измены, страна погрузится в хаос. Мы на войне, так будьте же бойцами!

– Первоживущий знает об этих горах больше нашего, – возражали оппоненты. – Он не глуп и маг к тому же. Им проще, они не обременены количеством. А вдруг первоживущий, как древний вампир, который может обернуться в летучую мышь?

– Вот именно! – восклицала Ее Величество с жаром. – Только здесь мы можем их победить! Кто из вас получает помощь от древнего вампира? Какая мышь смогла бы подняться выше орла? А тут уже и орлы не живут! Древние вампиры не больше дракона, их способности ограничены. Вот почему

мы голодаем! Наши ангелы-хранители не имеют возможности добраться к нам и обратить на нас свою силу. Вам не будет спасения, если мы сейчас упустим мага. Мы справимся с ним, а оборотни и люди – с чудовищем и старикашкой. Так мы покончим с ними раз и навсегда.

Ее Величество умела убедить. Хрупкая жена не переставала удивлять его своей решительностью и целеустремленностью. И он понимал ее. Там впереди их ждали драконы, без которых вся их жизнь становилась не лучше, чем у проклятых и у вампиров, которые влачили жалкое существование. Драконы не прощали – пути назад не было. Основная часть вампиров поддерживала их, и согласилась бы гореть в Аду, чем упустить шанс расправиться с вампиром, который восстал против всех. Лежать в гробу никто из них не хотел, состояние ни мертвого и не живого вампира было вот оно: прах и голод. Угроза всему, чем жили вампиры, была такой явной, что никто уже не сомневался – война между людьми и вампирами еще не закончилась. Особенно решительно настроены были Святые Отцы, которые к трудностям и к борьбе с врагами Церкви готовились всю их многотысячную жизнь. Наконец-то они получили возможность поймать Дьявола и покончить с ним раз и навсегда. Одного не могли объяснить, почему он не пытался соблазнить их, которые держали в руках своих слово и веру. Под угрозой оказалось само существование Святой Церкви. Спаситель был у всех перед глазами, но кто будет носить им кровь, когда придавит

крышка гроба? Пожалуй, теперь они были самыми верными сторонниками Ее Величества и силой, которая удерживала и вампиров, и оборотней, и людей не хуже драконов.

Жаждали мщения и оборотни. Полнолуние почти наступило, второй день все они ходили сонные и неуклюжие. Никто не сомневался, что массовая трансформация состоится этой ночью. Торопились обезопасить людей, выжимая силы без остатка.

Наконец-то! Его Величество сделал последний шаг и упал лицом в снег.

«Ну, гордость! Ну! Подними же меня!» – мысленно помолвился он, убедившись, что все еще человек.

Поднял голову и тут же в отчаянии уронил снова: представшая взору пятая гора напугала своими размерами. Она была еще выше, хотя казалось, что выше уже некуда. Сразу заныло сердце. Ему давно казалось, что жизнь летит под откос вместе с этими горами.

Люди снимали рюкзаки и открывали консервы, запивая чуть разбавленным спиртом, произносили тосты за покорение еще одной высоты. Палатки не ставили, их сдувало ледяным ветром. Спасали только ветронепродуваемые и влагонепроницаемые меховые костюмы, специально изготовленные для альпинистов, покоряющих высокие горы. Странно, но обморожений у людей почти не было, в отличие от оборотней, никто не страдал от кислородного голодания, хотя воздух здесь был разряженный.

Вниз решено было спуститься на коврах-самолетах сразу же. Обратней предполагали доставить как можно ближе к пятой горе, чтобы сократить расстояние между ними и троицей хотя бы на один день. Коврами самолетами до подножия пятой горной гряды выходило быстрее, чем если бы они преодолели это расстояние на ногах. Кроме того, надо было успеть поднять людей чуть выше, чтобы никто из них не остался в том месте, где оборотни начнут становиться на четвереньки, обращаясь в зверей. Людям было опасно оставаться со зверями первые часы, пока вампиры на полнолуние не примут над ним руководство. А это было непросто, требовалось нащупать вожака каждой стаи и успокоить. Ну и, надеялись, что голод вампиров у подножия горы пойдет на убыль. Слава богу, жена успела завестись драконьей шерстью, чтобы подчинить себе тех вожаков, которые могли остаться верными Престолонаследнику. И слюна дракона, которой их напоили, все еще действовала.

Пролежав в снегу минут десять, Его Величество поднялся и прошел по рядам, подбадривая людей, успевая посидеть рядом у горелок, на которых разогревали и готовили пищу, подливая чай или кофе. Вода не кипела, но нагревалась. Наверное, им было приятно, что он, как они. Его присутствие поднимало боевой дух, настроение неизменно снимало усталость. В такие минуты он вспоминал, что все еще Царь, а люди – его подданные. Кормили, в основном, людей, оборотни впадали в то состояние, которое предшествовало транс-

формации, и от еды отказывались по той или иной причине. Кормили на убой – еды оставалось слишком много, чтобы ее жалеть. Все понимали, после трансформации нести ее станет некому, оборотни нуждались в иной пище. Кроме того, людей оставалось все меньше и меньше.

Часть палаток, вещей, оборудования и снаряжения, которое стало ненужным, свалили в кучу и поджигали, чтобы ни у кого не возникло желания вернуться и пожить. Избавлялись от всего лишнего. Конечно, запасы прятали, на тот случай, если вдруг придется вернуться той же дорогой, но облегченный вариант, и об этом знал только он и доверенные лица.

Первые партии к подножию пятой горы улетели еще утром, теперь ковры-самолеты возвращались пустыми. Но даже пустые они не летели, а скользили по снегу. Слава Богу, западные склоны гор были почти пологими, но то тут, то там склон разрезала пропасть, острые скалы-ловушки торчали из снега, а в некоторых местах на дне пропасти кипела лава. Снег здесь не таял, как между третьей и четвертой горами, играя на солнце ослепительной первозданной чистотой, копился веками, заполняя пространство, и медленно катился, как река. К днищу ковров-самолетов прикрепили железные полозья, облегчая скольжение, оборудовали тремя шиповидными колесами. На обратный путь на ковре-самолете оставался один человек, который в некоторых местах тащил его волоком, и времени на возвращение уходило в четверо

больше, чем обычно, поэтому ковер-самолет загружали максимально, люди привязывали себя друг к другу, чтобы удержаться. Коврам-самолетам не требовалась энергия, они ее накапливали от света, но ему был необходим плотный воздух, чтобы поднять себя, а здесь он был разряжен.

Люди рассаживались и с воплями катились вдаль, перелетая через пропасти и холмы на скорости, которой позавидовал бы дракон. Его Величество и сам не смог удержаться от восторга и страха, когда выбитый полозьями снег летел в лицо. Люди умели радоваться, и в богатстве, и в бедности – этого у них было не отнять, им не надо было прятать свое лицо, впереди них по белому снегу летела душа.

Но что она могла им дать? Жизнь их висела на волоске, и каждый из них был подсчитан, измерен и взвешен – но душа молчала. Откуда ей было знать, что вампир успокаивает ее в это время. Душа не душа, а рассчитывать человек мог только на себя.

На память пришел последний разговор, который случился после обычного обряда очищения, о котором он догадался по слабости во всем теле и головокружению. Здесь, в горах, болезненное состояние после обряда очищения чуть не убило его. И если бы не страховочная веревка и оборотни, успевшие его подхватить, быть бы ему поданным к столу своей супруге. Обряды очищения были у нее навязчивой идеей: голова кружилась, все тело, истыканное иглами, болело – и ни жена, ни проклятая не обременяли себя заботами о его

здоровье.

Это случилось после ссоры, в первую ночь подъема на четвертую гору, когда Ее Величество пожелала отдать вампирам сразу трех подрывников, которые оказались в пещере, в которой внезапно произошло то же самое, что происходило с оборотнями в проклятой земле. Зашли людьми, а выскочили дикими зверьми, в котором от человека ничего не осталось.

На этот раз ему удалось отстоять людей. Он был против, и демонстративно покинул шатер, отправляясь в грот к людям. Грот был большим, почти все люди уместились в нем. Было тепло и на удивление уютно, будто находились не в горах. Грелись друг о друга, прижимаясь спальниками, обсуждая превращение людей в зверей на их глазах. Люди были напуганы, и ему пришлось придумывать им правдоподобную сказку на ходу. Ему нашлось у костра место, подвинулись сразу же и с радостью, а пока разговаривали, он как-то незаметно отключился.

– Как спалось, Ваше Величество? – утром он подошел к жене, низко поклонившись.

К своему неудовольствию, он обнаружил себя в шатре, и сразу понял: жена подрывников не простила! Она была недовольна, ночная жизнь ее добивала. Вампиры поднимались часам к десяти, а выходили из лагеря не раньше одиннадцати.

– Не трудно догадаться, если муж ночует среди обмана и

лжи, – вызываяще ответила она со скучающим видом.

– Виноват, – покаялся он, сделав первым шаг к примирению. – Но травить-то меня зачем? Вы же знаете, любезная супруга, что мой грех, который бесит нас одинаково, отнимает у меня силы, наделяя человеческими слабостями. Если я сорвусь, будет то же самое, что с драконами. Какая была на этот раз причина подать мне яду?

– Так-то ты платишь за мою защиту, – заметив его рассеянный болезненный вид, она смягчилась. – Прости, я была вынуждена... Твоя толерантность в отношении людей, переходит всякие границы.

Неужели она убивала его не ради проклятой, а ради удовольствия помучить его еще раз? Чем же она отличалась от проклятой, которая меньше всего думала о нем, когда связалась с магом? Ревность Ее Величества не знала границ, Пожалуй, она выбрала бы его мертвого, но рядом, чем живого, но в отдалении. А его это устраивало? Нет, он так жену не ревновал, но разве не любил? Разве не умер бы за нее? И как все прошлые разы, принял ее ревность, как слабость любимой женщины.

– Я рад, Ваше Величество, что вы владеете ситуацией более, нежели я, и смываете мой позор безволия и слабости кровью. Я потерял бы остатки благоразумия, если бы вы не думали обо мне, – польстил он жене, чтобы закончить разговор.

– Обопрись на мою руку, – позволила она, не сумев скрыть

радости в глазах.

Он снова был покорным, а значит, заклятие работало. Это все, чего она желала. Сейчас, когда он был во здравии, она думала дать ему больше уверенности в себе: прошлась с ним под руку мимо вампиров, и каждый низко поклонился. Выглядели они чуть лучше, чем вечером, адреналин и железо человеческой крови сделал свое дело, вернув им ненадолго человеческие лица, а он почувствовал только одно – каждый порвал бы ему глотку, чтобы быть на его месте.

И, наверное, впервые с удовольствием бы уступил.

Его Величество оглянулся: порядка тридцати пяти человек, прибывшие на последнем ковре самолете, который двигался медленно, подбирая их, внимательно слушали инструктора, ответственного за встречу последней части экспедиции, в которой оставались все высокопоставленные участники. Думать о тех, кто не смог удержаться на ковре, не хотелось. Им не повезло, они останутся встречать вампиров внизу у подножия пятой горы, и порадовался, что таких было немного. Когда основная часть оборотней уйдет вперед, людям скажут, что эти тридцать человек ушли вместе с ними. Потом, что часть людей направили по другому пути. И снова придется что-то придумывать, когда пройдет ночь.

Его Величество смерил взглядом гору: оставлять людей, наверное, придется еще больше. На каждого вампира взяли по три человека, в среднем пятнадцать литров крови и две-

сти килограмм мяса, еще концентрированной крови. С концентрированной кровью в обычных условиях этого хватало на год, но здесь, в горах, оказалось так мало, что третий раз за день в голову пришла мысль избавиться от части вампиров. С людьми и послушными оборотнями было проще, но как оно будет, когда все они пройдут трансформацию, сможет ли он и жена справиться со всеми зверями?

Перед подъемом на пятую гору людям выдали сухие пайки, чтобы они могли перекусить на привале без лишней траты времени. Предстояло взять ее штурмом. На этот раз поднимались только люди и первые группы уже рассыпались по ступеням, подгоняемые немногочисленными оборотнями. Остальные остались внизу ждать трансформации и хозяев. Они разбрелись, устраиваясь на отдых.

Обычно в полнолуние, когда наступал день, обратная трансформация начиналась по голосу вожака, но на этот раз их сразу предупредили, что сигнала не будет, и чем дольше они будут оставаться зверями, тем лучше для них, но некоторых эта новость не обрадовала. Остаться в теле зверя надолго многие оборотни испугались. Потеря человеческого тела означала только одно: жить среди людей они уже не могли, теряя семью, имущество, и само существование оборотня становилось бессмысленным. Рано или поздно зверь забывал о людях, об их образе жизни, главным для него становилось подняться в стае до вожака, добыть самку и пищу. Мало кто из них желал себе такой жизни, рассматривая свои

преимущества именно в обществе человека. Зарвавшиеся и приземленные оборотни, в которых зверь становился сильнее человека, не найдя себе доброго хозяина, который бы кормил и направлял его, часто попадали в места не столь отдаленные, а многих просто использовали, вынуждая добывать кровь и прикрывать черные делишки. Жить без хозяина оборотни не умели. В одиночестве иерархия проявлялась особенно, слабым в стае было не место – закон выживания. Любое отступление от правил, и оборотень мог стать проклятым оборотнем – его грызла вся стая, в принудительном порядке вынуждая исполнять обязанности самки, отводя место в самых загаженных местах, избивая, преимущественно с внутренними кровотечениями, отнимая то малое имущество, которое оборотню позволялось иметь при себе. Но до вожака обычно поднимались лишь оборотни-вампиры, которые не успевали отправить проклятую (или проклятого, в зависимости от принадлежности к полу) на тот свет, и она вдруг становилась жертвой оборотня. Испытывая голод, некоторые вампиры-оборотни убивали жертвы с такой откровенной жестокостью, что и вампиры, и оборотни открещивались от собрата. Маньяка приходилось отлавливать, на него начиналась настоящая охота, которая зачастую не давала результатов. Оборотень и вампир в одном лице с удивительной легкостью уходил от любой облавы, иногда принимая в ней самое активное участие. Никто в здравом уме не пожелал бы себе такой участи.

«К черту! – подумал Его Величество, когда его окликнули, чтобы вернуть назад. – К черту людей, к черту вампиров, к черту оборотней!»

Вперед, на разведку ушли два оборотня, которые только что сообщили, что обнаружили следы двух драконов и проклятой, которые устремились к шестой горе. И возможно драконы уже настигли троицу, но следы были расположено странно, как будто они не шли, а скакали, и все было завалено снегом. И драконы остались без прикрытия, одни – тех оборотней, которых отправили вперед, обнаружили мертвыми.

Ситуация начинала выходить из-под контроля. Как проклятая могла уйти в горы так далеко? Эта мразь начинала его раздражать еще больше. Не как проклятая, а как самый настоящий вампир, который проехал по нему катком. Обнаружив своих мертвых братьев, оборотни уже признаваясь в открытую, что не рискнули бы в одиночку напасть на любого из проклятой троицы. Тридцать трупов многим отбили охоту ввязываться в драку – и вряд ли вампиры смогли бы их удержать, если бы не слюна драконов, которая даже после гибели одного из них держала их крепко. Расстояние между экспедицией и троицей не только не сократилось, оно увеличилось до шести дней. Он выжимал из людей все, на что были способны сильные здоровые подготовленные мужчины, половину пути, преодолевающие на ковче-самолете, а коротконогий старик и, не поворачивается язык, баба не

первой свежести, обошли их на три дня, преодолевая весь путь пешими. Как они могли быстро передвигаться, нагруженные провиантом, топливом, теми же стрелами?

Еще одна проблема, люди не могут не заметить вампиров, поднимающихся на звере...

Опять придется выкручиваться...

Солнце коснулось вершины горы, а последняя группа не достигли и половины пути до места, которое приготовили для людей. Его Величество забеспокоился.

– Мы идем вперед! – крикнул он, обращаясь ко всем сразу. – Три часа подъем, полчаса на отдых, на сон – пять часов. Это приказ! Уходим группами в порядке прибытия в лагерь. Здесь не будет проигравших! Все, кто не сможет идти дальше, будут брошены. И я не ручаюсь, что стая собак, которые идут следом, не закусит вами. Защитить вас можем только я и Ее Величество. Но прежде, мы должны успокоить их!

– Какие собаки?

– А как они нас найдут? Мы так далеко от большой земли...

Люди примолкли, оборачиваясь в его сторону один за другим. Он заметил тревогу и понял – переборщил. Человек без надежды не думает о цели, он меняет цель.

– Их сбросили с самолета, – на повышенных тонах раздраженно ответил он. – Самолет ждет нас впереди, – добавил устало, подавая надежду. – Если мы не успеем, он улетит без нас. Мы не знаем, что в этих горах. Мы теряем слишком

много людей. Собаки нужны нам для охраны. Люди, которые нас охраняют, не справляются. Мы пришли к решению закрыть экспедицию.

– А если нападут? У нас же нет оружия...

– А где? Далеко?

– Вам не о чем переживать, вы под охраной, – Его Величество сплюнул – нес какой-то бред... – Где, пока не знаем, в первом сообщении место обозначено не точно, но вторая стая животных на подходе, они должны доставить сведения и координаты временного аэродрома...

– А что это за животные? Вроде и не собака, и не волк...

– Специально выведенная порода, несут охрану дворца.

Люди разом зашевелились, передавая приказ и новость по рядам, заметно ускорили движение.

Его Величество улыбнулся, провожая их взглядом. Как это он раньше не догадался дать им надежду? Правду никто из них уже не узнает. Человеческая глупость состояла в том, что им нравилось оставаться в неведении – и они не мысли другой жизни, кроме той, которую вели. Он вдруг ясно представил себя на их месте, мгновенно ужаснувшись. Страх вошел в него, как будто поджидал на ступени, вышел из чрева, и разверзся как бездна – и он не придумал ничего лучше, как разве что ухватиться за жену, которая однажды спасла его от этой жизни. Нет, он не желал быть человеком, не желал оказаться на их месте – серые их будни были настолько предсказуемы, как сам человек, который давно потерял пра-

во называться человеком. Будь он среди них, он уже давно был бы съеден и выпит, как все, кто уже съеден и выпит. Он боялся быть ими. Страх был настолько сильным, будто бы он уже стал человеком.

Немедля ни минуты, он повернул назад. Пусть Его Величество делает с ним, что хочет, лишь бы не бросила...

– Где же эти проклятые города? – гадала Ее Величество, когда поднялись на вершину пятой горы. – Судя по убитым оборотням, они были недалеко, когда погиб дракон...

– Внизу мы все проверили.

– Они идут по прямой, нигде не задерживаясь. Здесь они что-то искали... Если город был, то здесь...

– Она – кто? – Его Величество пришел в некоторое замешательство.

– Что значит – кто? – переспросила Ее Величество, недовольно взглянув в сторону мужа.

– Они в упор расстреляли тридцать наших... Предположим, что они отстреливались на ходу, и поднялись быстрее, чем мы предполагали. Час, два, три... Успели наследить порядком здесь... Ушли от драконов... Или сначала они где-то здесь достали ключ, спустились в долину, расстреляли в упор наших посыльных... И ушли от драконов? Я ничего не понимаю!

– Это стрелы такие, – напомнил один из оборотней. – Скорее всего, стреляли отсюда. Я видел, как летела одна стрела

из проклятой земли, примерно на такое же расстояние. Параллельно земле, огибая препятствия, и достала одного из наших...

– Вы хотите сказать, что у них самонаводящие стрелы?! Бога ради! – воскликнула Ее Величество. – Я столько слышала об этих стрелах, но никто ни разу не предоставил нам доказательства существования подобного оружия.

– Покажите мне эту стрелу, я хочу ее увидеть, – потребовал Его Величество. – Мы же все проверили: труп есть, дырка есть, серебро есть, а стрелы нет! Неужели наши люди работают так плохо?

– Это невозможно, Ваше Величество, – ответил оборотень. – Стрелы, поражая цель, самоуничтожаются. Они сгорают. Возможно, это как-то связано с температурой пораженной цели. Скажем, тело начинает остывать...

– Как все сложно! Первый раз слышу про такие стрелы, – ужаснулся один из вампиров. – Но я слышал про самонаводящие ракеты...

– Мы пробовали их применять, сударь. Увы, увы, – развел руками еще один вампир, притопывая на месте. – Они разворачиваются и сбивают то место, откуда ее выпустили.

– Это не стрелы... это совершеннейшее оружие, которым мы, к глубокому сожалению, не располагаем, – министр обороны немного смешался.

– Пробовали? Вы хотите сказать, что кто-то на ходу перехватывает управление ракетой, перенастраивает, задавая

другую цель? – воскликнул вампир, который слышал про войну с проклятой землей, но не успел в ней поучаствовать. – Господа, мы так дойдем до того, что станем думать, что наши предки жили не в пещерах! Если правда то, о чем вы говорите, нам пора переписывать историю...

– А как бы мы нашли ключи, если проклятые города были невидимы для нас? – спросил один из вампиров, который в последнее время мог идти только последним. Он ходил взад-вперед по небольшому участку, рассматривая его содержимое под ногами.

– Так, быстро все разошлись по местам! Здесь проводятся следственно-оперативные мероприятия, – приказал оборотень, который отвечал за безопасность Их Величеств. – Не хватало, чтобы вы затоптали следы!

– Осмотрите здесь все, переверните каждый камень! – потребовала Ее Величество. – Тут столько следов проклятой, что негде присесть! Вымылась бы она что ли!

– Я могу, – из толпы вышел оборотень, один из немногих, которые остались в теле человека, умея трансформироваться по желанию. Дневная луна изводила его, и ему хотелось встать на карачки, обретши свое новое сильное тело, но вампир, которому открывалось сознание зверя, удерживал его. – Я чую их след.

– И ты, – Ее Величество указала еще на одного оборотня, который подчинялся только ей, потом повернулась к Его Величеству. – И ты, любимый. Это ответственное задание я не

могу доверить посторонним. Иди с ними, – приказала она.

Его Величество подчинился, больше никто не смог бы, ни у кого из вампиров не осталось сил. Он кивнул, направляясь вслед за оборотнями, которые вели его, петляя зигзагами, обнюхивая каждый камень.

«Разорвут меня когда-нибудь!» – поежился он, внезапно обнаружив позади себя еще двух оборотней в образе зверя. Наверное, жена послала их, желая все увидеть своими глазами. У него у самого редко получалось считывать информацию с оборотней, хотя они в последнее время с удовольствием подчинялись ему. И он завидовал жене, когда ей случалось бежать в ночи, а ему лишь оставалось всматриваться в ее застывшее лицо, понимая, что она где-то далеко.

Здесь была такая зима, которая никогда не заканчивалась. Никто не брался даже приблизительно предположить, на какую высоту они забрались. Днем небо всегда было чистое, все тучи остались внизу. Редкие из них могли образоваться на такой высоте, сразу выпадая инеем. Ночью его украшали синие, зеленые и красные всполохи, расцвечивали столбы бледноватого света и огромные немерцающие звезды. И одинокая фигура, подсчитывающая убытки. Он часто по ночам стоял на скале и шептал, шептал: «Ненавижу! Ненавижу! Будь ты проклята! Жри свое железо, давься! Нет места двоим! Нет никакой души!» И одна мысль, что та, которой он шептал, ненавидит его так же сильно, наполняла его ужасом.

И снова бежал к единственной, которая могла его защитить. Ее Величество гладила по волосам, роняя слезы, Он не понимал, откуда у него этот страх, скрывать его с каждым днем становилось все труднее. После каждой такой его слабости жена становилась холоднее, будто разочаровавшись окончательно.

Людей становилось все меньше и меньше. И вампиры разделились на два лагеря: одни еще считали его Царем, другие открыто сочувствовали Ее Величеству, пренебрегая установленными правилами. Обратни были не менее голодны, и их голод пугал вампиров больше, чем своя собственная прожорливость. Нет-нет, да и обнаруживали человеческие останки, к которым вампиры оказывались непричастны. Сказки Котофея Баюновича в ночное опоенное зельем время уже мало кто слушал, люди просыпались с ужасом, понимая, что не досчитаются тех, кто лег спать вместе со всеми. Людей пугали и звери, которые появились в лагере, никто поодиночке ходить не осмеливался. Зато вампиры теперь не мучились и не лезли по крутым скалам, оказываясь на вершине быстрее людей. Один Котофей Баюнович в собственной шкуре чувствовал себя замечательно, то надолго пропадая, то появляясь с новостями из дворца. Его метафизическая природа позволяла ему каким-то образом телепортироваться в те места, где были люди и вампиры, но в последнее время перемещаться ему становилось все труднее.

Кровь давно не восстанавливала силы, или восстанавли-

вала, но ненадолго. Полученные травмы бескровно гноились и чернели, не хуже, чем человеческие раны. Но у людей, по крайней мере, затягивались. В лагере появились вампиры с обмороженными носами и конечностями. Каждого человека перед тем, как разорвать, раздевали, распределяя теплую одежду между теми, кто мог еще что-то на себя натянуть. И вернулись бы, но и вернуться не получалось. Шли назад или вперед, они двигались только вперед. Группа вампиров повернула, и вскоре их догнали. Или застревали на одном месте, когда были у подножия горы, будто горы были живыми и издевались над ними. Этот факт пока замалчивали, но надолго ли удастся сохранить секретную информацию? Не помогали ни ковры-самолеты, ни оборотни, которым не терпелось уйти в горы за своими, ни те, которые желали вернуться. Оставалась одна надежда – драконы. И оборотни. Их кровь теперь ценилась больше, чем человеческая: не грела, но залечивала полученные раны. Никто и не думал иметь отдельную палатку, набивались по десять – двадцать вампиров, укладывая рядом, или даже в спальный мешок оборотня. Но не все соглашались – почерневшие и осунувшиеся вампиры с выпадающими волосами пугали больше, чем смерть от холода. По лагерю прошли слухи о странной болезни. Места, в которых останавливались проклятая со своими спутниками, пользовались большей популярностью, чем костры. Там было тепло, даже если место было почти открытым. Иногда и вампиры пристраивались рядом, чтобы вредный для них

огонь обогрел бы чуть-чуть. Вампиры начинали понимать, что даже если они смогут выдержать физическую нагрузку, холод одной из вершин рано или поздно убьет их всех. Стала понятной причина, почему вампиры не возвращались из гор, как люди. Чтобы согреться, жгли одежду, вещи, палатки, давая погреться возле костра и людям. Особенно людям, они единственное, что поддерживало вампиров, их берегли, как зеницу ока, а когда пили кровь, многие даже просили прощение за их преждевременную смерть.

Но вряд ли люди хоть как-то могли это оценить...

Впрочем, пожалуй, ценили. Спали спокойнее, криков по ночам стало меньше, умирали мужественно и быстро, никто и не думал издеваться над жертвами.

– Вот здесь что-то лежало, я чую запах, – наконец сказал оборотень, принимаясь разрывать снег.

От его голоса Его Величество вздрогнул. Он задумался. Такое тоже часто бывало с ним в последние дни. Здесь снега было немного, вершина обувалась всеми ветрами, и снег под собственной тяжестью катился вниз, как скатился бы с круто поставленной крыши. Или та же самая сила, которая обогревала ступени, не давала ему укрыть вершину надежно, как склоны. Он посветил в вырытую яму и заметил обломки той самой статуи, которую видел в одном из городов. Но здесь она была настоящей, из черного камня. Недалеко обнаружилась медная невзрачная лампа, и оплавленные об-

ломки ключа. Того самого, который они нашли на площади в третьем городе.

Его Величество обрадовался – наконец-то первая удача!

С усмешкой на губах он собрал осколки ключа в платок, подаренный женой в их первую брачную ночь, подобрал лампу, подавив желание потереть, попросившись домой во дворец, и сразу в теплую ванну, наполненную пеной и душистыми маслами. Последний раз он помылся у подножия четвертой вершины.

«Да, дьявольская отрыжка, с твоим мышлением тебе никогда никем не стать! Сел попой на сокровище, и не смог его взять!» – злорадно подумал он о маге, прижимая лампу к груди. Что ж, их три желания закончились, теперь была очередь жены. Он поднял обломок статуи. Черный камень, из которого ее сделали, на ощупь был тяжелым, и как-то сразу сдавил руку, будто он сунул ее в сильное магнитное поле, а в руке у него тяжелый металлический предмет.

– Здесь был кто-то еще, – сказал оборотень. – Давно, когда были здесь первый раз, – оборотень прошел вперед довольно далеко и вернулся. – Они шли вместе. Запах несколько разрушен, как в пустом флаконе из-под духов... Пахнет статуя и башмаки, но дальше следов нет...

– Значит, не тот вампир и старик, которые сопровождают проклятую?

– Нет, вампир не имеет запаха, старик пахнет нафталином и липой, а этот... как человек. Здесь он их снял... –

оборотень указал на железный проржавевший ботинок. – И исчез...

Его Величество поднял ботинок, изношенный до дыр. Железо было добрым и не имело на себе печать Проклятия. Ковал его не Упырь. Мелькнула догадка, что, возможно, поход троицы имел спасательную миссию, и действия мага первоначально не были направлены на них...

Или то и другое.

– Не самая лучшая новость на этой неделе, – кисло скрипелся Его Величество. – Он вампир? Впрочем, можешь не говорить. Я догадываюсь, кто он... Из прошлой жизни дракона. Тот, о ком он говорил, что человек ни жив, ни мертв.

Больше ничего выяснить не удалось. Все трое вернулись к Ее Величеству. Она сидела у костра из искусственного топлива и грела руки, дожидаясь его. Его Величество выложил ей остатки былой мощи. Она взглянула, и сразу стала недовольной, заметив, во что были завернуты обломки.

– Но не было больше ничего, – воскликнул он, оправдываясь, в нем закипела злость.

– Сложил бы в шапку! – буркнула она. – Это же мой платок!

– Если бы у меня отвалились уши, было бы лучше? – в последнее время жена стала раздражительнее, чем была во дворце, и он, вместо того, чтобы промолчать, язвил в ответ.

– Да, это выглядело бы подвигом, а не так, как сейчас... Плюнул мне в лицо, – обиделась она. – Скоро все, что связы-

вает нашу любовь, будет растоптано! Этим самым платочком я вытирала свои и твои слезы, когда мы давали друг другу клятвы. И когда ты завернул в него обломки ключа, ты потерял то, что в нем было завернуто, когда я сидела на спине чудовища: деньги, наши обручальные кольца... Да-да, кольца, которые на нашем пальчике!

Его Величество стусеивался. И в самом деле, забыл – всегда помнил, и вдруг забыл, обращаясь со святыней, как с обыкновенным платком. На него можно было только молиться...

– Не время об этом думать, – ответил он, успокаивая ее. – Мы все тут не в себе. Жизнь висит на волоске, а ты платочком укоряешь! Черт возьми, – обиделся Его Величество, – я имя твое как молитву поминаю перед сном, ем людей, пью кровь, ищу... свою... злобное существо, чтобы убрать как препятствие между мной и тобой, каждую ночь терплю, когда твои братья и сестры насытятся проклятиями в адрес моего тела! Какие еще доказательства моей любви тебе нужны? Хватит, хватит издеваться надо мной!

– Не твоему телу, а злобной твари! – перебила его Ее Величество. – Пока это все, что мы можем. Надеюсь, что драконы уже сожрали ее и хищные звери терзают ее тело. Но и в Аду я не дам ей покоя! Ты же знаешь, что она заняла мое место! Тварь! Тварь! – Ее Величество нервно прошлась по шатру, швыряя на пол все, что попадалось под руку. – Неужели она никогда не оставит меня и тебя в покое? Неужели я ни-

когда от нее не избавлюсь?!

– А, по-моему, это мы пытаемся отправить ее на тот свет! Она бы и не знала о нашем существовании, если бы мы хоть иногда давали ей побыть человеком среди людей.

– Она дочь моего отца! Хоть он и отказался, но я не сомневаюсь, что только благодаря моей матери. Ты! И ты – мой любимый, вдруг оказываешься связанным с нею!

– Опять начинаешь?! – попытался остановить жену Его Величество.

– Она шла в уготовленное ей место, и вдруг наткнулась на первоживущего... Как, где?! Он должен был прийти к нам! Она ограбила меня, ограбила нас – и продолжает грабить! Как ты этого не понимаешь?

– Можешь ее больше не расхваливать. Давай раз и навсегда закроем эту тему. Мне все равно, кто она. Я ничьим себя не считаю, я не имущество, – Его Величество поцеловал руку жены, согревая своим дыханием, но сознание его кипело яростью. – В крайнем случае, принадлежу лишь тебе!

– Ваше Величество, не желаете отужинать? – в палатку заглянул вампир. Его презрительная насмешка, когда он заметил Его Величество, целующего руки Ее Величества, не скрылась от него.

– Да, сейчас будем, – ответила жена, выделив «мы».

Усмешка тут же слетела с губ вампира. Его Величество понял, что стоит ей дать вампирам послабление, и его растерзают, как любого другого человека. Подолгу не оставляя

людей, он терял контроль над вампирами. Похоже, выпотрошив человека на его спине, они были уверены, что оставили свой след и властвуют над ним, но ведь не Зов накладывали, Проклятие. Или они чувствовали, что он начинает побиваться их? Убрать из себя свой страх он мог лишь одним способом. Знала и она. Но чем больше они отдалялись, тем больше появлялось сомнений, позволит ли она ему освободиться.

– В горах обрядов очищения больше не будет, – сказал Его Величество твердо. – Мне это дерьмо в голове ни к чему. Оно не работает!

– Я подумаю, – пообещала Ее Величество, рассматривая оплавленные останки ключа, перебирая их и соединяя вместе. Она покрутила в руках лампу, потеряла ее, но лампа осталась бесполезным медным сосудом. – Иди, поешь и позови мастеров. Пусть попробуют его восстановить.

– Не трать времени – это всего лишь пыль. Надеюсь, два других дракона догнали ее. И оборотни тащат к нам. Лучше мы поторопимся забрать два других ключа.

– Оборотни прошли здесь два дня назад. Драконы дней семь – восемь. Будем надеяться, что так оно и есть.

– Милая, я хотел бы убить сегодня несколько вампиров, – мрачно, наблюдая за ней исподлобья, решительно сообщил он. – Это реальный выход сохранить жизнь немногим вампирам, в том числе и вам, Ваше Величество. Я не жалею людей, я хочу, чтобы их хватило. Право слово, я так зол, что хочет-

ся снести пару голов и заставить их пить свою собственную кровь! Не думал, что среди вампиров так много идиотов, которые путают Проклятие с Зовом.

– Хм, посвященных так мало, – безразлично усмехнулась Ее Величество. – Иди и убей, чем больше, тем лучше, – равнодушно согласилась она, не отрываясь от груды обломков. – В последнее время люди мне дороже, чем сотня вампиров. И не забудь послать сюда мастера.

Его Величество рассмеялся и вышел. Жена всегда успевала подумать наперед его. Все-таки она была неподражаема даже в такое тяжелое для них время. Он чуть не пропустил ее поощрительный взгляд, которым она его проводила...

– Вы не оставили удовольствия Господину? – Ее Величество прислушалась, не скрывая довольного одобрения. Голос Его Величество прозвучал фальшиво, наигранно, тема надумана, но он стоял с отрубленной головой вампира, и вряд ли они заметили то, что не укрылось от нее. Пока он мог убивать вампиров и оборотней, он был Царь, а она Царицей. Только сильнейший вампира мог убить вампира простым мечом. Необъяснимый факт, меч рубил – это главное.

– Ешьте! – приказал Его Величество. – Не нравится? Кому не нравится? Пожалуй, мы попробуем на вкус вашу брезгливость!

– Ваше Величество... – пискнул кто-то осипшим голосом... – Ее Величество услышала два коротких взмаха, и живо представила, как еще две голодные головы покатались к

его ногам. Она усмехнулась, склонившись над оплавленным ключом.

Так оно и было. Из шеи потекла черная жидкость, сворачиваясь. Тела на глазах разлагались. Вампиры, объятые ужасом, упали на колени в немом покорном молчании. Его Величество прошел по ряду, приподнимая головы кончиком меча. Немногие бы из них уцелели, если бы он не увидел в их лицах себя, который прощал их. И все же, около семидесяти вампиров лишились голов. Двести тридцать вампиров не триста, но много. Его Величество уравнил счет до ста восьмидесяти.

«Пожалуй, и этого много...» – пробормотал он, но рука устала косить головы, как траву. Остались верные ему последователи. Обратни завыли и бросились прочь – завтра они вернуться, но ночь гнева переждут где-нибудь! Таким его знали, такого его боялись Он взошел на трон и в короткое время прекратил междоусобицу кланов, убивая и тех и других. Он все еще был Его Величеством, и только Ее Величество могла сдержать его гнев, имея на него необыкновенное влияние. Это она закрывала их все это время, когда они решили, что он стал другим, ослаб, выдохся. Она была его жена, и пусть половина из них побывала в ее спальне, рогами тут не пахло. В замуж она ни за кого из них не собиралась.

Вампиры разошлись, не проронив ни слова – до утра от тел не останется ничего. Многие были рады – не придется делить кровь с теми, кого уже нет. Здесь – каждый сам за се-

бя. Они сгорают с первыми лучами солнца, которые коснутся останков.

Его Величество вошел в палатку, предназначенную для Величеств. Таким и она его любила. Но в эту ночь он никого не любил, даже ее. Едва закончив супружеские обязанности, сам не понимая почему, сославшись на дела, Его Величество попрощался с супругой и до утра поспешил уйти в другое место. Он вдруг понял, что не может вспомнить, что было в их постели в ту брачную ночь, когда он любил ее сумасшедшими чувствами. Он любил ее, по-прежнему любил, но не тем, чем любил раньше.

«Вот пусть тебя имеет любой из них! – подумал он и понял, что ему безразлично, с кем она спит. – Старею... – подумал он, ужаснувшись своей холодности. – Неужто, импотенция не за горами?!» И мучился, и ворочался до самого утра, пытаясь восстановить в памяти то самое желание, которое раньше сводило его с ума. Вампиров он не жалел. Зато теперь каждый из них знает, как дорог человек, который может накормить. Прогулка по горам, несомненно, пойдет кабинету министров и Святым Отцам на пользу, позлорадствовал он – и, может быть, они согласятся на законы, которые призваны сохранить человека, как вымирающий вид...

Глава 11. Бег с препятствием

В гору так быстро подниматься не получалось – подъем у Маньки и Борзеевича занял именно четверо суток. Поднимались, почти не отдыхая, без сна, без еды. В середине третьего дня, когда драконы приблизились к подножию и их стало видно, открылось второе дыхание. Дьявол не мешал страху гнать их обоих наверх – добраться до вершины нужно было раньше, чем настигнут драконы, а то, что это случится, уже никто не сомневался. Последние сотни метров поднимались на автопилоте.

Вряд ли обошлось без Дьявола, который перед подъемом поплевал им в каждый глазик и прошептал злобно, что-то типа: «А вот, вижу я, что не по зубам вам мои горы!» – и протер глазик своей ядовитой слюной.

Дьявол взлетал выше, втыкал меч в ступеньку и кидал им веревку – и снова взлетал, готовя еще одну, привязанную к колышку из неугасимого поленьего дерева. Откуда взялась вторая веревка, никто не спрашивал, только смертельная опасность могла изменить его сквалыжную натуру, понуждая проявить благотворительность. Пока они поднимались по второй веревке, Дьявол успевал подобрать первую и подняться с ней выше. Горшочек почему-то родил только горькие коричневые зерна, слегка поджаривая их. Их жевали на ходу, запивая живой водой. Пот катился с них градом,

к концу подъема одежда болталась и на Маньке, и на Борзеевиче, штаны пришлось подвязать веревочкой и туже затянуть резинку.

Драконы почти нагнали их на вершине шестой горы. И обогнали бы, если бы снег, за который они цеплялись, то и дело не обваливался, унося их в пропасть.

Но Драконы быстро умнели, предварительно сотрясая гору ударами хвостов. И когда снег скатывался, начинали карабкаться вверх. Едва ступив на вершину, Манька вытянула из связки за спиной посох, и медленно пошла вслед за подсказкой, но все же первый раз прошла мимо. Дьявол остановился на вершине, и бормотал, бормотал, придвигая тучу со снегом.

– Нашли, – крикнули ему, доставая ключ. – Здесь шесть... шестиголового дракона ключ!

– Давай, что ты там говорила в первый раз? – поторопил Борзеевич, не скрывая испуганную дрожь.

– Город... город будет не виден... нет, не так, – руки у Маньки тоже тряслись, подбирая посох, она выронила ключ.

– Вы оба! С ума сошли?! – рядом из ничего возник Дьявол. – Прячьтесь в пещеру, где санки паяли... Драконы пришли попрощаться!

– Куда?! – заметался Борзеевич, хватая и свои, и Манькины пожитки.

– Там, ниже! – крикнула она, подхватив то, что не успел и не смог поднять Борзеевич.

Драконы тяжело бежали за спиной, сотрясая землю своей поступью. И плевали огнем в спину, почти доставая, не замечая, что топают прямо по Дьяволу, который засмотрелся на них. Будучи растоптанным, Дьявол все же смог провалиться сквозь землю. Возмущенный до глубины, он вынырнул чуть дальше, поманив Маньку и Борзеевича в пещеру, которую оба пробежали бы мимо, если бы Дьявол не вышел из состояния тени, когда намного обогнав их обоих, пинком ноги освободил вход от снега.

Первым в пещеру юркнул Борзеевич, следом Манька...

В пещере сразу стало светло от огня, вылетевшего из пасти дракона, который пытался проникнуть внутрь. Они едва успели отскочить. Дьявол уже тоже был в пещере, а когда юркнули в самый дальний конец в большую залу, обрушил часть свода, едва не завалив небольшое помещение, в котором располагалась доисторическая кузня.

Манька едва узнала место, где они останавливались в прошлый раз...

В пещере было жарко и даже душно. Теперь на стенах и на полу росли какие-то бледные, почти желтые растения, похожие на кочаны салата, кисло-сладкие на вкус, вились плети лиан. Несколько видов грибов торчали из земли, кое-где пробивалась трава. Озеро с каменной плитой посередине стало чуть больше. Вода выходила из-под земли и утекала в расщелину в стене полноводным ручьем, а в самой воде, на

дне озера, копошилась доисторическая живность.

Пока они стояли с изумленно отвисшими челюстями, в пещере стало заметно светло. Свет шел от стен, с потолка, слегка светились растения.

– Я удивляюсь, когда вы удивляетесь, когда удивляться нечему, – Дьявол прикрыл им обоим рты, вынимая из связки рогатину из неугасимого поленьего дерева и котелки. Воткнул сук в землю, зачерпнул живой воды, собрав на ходу грибы и кочанчики. – Здесь вершина – и очень много космических излучений, которые нужны любому дереву для поддержания формы. Мы, как встарь, кинули провод. Что-то корни оставляют для себя, что-то уходит к земле, где пахнут избы. А где неугасимое полено, там живая вода, это два в одном. Естественно, сам колодец спрятан внутри горы, – Дьявол похлопал ладонью по стене, будто пробуя ее на прочность. – Откуда знать, кто сюда пожалует? А защитить его некому. Приведут оборотни человека и скажут: плюй! Он естественно плюнет. И вампиру понятно, что здесь была воткнута неугасимая ветвь, которая пустила корни. Они сплетены под нами в тугой узел. Здесь один из боковых корней дерева, а пещера – перевалочный пункт. Но, согласитесь, приятно расположиться так на отдых, посреди каменных пустошей?

– Приятно! – согласился Борзеевич. – Особенно, если не спишь на голой земле... Боженька, я понежу свои косточки! Когда я соберу этот мох и устрою постель, я окажусь в Раю! –

он снял обувь и прошелся по пружинящему мху, упал, зарываясь в него лицом.

– А помыться в озере можно? – Манька была полностью согласна с Борзеевичем.

Она поморщилась. Мало ли что понятно вампиру. На то он и вампир, чтобы знать обо всем, что Дьявол положил на человека. Дьявол все время пытался доказать, что вампир не только полезен и могуч, но на порядок умнее. Мог бы не напоминать лишний раз. Да, они, конечно, еще не убили ни одного вампира, зато скольких ограбили!

– Можно, – кивнул Дьявол. – Это же озеро, а не колодец. Он для всяких бытовых нужд и существует.

Ужин был отменный и до отвала.

Грибы сушили, варили, жарили, молодые розетки цикория, сладковатые на вкус, прекрасно подошли в качестве гарнира. Сразу после ужина их разморило. Ключ сломали наполовину, а пока думали над остальными знаками, оба свалились без снов. Дьявол накрыл их своим плащом, смеясь, что-то прошептал над ними, потом не спеша вышел на воздух мимо двух драконов, которые пытались разломить твердый гранит, прошел взад-вперед, поглядывая на небо, освещенное лучами закатившегося солнца.

– Шесть дней... шесть дней... – Он махнул рукой. – Ладно, пусть будет пять! – и растворился в вечерних сумерках.

Манька проснулась первой. Заметив сладко сопящего

Борзеевича, она не стала его будить. Но он проснулся, едва она взяла в руки ключ и отошла к стене с ветвью, посветив на знаки.

– Придет человек в город и не спасет его... Нет, не так...

– Придет человек в город, где его нет, но будет там, где он есть... О, сработало. Осталось две головы! – обрадовался Борзеевич.

– Ну ты... дай, я сама! Мой кроссворд! – возмутилась она.

– Да как-то прилетело... – пожал плечами Борзеевич.

Он достал котелок, зачерпнул в него воды. Через минуту вода закипела. Налил и себе, и Маньке горячего чая, пристраиваясь рядом.

– Бедственное положение... бедственное положение...

Придет в город человек и не спасет его...

– Правда в том, что спасет или не спасет, я понятия не имел, – Дьявол, как всегда, вынырнул из места, куда в это время никто не смотрел. – Предполагал, что так будет. Это не чудо, это закономерность – закон подлости. Начните с чего-нибудь другого.

– Тут лампа и знак, а под ним еще два знака. Так, загадает человек одно желание, а исполнятся три... Есть! Я поняла: умрет человек, но будет жить...

– Ну, – согласно кивнул Дьявол, раздумывая. – А это да, это чудо. Тут без вмешательства свыше не обошлось.

– Все! Земля тебе пухом! – Манька помахала ключу рукой. – Можешь смешать его с грязью, – брезгливо попросила

она Дьявола.

– Эта версия у тебя была после первой? – мрачно пошутил Борзеевич, когда Дьявол подул на ключ, оставляя от него оплавленные останки. – Послушай, Маня, мы с тобой не такие уж профаны, если выиграли два раза, – размышляя вслух, поделился он. – Одноголовый – первая версия, достался не нам. Я догадываюсь, кто в нее играл!

– Я тоже, – согласилась Манька. – Чайники!

– Вторая пока не пройдена – или пройдена, но не выиграна, двухголовый жив, – подытожил Борзеевич. – И пятая людей пугает. Третья и шестая версия на нашей совести, кажется, мы ее прошли. Двенадцатая вас у входа поджидает.

– Девятая версия была сетевой, – согласно кивнул Дьявол. – Там игроки третьей, шестой и двенадцатой обрели второе дыхание. Ну, так, показательная была – демоверсия!

– А где четвертая, седьмая, восьмая, десятая и одиннадцатая? – полюбопытствовала Манька, загибая пальцы.

– Без вас справились, – усмехнулся Дьявол и с готовностью взглянул на обоих. – Но, если хотите попробовать...

– Нет, нет, нет! – разом замахали руками и Манька, и Борзеевич.

– Но вы молодцы, – похвалил Дьявол. – Выспитесь, как следует. С утра позавтракаем, чем Борзеевич пошлет – и в путь. До седьмой вершины он неблизкий.

– А дракон? – опять хором воскликнули оба.

– На то она и игра, чтобы быть интересной, – отозвался

Дьявол. – Куда он от вас денется? Будет мешать, прыгать вокруг да около, хватать за ноги. Причем исключительно вас, зритель в корень ему не дано. Тебя, Борзеевич, так и быть, понесу, но Маньке придется рассчитывать только на свои силы.

Манька с хмурым видом взяла меч и посох и направилась к выходу.

– Маня, ты куда? – Борзеевич схватил ее за руку.

– Потренируюсь, – невесело отозвалась она, отстранив Борзеевича. – В игре всегда так, раз пять умрешь на одном месте, на шестой выживешь. Снесу пару голов. Он – последняя версия, дальше ему усложняться некуда.

Борзеевич захихикал, но Дьявол его пристыдил.

– Между прочим, неплохая мысль! Я бы так же поступил. И посмотрел бы, сколько времени ему нужно нарастить новую голову. Иди, Маня, иди! – благословил он ее. – Живой воды ты чуть ли не ведро выпила, так что сила богатырская должна была прибавиться.

Борзеевич посмотрел на Дьявола с осуждением, но останавливать Маньку не стал. Если то была игра, то они были и игроками, и компонентом игры. Быть зажаренными и съеденными означало только одно: кто бы там после не пришел – в живых их уже не будет.

В самой верхней части обвала, преимущественно сбоку, остался небольшой узкий проход. Манька проскользнула по нему и оказалась у входа, который представлял собой еще од-

но входное помещение-грот, в котором дракон не помещался, но три головы на длинных змеевидных шеях извивались в «прихожей», пытаюсь разобрать завал и расширить проход, сдвинув гранитные плиты. Слава богу, эти плиты были цельными и массивными. Дальше входная плита, которая нависала сверху, была рассечена в нескольких местах и уходила вверх, образуя свод. Вот здесь-то Дьявол и обрушил камень крупными глыбами и щебнем, защитив большую залу.

Манька вдруг подумала, что он поторопился – в пещере дракону не развернуться, а живая вода могла подточить его силы. Сначала впустить его, а потом обвалить – и дракона запечатали бы навеки. И торопиться никуда бы не пришлось. И тут же вспомнила, что драконов было два, и шестая версия вполне могла стать двенадцатой. Вряд ли второй Горыныч стал бы пощипывать травку, пока они его на составные разбирают.

Помещение чуть меньше, где вышедшие из саркофагов люди устроили кузницу, от прохода было недалеко, но вход в него был уже, чем вход в пещеру. Дракон пытался заглянуть и туда, засовывая внутрь попеременно то одну голову, то другую, выпуская огонь.

Манька с холодком по спине вспомнила, как один из призрачных людей, с почти таким же мечом, как у нее, рубил головы поначалу девятиглавому дракону. Тот человек высоко взлетал и кувырчался в воздухе, опускаясь на спину дракона и вырубая дыры под лопатками, где у него должны были

быть легкие, выпуская огниво. После этого дракон достаточно долго не мог набрать столько воздуха, чтобы выдохнуть его с силой – струйки едкого огня вылетали из пасти жиденькие, стекая по челюсти и разъедая его самого. В это время человек спокойно обрубал ему все головы, возвращался на спину и прорубал достаточно широкие щели снова, дожидаясь, пока новые головы отрастут. После этого он снова обрубал ему все головы, уворачиваясь от ударов хвоста, которым тот протыкал себя, как скорпион. Казалось, он его совсем не боялся – носился вокруг, как метеор, как будто рубил-ся с драконами каждый день. Дракон едва поспевал развернуть тушу, когда человек оказывался на другой его стороне. В этом он человеку уступал. Но сзади дракон здорово работал хвостом, как лопатой бульдозера, размахивая им и волоча по земле, сминая все на своем пути. Этой хвостом-лопатой дракон сотрясал горы не хуже Дьявола, который использовал скрещенные пальцы. После первой отрубленной головы дракон стал десятой версией, после второй одиннадцатой, после третьей двенадцатой.

А в это время два других человека преспокойно разгадывали ключ...

Понятно, что главное успеть взобраться на спину дракона, подрезать крылья и сухожилия ног, чтобы тот не вертелся...

Ну, еще вырубить дыры над легкими...

Не факт, что она сможет повторить те ловкие кульбиты. Кроме того, мысль выйти из пещеры и попробовать приме-

нить на практике увиденное во сне была попросту невыполнимой. Дракон закрыл своей тушей выход, а три головы, чудом влезшие в пещеру, поливали огнем так, что плавился гранит.

Биться с головой даже не стоило пытаться. Подойти к Дракону безопасно можно было лишь с боку, но до этого бока надо было еще добраться. Шеи у дракона были длинными и гибкими, но не на столько, чтобы загнуться в одном месте в обратную сторону. Мешали сильные стальные мышцы, хотя, шеи у него, как у червяка, были кольчатые, и могли вдруг стать короче и толще, и каждое кольцо имело шипы, которыми он стрелял не хуже, чем они с Борзеевичем стрелами.

От стрел она легко уворачивалась, гномы научили. А если задевали, то неглубоко, оставляя легкие царапины. Сама виновата, высунулась на дракона поглазеть. Съеденное ею железо надежно защищало жизненно важные органы, как щит, а яд, который в них был, нейтрализовала выпитая ею живая вода. Но, пожалуй, она могла бы двумя или четырьмя ударами перерубить шею, если бы смогла добраться до места, где дракон был защищен менее всего – у входа в пещеру и в помещении кузни, тоже у входа.

«Эх, его бы к стальной промышленности пристроить, цены бы ему не было!» – пожалела она, пытаясь нащупать у него слабые места.

Перво-наперво, она тоже пальнула огнем, угодив Горынычу в глаз. Потом пожгла все три головы, которые плевали ог-

нем в ответ. Дракон взревел всеми двенадцатью головами и отступил от пещеры.

Воспользовавшись паузой, Манька скользнула в нишу. И услышала, как с новой яростью Горыныч обрушился на вход, сотрясая вершину горы. Со стен посыпалась крошка. Дракон, видимо, уже отрастил глаза и полечил головы, сунув внутрь еще три.

Заглянув в нишу и заметив ее, несомненно обрадовался, выпустив победный огонь и боевой вой. Манька заткнула уши, пережидая, и пожалела, что упустила момент – во время воя голова не плевала огнем. Поработав как следует, дракон освободил проход, засунул внутрь голову полностью, пытаясь развернуть шею в ее сторону.

Она прижалась к стене, в три приема отрубив первую голову. Это оказалось не так сложно, меч резал покрытую чешуями шею так же легко, как ступени в камне. Она повеселела, в надежде, что дракон образумится.

Но тот решительно настроился потерять все двенадцать голов...

Вторая голова протолкнула внутрь отрубленную голову, освободив проход, и легла рядом...

Скоро все двенадцать голов лежали неподалеку. Наступила передышка, дракон утихомирился. Манька засекала время. Ровно через час. И еще двенадцать голов легли рядом. В кузне стало тесно. Манька оглянулась и сразу поняла: еще двенадцать голов, и ей из кузни не выйти. Она перелезла че-

рез головы, закрывающие вход, выпустила огненную струю из посоха, выжигая в туше дыру.

Еще двенадцать голов, почихав огнем, остались в пещере, укрепив насыпь. Ей начинало нравиться издеваться над Горынычем – она высунула голову из пещеры на свежий воздух и увидела, что чудище слепо топчется на задних лапах, а на шеях отрастают новые бутоны. И снова направила на тушу посох.

– Ты почто скотину изводишь? – заругался Дьявол, появляясь в проходе. – Я не приказывал! Иди-ка, ложись спать, все равно к завтрашнему утру нарастут. Вот будем утром выбираться отсюда, тогда и погонишь ее...

– Не так страшна зверюга, как намалевали! – радостно поделилась она впечатлением, удивляясь драконьей глупости. – А почему он за нами, а не за ключами побежал? Мозгов нет?

– Мозги у него несколько иначе устроены. Он думает, что думает, когда думают другие. Но думалка дракона работает быстрее любой другой думалки. Он умеет помнить все, что касается его самого, но не то, что делает и как делает, и все время принимает мысли вампиров о себе, как подтверждение своего бытия. Поэтому сладкая парочка не может существовать друг без друга. Был бы здесь вампир, он бы не позволил ему подставлять свои головы. Даже глаза обезглавленного вампира могут подсказать, как ему поступить. Так что, если рядом будут и тот, и другой, сначала убей вампира... В

перспективе, я подумываю усложнить игру – сразу на двенадцать версий до двадцать четвертой!

Манька покрутила пальцем у виска.

– Иди ты! Мы умираем, а тебе весело?! – возмущенно отозвалась она. – Ну и кто ты после этого?

– Думаешь, я не могу посмотреть на себя как выдающийся Бил-и-Бей? Не-е-ет, я думаю, что у меня все гораздо круче! Дракон не должен знать, где спрятан ключ, потому что ключ – это и есть дракон. Если дракон и ключ окажутся в одном месте, он вернет дракона в то место, где он изначально должен находиться – в город. Но в настоящий. Точно так же, как дракон возвращал обратно лампу. Он мог бы взять только печать – пергамент, зарытый вампирами на площади, и тогда подчинил бы себе всех и мог бы выбирать любую жертву. Но города он не видел, поэтому не смог. У него было лишь несколько дней, пока мы до города добирались. Хотя... Такой ужас, который ставил на колени и вампира, и человека, уже бывал, и земля становилась пустыней, усыпанная костями. Это происходило, когда город открыли, а пергамент достать не успевали. Счастье, что вы дешево отделались. Что-то я мягкотелым становлюсь... Но пергамент не вечен, рано или поздно он приходил в негодность, открывая настоящий ключ.

– Поэтому мы не торопились? – ужаснулась Манька. – Ты хотел, чтобы они достали пергамент?!

– Ну... – Дьявол почесал в задумчивости нос. – Чтобы

дракон понял, что надо искать пергамент, вампиры, или ты, должны были знать о нем, и о городах. Ты не знала, следовательно, вампиры от тебя сведения получить не могли. И дракон не мог. Из чего я сделал заключение, что у вампиров память короче, чем следовало бы. Проверил просто, нет ли среди них таких же древних, как я и дракон. Теперь и ты знаешь, что таких вампиров, как я, среди вампиров нет. Ты иди, спи, а я, пожалуй, повоюю на луну вместе с оборотнями... Потороплю их...

– Далеко? – насторожилась Манька. – Еще оборотни?! Не мог раньше предупредить?!

– Когда это вампиры без армий на врага наступали? – изумленно пожал Дьявол плечами. – Сегодня ночь полнолуния, а до этого все оборотни были честными людьми.

– Не все, те тридцать оборотней полнолуния не дождались, – напомнила она.

– Эти особенные. Человек-оборотень легко звереет, если приходится постоянно бояться или добывать вампиру кровь. Сама подумай, человек с ума сошел бы, если бы увидел, как другой использует его, заставляя убивать ни в чем не повинных людей: друзей, родственников, детей. Он бы умер от ужаса.

– Много? – Манька внезапно осознала, что жизнь с Дьяволом не стоит выеденного яйца.

– Да как сказать... – отнекался Дьявол. – Не то чтобы много... На полбеды разве что... Да разве ж в них дело?

На утро все делали не спеша. Плотно позавтракали, помылись, почаяевничали, надели высохшую за ночь чистую одежду, дожидаясь Дьявола, полюбовались на пещеркины богатства и на живность, которая плавала в озере с живой водой. Там и крупные рыба плавала, поедая быстро подрастающие водоросли, рачков и червей.

Дьявол вернулся довольный и сообщил, что вампиры и оборотни уже покорили четвертую вершину и теперь часть экспедиции штурмуют пятую. И замолчал, глядя на них с таким выразительным разочарованием, что оба ученика были готовы провалиться сквозь землю. Возразить Дьяволу им оказалось нечем: вампиры и оборотни опережали их по первому путешествию почти на два месяца, а по второму на пару недель. А они-то уже посчитали себя профессионалами! Настроение было безнадежно испорчено.

Это ж надо так позорно упасть в грязь лицом.

Они уже собрались уходить, но вдруг Дьявол ни с того, ни с сего смягчился.

– Не хотите о себе на память что-нибудь оставить вампирам? Приз какой-нибудь, дары и подношения? Все же, Маня, там душа твоя... Это все ради твоего имиджа... – торопливо побожился он. – Нет так нет, не принимайте близко к сердцу!

Манька остановились, уставившись на Дьявола. В имидже у нее действительно были одни помои и навоз. Наверно, не зря раньше люди раздавали урожай и имущество, надеясь,

что что-то душе перепадет. Борзеевич тоже заинтересовался предложением, но по виду его она не заметила, что он горит желанием облагодетельствовать вампиров.

Дьявол, как будто переживая о предстоящих потерях, потер лоб.

– Тут, знаешь ли, дары должны быть о-очень дорогие. Можно сказать, отдать нужно самое дорогое, чтобы потом каждый день помнила, что отдала и всю жизнь жалела. Там у вампира имидж подпортишь, а у себя свой поправишь. Когда еще представится такой случай? Не кому-то там отдаешь, а именно – в душу!

– Вампирам? С удовольствием! – буркнула Манька. – Смертельное жало!

Манька сняла с себя рюкзак и колчан со стрелами, рассматривая свое состояние.

– Давай, Борзеевич, напишем: «Съеденный вампиром не всегда добрая пища! Отведайте серебро, живой огонь и живую воду! Смерть подонкам!»

– Нет, Маня, подносить дары нельзя со злом, подносить надо по-доброму... Дьявол прав, там душа! Тут надо что-то этакое... – задумался Борзеевич. – Мол, шлют вам привет Маня и Борзеевич, и дары перед вами полагают, низко кланяясь!

– Я тоже шлю, – сказал Дьявол, одобрительно поддержав Борзеевича. – Вот, Манька, учись! Одно дело проиграть или выиграть, но великое искусство – принять поражение с низ-

ким поклоном! И победителю приятно и у тебя время подумать: где ж ты так оплошала?

– Мы еще не проиграли, – не согласилась она.

– Маня, недолго осталось, Горыныч быстро бегает, – засомневался Борзеевич. – Нам придется бежать наперегонки с поджаренными пятками. Ему нас убить – запросто, а мы его – нет.

– Ага, сначала он на нас оборотней натравливает, а теперь разоружает, – сердито отозвалась Манька, подозрительно прищуриваясь. – Пиши Борзеевич: вот, оставляем вам живую воду, стрелы, намагниченные на всякую нечисть... Но про меня не пиши, сами догадаются, для них я нечисть, а они как бы святые... Пиши: обозначил цель, пальнул, и сама догонит, лишь бы пространство было для разгона... Посмотрим, посмотрим, как Дьявол развернет любовь неугасимого дерева на вампира, чтобы стрелы пощекотали нам зады! Пиши, дровко из неприхотливого неугасимого полена, того самого... Пусть Мать свою припомнят!

Манька достала свои десять последних Дьявольских стрел и на мгновение в замешательстве остановилась.

– Маня, отдай, у меня еще сорок таких стрел, пусть будет поровну... – Борзеевич отсчитал пятнадцать стрел у себя. – Силы не равные, но нам они уже не пригодятся, если от дракона не убежим, а если убежим, мы себе не такие вырастим.

– Тогда и простые стрелы надо оставить, пусть и их будет поровну, – раздосадовано решила Манька, борясь сама с со-

бой за имидж, за душу и против.

Отсчитали пятьдесят штук.

– Дайте-ка, я их послунявлю, – решил благодетельствовать вампиров Дьявол, поплевав на каждый наконечник. – Пусть и эти вам зады полечат...

Манька и Борзеевич переглянулись, но промолчали. Играть на стороне противника – в его стиле. В конце концов, он же Бог Нечисти! И к неудовольствию Борзеевича, расстроившись совсем, Манька демонстративно вынула Дьявольский кинжал и бросила в приготовленную кучу добра.

– Ну, Борзеевич, теперь твоя очередь! – сказал Дьявол, одобрительно покряхтев.

Манька вдруг одумалась и взвизгнула – не иначе сам Дьявол надоумил кинжал не пожалеть! Порываясь вернуть, она рванула вперед, но Дьявол ее удержал.

– Маня, самое дорогое, самое дорогое! – напомнил он, и пристыдил притихшего Борзеевича, который смотрел на кинжал и на Маньку с испугом. – Ну, Борзеевич, твоя очередь! Что ж ты Маньке имидж не торопишься поправить?

Взгляд у Борзеевича стал затравленным, но все остальное осталось гордым.

Он с размаху вынул один котелок и тоже бросил ему под ноги в общую кучу. Дьявол и на это лишь одобрительно кивнул головой.

– Что? Что ты смотришь? – вскричала Манька, понимая, что Дьявол что-то еще ждет от нее. – Может мне одежду и

меч оставить, чтобы уж совсем?! Борзеевич пиши: хотите меч, носите и ешьте железо! Во! – Манька показала Дьяволу фигу, пока Борзеевич старательно и с удовольствием выводил ее дополнение к посланию. Но, заметив, что Дьявол пропустил фигу мимо глаз, вывалила из рюкзака и одежду.

– Труссы можешь оставить себе, – сказал Дьявол с усмешкой.

Манька покраснела и послушно забрала нижнее белье.

– Борзеевич? – обратился Дьявол к посеревавшему старику.

Дьявол их не только разоружал, но и раздевал. Борзеевич заглянул в рюкзак. В запасе у него были только теплые брюки и теплый свитер, зато нашлись иголки, ножницы и крепкий моток ниток.

– Вам же легче! – пожалел их Дьявол. – Вон у вас и бутылки с живой водой две!

– Манька, пиши! Живую воду на ночь разбавляйте, она снова живой становится! – Борзеевич вдруг нахмурился, сатанея. – С чего мне бутылку оставлять? У них что, бутылок нет? Всю землю завалили – им теперь тысячу лет гнить!

Дьявол тяжело вздохнул. И осуждающе покачал головой.

– Вот я смотрю на вас и думаю, у вас головы на месте, или их ветром унесло? Вам от дракона бежать, а вы груз с себя снять жалеете. А какой вампир смог бы зайти в эту пещеру, чтобы полюбоваться вашими каракулями? – он уселся на валун. – Здесь под ногами корень дерева и огонь геенны. Обратни смогут – но им тут будет неудобно. И люди... Как

вы думаете, вампиры долго бы протянули в горах, не имея пищи?! А с чего им тащить на себе кровище, если она имеет ноги и спину, чтобы нести на себе вампира? Я не смею надеяться, что люди восстанут против оборотней и вампиров, но, без драконов, шанс у них есть. И вот вы – две болотные жабы и подвальные крысы... – Дьявол брезгливо ткнул в них пальцем. – Прекрасно понимаете, что не справитесь им, потому сами пока не убили ни одного вампира!

И Манька, и Борзеевич побледнели.

– Их... много? Людей?

– Было много, теперь мало, – сердито бросил Дьявол.

Манька постояла минуту, потом вытряхнула из рюкзака все, что в нем было. Борзеевич сделал то же самое. Один рюкзак решили оставить и вещи, которые не могли уместиться в одном рюкзаке. Сняли половину одежд с себя, оставив только теплое и нательное белье. Расческу, мыло, нижнее белье, почти все стрелы, которые оставались. Против дракона стрела была бесполезной, а нарастить их труда не составит. В крайнем случае, укроются в пещере и обрушат свод, и пока их откапывают, стрелы отрастут, но несколько штук оставили, на пути могла попасться глубокая или широкая пропасть, через которую не перелететь или отбиться от оборотня, если тот догонит. Срезали поросль ветвей неугасимого дерева, которые росли в пещере в изобилии, образуя заросли, разрезав на колышки.

Оставили посох Борзеевича, расписав, как сделать из него

лук. К сожалению, Манькин посох и меч в руки могла взять только она или Борзеевич, которому она доверяла, а второй лук им был нужен самим. Разрезали пополам веревку, пометив концы и добавив к надписи инструкцию по применению. Предупредили, что ветку надо втыкать в землю, а не в снег, чтобы не уплыть вместе со всем добром. Борзеевич выложил семена для горшочка, открывая секрет его использования. Подробнее объяснили, что если захочется меч-кладенец, то про горшочек лучше забыть – железо, железо и еще раз железо!

Манька в два приема сплавала на середину озера и сложила все, что им удалось собрать, на плиту. По крайней мере оборотням придется попотеть, чтобы все это достать. Немного было жаль расставаться с Дьявольским ножом, но она вспомнила, как страшно было ей, когда узнала, что враги ее не просто враги, а бессмертная нечисть. Наверное, люди сейчас чувствовали то же самое.

Последний раз она взяла его в руки и нацарапала крупными буквами: «Меч внутри тебя!» – воткнула кинжал в камень почти по рукоять и, не оглядываясь, поплыла назад. Дно озеро просматривалось до камушка, и не казалось таким глубоким, каким было на самом деле. Со дна поднималась водная растительность, во множестве плавали разнообразные рачки и ракушки, с места на место переползали треугольнички, пожирая червеобразных многоножек. Древнее их, наверное, был только сам Дьявол. Плавали большие ле-

нивые рыбины. «И здесь успел запас отложить!» – усмехнулась она про себя. Не исключено, что гномы присматривали за пещерой, обустроивая ее, добавляя в копилку новую жизнь.

Дракон не спал, поджидая их. Он все-таки поумнел и уже не пытался обрушить гору. Но не успели приблизиться, как все три его головы выпустили огонь.

– Ты, Маня, умири скотину, а я пока приберу, – сказал Дьявол, откатывая головы в сторону. Огонь дракона ему ничем не навредил, разве что плащ стал еще чернее, хотя чернеть вроде было некуда.

– А я, пожалуй, накроюсь портянками, – сообразил Борзеевич, устраиваясь на верхней точке обвала. – Пущай не так тепло ногам, зато тело целее. Иглы у него... – он с удивлением рассматривал свою первую в бою рану. Одна игла воткнулась не ожидавшему напасти Борзеевичу в ногу, чуть выше колена. Обе портянки словно поняли, что от них требовалось, растянулись на максимальную для них ширину и длину, укутывая Борзеевича со всех сторон.

– У тебя мокро в штанах? – радостно заметил Дьявол, не упустив возможности поиздеваться над Борзеевичем. – Что, Борзеевич, описался от страха перед зверем моим? Так-то оно! Думал, не смогу напугать? Лучше бы ты Маньке горохом помог! Дракон хоть и без особых мозгов, но извилины у него имеются.

Старик покраснел, бросая в драконью голову россыпь гороха. И обрадовался, заметив, что голова замерла, вместо того, чтобы палить во все, что двигалось. Манька осмелела.

– Кидай на все! – попросила она.

Головы повернулись друг к другу и начали разговаривать между собой.

– Я тут главнее! – сказала одна из них, посмотрев сердито.

– А с чего это ты, а не я? Ф-ф-ф...

Третья посмотрела на них с высока и пустила слезу. По обоим. Манька протиснулась к входу и срубила их почти у самого тела. Пожалуй, теперь дракону придется наращивать и шеи. Следующие три головы тоже хотели стать главными. И еще три. Последние три оказались не столько амбициозными, сколько любопытными.

Победить дракона на пару с Борзеевичем оказалось легче, чем она ожидала. На всякий случай прожгла дракону брюхо и хвост, подрезала сухожилия лап, пока Борзеевич вставал на лыжи. И еще раз срубила бутоны. Крылья у дракона не рубились, оказывается, они у него тоже были пространственные, только плотные и видимые. И только ветер засвистел в ушах, когда оттолкнулись и покатались с горы, падая по крутому снегу. Они с лихвой успели выиграть время, чтобы добраться до подножия седьмой горы.

Крылья, к счастью, у дракона на такой высоте работали хуже. Он не летел, а полз, пару раз ему пришлось спускаться в пропасть, которую она легко преодолела. Но чем ниже

они спускались, тем крепче становились крылья Горыныча. На спуске им удалось выиграть часа три, но, когда начался подъем, дракон оказался в выигрыше, легко всаживая свои огромные когти в камень и удерживая огромную тушу в таких местах, когда по всем физическим законам был обязан сорваться вниз. С такой же легкостью, с какой мухи ползают по потолку.

– А как мы его загоним... заманим... на то место, где ключ лежит?! Он же по нашим следам не ступает! – спросила Манька, тяжело дыша и подталкивая сзади Борзеевича, который в гору лез первым.

– Ой, Маня, уж придумай сама чего-нибудь! – ответил Борзеевич, краем глаза заметив, что Дьявол скрестил пальцы и немножко подул. – Не молись, а то повернется...

Скала, на которой висел дракон, пытаясь дотянуться до них огнем, оторвалась, Горыныч покатился с нею в обнимку на предыдущий уровень, на километр ниже.

– Если успеете, достаньте и швырните в дракона... Тогда он окажется далеко за горами... – посоветовал Дьявол, и предупредил: – Но в пределах города, только в пределах города! Иначе ключ будет считаться вынесенным. Эффект тот же, что и с лампой. Дракон вне города возвращает в город все, что в нем находилось, а в городе, ключ вернет дракона в город, который он должен охранять, – провожая кувыркающегося дракона задумчивым взглядом, Дьявол остался недовольный. – Что-то он сегодня, будто с похмелья... Мягкоте-

лый... Грузный, но не грозный.

Скала Горыныча придавила и здорово помяла и крылья, и головы – и он, отшвырнув камень в сторону, пытался оценить свой ущерб.

– А лампой нельзя? – поинтересовался Борзеевич.

– Вряд ли... Теперь только два предмета связывают два города – ключ и дракон. Лампа была предназначена для жителей, а их уже нет, разрушена структура.

Борзеевич, заметив, как Дьявол сочувственно засмотрелся на дракона, припомнил обиду.

– Наверное, ты его не доработал... – ядовито съязвил он и обратился к Маньке: – Слышала, что сказал?

– Слышала, слышала! – ответила она скептически, заползая еще на ступень выше. – Только вряд ли Дьявол покажет, где был город, после того, как ты зверушкой его попрекнул!

Они уже двое суток лезли в гору без передыху, а до вершины было так же далеко, как у ее подножия. Казалось, она плывет в вышине, но не на них, а от них. Манька свалилась на ступеньке.

– Может, передохнем? – простонала она, понимая, что до вершины им ни сегодня, ни завтра не добраться. Дракон уже опять нагонял, и оставалось только удивляться их спортивной форме и способностям. Если бы Горыныч не был кровожадным, цены бы ему не было.

Его бы геологом...

– Я прошу! Я умоляю! Умру, если еще на ступеньку поднимусь! – завыл Борзеевич на последнем издыхании.

– Борзеевич, ты на моей голове стоишь! – простонала Манька, толкая старика. – Полгоры тебя поднимаю!

– Ладно, – согласился Дьявол. – Попробуем спрятать где-нибудь ваши ни к чему не приспособленные мощи, – он завис в воздухе, изучая топографию местности.

– Поднимайтесь на двадцать четыре ступеньки. Вправо уходит узкая перекладина, идите по ней метра четыре, увидите щель. Осторожнее, там лед... Будем надеяться, что грот выдержит.

В грот первым влез Борзеевич, за ним Манька. Борзеевич сразу достал неугасимую ветвь и осветил небольшую пещерку, образованную в нише между двумя треснувшими и размытыми скальными образованиями, на которую навалилась плита. Оба они, убедившись, что в безопасности, отползли к противоположной стене и свалились обессиленные.

– Премиленькое местечко! – весело сказал Дьявол, пройдясь по гроту. – Сыровато... И вряд ли удастся рубить головы Дракону. У него голова в эту дыру не пролезет, – он покачал головой.

– К утру он ее раздолбает, – с иронией успокоила Манька. – Нас бы не сожрал, пока спим.

Борзеевич подошел к входу и простучал камень, закрывающий его.

– Не должен, – с сомнением сказал он. – Но нам лучше от

входа держаться подальше. А если порубим изувера, то свалиться... Ой! – Борзеевич отскочил от входа, прокатившись по дну, собирая на себя мокрую глину, натеющую с водой. В пещеру влетело пламя, достигнув до половины грота. – Нам будет жарко! – и заметив, что от пламени покрытые наледью стены начинают оттаивать, предложил жизнерадостно: – Надо яму выкопать! Мы тут как в бане... Жаль, веника нет... Эх, когда еще домой попадем!

– Борзеевич, ты даже в гробу покрашенный останешься! – рассмеялся Дьявол.

– Но ведь он прав! – поддержала Борзеевича Манька. – Мы тут сгорим заживо, если не остудимся! Будем надеяться, что у него бывают перебои с горючим...

– Я не государственная контора, у меня перебоев не бывает, – обиделся Дьявол. – Я смотрю, вам этот Горыныч на счастье дан!

– Пусть и людям послужит! – ответила Манька и принялась за работу, помогая Борзеевичу.

– Да уж, – наконец, согласился Дьявол, оглядываясь на дракона, который пытался заглянуть в щель. – Жара вам хватит.

– Жаль воды маловато, – расстроился Борзеевич, заметив, как быстро обсыхают стены. Воздух наполнился паром. – Ты бы, мил Господь, стукнул ладошкой в стену.

Дьявол приложил ухо к стене и послушал.

– Если я ладошкой стукну, вас обоих смоеет в пасть дра-

кону!

– Ну, как-нибудь... – сказала Манька, стягивая с себя одежду и развешивая ее на веревке, чтобы к утру просохла.

Дьявол исчез по своим делам. Дракон палил вовсю, как доменная печь. Пот катился градом. Вода в приготовленную ванну натекла, но Борзеевич хотел погорячее, Манька подогрела воду с помощью посоха. Грот быстро высох, и вода теперь тоненькой струйкой текла только в одном месте. Пока ужинали и дожидались воды для Маньки, Борзеевич рассказывал разные истории о драконах. Оказалось, что в мире их было превеликое множество, и многим пришлось умереть от руки героя. Но не всем. Их численность вдруг резко пошла на убыль, и, как оказалось, никто этому феномену объяснения найти не смог. Многие исчезли, будто заснули в тайных местах. Ни трупов, ни героев.

– Тогда мы с тобой, Борзеевич, уже дважды герои и один раз должны получить премию за отвагу, – заметила Манька, кивнув головой в сторону дракона, который косил взглядом в их сторону, пытаясь расширить вход.

Ночь прошла спокойно, если не считать, что оба героя ужасно потели и мечтали оказаться на свежем воздухе. Дыхание у дракона было зловонным и горючее не уменьшалось.

Встали рано. Позавтракали тем, что осталось с вечера, оделись в сухую одежду. После завтрака пришлось туговато, когда издевались над драконом, пытаясь сбросить его со

скалы. Он ни за что не хотел покидать облюбованное лобное место, сидел как влитой, закрепившись намертво, и оберегал вход от выхода. Уж и палили его, и головы рубили, расширив вход мечем, чтобы голова могла пролезть без труда, и горохом закидывали. А самое интересное, что он никуда не торопился, не подставляясь лишней раз, будто поумнел и тайно радовался, что сумел их уловить в мышеловку.

Дьяволу снова пришлось скрестить пальцы, обваливая скалу, на которой Горыныч повис.

– Вот прицепился! – возмутился Борзеевич, выскакивая из пещеры первым.

Обваливая скалу, Дьявол обвалил и часть грота, и теперь они стояли против ветра, который чуть не смел их обоих. После Борзеевича на ступени скользнула Манька. Ветер дул в спину и пробирал до костей. Дракон поотстал. Вниз он упал безголовым, со вспоротым брюхом, и катился вниз по горе, захваченный лавиной до самого подножия.

Лавина над ним, видимо, здорово поработала – он нагнал их у самой вершины лишь на следующий день к обеду. В спину им ударил огонь, вой двенадцати голов и клацанье двенадцати челюстей.

– Манька, что делать?! – заорал Борзеевич.

– Проходили где, помнишь? – крикнула она в спину.

– Помню! – крикнул Борзеевич, перекрикивая вой дракона и свист ветра, подавая руку и помогая удержаться на последней ступени. – Мы здесь прямо шли, никуда не свора-

чивая, а еще я город помню... Ключ должен быть где-то на земле, на поверхности, или очень близко... Ты же свиток перерубила над землей!

– Не факт, но надеюсь! Он на следы наши старается не наступать, а тогда подошв из неугасимого полена у нас еще не было. Поведем его по коридору до площади, вдруг на нужное место наступит! Когда скажу, сойдемся и замкнем круг...

– Понял! – Борзеевич жестом подтвердил согласие, отбегая в то место, где раньше были дома, прилегающие к дороге.

Манька сосредоточилась и перелетела на другую сторону, пролетев на расстояние, чтобы Дракону оно не показалось узким. И бросилась догонять Борзеевича, не забывая следить за камнями посоха, которые вели ее к ключу.

– Закругляйся, – наконец крикнула она, – и беги дальше!

Она резко остановилась и развернулась, тяжело дыша, направив на дракона посох, пальнув огнем наугад. Огонь прошел вскользь, не причинив дракону вреда.

Она снова подняла посох.

И вдруг дракон выпустил в нее огонь одновременно из всех двенадцати голов. Одежда на ней и сама она вспыхнула как факел.

Манька отступила – дракон наступал. Он стоял как раз в том месте, где они сошлись с Борзеевичем, и лишь пританцовывал, но не умер. Слюни текли по его челюстям, он снова выпалил огнем одновременно из двенадцати глоток, и вылетели все стрелы, которые были на его шеях. Горело лицо,

волосы, одежда, кожа...

– Ма-ня-я-я-я! – услышала она страшный вопль Борзеевича.

И крикнула в ответ не своим голосом:

– Беги-и-и-и! – и, не обращая внимания на боль, направила на дракона посох еще раз, выкладываясь, на что была способна. – Убью-у! – громогласно прокричала она не хуже зверя, страшно округлив глаза, чтобы его напугать.

Дракон попятился, загребая землю когтями, нацеливаясь всей тушей, изготовился к новому прыжку. Головы его стремительно спружинили, едва не достав ее. Манька махнула перед собой мечом, зажмурившись от страха...

И вдруг, дракон исчез, не успев вцепиться в нее клыками. Она даже не сразу поняла, что его нет. Прямо перед нею стоял Дьявол и сбивал с нее огонь. Голос его летел к ней откуда-то издалека, или она так слышала его от страха, все еще не придя в себя.

– Скотина до ключа дотронулась! – прохрипел он, глядя в ее расширенные от ужаса зрачки, пару раз ударив по щекам, пытаясь привести в чувство.

Подбежал Борзеевич, на ходу вынимая бутылку с живой водой и обливая ее с ног до головы. Его трясло с перепугу, руки его слегка скрючило, ноги подкашивались, а глаза у него были такие же большие, как у Маньки – он не мог вымолвить ни слова. И только сейчас она почувствовала, как горит и разъедает слюной дракона обожженное тело. Она оттолк-

нула обоих и кинулась в сугроб, переворачиваясь с боку на бок. Сугроб зашипел, испуская вверх струйки пара, или шипела она, будто в снег бросили раскаленную сковородку.

Когда огонь был сбит, она удивленно рассматривала свои руки и щупала лицо, удивляясь своей живучести. Было жалко только одежду и волосы, от которых остались одни воспоминания. А еще сгорели брови и ресницы. И стояла она на ветру голая, без волосяного покрова, вся в саже и пепле, и плакала от обиды. От одежды остались лишь обутки, которые оставались в снегу, да еще заплатка от Дьявольского плаща – и нечем было ей прикрыть свой срам.

– Ты, Маня, за скалу укройся, там ветер не такой сильный... Да угомонись ты! – крикнул Дьявол в сердцах на погоду, стараясь Маньку не смущать – и сразу стало тихо. Даже в ушах зазвенело от наступившей тишины. Только поскрипывание снега под ногами.

– Борзеевич, воткни ветку там, – Дьявол показал пальцем на скалу, слегка наклоненную и полузанесенную снегом. – Пусть Маня хоть так себя согреет, а то после вашей бани и заболеть недолго.

– Да, сейчас! – засуетился Борзеевич, отворачиваясь, чтобы Манька не обижалась, что он за нею подсматривает.

Манька подобрала меч, посох и лук, брошенные ею, когда она кинулась в снег, подобрала рюкзак, оставленный Борзеевичем. Достала ключ дракона и, не переставая реветь, побрела в ту сторону, куда вели следы Борзеевича. Борзеевич уже

воткнул ветку неугасимого полена в землю, набрал в котелок снегу и приказал ему вскипятить себя, снял с себя полушубок накинув ей на плечи. Он рылся в рюкзаках, доставая одежду, какая осталась.

– Город будет стоять в одном месте, а видеть его будут в другом, – всхлипывая, прошептала Манька. – Все жители города будут мертвы, но все они будут живы, – ей стало еще обиднее. – И будет город охранять дракон, который его не увидит, пока охраняет... – Манька зарыдала во весь голос. – И куда я сейчас такая голая? И придет человек в город, где его нет, и будет там, где город... Загадает человек одно желание, а исполняться три... И умрет человек, и будет жив...

– Маня, накинь полушубок. Волосы ведь отрастут! – успокоил ее Борзеевич.

– А брови, а ресницы? – заплакала она еще горше, понимая, что и они отрастут, но отчего-то хотелось плакать, и с этими слезами выходила обида и боль.

Никогда прежде она не чувствовала такой светлой щемящей не то радости, не то усталости, не то грусти. Перед глазами вставало ее прошлое, и она видела его так ясно, как будто все это было вчера. Вот бабка-опекунша, вот сосед, вот она идет на поклон к кузнецу Упырееву, вот она встретила Дьявола, и вот они идут по лесу и по всем весям, вот она встретила избы, которые пойдут за нею, а вот Борзеевич сырым вылезает из воды в подвал, а вот они покоряют одну вершину за другой...

– Если человек возьмет сокровища, то умрет, но будет жив... Если человек возьмет лампу и загадает три желания, не получит ни одного...

– Брось, Манька, разгадаем, чаю попей, реви не реви, а одежды не воротишь... – проблеял Борзеевич и тоже всхлипнул. – Будем греться по очереди, дойдем как-нибудь... Брось ты его, успеем. Чтобы нас поймать, Горынычу теперь надо вокруг гор обежать и еще раз по всем горам проползти. У нас как минимум две – три недели...

– А ну как вампирам достанется? Тут немного осталось, всего пять... Тут и про нас есть... Вот, смотри, человек лежит, а над ним еще человек, и город рушиться... И рухнет город, если человек пожалеет человека, а не город... И еще – обломки ключа и мертвый Дракон... Дракон умрет, когда будет сломан ключ... Еще три... Борзеевич, а живой воды у нас больше нет? – Манька вдруг вспомнила, что бутыль из-под живой воды осталась лежать на снегу.

– Нет, Маня... Я так испугался... – заикаясь, дрожащим голосом тихо признался Борзеевич. – У нас теперь только меч, посох и лук без стрел... Десять штук всего на развод. Ну, еще колышки... Я тут носочки шерстяные приберег...

Красный, как рак, и удрученный Борзеевич покопался в рюкзаке, вынимая все, что там было. Манька подобрала два комплекта нательного белья, один теплый, другой простой, натянула на себя оба. К счастью, еще оставалась женская рубашка, подаренная лесными за десятой горой и теплые кол-

готки, купленные Борзеевичем ей в подарок на свою зарплату в одном из магазинчиков, мимо которых проходили.

Ветка неугасимого поленьего дерева горела, как стог соломы – она немного согрелась.

Дьявол появился прямо перед ними со свертком в руках. В пределах разумного, лицо его было веселым.

– И нечего, Маня, убиваться! Я же обещал! – он развернул праздничную упаковку, перевязанную ленточкой, вынул что-то темное.

Встряхнул – и вдруг в руках его оказался плащ, почти такой же, как у себя, с вышитым на нем золотым деревом, а с другой стороны он был не красный, а серебряный.

Борзеевич открыл рот, не веря глазам, с восхищением шупая его. Манька отказывалась верить вовсе. Затаив дыхание, она одела на себя плащ, жалея только о том, что зеркальце было маленьким.

– Ух ты! – восхищенно выдавил Борзеевич, обойдя ее со всех сторон. – Таких красавиц еще поискать! Вот волосики. Бровки и реснички отрастут...

– Ну что ты на большую мозоль наступаешь? Полей живой водой, делов-то! – осерчал Дьявол.

Вид и у Маньки, и у Борзеевича сразу стал виноватым.

– Так нету! – развел Борзеевич руками. – Я воду на Маню вылил, когда она горела! – признался он.

– Чтобы ей сделалось, ведь железная она! Видал, как снег закипел? Это она остужалась! – накричал на него Дьявол. –

А против оборотней как? Если покусают? А как вы стрелы нарастить сумеете за сутки? А как без воды в гору поднимитесь?!

– Оборотни? – помрачнел Борзеевич, обернувшись и удивившись, что Манька отнеслась к новости спокойно. – Так если оборотни за нами в погоню кинулись, то пять дней уже... Пять дней назад полнолуние началось, – перевел он испуганный взгляд на Дьявола.

– Я еще в пещере знала. Не до них было, забыла я про них, – Манька скептически хмыкнула. – Мог бы сам догадаться. Тут нам не укрыться, если только спуститься и найти укрытие с узким проходом. Но если их много...

– Взорвут. Это не драконы, – покачал головой Борзеевич, встревожившись. – Вряд ли они без динамита. А днем это люди. И оружие у них будет. Много их, Дьявол?

– В половину меньше, чем в прошлый раз, когда вы с ними воевали, но больше и не надо. Нападать будут и спереди, и сзади. А вам их бить, я так понимаю, нечем. На расстоянии. Вблизи отбить полторы – две тысячи оборотней нереально!

– Сколько? – задохнулся Борзеевич.

– Если бы мы добрались до Вершины Мира... – Манька повернулась к Борзеевичу. – На нее можно взобраться только одним путем.

– Да, место там узкое, – согласился он. – Но без живой воды, нам вряд ли удастся бежать с оборотнями наперегонки, – он озабоченно прислушался.

– В любом случае, нам надо бежать, – обеспокоено поторопила она. Ей вдруг показалось, что она услышала вой, который поначалу приняла за ветер. – Если мы будем ждать и проливать слезы, мы значительно облегчим им задачу, а так проживем еще немного... Далеко они?

– Сутки, – подсчитал Дьявол. – Внизу! Штурмуют...

– Значит, проживем, Борзеевич, еще сутки, – рассудила Манька. – Эх, жалко, не успею избам показать такую красоту! – она повертелась, заглядывая через плечо, чтобы рассмотреть на черной спине вышитое золотое дерево. Круто, наверное, со стороны смотрелось. В плаще было тепло, и ветер совсем не чувствовался. Он был почти до полу, и закрывал ноги. Сапожкам из неугасимого дерева от огня дракона ничего не сделалось, они остались целы. Не босиком – и на том спасибо. И в колготках. И рубаха до колена теплая. Жить можно. Она перекинула через голову лук, меч и посох, скрепленные вместе.

– Меньше, – посочувствовал Дьявол. – Вы не спали два дня, вам все равно надо будет отдохнуть. А оборотни в полнолуние могут бежать и день, и ночь. Час – два в сутки на отдых им достаточно.

– Мы тоже не лыком шиты, – решительно сказала Манька, вставая на лыжи. – Нам бы через ту гору перебраться, – она кивнула на восьмую гору.

– Да Вершину Мира покорить! – засмеялся Борзеевич. – Полнолуние закончится дня через три.

– Если оборотням надо, они могут оставаться в образе зверя до половины луны, – сообщил Дьявол. И напомнил: – Оборотень не дракон, от него в ущелье не скроешься, а лазит по скалам не хуже. Во время полнолуния им силушка дана нечеловеческая. А убить его можно только серебром, зеркалом, живой водой и поленьем деревом, если бить на поражение. А у вас ничего этого нет! – позлорадствовал он, потирая руки.

– Плевать! – сказала Манька и подошла к краю, заметив, что Борзеевич стоит рядом с Дьяволом. Оттолкнулась и понеслась вниз. И снова ветер свистел в ушах.

Спуск преодолели быстро. У подножия восьмой горы свалились без сил. Без живой воды болели кости и сухожилия. Начинался подъем. Спали два часа через восемь, и ночью часа четыре, привязывая себя к ступеням. В итоге получалось восемь, но сон давал им возможность подняться и бежать снова. Как раз на половине восьмой горы обернулись, услышав вой. Оборотни преодолели спуск, на котором их обогнали. Они тоже устали, бежали тяжело, припадая к земле и на ходу слизывая снег, чтобы остудить себя от бега.

Наверное, отсутствие кислорода как-то сказывалось и на них...

Торопливый их бег был не такой быстрый, как вначале. Глубокий рыхлый снег задержал их почти на двое суток. А кроме того, в последние два часа лил проливной дождь, кото-

рого здесь, наверное, не бывало с сотворения мира. Но впереди небо было ясное, и когда за дождем сразу ударил крепкий мороз, стало понятно, что они выиграли еще один день. Гора превратилась в ледяную непреступную крепость, подняться теперь можно было лишь по ступеням.

Глава 12. Каждому свое...

– Манька, если не передохну полчасика, можешь бросить меня на съедение... Ты беги, беги, меня Дьявол донесет...
– взмолился Борзеевич хрипом. – Только полчасика и пару суток!

– Не понесет, Борзеевич, если не побежишь – я его знаю! Я как-то раз надеялась, что он меня покормит. Куда там! Голодал вместе со мной!

Они только что преодолели вершину восьмой горы. Вой слышался неподалеку, чтобы догнать их оборотням требовалось не больше часа. Нескольким самым быстрым, которые вырвались вперед и уже нагоняли, Манька отсекала головы мечом, сталкивая вниз. А те тянули за собой остальных. Еще часть оборотней пробивала дорогу наверх через ледник.

До Вершины Мира оставалось не так уж далеко, спуститься вниз и подняться...

Если оборотни позволят...

Борзеевич состарился на глазах и задыхался, в легких у него скрипело, как будто раскачивалось сухое подрезанное дерево. Манька чувствовала себя не лучше – из легких шла пена и кровь, они горели, сердце не выдерживало, болтаясь в грудной клетке, как горошина в свистульке. Без живой воды здесь в горах они были никто и звать никем. Но все же физическая подготовка сделала свое дело, как-то они еще дер-

жались, выплевывая окровавленные легкие.

Она кивнула и без слов упала рядом.

– Борзеевич, вставай! – приказала она через десять минут, вставая на колени. – С горы будет легче!

– Маня, еще пять минуточек! – застонал Борзеевич, перевернувшись на бок, согнулся пополам, закашлявшись.

Манька оглянулась на Дьявола, который стоял на обрыве и смотрел вниз, подсчитывая количество оборотней, подняла голову и осмотрелась, чтобы найти рюкзак Борзеевича, в котором должна была быть веревка. Оставалось привязать его к лыжам и тащить на себе.

И вдруг застыла...

Они были как раз там, где в прошлый раз восседали на подушках. Все тут было так же... Все, да не все!

– Борзеевич, откуда меч? – она смотрела на меч так, будто не пробежала сотню километров. – Как у меня!

Борзеевич не ответил, подогнув колени, он поднялся на карачки. От быстрого бега, отваливалась печень. И не сразу открыл глаза. Маньке пришлось потрясти его за плечо и пару раз ударить по щекам.

– Откуда здесь меч, как у меня? – она ткнула пальцем себе за спину, призывая Борзеевича взглянуть в ту сторону.

– Не знаю-у! – простонал он, поднимая голову и подслеповато щурясь. – Какой меч?

– Этот! – она указала на меч. – Меч-кладенец...

Борзеевич приподнялся – через пару секунд зрачки его

расширились, взгляд слегка прояснился, глаза округлились. Он на коленях подполз к мечу, пощупав его, словно боялся, что тот исчезнет.

– Железный человек тут прошел... – сказал он бодро, констатируя факт.

– Когда успел? – строго спросила Манька, будто у Борзеевича был ответ. Она уже стояла рядом. – А меч-то с чего потерял? Он давно тут. Видишь, поржавел без дела.

Манька провела пальцем по ржавым подтекам.

– Наверное, умер железный человек, а меч попросил сюда спрятать. Есть у меня история про Царя... Он меч воткнул в камень и сказал, кто меч вынет, тот и будет царем после него. Хороший меч, себе возьму. Думаю, железный человек не обидится...

– Бери, – согласилась Манька. – Я бы обиделась, если бы мой меч без дела ржавел, а нечисть землю поганила. Бери! Только... Борзеевич, меч у железного человека на Небо поднимается, если он уходит... Это не железного человека меч, это врага меч... Царя, который железного человека победил, а его снова победили...

– Откуда знаешь? – глаза у Борзеевича стали испуганными. – Не тех троих?

– Я всех их видела... С мечами... Там, в Саду-Утопии... – Манька напряженно думала, так что скрипели извилины.

Испуг у Борзеевича прошел не сразу. Он схватил за рукоять и вытащил меч вместе с камнем, который остался висеть

на нем, как пельмень на вилке.

– Дай-ка, – она забрала меч из рук обессиленного старика, взмахнула им. – Ого! Коротковат, но тяжеловат! – размахнулась и ударила мечом о другой камень, стараясь смахнуть первый. Оба камня раскололись, и меч неглубоко ушел под землю. Манька вытащила меч и заметила, как блеснул осколок серебра.

– Зато по мне в самый раз! – Борзеевич забрал у нее меч, помахивая перед собой, оживая на глазах. – Ты не смотри, что я ростом не вышел, силушки у меня на десятерых! Да я бы и сам справился!

– Постой, это же наконечник стрелы! – Манька оттолкнула Борзеевича, подбирая осколок и рассматривая его.

Не говоря ни слова, оба бросились копать в том месте, откуда осколок вышел.

Через пару минут наткнулись на крышку огромного глиняного кувшина, в котором могли бы уместиться пара человек, приподняли крышку и замерли в растерянности. Кувшин был доверху наполнен стрелами, да такими, что любо-дорого. Не только наконечники, но и древки, и оперения у стрел были покрыты серебром, а в самом центре лежал лук странной конструкции, похожий на ее лук, но все в нем было механическим, и покрыт напылением. Лук блестел, будто был серебряным, и легкий, как перышко.

— Наверное, он из неугасимого полена, – предположил Борзеевич. – А сверху покрыли металлом, чтобы пока в зем-

ле лежит, не пророс.

– Тут сидел человек из второго города! – сказала Манька, вытаскивая стрелы на глазах якобы изумленного Дьявола, который подошел поторопить их и сообщить последние новости.

Дьявол взял в руки стрелу и присвистнул, разглядывая ее.

– Подарочек вам оставили! – ехидно поинтересовался он, проявляя к стреле чисто житейское любопытство.

– А ты не знал? Даже не догадывался? – прищурилась Манька.

– Ну, может, и знал... – Дьявол пожал плечами. – Да кто ж помнить-то через столько времени будет? Не вчера ж положили!

– Мань, – сказал Борзеевич миролюбиво. – Мы с тобой разомкнули временную петлю! Заметила, что ступеньки стали и шире, и чаще?! Не наши это ступени! Это они на плечах сюда поднимали. Или на тех же оборотнях... Может, город искали, в котором пролежали не одну тысячу лет? Пришли месту поклониться, где их спас еще кто-то...

– А может, свой, который спасли... Проверить, чтобы уж ничего от проклятия не осталось...

Манька взбодрилась, прошла назад, встав на краю уступа, откуда начиналась лестница, приценилась к месту, где им предстояло встретиться с врагом. Борзеевич подтаскивал к ней охапку за охапкой. Стрел было много, не на всех оборотней, но на большую часть должно было хватить.

– Наверное, они знали, что мы снова в горы пойдем, – предположила она, разглядывая принесенные Борзеевичем стрелы, удивляясь, как много таят в себе горы. Дьявол помогал Борзеевичу их вытаскивать, чтобы старик, оказавшись в кувшине под землей, не заснул снова, время было не то.

– Не трудно догадаться, что пойдете. Как без ключей-то? – снова обыденно пожал плечами Дьявол. – И понятно, что не одни! Кто ж позволит их взять?

– И за тысячи лет никто здесь больше не был? Ведь не взяли!

– Ходили мимо и не видели. Точно так же, как не видели города, который разрушался у них на глазах.

– Эй, а я еще кое-что нашел! – радостно крикнул Борзеевич. Он толкал перед собой еще один кувшин, наглухо запечатанный. Третий кувшин он даже не пытался вытащить.

Манька посмотрела вниз – звери готовились к нападению, сбиваясь в стаи. Для простых стрел далековато. Оборотни их тоже заметили. Минут тридцать у нее было. Она спрыгнула с камня и вприпрыжку побежала к Борзеевичу, который кувшины уже открывал.

В кувшине поменьше была вода. Борзеевич плеснул ее себе на руки и понюхал.

– Похоже, живая! – радостно сообщил он.

– Что ей сделается! – хмыкнул Дьявол. – Живее всех живых! Выдержанная!

Он отпил воды сам, наполнил бутылку и завернул крышку.

Зачерпнул кружку, дал выпить им. Силы вернулись, здоровье пошло на поправку. Вода была сладковатая и терпкая, прокатилась по пищеводу и сразу растворилась в теле, снимая усталость и боль. Через десять минут Манька провела ладонью по голове, погладив ежик волос, пощупала брови и ресницы. Посмотрелась в зеркальце и опешила. Брови и ресницы нарастали рыжие, как огонь, а до этого были черными.

– Зелень тоже поначалу салатовая, а потом ничего, разумно зеленая становится, – успокоил ее Дьявол.

Ей стало весело. Вряд ли оборотни ожидали такого крутого зигзага судьбы, когда она поворачивалась к ним задом. Зачерпнули еще воды по кружке, выпили не спеша. Налили в котелок, бросили семена, поставили так, чтобы котелок не пострадал и можно было быстро подхватить его, если придется бежать.

– А в этом что? – Манька приподняла крышку и заглянула краем глаза в кувшин, который Борзеевич не торопился обнародовать. И тут же захлопнула, не решаясь поверить в увиденное.

– Опиум и навоз! – подразнил ее Дьявол.

Борзеевич снял крышку, порылся в кувшине и сразу отошел.

– Это тебе! – сказал он, ткнув в кувшин пальцем.

– И это все лежало тут? – радостно воскликнула она, разглядывая неожиданно свалившееся на нее богатство. В третьем кувшине было столько одежды и украшений, что раз-

бегались глаза. Манька охала и ахала, перебирая платья.

– Я бы радовался двум первым подаркам, – Дьявол осуждающе покачал головой. – Возможно, они жизнь тебе спасут.

– Ну, знаешь, голая я тоже недолго протяну! – ответила Манька, покраснев. Такие подарки ей делали не часто, только раз, и то был не человек, а Дьявол.

– Не хочу вас расстраивать, но через десять минут оборотни будут глотать ваши кости! – предупредил Дьявол.

Борзеевич схватил свой меч и новый лук. Заняли позицию. Манька прицелилась и выстрелила. Стрела попала оборотню в глаз, он покатился вниз, сминая строй. Рядом просвистела стрела Борзеевича.

Уже давно прошел и вечер, и ночь, освещенная луной и ветвями неугасимых поленьев, наступил день и вечер, и снова был день, который подходил к концу.

Сотни оборотней издыхали, пожирая друг друга. Еще сотни лезли вверх, клацая зубами и скалясь, щерились, сверкая красными углями глаз. Сотни трупов украшали склоны. Вздремнули по очереди, не подпуская оборотней к вершине. Плотно поели. Котелок из неугасимого дерева побаловал их салатиком и кашей. Ночью многие стрелы пролетели мимо цели, ударяясь о камни, за которыми оборотни прятались. Их начали экономить, подпуская зверей ближе. Оборотни редели. Тела их были разбросаны повсюду. Манька и Борзеевич стреляли, не останавливаясь. Но стрел оказалось

недостаточно – из-за гор подтянулись отставшие стаи.

– Оставь стрелы, их все равно не хватит, будем добивать ими последних. Не бегать же за ними, – предложила Манька, тяжело всматриваясь в озверевших людей. – У нас должен быть козырь...

– Да мы стратегами становимся! – засмеялся Борзеевич.

– Ну... – Манька задумалась. – Я готова схватиться за голову, живу какой-то не своей жизнью... – пожаловалась она. – Прикинь, Борзеевич, была обыкновенной деревенской клушей, которая всю свою жизнь проплакала над собой, вопрошая: за что, Господи? И вот я здесь, в заснеженном краю, заставляю плакать других... Как мне в это поверить?

– Довели! – ехидно хмыкнул Борзеевич.

– Это все мы натворили? Это у меня такие богатства? – Манька покосилась в сторону места, куда спрятали кувшин с нарядами и украшениями. – Не верю, понимаешь? Они тащили эти кувшины на себе в горы. Там, в далеком прошлом, они знали обо мне в будущем. У меня такая судьба – дух захватывает, но разве я помыслила бы об этом, пока сидела в своей избушке и плакала в подушку?!

– Жить надо так, чтобы потом не было мучительно обидно, что жизнь прошла мимо, – рассудил Борзеевич.

– Ты думаешь, они как-то по-другому жили? – она с мрачным видом наступила ногой на камень, опершись на посох, сумрачно взглянув на стаю внизу, которая готовилась к броску. – Скакали себе в ночи, знать не знали, что от болезни

есть лекарство.

– Скачи, скачи – да не наскочи! – Борзеевич сложил оставшиеся стрелы так, чтобы они не мешались под ногами и не бросались в глаза, но при необходимости их можно было достать. По три десятка стрел оставили в колчанах, перекинув луки через шею и руку, на случай, если придется снова бежать.

Манька зачерпнула кружку живой воды и выпила залпом. Выпила еще одну, передала кружку Борзеевичу. Тот тоже выпил залпом две кружки. Кувшин оттащили в сторону.

Гордо встав на скале, удерживая в одной руке меч, в другой посох, Манька грозно взглянула на врага внизу, и тут же присела за валун. Двое или трое оборотней палили из огнестрельного оружия очередями, прячась за камнями. Пули летели и не долетали, отчего-то меняя траекторию, будто намагниченные. Странно, но возле валуна, который закрывал проход на вершину, место оказалось самое безопасное.

– Если я погибну сейчас, никогда не прощу себе, что не примерила подарки, – она кивнула в сторону кувшина, который остался в земле.

– Ну, я косенькую с косонькой пока не вижу, может, пронесет? – поделился с нею Борзеевич своими надеждами надтреснутым голосом. Оборотней оставалось еще сотни три, но уже не две и не полторы тысячи. – А вдруг и мне чего-то оставили, просто не разглядел? – предположил он, проследив за Манькиным взглядом.

– Тебе, Борзеевич, меч оставили! – напомнила она, пристыдив его за жадность.

– Что это ты задумала? – подозрительно поинтересовался он, когда она встала во весь рост на валун.

– Подпускаем, рубим, подпускаем, рубим... Сюда, Борзеевич, пули не летят. Я отсеку двоих огнем, один тебе, второй мне... Проход тут узкий, куда они мимо нас?

Оборотни поднимались по ступеням, хотя им это было непросто. Пройти в другом месте у них не получилось. Слева и справа от ступеней пропасти с обрывистыми нависающими выступами и с гладкими, скользкими стенами, с наклоном вперед. Они надежно защищали вершину гор на многие мили. Дракон может быть бы залез, но оборотням иные подъемы, кроме проторенных, оказались не по зубам. И это не могло не восхищать Дьявольской прозорливостью, продуманностью и предупредительной вежливостью, которой он давал понять, что не стоит лезть наперед него в пекло. Все горы, по которым они прошли, с одной стороны имели такую защиту, даже первая и вторая гора в начале пути, на которых защита была завуалирована, и подняться там можно было во многих местах, но чем дальше, тем защита становилась надежнее.

Манька посмотрела вдаль. Седьмая горная гряда была чуть ниже, но закрывала все остальные горы, которые остались за нею. Рассмотреть их и полюбоваться ими можно бы-

ло только с Вершины Мира, и она была за спиной – самая высокая и непреступная. Даже отсюда, с вершины восьмой горы, пик девятой горы терялся где-то в вышине.

Манька направила посох на ощерившихся зверей и пальнула огнем, размышляя про себя. Интересно, что Дьявол прятал на Вершине Мира? Не одну же стелу, в самом деле, со своей подписью. Оборотни неугасимого огня не ждали – началось замешательство. Прямое попадание выжигало в телах дыры. Оборотень начинал обратную трансформацию. Полузверь-получеловек покатился по земле, вырывая свою плоть.

– А говорил, только зеркало! – весело воскликнула Манька, поливая оборотней огнем.

Сразу стало легче. Огонь ничем не уступал огнестрельному оружию и стрелял значительно точнее, в отличие от пуль, направленных на нее и Борзеевича, которые летели мимо. Казалось, выступ защищает какая-то неведомая сила.

Борзеевич, забыв про оборотней и битву, минут десять изучал феномен.

Еще три оборотня вырвались из начавшейся свалки, бросившись вперед. Мужественно сложили головы. Манька и Борзеевич, занимая лучшую и почти неуязвимую позицию, осмелели. Борзеевич кинул горстью гороха, Манька оглушила еще одного оборотня посохом, проткнув острыми рожками, добавила огня, на ходу срубив голову второму. Еще два оборотня крутились и рвали себя у ног Борзеевича.

Пропустили еще четырех, отсекая огнем остальных. Один

успел скребнуть лапой, вцепившись зубами в ногу Борзеевича, и сразу челюсти остались без тела. Хватка у оборотней была мертвая. Борзеевич разжал зубы ножом, стряхнув отрубленную мечом голову, которая уже начала трансформироваться в человеческую. Меч его был таким же острым, как Манькин, и когда взгляд ее падал на него, она невольно начинала думать, кто из железных людей, уже сносив железо и достав меч, мог предать Дьявола? На что повелся он, на Зов или, сев на трон, перестал быть человеком?

Решили больше не рисковать, подпуская по одному, по два...

Поняв, что воинов всего двое, замешательство сменилось ликованием. Грянул добрый хор воющих зверей, похожий на дружное «ура!» Задние напирали на передних, те проталкивались вперед и попадали под огонь и мечи. Борзеевич теперь чаще бросал в толпу горох, чем рубил головы. Многие оборотни сразу после этого пытались вести себя благоразумно, выбирались из общей свалки, пропуская вперед желающих. Но сзади подгоняли вожаки, загораживая отступление.

Кровь лилась рекой, мертвые тела заслонили проход. И порой из-за груды тел оборотни выскакивали неожиданно, а иногда пробираясь по телам своих, скатываясь с ними вниз.

Заметив, что оборотней осталось сотни две, Манька и Борзеевич снова достали стрелы – серебро не оставляло раненных. И когда последний оборотень скатился вниз, они переглянулись с победоносным ликованием. Оба были в кро-

ви, выглядели изможденными, но не сломленными. И будто по команде оба начали хихикать, сначала негромко, про себя, но постепенно смех стал звонче, оба упали, схватившись за животы. А потом долго лежали на снегу и смотрели, как зажигаются одна за другой звезды.

– Бурные аплодисменты, – добродушно сказал Дьявол будто ничего не происходило за последние три дня, словно не они усеяли склон горы трупами. И не удержался, улыбнувшись во весь рот, обнажив ровные и острые, как у вампира зубы, протягивая им руку, чтобы помочь подняться.

– Ладно, учту на будущее, что двумя тысячами оборотней вас не испугать. Можете законно любоваться своими горами! – милостиво разрешил он. – Хоть в шелковых шароварах, хоть в атласных, хоть голые, увешенные всеми украшениями, какие найдутся в кувшине!

– Жалко, дракона нет! – разочарованно сказала Манька, разглядывая, во что превратился ее плащ, забрызганный нечистотами и грязью. – А то бы помылись.

– А, это... – Дьявол устало махнул рукой. – Он стирке не подлежит. К утру сам себя постирает. Он просто пока не умеет на ходу.

– Надо это, место найти, чтобы выспаться. Хорошо защищенное. А то вдруг еще какая-нибудь тварь внизу бродит, – Борзеевич привстал, уставившись на кучу мертвых тел, загородивших ступени, и внезапно почувствовал усталость.

– Да вроде все, я их поголовно считал, – Дьявол окинул

взглядом поле боя. – Один разве что, но он умнее других, он в эту свару с самого начала не лез.

– Эх, жалко, нету твоей стрелы! – ухмыльнулась Манька. – А то бы мы его достали, чтобы не бегал по горам и не пугал туристов.

– Какие проблемы? – Дьявол достал у нее из колчана стрелу, послунывил наконечник.

Маньку недовольно перекосило – столько стрел были потрачено зря! Но промолчала – зато стрелы не таяли, и все еще торчали из тел. Надо бы их собрать. Она прислушалась к пространству. Оборотень стоял далеко внизу и смотрел в их сторону. Подавленно, с немой злобой.

Она выстрелила и через минуту поняла – оборотень мертв.

– Ну ладно, есть тут одно местечко, но нам придется свернуть в сторону. Сена не обещаю, но от снега, холода и ветра укрытие самое то!

Дьявол подобрал часть вещей, сложенные неподалеку. Манька и Борзеевич подобрали остальные вещи, котелок, который поддерживал их силы все это время, спустились на лестницу, собрав стрелы в колчаны, чтобы были полными. Пересекли вершину, и через полтора часа спустились на сотню метров вниз, чуть в стороне от основного перехода, оказавшись на небольшой покато́й площадке, укрытой от ветра и снега.

Дьявол отодвинул камень в одной из стен, нажал рукой

на торчавший осколок серебра, вдавливая его. Раздался грохот, скала отъехала в сторону, открывая небольшую щель для прохода одного человека. Потом положил камень на место, закрывая серебряный рычажок.

– Прощу! – сказал он и первым вплыл в проход.

Манька и Борзеевич протиснулись следом.

В пещере было свежо. Но когда зажглась ветвь неугасимого полена, Манька обомлела, а Борзеевич потерял дар речи: посередине стоял каменный стол, а на нем лежало крупное полено и яйцо. Манька сразу догадалась, что это за яйцо. Ему еще предстояло вылупиться, может быть, через сотню тысяч лет. Свое полено она уже нашла, и яйца прикатились – даже два!

– Тут ведь что-то написано? – спросил Борзеевич, не отрываясь взглядом от рунического рисунка на стене. Он с любопытством разглядывал перевернутую «А» в круге.

– Тут написано: здесь были Ясень, Древень, Белогор и Дьявол. Прекрасная незнакомка и могучий Борзей – мы вас помним! Ну и... описание славных подвигов пятерых, и падение врагов... И Царя...

– Это все здесь написано? – удивилась Манька, погладив чудные закорючки. – Тут всего пять слов!

– Могли! – кивнул Борзеевич. – У них одно слово могло быть самой настоящей повестью. Но только кто бы еще это смог прочитать!

– Тогда смотрите на другую стену! – усмехнулся Дьявол.

Манька прошла с факелом вдоль противоположной стены и ахнула: там рушились три города, и в четвертом сидела она, Борзеевич, и три человека, а в небе летел не то Дьявол, не то Дракон.

«Жалко, что зеркало не догадались оставить!» – подумала Манька, принимаясь за третий кувшин, в котором лежало богатство, о котором она, может быть, всю жизнь мечтала.

Старый, серый, с проседью оборотень наблюдал, как гибнет его стая. Кто бы мог подумать, что проклятая умеет так владеть мечом, луком и огненным посохом!

А этот старик, которого знал каждый и не знал никто?! Даже сейчас он мог исчезнуть и появиться вновь, спустя минуту. Черт, похоже, он никуда не исчезал, но почему-то уплывал из памяти. А маг?! Он шкурой чувствовал, что маг где-то здесь – тот самый маг, который не имел крови, не оставлял запаха и следов.

Кто он? Вампир – возомнивший себя Богом?

Он переступил через все законы, устанавливающие равновесие между человеком, оборотнем и вампиром. Кто дал тебе право? Ждали тебя? Просили тебя?

Ничего, яма твоя была тебе могилой многие тысячи лет, и весь мир проклянет и вернет в эту яму, чтобы ты гнил в ней до скончания веков! – оборотень повернулся и не спеша потрусил вверх по склону в противоположную сторону. Надо было вернуться и предупредить хозяйку, что последний

дракон мертв и никто не остался в живых. Полнолуние заканчивалось, и надо было торопиться.

Чем оправдать свою немощь? Хозяйка могла не простить...

Он вспомнил о сыне, который остался там. Странно, что сын не с ним. А и в самом деле, почему не пришел его сын?

Оборотень вдруг резко остановился. Он снова видел перед собой высокую стену и лестницу, залитую кровью и трупами. Сердце его сжалось. Сила проклятых гор не отпустила его. Он попробовал вернуться еще раз – и снова увидел лестницу с трупами...

И отшатнулся: маг стоял перед ним, тот самый – в черном плаще, без лица...

– Ты разве не помнишь, что ел мясо своего сына? – спросил он с жестокой жалостью, заглянув в глаза.

Оборотень попытался вернуться в прошлое, и понять, что же случилось с его сыном. Но не мог. словно чья-то рука легла на его голову и закрыла память.

– Ты убил его! – с вызовом ответил оборотень, оскалив пасть. – Ты!

– Ты убил его! – мягко ответил маг, положив руку на голову поверх той руки, которая держала память, и легко разжал и убрал ее.

Оборотень вцепился в мага, но его не было. Зубы склацали, и в пасти не осталось ничего, а маг по-прежнему стоял перед ним и улыбался с жалостью.

И вдруг оборотень заскулил, попятившись назад: вот он и его сын летят по полю над белым снегом – красивый, сильный, как отец... Выше почти на голову, широк в плечах, грубоват – но так жестоко бить свою жену...

Он покачал головой, как же он допустил?

И страшно, страшно помнить – оборотень завыл. Он узнал лицо убитого и повалился – вот он, гложет кость... человек... Он разорван, голодная стая растащила куски плоти, голова лежит неподалеку и объедена, тусклый глаз тоскливо смотрит в серое небо... А он грызет и грызет эту кость – почему он ее грызет? Почему она следует за ним, и снова оказывается в его пасти? Он сыт! Он бы никогда не стал есть сына...

Может быть, сын зовет его? Где он?

– О, Бог, зачем ты так жесток?! – оборотень тихо заскулил, скатилась слеза, он уронил голову на лапы. – Верни мне сына! Меня забери! – в отчаянии заскулил он.

– Ты убил его! Верни, если сможешь! – ответил маг.

– Но как?! Как это могло случиться?! – оборотень взвыл, в груди его полыхал огонь. – Больно!

– Видишь, Бездна?! – открылась черная пустота. Кажется, ее не было, но он ее видел и чувствовал. – Иди за ним. Если сможешь вернуть и вернуться, я впущу вас! – пообещал маг. – Если не сможешь, там ты найдешь покой. Покой, когда тебя нет.

Стрела достала сердце и загорелась. Оборотень был

мертв, когда она вошла в его тело. По дурусти или по глупости он хватанул снега в том месте, где старик облил живой водой пылающего человека, обожженного драконом...

Глава 13. Плохо, когда плохо...

– Не могу понять, кто он такой?! – впервые в жизни Ее Величество умнела на глазах. Стоило ей вспомнить о драконах, и горе проникало во все ее внутренности, вены начинали кипеть. Кто бы мог подумать, что маг способен на такое? Он разделался с ключами, даже не дотронувшись ни до одного из них. Остатки ключей она носила с собой. Оплавленные части пытались склеить, спаять лучшие мастера, но что толку? Все попытки закончились неудачей. Оставшиеся куски камня даже разломить не удалось.

Здесь погиб второй Дракон. Только по запаху оборотни указали ей, где драконы настигли чудовище и загнали ее в пещеру.

Жалкие безродные твари уничтожили ключ и убили дракона. А потом, отрубив последнему полсотни голов, ускользнули из-под самого его носа.

Она нисколько не сомневалась, что последний дракон мертв, но все еще не могла поверить, с тоской рассматривая седьмую гору, которая высилась вдалеке. Оборотни донесли, что последний дракон исчез, опалив чудовище. Ее сгоревшие лохмотья валялись на снегу. Их тоже доставили на ковре самолете, с последним ключом.

Ее Величество смотрела на седьмую гору с отчаянием. Сколько еще их – этих гор впереди? Глазами оборотня, ко-

торый погиб последним, она видела, что за нею еще одна гора, а за нею еще, которая не имела объяснения. Вершину девятой горы он даже не смог рассмотреть.

Это оборотень-то!

Его страшная драма ее мало интересовала. Было бы о чем переживать! Немногие звери из породы хищников не убивают свой выводок, когда наступает голод. Будь сынок на месте папаша, он бы только сказал спасибо, что скормили не его и накормили. Неблагодарная тварь – из кого ей было выбирать? Да, съели, зато спасли остальных, и его самого в том числе.

Вампиры чувствовали, что меняются: голод и жажда становились сильнее с каждым днем. Им нужен был гемоглобин, кислород и кровь, чтобы согреть себя, чтобы дышать. И стали пропадать маски, обнажая истинные лица, которые пугали своих обладателей. Уже давно никто не смотрел на себя в зеркало, а голод гнал вперед и превращал в то, чем они были.

Может быть, первоживущий специально устроил так, чтобы и они стали как он – невидимые, убогие, прячущиеся в гробах?

Проклятые горы! Идти дальше не было смысла. Экспедицию пора было сворачивать – если бы не одно «но!» Обратное не получалось. Все, кто поворачивал обратно, будто натыкались на непреодолимый барьер, и каждый раз, когда считали, что им удалось вырваться из плена, вдруг обнаруживали

себя на старом месте. Шли они назад, или вперед – они шли только вперед. Горы оказались ловушкой – страшной могилой, из которой достать их могли только люди, которые могли повернуть и уйти назад, а их –то как раз не осталось...

И Его Величество, который не понимал, что происходит, или делал вид, что не понимает...

Кучка выживших бежавших в горы людей укрылась в пещере, убив четыре сотни оборотней, которые оставались с вампирами и людьми, поднимая их в горы, и которые отправились за ними в погоню. Сотню оборотней эти твари убили на горе, и три сотни в пещере. Убили даже тех оборотней, которые сами искали укрытия, не дожидаясь, когда на них набросятся голодные вампиры. Еще полторы сотни оборотней и семнадцать вампиров положили черные оборотни, от которых за версту несло Престолонаследником и его ведьмой. Они напали внезапно, отбив полторы сотни людей, которые ушли обратной дорогой, непонятно как узнавшие о нападении и не выпившие сонное зелье, будто готовились к побегу заранее.

Спохватились, когда отошли от шока и разобрались с нападавшими. Часть оборотней отрядили на поиски сбежавшей группы, которую приготовили для ночного пиршества. Отряд из пятидесяти людей и тридцати оборотней должен был вернуться, когда лагерь будет спать. Оборотней для охраны выбирали самых благонадежных. Оставлять оборотней с людьми с каждым разом становилось опасней – этот

случай стал третьим, когда весь отряд людей вместе с оборотнями сгинул без следа. Посыльные донесли, что вся охрана лежит с перерезанными глотками, а людей простыл и след. И когда поняли, что искать бессмысленно, пищу решили взять среди тех, кто остался в лагере, опоенный сонным зельем. И сразу поняли, что сделали самую большую глупость за время экспедиции, когда решили, что нападение было на Их Величества, не сразу поверив, что спальники набиты камнями.

А как не обманешься, если черные оборотни легко убивали вампиров? Только оборотень, которого против вампира вел вампир сильнее его, мог бы сделать это. Ну, вампиров не жалко, да хоть всех, а оборотни, как люди – на вес золота...

В лагере не осталось ни одного человека. Палатки и гроты были пустыми, люди бежали налегке. Сбежали даже те, которые во время нападения оставались в гроте, возле которого битва была особенно жестокой. Бросились в погоню, стреляя в спину убегающих людей, пока непонятная сила не начала возвращать погоню назад.

И еще раз ошиблись, не сразу сообразив, что люди разделились, и часть из них ушла в горы. Возможно, беглецов в горах удалось бы остановить, но время было упущено.

Причина нападения стала понятной, когда расколосся последний черный оборотень Престолонаследника, выдав четверых сообщников, которые в экспедиции были с самого начала. Но это случилось лишь на третий день, когда подсчита-

ли убытки и разобрались с теми, кто остался в лагере, сверив имена по спискам. Погоня началась лишь спустя двое суток. Беглецов настигли у самой вершины, и им удалось укрыться здесь, в пещере, где побывала проклятая и маг. А пока ждали возвращения погони с добычей, еще раз ошиблись – люди успели подготовиться к битве. Такого отпора не ожидал никто.

Предложение Совета устроить осаду этой пещеры лишь рассмешило и оборотней, и Его Величество. У смертников в достатке оставалась и пища, и оружие, и вода, тогда как у них – ничего. После того, как Его Величество побывал там, идти за людьми еще раз он отказался наотрез, и не стал внушать вампирам ложную надежду, что кто-то им поверит. Люди знали, кто они, и что собой представляет для них человек.

«Подожди, – сказал он Ее Величеству, занимаясь отправкой экспедиции к следующей горе, – пусть уйдут!»

И она осталась.

Боже, так облажаться – попасть под проклятие проклятого... Проклятого ведьмы, которая обнимает Престолонаследного вампира! Теперь уже Царя... Скоро Царя, как только станет известно, что драконов у нее нет. Проклятый все время был рядом, под самым ее носом... Как можно было пропустить проклятого, который сам себя проклял?! И если знает где он и кто, тогда почему лишь ведьма, а не вампир? Почему не имеет Зова? И как узнали, что он в горах, с экспедицией, и среди вампиров?

Казна уплывала из рук, и ничего с этим не поделаешь. И все это время ведьма была у нее в руках! Они сыграли ей на руку, вымаливая у своих жертв клочок шерсти, чтобы овца принесла бы им карманные расходы. Никому бы в голову не пришло, что среди обычных людей мог затесаться проклятый ведьмы самого Престолонаследника. О, если бы она была мужчиной, она бы раздела ее – самую богатую наследницу огромных состояний, и ее богатенького муженька, сотни лет назад подмявшего под себя всю юго-восточную часть Манилкиных земель с несколькими самыми щедрыми месторождениями.

А кому эта ведьма отдаст состояние теперь, если ни один вампир, поучаствовавший в свежевании ее проклятого, не останется в живых?! Разве что Его Величество отправить за подаванием, но он, как правило, выступал пассивным наблюдателем, через раз, ничего не обещая и не выпрашивая.

Сдохнуть можно от паскудного невезения... Нажила себе врага!

Ее Величество перебирала в памяти лица людей и не находила ни одного, кто хоть сколько-то подходил бы под определение «проклятый», пожалев, что редко обращала внимание на лица своих жертв. Все происходило быстро и ночью.

Господи, пусть этот проклятый сидит там, в пещере, не убитый и не отбитый! Она его достанет, чего бы ей это не стоило!

Когда надежда достать человеческую кровь растаяла, пе-

ред отправлением, еще сотня оборотней была разорвана, чтобы насытиться в последний раз. И две сотни понесли на себе вампиров и их вещи дальше. Его Величество не оставил рядом ни одного вампира, ни одного оборотня. И она не понимала его.

Пожалуй, его за это причислят к лику святых, если каким-то чудом они вернутся. Он был щедр, когда провожал оставшуюся экспедицию, и безо всяких размышлений отдал им все: палатки, снаряжение, одежду, концентрат крови, лекарства и инструменты, почти ничего не оставив себе. И только она знала, что под шатром в снегу закопаны вещи последних людей и палатка на двоих – то, что собрали три оборотня для побега. И шатер, который принадлежал лично им. Его Величество оставил его, чтобы они могли дожидаться помощи. В шатре лежали теплые вещи, на которых они спали, продукты на пару дней – но вряд ли этого хватит надолго.

Экспедиция уже ушла. Ковры-самолеты здесь не работали, но вниз по склону все еще катились, застревая среди скал и проваливаясь в пропасти. Его Величество отправил всех, пожелав им скорейшего возвращения, потребовав клятвы, что как только ступят на нормальную землю, то обратятся к народу и отправят им помощь. Последний ковер-самолет с вампирами скрылся из виду.

Ее Величество в ужасе проводила его взглядом. Каждый из тех, кто уходил, надеялся, что эта гора последняя, зная, что за нею еще одна – но так было легче идти. И было бы

лучше, если бы она была там, среди них.

А вдруг муженек решил от нее избавиться? Вдруг задумал что-то? Почему так спокойно отпустил всех, а сам решил остаться здесь? Как они догонят их? У них еще был один ковер-самолет, но кто поднимет его на седьмую гору, которая внезапно открылась взору, когда они поднялись на эту? Им даже нечем согреть себя: все, что могло гореть – давно сожгли, все, что могли одеть – одели. Какая помощь? Неужели кто-то решится сунуться в горы, после того как самая оснащенная экспедиция потерпела полное фиаско?

Одна надежда на сбежавшего на полпути кота. Этот предатель расцарапал ей руку, срывая с себя ошейник, но, выждав немного, вернулся и пригласил ее на личную беседу, не подпуская к себе.

– Мы же понимаем, Ваше Величество, как нынешняя ситуация скажется на вашем благополучии, но я состою при службе и почитаю за честь служить вам и дальше. Я признаю, что немногие послушают меня, и всякое начальство вряд ли пожелает помогать вам, и будут плевать мне в лицо. Вампиры и оборотни слишком практичны, и не пойдут в это гиблое место. Нож в сердце, Матушка, воткнули вы, когда забирали меня с собой. И пока еще есть надежда, я возвращаюсь, чтобы усыпить врагов наших, и, если удастся, соберу людей и пошлю за вами. Но только вам, Ваше Величество, только вам! И вашему дорогому супругу, если пожелаете, но будь я на вашем месте, оставил бы подышать его вместе с осталь-

НЫМИ...

После этого кот бессовестно усыпил ее саму и исчез.

Впрочем, какая от него польза? Ни крови, ни сил, чтобы нести ее на себе.

Может быть, муж покормит ее? Он все еще человек.

Ее Величество бросила взгляд на его осунувшееся загрубевшее лицо. Он заклан ею, и насильственное кровопролитие развернет его заклятие к нему лицом – и тогда у нее появится еще один враг... Нет, только если он заснет или согласится отдать кровь добровольно... Она сглотнула слюну и подавила желание вцепиться ему в глотку.

Или, может быть, он бережет людей для нее? Ему нетрудно войти туда и перебить их всех. Она согласна сосать и мертвого, лишь бы утолить голод. Она с надеждой взглянула на мужа, который согревал ее в объятиях своим теплом, прожоя взглядом уходивших. О да, для нее! Это так на него похоже: вырвать сердце, чтобы еще раз доказать свою человечность – ей! Будь на его месте вампир, он давно бы бросил ее и ушел – или вместе со всеми, или вернулся назад, имея такую возможность, как он. Она слабо улыбнулась, прижимаясь к нему еще крепче.

Его Величество поднял ее и занес в шатер, положив на спальный мешок.

Заметив ее слезы, он вытер их платком.

– Не стони! – приказал он. – Думаешь, хоть один из твоих дружков вспомнит, кто ты есть, когда мы вернемся без дра-

конов? – он был сердит, но в его осунувшемся лице она прочитала отчаяние. – Посиди здесь, я попробую поговорить с людьми, – попросил он.

О, да, она была права! Она обрадовалась.

– Покорми меня! – захныкала она. Лицо Ее Величества опухло от слез.

– Потерпи до подножия, я спрятал там немного крови для тебя и еды для себя. Не надо думать, что мне легче, чем тебе. Слава героям! Так ведь вы кричали всем, кто мог вас спасти! – упрекнул он жену. – Я не буду жрать падаль оборотней, которые гниют в пещере, но могу достать их тебе, если хочешь.

– В них нет крови, – всхлипнула она. – Их нельзя есть, если она свернулась. Что ты задумал? Почему мы не идем вместе со всеми?

– Потому что я не собираюсь подохнуть здесь! – прикрикнул он на нее. – Никто не выйдет из этих гор, никто не придет за нами, ты не хуже меня это знаешь! Вас тащит, как магнитом! Вот почему мы ничего не знаем об этих горах! А из людей здесь бывают только проклятые, когда их ведет такой маг... – Его Величество кивнул в сторону пещеры, указав на головы дракона, плюнул в сердцах. На снегу осталось кровавое пятно. Его легкие отсутствие воздуха и мороз не выдерживали, он, как и все держался лишь на лекарствах, которые принимали через каждые три часа. Странно, что люди могли обходиться без них. – Я не знаю никого, кто мог бы это

сделать.

– Ты, наверное, гордишься, что проклятая связана с тобой? – Его Величество посмотрела на него с иронией. – Я вас шутя развела! Что это за связь такая? А попробуй-ка нашу разорвать! И счастье имел, и был как Бог. А проклятая, учила чему-нибудь? Подала тебе? – напомнила она ему.

– Если бы гордился, я давно бежал бы за ней. Но я спасаю тебя, собираясь тащить на спине через все горы. Это что-то для тебя значит? – спросил Его Величество расстроено. В голосе его прозвучала боль, и на минуту она почувствовала, как к ней вернулась ее сила. Да, он был человек, и его боль питала ее так же, как кровь человека. Любой вампир чувствовал боль, и умел подпитаться ею, особенно, если человек в это время полностью принадлежал ему.

– Надеюсь, ты меня не уронишь, – примирительно сказала она, и Его Величество заметил, как промелькнула в ее глазах радость.

Он улыбнулся: ее легко прощать. Любую обиду. Прожили столько лет, и он по-прежнему ее любит. И в горе, и в радости, и в болезни, и в здравии.

– Плюю я на нее! Плю-ю! Кто такая проклятая? Бегает по горам, портит виды записками о себе, чужая, настолько чужая – как понос. Куда не повернись, везде на него наступишь. Жди! – бросил он ей, и ушел в пещеру.

Его не было около часа. Он вернулся злой и расстроенный.

– Они не соглашаются, – сквозь зубы процедил он.

– Ты о чем? – спросила она слегка изумленно. Она была уверена, что он приведет ей человека.

– О нас с тобой. Я попросил их вернуться с нами. Нет, не отказали, – успокоил он ее. – Но сказали, что не выйдут, пока не убедятся, что с нами нет ни одного оборотня или вампира.

– А как они собираются увидеть, если нас не будет?

– Это не так уж трудно проверить. Пошел и посмотрел. С вершины склоны просматриваются, как на ладони. Черт...

– Что тебя не устраивает? – всхлипнула она.

– Не хочу оказаться в дураках! Я бы с удовольствием сжег всю теплую одежду, и пусть они здесь останутся навечно!

– А в чем проблема? – расстроилась она.

– А если они согласятся? Что им тут делать? А там золотые горы: деньги, богатство, слава...

– Ты это серьезно? – изумилась Ее Величество.

– Конечно же, нет! Когда судьба поворачивалась к человеку лицом? Но, Господи, дать им какие-то деньги я мог бы, даже если мы с тобой уже не царь и царица!

– Самое смешное, что я уже не помню о твоём обещании, – усмехнулась Ее Величество. – Лишь бы пошли. За третьей вершиной, каждый из нас еще мог вернуться. Помнишь, мы летали на драконе. Он сказал, что не видит пути, что там, за третьей вершиной какие-то линии и изогнутое пространство. Именно там начинается эта ловушка, и, если я смогла бы основательно восстановить силы, то две горы преодолею

сама. А что, если мы просто заберем одежду с собой? Завяжем узлом и покатаем с горы? Пусть догонят нас. Ведь как-то же они смогли подняться в гору ночью раздетые!

– Попробую еще раз поговорить с ними...

Его Величество ушел. На этот раз его не было не так долго, но любопытство заставило ее в страхе приблизиться к пещере, прислушиваясь к каждому звуку. Сердце бешено колотилось. Лишь бы с ним ничего не случилось – что она будет делать одна, среди ненавидевших ее людей? И что они будут делать, если ему не удастся уговорить хотя бы четверых – по одному на гору...

Его Величество вышел. Она сразу поняла – переговоры зашли в тупик.

– Пошли, – обиженно сказал он.

– А одежда?

– Знаешь, с одеждой или без одежды они не подойдут. А мы можем, если они не пойдут за нами. Ты понесешь продукты и снаряжение, – сказал Его Величество, вешая ей на плечи рюкзак, – а я понесу тебя.

Шатер пришлось оставить. И палатку. И все, что могло усложнить и подъем, и спуск. С собой был лишь один спальник. И меч – символ власти, на тот случай, если встретят вампира или вернуться во дворец. С ним еще можно повоювать за трон. Теперь им известна тайна драконов, так что можно попробовать переманить их на свою сторону. Лишь бы вернуться. Но как раз за это Его Величество не пережи-

вал. Запасов, которые он оставлял на вершинах и в подножии пройденных гор хватило бы на армию. Лишь бы их не нашли люди, которые ушли назад во время нападения черных оборотней. Впрочем, и об этом он не переживал. У людей не было нюха, который бы подсказал им, где искать. О том, что с ними мог уйти оборотень, думать не хотелось.

– Какой он тяжелый! – испуганно воскликнула она.

– Ладно, – согласился он, – я одену его сам, а ты сядешь сверху, и привяжешь себя ко мне.

Его Величество свернул ковер-самолет в рулон, и толкнул его вниз. Ковер поехал, подпрыгивая на ступеньках, пока не остановился на площадке далеко внизу. Потом повернулся сам и начал спускаться, цепляясь за выступы.

– Я не могу! Мне жжет! – Ее Величество взмолилась, ерзая на рюкзаке.

– Другого способа нет, – отрезал он. – Терпи! Зато не замерзнем. Сила проклятия на землю здесь слабее, чем в Проклятой земле. И, пожалуйста, не надо цепляться за стены!

Спускаться по ступенькам оказалось труднее, чем подниматься. Но легче в том плане, что он не так уставал. И когда наловчился, стали спускались намного быстрее. Иногда он просто скатывался, заметив внизу достаточно широкую площадку, на которой ковер-самолет мог бы остановиться. Спал с женой, накрепко привязывая ее к груди на голое тело, рядом со ступенями, или в местах, где уже останавливались. Он понес бы ее, даже если б она его убивала.

«Каждый день и в неделю раз!» – горько усмехнулся он, вспоминая, с каким постоянством она проводила ему обряд очищения.

Наконец, на восьмой день он ступил на снег, оказавшись у подножия шестой горы. Дальше шел пологий ледовый подъем на пятую гору. Путь им преграждали три пропасти, и склоны ледников, но сейчас через них были проторенные переходы, отмеченные на карте теми, кто переправлял экспедицию. До пятой горы отсюда было километров сорок. Если ковер-самолет после такого спуска окажется рабочим, то, он не сомневался, они доберутся до пятой вершины за пару дней. Жена была легонькая, как пушинка, а с ним одним ковер-самолет уж как-нибудь поднимется.

Он отыскал пещеру, где ночевала проклятая и ее дружки, а после те самые беглецы, которые остались на вершине. Остановился перед пещерой, заглянув внутрь.

И тут: «Здесь были Маня...» – могли бы быть поскромнее...

– Ты специально нас сюда привел?! – разозлилась Ее Величество, скрипнув зубами.

– Нет, – ответил он, успокаивая ее. – Но здесь не так дует. Ее дружок эти горы знает, как свои пять пальцев, если они у него есть. Лучше покажи мне место, где мы можем спать.

– Здесь нет таких мест, – ответила она.

Он расстроился. Здесь было тепло, и мог бы отогреться. Но рисковать не стоило, тем более тайник был в другом ме-

сте. Он бросил прощальный взгляд на тепленькие апартаменты, поднял жену и вещи, и перенес их дальше, где было еще одно углубление в скалах. Здесь тоже останавливались, но оборотни. Уложил ковер и сверху бросил спальник, развел огонь таблеткой сухого горючего. Ходить привязанным к Ее Величеству было неудобно, но так надежнее. Достал из ниши в стене консервы, сухари и концентрат сухой крови. Развел его, слегка подогрев. стакан крови достал из своей вены шприцом, тоже влил в приготовленную смесь. Мало, но концентрат крови был человеческим, чистым от добавок свиной крови, изготовленный по спецзаказу – кровь для приготовления брали у молодых девиц и младенцев. Его выдавали не всем, многие понятия не имели о его существовании.

– Ешь! – приказал он, подавая Ее Величеству литровую пластиковую банку.

Жена ненавидела пить из пластика, считая, что вкус не тот, каким бывает в хрустальной или золотой посуде. Но пол-литра выпила с жадностью. Он ее остановил, отбирая банку. Она потянулась руками, но он решительно отодвинул их.

– Сначала поешь кашу, – приказал он, поставив перед ней разогретую банку с мясной кашей.

– Я не хочу! – отказалась она, слегка улыбнувшись. После крови настроение ее улучшилось.

– Надо! – ответил он, засовывая ей в рот ложку. – Нам нужно перебраться через пятую и четвертую гору, а там, у подножия четвертой вершины с восточной стороны, мы бу-

дем в безопасности. Там, по крайней мере, у нас будут дрова. Завтра начнется самое сложное: или мы выйдем, или останемся здесь навечно... Но вернемся мы именно сюда, и сможем начать сначала.

Она проглотила, давась. Здесь в горах от обычной еды ее тошнило. Она и во дворце часто отказывалась от нее. Но спорить с мужем было бесполезно, по крайней мере сейчас, когда от него зависела ее жизнь. Когда она доела тарелку с мясной кашей, он вернул ей кровь.

– Оставь на завтра. Свежей крови не будет до самой вершины, – предупредил он. – У меня ее не так много. Я больше не смогу разбавлять концентрированную.

На всякий случай добавил еще порошка и теплой воды, чтобы банка снова стала полной.

– Что ты так смотришь на меня? – подозрительно спросила она, заметив, что лицо его мрачнеет каждый раз, когда он на нее смотрит.

– А что мне на тебя смотреть? – он отвернулся. – Вампир – внешне привлекательный, когда в маске, а без маски самим смотреть страшно, – сказал он с усмешкой.

– Что? Что ты сказал? – возмутилась она. – Дай мне зеркало!

Он подал ей зеркальце. Оно ее не отразило. Ее Величество пощупала лицо – клыки и кость, обтянутые кожей.

– Я очень страшная? – спросила она тоскливо.

– А я страшный? Знаешь ли, кровожадность бесследно не

проходит.

– Нет, ты совсем не изменился, – удивилась она.

– Это потому что я наполовину человек.

– Я не могу тут сидеть, мне больно! – взмолилась она. –

Но ведь здесь же нет огня!

– Я же сказал: потерпи, – раздраженно ответил он. – Это обморожение. Кровь тебя восстановит. Мы в подножии. Мне нужно выспаться, иначе завтра пойдешь пешком! Я двое суток не спал... Здесь нет огня, огонь идет оттуда... – он неопределенно кивнул в сторону пещеры, мимо которой они прошли.

Его Величество покрепче привязал к себе Ее Величество, рассчитывая, что сытая, она до утра его не съест, и ветерок не унесет ее туда, где он усадил ее к себе на плечи. И долго смотрел в потолок. Было такое ощущение, что гроты кто-то выдалбливал специально – остались даже срезы на стенах. Удобные, с ровным, чуть приподнятым полом, чтобы не копилась вода, с полуразрушенным очагом посередине.

Наутро Ее Величество была на месте, и он, по счастью, целый. Жена была кровожадной, но не глупой. Только он мог вернуть ее домой. Он взглянул на спящую жену с удивлением и спокойно, покрепче прижимая ее к себе: каждую минуту он чувствовал, как бьется в ее теле нечто, с чем его связывала незримая нить, и что могло умереть только вместе с ним, в один час, в один миг. И вдруг он приподнялся, вслушиваясь в звуки ветра за стеной.

«Они спасены!» – понял он, сердце бешено колотилось. Даже если люди и черные оборотни, которые шли по их следам, чтобы остаться здесь навечно, разворошили кладовые, они спасены! Он толкнул жену, и она проснулась.

В пещеру вошли трое. Его Величество встретил их добродушной улыбкой, почувствовав, как вздрогнула и напряглась жена, вцепившись в его руку.

– Сколько вас? – спросил он, боясь выдать свою радость волнением.

– Десять человек. Чуть больше сорока пяти идут сами по себе. Они не хотят с вами. Пятеро остались, – ответил один из вошедших.

– Мы хотим попасть домой и сразу предупреждаем: мы не подпустим к себе вашу жену. Она у вас красивая, зато у меня работающая и людей не ест, – предупредил хмурый человек, который сверлил Ее Величество взглядом. – Пока вы спали, они тут черте что творили, и над вами издевались, – кивнул он на нее с осуждением. – Вы не такой, мы видели, и лучше бы вы оставили ее тут!

Его Величество взглянул на жену, которая расчесывала волосы, не обращая внимания на вошедших парламентаров. Два литра качественной крови, разбавленные и согретые его собственной, и то, что люди нагнали их в подножии, пошло ей на пользу, маска снова была на месте. Выглядела она как человек.

– У него есть что-то от огня, – взглядом предупредила его

она.

– Я знаю, я вижу, как он держит руки в карманах, – ответил он тоже взглядом. И произнес вслух: – Жена мне во всем призналась. Тот маг – он умеет управлять людьми на расстоянии, но мой статус выше, и я ему не по зубам. Вам надо подкрепиться, возьмите консервы и поешьте, как следует. Ковер-самолет здесь почти не работает, придется толкать его в гору, но через две горы будет легче. Он домчит нас всех домой после третьей горы за пару дней.

Он улыбнулся широко и приветливо. Ее Величеству нужно много крови, чтобы вернуть свою силу. Десять человек. Пятьдесят литров крови. Втрое больше, чем нужно. По крайней мере, он сохранит свои кровь и силы, чтобы нести ее на себе. После третьей вершины она сумеет идти сама. А у Проклятой земли их встретят оборотни, которые несут там круглосуточную охрану. Жаль, хорошие ребята, и кто-то мог бы стать вампиром... Он нащупал на бедре пистолет. Еще один с запасной обоймой висел на ноге. И меч – символ власти, все еще был при нем – а в кармане коробка с патронами и упаковка сонного зелья...

– Нам ковер-самолет можно взять? А то как в прошлый раз, выйдем, а вы нас оставите, – с обидой проговорил один из парламентариев. – Нам бы еще веревки, чтобы привязать друг друга.

– Да, берите, мы сейчас подойдем. Поднимайся любимая, скоро мы будем дома. – Его Величество кивнул на ко-

вер и снаряжение, оставленные в углу, слегка усмехнувшись. Справиться со связанными будет еще легче. Глупые наивные люди. – Продукты еще возьмите, они нам понадобятся в дороге, – Вытащил мешок, передав мужчинам. Зачем жалеть, если сюда уже не вернется. Зато не придется тащить на себе.

Минут через десять вышел, неся жену и вещи.

И остановился, побледнев и облившись ужасом.

Черт!

Черт! Черт! Черт!

Площадка перед пещерой была пустая. Его Величество скрипнул зубами, выхватил пистолет, но люди с ковром-самолетом были уже далеко. На нем сидело человек семьдесят. Долетели до первой пропасти, быстро спрыгнули вниз. Всех на ту сторону ковер переправил в четыре захода, загрузились и полетели дальше. На некоторой высоте ковер начал пробуксовывать. Несколько человек взялись толкать его вверх, часть народа пошла пешком, используя нечто вроде плетеных лыж. Его Величество смотрел на них, кусал губы до крови и не мог ничего сделать. Эти твари поступили, как самые настоящие вампиры. Никто прощать ему кровь не собирался.

Как они смогли его провести?!

– Без драконов мы те, кто мы есть в маске, не хуже и не лучше других, – Ее Величество тоже провожала подданных взглядом. – Драконы – это знания о людях, о том, что происходит вокруг нас, это страх и подчинение, а Котофей Баю-

нович – долгий приятный сон. Без них люди иногда просыпаются. Оставь патроны, они нам еще пригодятся, – Ее Величество закрыла лицо ладонями и зарыдала. – Мне так не хватает Матушки, тетки Кикиморы, отца, дядьки Упыря...

– Я достану нам дракона, из-под земли. Если надо будет, разбужу! – поклялся Его Величество. – Сейчас нам нужно выбраться отсюда. Главное, ты не должна сделать ни одного шага. О еде не беспокойся, еды тут припрятано навалом, и ковер-самолет у нас есть, под пятой горой, – успокоил он.

Он взвалил на себя рюкзак и Ее Величество и пошагал в ту же сторону, в какую улетел ковер-самолет.

Сидя на спине мужа. Ее Величество тихо плакала, чувствуя, как жгучая ненависть выжигает нутро. Ах если б у нее были драконы и она знала, что эти горы из себя представляют! Зачем она вообще сюда полезла? Послать бы с сотню оборотней и муженька, который только и мог отправить проклятую на тот свет. Чувства Его Величества были схожи, и эта ненависть придавала ему сил и объединяла их. Главное, до ковра-самолета добраться. О том, чтобы нагнать людей и убить их всех, он не помышлял, знал, что они спрячутся от него там, где останавливалась проклятая, а если начнет размахивать мечом, могут напасть сами. Среди них были опытные бойцы, которые могли оборотня уложить. Когда те бросились следом, некоторые встали у них на пути, давая время остальным убежать. И многие из них выжили, оборотней начало разворачивать.

Глава 14. Обычные будни героев

– Манька, ну чего сидишь, загадывай желание – Вершина Мира! – напомнил Дьявол.

– Странно, – задумчиво проговорила она. – После всего что было, мне хочется загадать, чтобы мы скорее оказались дома, – она посмотрела вдаль. Туда, где высились восемь пройденных ею дважды вершин. И прибавила: – Или чтобы хоть с пяток человек да спаслись!

– Так первое или второе? – нетерпеливо спросил Дьявол.

– Ну, если эти полусгнившие трупы нас с Борзеевичем не завалят, то дома я так и так буду. Второе... Так, стоп! Я скажу пять, ты пяток и спасешь. Давай так, спасаешь всех, кто желает спастись. И пусть у каждого будет шанс!

– Это некорректное желание. Ты просишь то же самое, как если бы загадала, чтобы тебя полюбил человек, который тебя не любит. Так только у нечисти бывает. Желание не может противоречить основному правилу: попытка насилия над сознанием. Иначе твое желание можно расценить, как попытку втянуть меня в разборки. Они что, слепые были, не видели, что каждый день ими объедаются? Их нет, их уже съели. А ты хочешь, чтобы я собрал дерьмо, которое осталось после вампиров и оборотней под каждым камнем, слепил людей, взял их под белы ручки и повел спастись?

Дьявол посмотрел на нее с таким негодованием, что ей

стало стыдно. А ей все равно хотелось, чтобы кто-то да спасся. Получается, зря они оставили стрелы и Дьявольский кинжал, может быть, самое дорогое, что у нее было. Она тяжело вздохнула и посетовала.

– Героям хорошо, у героев были слушатели. А кому я расскажу про наши подвиги?.. Мы замочили трех драконов! Трех! – она выставила вперед три пальца. – Положили кучу оборотней, порубали тучу вампиров! Илья Муромец какому-то соловью зуб выбил, а его до сих пор помнят, а мы чем хуже?! Чем ему соловей помешал? Сидел на дереве, свистел...

– Манька, он на его дереве сидел! – осадил ее Дьявол. – Ты своей свистульке зуб выбей, может быть, и про тебя не забудут! Ладно, потом загадаешь. Ну а ты, Борзеевич?

Борзеевич блаженно растянулся под стелой, любуясь огромной подписью Дьявола.

– А я бы пироги заказал – с капустой, с картошечкой, с грибочками, с малиной и творогом! И чтобы лесной, и чтобы водяной... Если нас эти покойнички не завалят!

– Борзеевич, ты про русалку забыл! – подсказала Манька.

– Так, стоп! – Борзеевич сел, почесывая затылок, не подоброму уставившись на Дьявола. – Ты меня на слове-то не лови! Я мое желание на потом оставлю! Я, может, избу хочу, как у Маньки. Чтобы и пироги пекла, и половицей скрипела. Надоела мне на лавке спать. Хочу, как Манька – на перине! Моим костям от этого только польза, а у нее, – он недовольно

ткнул в нее, – искривление позвоночника.

– Так две ж избы! – изумился Дьявол. – Забирай одну да живи, кто мешает?

– А баня?! – хором спросили и Манька, и Борзеевич. Один голос был радостный, второй возмущенный.

– А обычную построить да протопить – рученьки отпадут? Это все-таки не баня – изба! – пристыдил он. – Баней она за ненадобностью стала. А кому не обидно, когда ты ненужный? Ей бы расти, а некуда. Печка у нее тоже обучена пироги печь!

– Да, конечно, Борзеевич, забирай, – согласно кивнула Манька, покраснев. – А баню построим. Физический труд облагораживает. У нас самоделкин инструмент есть, сруб избы соберут, а собрать и поставить лесные помогут. Поставим на берегу, будет общественной. День мужской, день женской.

– А желание я потом скажу, подумаю еще, – Борзеевич собирался уходить.

– Борзеевич, какое желание? Ты сначала вокруг гор пробегись, да на Вершину Мира поднимись! – возмутился Дьявол до глубины Бездны.

– Так ты теперь это так?! – изумился Борзеевич, возмущенный обманом до глубины души.

– Борзеевич, ты желание задумал, я его продумал. Причем, не сходя с места. А то, что оно оказалось исполнимо – ничего не меняет! За один Манькин плащ ты мне обязан пять раз обежать вокруг гор! Ведь неисполнимое было же-

вание! Это, мать твою за ногу, знаешь, что? Это само пространство и есть! Ты хоть представляешь, сколько раз мне пришлось раскатать его, завернуть, убавить и добавить, чтобы замутить материю?! Новую галактику проще слепить, она не пространство в пространстве!

Манька и Борзеевич переглянулись, но каяться посчитали уж слишком.

– О, опять лезет! – воскликнула Манька, указывая на вампира, который показался на ступенях. – И чего это они, как драконы? У того хоть головы отрастали, а у этих одна! Шли бы себе с Богом назад...

– Ну так! – усмехнулся Дьявол. – Крыша Мира всегда была привлекательной. Дуреют. Сносит свою от перспективы иметь эту, а она, видишь ли, не всех греет...

– Это еще твой, – радостно сообщила Манька Борзеевичу, посчитав на пальцах по десяткам.

Борзеевич встал, плюнул на ладони, растер, вытащил из скалы меч, подошел к подъему, и когда голова вампиром показалась полностью, со словами «э-эх!» снес голову ко всем чертям. Безголовый трупик зашатался и, обращаясь в пепел, сполз по ступеням, вырубленным и Манькой, и Борзеевичем, и кем-то еще. Пепла накопилось столько, что ступени пора было подмести.

– Много еще их осталось? – спросила Манька, занимая место Борзеевича.

Борзеевич высунулся над пропастью.

– Штук шесть. Слабые они, немощь костей без мышц – явление доказанное. Но упорные. Я их даже зауважал. Не каждый рискнет забраться на такую высоту. Дьявол, я тоже удивлен. Дракон мертв, оборотни и люди съедены, впереди неизвестность, какого черта они полезли сюда за нами, когда проще вернуться?

– А где еще двое? – встревожился Дьявол, вскочив. Он приставил кругляки из пальцев к глазам. – Ух ты, мать честная! Несет! Ей богу несет! Посадил на плечи и несет, привязав веревками к шее! Да так ведь и без шеи остаться недолго! Мань, не хочешь полюбоваться на радость вашу? – с издевкой спросил Дьявол.

– Ну-ка, ну-ка, дай посмотрю! – Манька тоже поднялась и подошла к Дьяволу.

Дьявол приставил кругляшки к ее глазам. Через них горы просматривались, как на ладони. Даже участочек Благодатной земли был виден, и внутренность радостно зыграла. И только потом поймала в окуляры сгорбленную фигуру, которая несла на себе ношу. Тяжелы вампиры, но и человек был не слаб. Манькина земля кормила и поила его, в последний год частично ограничивая. Впереди у Их Величеств лежали еще четыре горы. Если так пойдет, через три – шесть месяцев выйдут на большую землю. Немного впереди них люди толкали в гору ковер-самолет. Драконов уже нет, а сотканное из драконьей шерсти изделие продолжало работать.

– Вот, Дьявол, а ты говорил, любви нет! Ты бы уж как-то

разобрался, пора им из гнезда выпасть и на крыло встать!

– Это ты сама, – открестился Дьявол. – Вон она, твоя соловушка... Вот и почувствуй, какой молодец был Илья Муромец! Отвалилась она? Поверь, эта соловушка еще попьет кровушки.

– Эка невидаль... Я этому соловью перья-то повыщипала. Может, и посвистит, но без драконов засвистись! Ладно, куда они от меня денутся? Поиздеваюсь еще. Поди, не все секреты Закона открыл? Только почему они идут назад, а не вперед? Мы бы их тут как героев встретили, – она повела плечом, не сумев скрыть досаду, и радостно екнуло сердце, когда заметила на четвертой и третьей вершине людей, которые готовились спускаться вниз, а кто-то еще поднимался. Их было много! На снегу ярко пылали костры, они о чем-то спорили с озабоченными лицами, разутые и раздетые, передавая друг другу теплые вещи, греясь по очереди, но не сломленные.

– О-о! – протяжно выдохнула Манька. – О-о! Бог мой!

– Невнимательно смотришь! – попенял Дьявол.

– Ветка горит! – порадовалась она, не смея поверить глазам.

– Вот именно! – Дьявол убрал руки от глаз кругляши.

– Так, твой вылезит! – позвал Борзеевич. – Видишь, как ручонками за землю цепляется! – закудахтал он, всплеснув руками.

– Сейчас мы эти ручонки-то поотрубаем! А ты пока иди,

полюбуйся, там нашу землю видно. И не зря мы добро оставили, Борзеевич! Людям оно приглянулось. Представь, если все они посадят неугасимое дерево в своем огороде?!

– Да ну! – обрадовался старик, и остановился, заметив, что Дьявол прячет руки за спину. – Ну, Батюшка, ну, родненький, ну хоть одним глазком! – помолился Борзеевич.

– Смотри, смотри! – Дьявол протянул ему руки. – Только так не увидишь, на камень встань.

Борзеевич вздохнул тяжело и радостно: далеко была Благодатная земля, а через кругляки близко. И горы стали как родные, будто на каждой горе родной дом, знаешь ее, как облупленную. И месяца не пройдет, как они будут дома, где их помнят и ждут. Интересно, изба обрадуется, если он похозяйски в ней расположится? У него уже давно не было дома, все время в бегах. Достал Прямолинейный Кристалл, полюбовавшись на свою мечту. В мечте он сидел на крылечке с подносом пирогов и пускал мыльные радужные пузыри, а они летели над водой и не лопались. Глупая была мечта, приземленная – он спрятал камень в карман.

– Ну, где они там?! – Борзеевич приблизился к краю обрыва, встав на колено и заглядывая вниз.

В это время над краем пропасти поднялась еще одна голова. «Фью-у!» – пропел меч. Голова отлетела в сторону. Манька начертила на скале аккуратный крестик. До дому оставалось четыре вампира. И еще двое, прибитые к ней гвоздиком. Одного так и придется тащить на себе всю жизнь, ближ-

него лучше не трогать. А соловушкой надо что-то делать, а то Дьявол заключет.

Глава 15. Там, где косенькая с косонькой

Группа подрывников из пяти человек поднималась первой. Валимира не знали, но его привел Виткас – и никто не сомневался, что свой. Старший по группе Иван похлопал парня по плечу и, не раздумывая ни секунды, обнял его, как старого знакомого, который пропал и вдруг объявился, и лишь хмуро взглянув в сторону начальника экспедиции, который внезапно проявил интерес, допытывая, кто такой и почему вдруг решил стать подрывником.

– Наш это парень, наш! – подтвердил Бабеля, который оставался за старшего вместо Ивана, если вдруг приходилось разрывать отряд подрывников на две, а то и три группы. Оба они были примерно одного возраста, но Иван щуплый и невысокий, а Бабеля – косая сажень в плечах и видом грозный. – Знаем его, как облупленного! Работал с нами...

– Сколько?

– Года два... За большим рублем погнался...

Бабеля остался внизу, с четырьмя подрывниками, с которыми Валимир познакомиться не успел. Их сразу после падения дракона отправили на гору собирать раненных, и увидел ребят, когда тянули жребий Бабеля и Иван.

Антон и Дан вызвались сопровождать Ивана сами. Но и с

ними познакомиться как следует не удалось. Времени не было. Поднимались без слов и быстро. Валимир не переживал: все впереди – успеет. Главное, новый друг рядом, который ему поверил, рюкзак с заветной ношей за плечами и в лагере их нет! Изредка он ловил подбадривающий взгляд Виткаса, понимая, что он думает о том же.

Их сопровождали десять оборотней, неразговорчивые и недовольные. Им пришлось тащить взрывчатку, которую подрывникам не доверяли, часть оборудования и свою часть ноши. Продовольствие всем выдали на неделю, кроме того у каждого был полный комплект снаряжения, теплые вещи, палатки и спальники. Очевидно, охранники друг друга хорошо знали и понимали с полуслова. Иногда двое или трое молча сворачивали в стороны. В этих горах, кажется, не было места для стольких людей. Горы уходили вверх почти отвесно. А если и были площадки для размещения лагеря, то небольшие, скалистые, над которыми висели тонны снега. Зато гроты и пещеры зияли своими дырами в стенах пропастей, до которых было не добраться.

Вышли сразу после гибели дракона, спустя часа полтора. Рассчитывать приходилось только на свои силы. Пятнадцать человек поднимались быстро.

– Может быть, тут?

– Не-а, тут нет земли, только снег, – повернулся Виткас, засмотревшись на место, на которое показал смотрящий.

– Много понимаешь! – разозлился смотрящий из оборот-

ней. – Проверьте.

Один из пяти подрывников снял рюкзак, заложил динамит и вернулся на ступени.

Снег сошел сразу, обнаружив под собой пропасть.

– Я же сказал! – ухмыльнулся Виткас, подбрасывая рюкзак и поднимаясь вверх.

Вечерние сумерки напоззли на скалы. Внизу, в подножии, где остался лагерь, плескалась тьма, поднимаясь все выше и выше. Здесь было еще светло от сияния белесого неба, освещенного солнцем из-за гор. Наконец, Виткас остановился и сам указал место.

– Здесь! – место было непримечательное и, на первый взгляд, площадка под палатки довольно узкая.

– Но здесь ничего нет! – прикрикнули на него сзади.

– Есть, – ответил Виткас, зарисовывая схему расположения взрывных устройств.

Спорить не стали. Подрывники работали быстро.

– Воткни кол в той пещере, вытащить людей оттуда ночью будет не так легко... – горячо прошептал Виткас Валимиру, когда тот вернулся, оставив динамит подрывникам. Он указал на узкий проход между двумя скалами и зияющую дыру за ними. Дыра была вытянутой и, скорее, походила на расщелину, чем на проход в пещеру. Через трещину к ней вел небольшой мостик, по которому мог пройти свободно лишь один человек.

Валимир понял друга с полуслова. Протиснулся по высту-

пу и вошел в пещеру, вынув один из кольев. И кол сразу же загорелся в руке, как факел.

– Эй, ты куда?! – закричал ему вслед оборотень. Но отвечать не пришлось, за спиной прозвучал виновато лебезящий голос Виткаса.

– Это я его послал. Все на площадке не поместятся. А вдруг там есть еще место...

Никаких знаков присутствия в этой пещере людей не было. Пещера была огромная, с высокими сводами, с нависающими сталактитами и сталагмитами. Уходила вбок, заканчиваясь несколькими разветвленными узкими ходами. Пожалуй, один кол погоды не сделает. Он вытащил еще пять дубин, и воткнул их на равном расстоянии друг от друга, присыпав землей и осыпавшимся щебнем. После этого сел и попросил дерево свершить чудо, затянув корнями пол пещеры. Вряд ли оборотни догадаются, что это он посадил неугаемое поленье дерево, если дерево успеет разрастись, спишут загрязнение на прошлое посещение троицы. Само дерево оборотни и вправду не чувствовали. Они поднимались со стрелами, и никто их ни в чем ни разу не заподозрил. Даже на посохи посматривали равнодушно. Посохи старались надолго на земле не оставлять. Или, может быть, ступени перебивали запах стрел, они были теплыми и чистыми от снега, и ни он, ни Виткас не сомневались, что кто-то специально оставил здесь дерево, узнавая кольшки, вбитые в камень. Возможно, дерево умело маскировалось, как тогда, на поля-

не, определенно имея мозги.

Зато оборотни и вампиры хорошо чувствовали огонь, который исходил от него...

Он торопливо вышел, показав Виткасу два пальца. Два часа для неугасимого дерева, наверное, должно было хватить. В прошлый раз щепка пустила корни за полчаса.

– Поднимаемся вверх, – приказал Виткас.

– Так, может, нам в пещере укрыться? – предложил один из оборотней, наблюдавший за Валимиром.

– А если ее во время взрыва завалит? Ты уверен, что тебя будут откапывать, или хочешь сдохнуть похороненным заживо? Мы не знаем, какая здесь порода, – посмеялся он, начиная подъем первым. – Так надо, лучше перестраховаться.

Иван слегка удивился, но последовал за Валимиром, шикнув на Дана и Антона, которые собирались поспорить. Оборотни неохотно последовали за ним. В виде людей они тоже уставали, и многие мечтали о спальном мешке. Но Виткас не торопился, поднимался медленно, внимательно присматриваясь к растущим с обеих сторон снежным заносам. Наконец, остановился и махнул рукой.

Раздался взрыв, и снежная масса покатилась вниз.

– Наших не раздавит? – испугался один из оборотней.

– Куда там! Не заметили разве, ступени расположены по спирали? Лавина уйдет в сторону, – добродушно проговорил Иван. – Прямо на эти горы не подняться. Да и снега сошло не так много, как я ожидал.

Снег и вправду застрял много ниже того места, на котором они остановились. Обратно спускались так же не спеша, проверив еще парочку опасных мест, откуда на лагерь могла скатиться напасть. Обратни сразу направились к пещере и через несколько мгновений вывалились из нее чертыхаясь.

– Мне, кажется, эти горы пропахли огнем насквозь, – раздраженно бросил один из них. – Но троицы в ней не было, только этот... – он кивнул на Валимира.

– Вы хотите сказать, что это я ее заразил?! Так вы сами послали ее обследовать, – возмутился Валимир, недовольный упреком. – Где бы я вам взял заразу? Может, маг, который не пахнет? Честно говоря, я вообще не понимаю, что за огонь? Вы бы хоть объяснили... Я ничего не почувствовал, мне там хорошо будет. Ребята, кто со мной? – он поднял руку.

Остальные четверо подрывников сразу поддержали его и поднятой рукой, и недоумением.

– На самом деле, объяснили бы по-человечески, а то у нас никто не понимает, о чем речь... Все про него говорят, а показать не могут, – ворча, Иван вошел в пещеру первым. – Лучше я сгорю, но высплюсь. Завтра еще один подъем. Вы идете? – решил он и позвал остальных.

Виткас направился следом. За ним Валимир и еще трое подрывников. Спать на огненной земле им было не впервой, и все пятеро втихаря радовались, что отогреются.

– Ладно, – согласился старый оборотень, проводив их до мостика. – А мы поставим палатку и разведем огонь. Через

час будем ужинать.

– Ребята, я не знаю, что вам не спится с нами – сколько раз останавливались на такой земле, ни один из наших даже насморк не подхватил, но, раз нам не придется ставить палатки, ужин нам проще приготовить, – простодушно предложил Виткас.

– Отдайте им продукты. Пусть готовят на всех, – согласился старший. – А лучше иди с ними и помоги, – приказал он одному из своих. – Ты у нас за кашевара, вот и займись делом. Наши тоже пока все целые.

– Есть! – отсалютовал оборотень, отправляясь вслед за подрывниками, которые несли продукты, и за подрывниками, которые протискивались в пещеру за ними.

Огонь развели на одном из мест, где Валимир посадил поленья дерево. Огонь вспыхнул ярко, но оборотень не удивился. Он быстро сварил в сложно устроенном ведре, которое складывалось до сковородки, кашу с тушенкой, нагрел еще два котелка воды, один побольше, второй поменьше, заварив крепкий душистый чай. Пятеро подрывников уже разложили спальные мешки и грелись у огня, дожидаясь ужина.

Валимир и Виткас переглянулись, когда оборотень, сославшись, что ему надо позвать остальных, на пару минут вышел.

– Быстро, быстро, быстро! – вскричал Виткас, обнаружив такую прыть, будто не лез в гору целый день.

Но Валимира не стоило поторапливать, он уже держал

маленький котелок прихватом. Чай из него слили по кружкам, наполнили из большого котелка, который предназначался оборотням, недостающее долили из кружек, быстро вытерев кружки полотенцем. Трое других подрывников следили за ними в ужасе, но или ужас приклеил им языки, или подозрение, что все это не спроста, когда через две минуты, когда вернулся повар и потянулись один за другим оборотни со спальными мешками, чтобы не сидеть на голой земле, все выглядело точно так, как когда повар ушел за остальными.

– Тепло тут у вас, уютно, – сказал один из оборотней, стравивая снег.

– Так и мы не понимаем, какого лешего вы там, а мы тут, – проговорил один из подрывников обиженно. Тепло, светло и мухи не кусают.

Дружно поели. Чай разливал повар, пятерым подрывникам из маленького котла, сопровождающим и поднимающим динамит из другого. Оборотни поснимали с себя теплую одежду, кто-то ходил за своим рюкзаком и переоделся в чистое, потеревшись снегом.

– Чего делать-то будем, если один из них вырубится раньше, а остальные не заснут? И мы не уснем... Похоже, они ждут, когда мы вырубимся, – тревожно прошептал Валимир, наблюдая за тем, как все десять оборотней с усмешкой поглядывают на них. – Как-то бы их отвлечь друг от друга.

– Через сколько оно действует? – так же шепотом поинтересовался Виткас.

– Примерно через полтора – два часа, если судить по тому, через сколько отключился ты... Но я думаю нам фигачат двойную дозу, у нас ужин на полтора часа позже, а уснуть должны вовремя...

Виткас кивнул, и сразу широко улыбнулся.

– Ребята, давайте хоть познакомимся, а то столько вместе, а по именам друг друга не знаем.

– Не положено, – ответил старший оборотень. – Собирайтесь, – приказал он своим.

– И под коньяк? – опешил Виткас, вытаскивая бутылку коньяка, пуская ее по рукам. – Царев коньяк, мы его к столу Их Величеств поставляем! Кто вас тут увидит?

Оборотни зашумели, принимая бутылку из его рук. Бутылка пошла по рукам.

Трое подрывников смотрели на Виткаса с немим изумлением, разинув рот. Иван попробовал его остановить. Виткас хранил домашний выдержанный коньяк на особый случай, и ребята его понимали, старались поддержать, особенно теперь, когда он потерял брата и старался не показывать виду. Вот это и удивляло больше всего: его напускная веселость никак не вязалась с последними событиями.

Заметив хмурый взгляд Ивана и его опустившиеся плечи, Виткас добродушно улыбнулся.

– Тяжело таскать, Иван, – он виновато посмотрел на него. – И печень пошаливать начала... Да и помянуть бы... Но горе-то не у них, у меня, чего ж настроение людям пор-

тить?

– Своим бы... – расстроился Иван, кивнув, и расстроился еще больше, когда Валимир к нему обернулся и прижал палец к губам, осуждающе покачав головой.

Расстроенный Иван оборотней лишь подзадорил. Антон и Данька держались в стороне, собираясь юркнуть в пещеру, но их остановили, и оба, недовольные, залезли в спальники. А когда Виткас вытащил бутылку коньяка, зашевелились, придвигаясь к огню поближе.

– Ну, наливай, коли не жалко, – согласился оборотень.

Виткас разлил коньяк, наливая всем смотрящим ровную долю, чуток обделив своих.

– А что это вы себе так мало? – подозрительно покосился один из оборотней.

– Так мы ж давно друг друга знаем! Закон гор, для гостя не жалея, на себе экономя...

– Первый раз про такой слышу, – с одобрением произнес оборотень и тут же отвлекся, чокаясь кружками с остальными.

Коньяк выпили быстро, недовольно покосившись на пустую бутылку. Как-то по-особенному посмотрели на старшего по охране. Для разогрева спирт людям выдавали, но небольшими порциями, по пятьдесят и по сто грамм, и только тем, кто долго работал на снегу.

– Ладно, – старший оборотень махнул рукой.

Он вышел и через пять минут вернулся с бутылкой спир-

та. Его слегка развели и подогрели. На этот раз разлили всем поровну по пол кружке, но Виткас недовольно покосился на товарищей.

– Нам взрывать, а это, знаете ли, с похмелья не делается, – виновато произнес он.

– Ну так, и давай обратно, – обрадовался один из оборотней, подставляя кружку. За ним потянулись другие.

– По глотку-то можно, – разрешил Иван, осудив Виткаса, заметив обиженные лица Дана и Антона.

Оборотни расслабились. Между ними завязался разговор. Но глаза пьянели не у всех. Валимир и Виткас в ужасе переводили взгляд то на одного, то на другого, замечая, что глаза некоторых начинают тускнеть, а зрачки становятся расширенными, другие держались, и многие из них засобирались, поняв, что спирт закончился и другого не будет.

– Я это, я в танцевальной группе... По стриптизу мы... – улыбнулся Валимир, нехотя поднимаясь. – С Зулейкой и Ибн-Ибрагимом... По другому их звали, но я их такими запомнил. Погибли они под лавиной вчера... Эх, что-то меня пробрало... – он сделал скорбное лицо, почтил их молчанием и вернулся в обычное равнодушное состояние. Потом слегка опьянел, поднялся и прошелся по кругу, хлопая в ладоши и старательно работая животом и попой, как учил Зуля. – Мани, мани, хрен в кармане... – запел он. Пощелкал пальцами, слегка заискивающе посмотрел на Ивана и томно облизнул губы, поработав во рту языком, слегка закатил гла-

за, заметив, как округлились глаза у Ивана, а лица у Дана и Антона вытянулись, покрываясь пятнами от стыда. Но оборотни расслабились, рассаживаясь удобнее в ряд и освобождая для него место. Для них это было не в новинку.

Лишь бы не смотрели друг на друга...

Танцевать долго не пришлось. Валимир едва успел снять себя рубашку и расстегнуть брюки.

– Чего это с ними? – озабочено поинтересовался Иван, кивнув не свалившихся мертвым сном. У некоторых глаза так и остались открытыми. Потом повернулся к Виткасу и с осуждением произнес: – Не ожидал от тебя... Ты это... скажи ему, пусть уходит... нам срама не надо...

– Часа не прошло, полчаса всего лишь, – заметил Виткас, пропустив слова Ивана мимо ушей. – Дядя Ваня, срамота здесь, – он ткнул рукой в оборотней. – Мы должны были быть на их месте, а он, — Виткас кивнул на Валимира, – нас здорово выручил.

– Это алкоголь, бабка такое зелье варила, знаю, как оно действует, – ответил Валимир. – Сколько времени?

– Десять... Припозднились мы сегодня. Обычно в девять спим...

– Зато встаем рано. До двенадцати надо ждать, кто-то должен несть охрану.

– А нам торопиться некуда, – Виткас пожал плечами. – И ребят надо помянуть. По-человечески.

– Да что случилось-то?! – распереживался старший по

группе Иван.

– Дядя Ваня, лучше не спрашивай, это надо увидеть, потому что словами не расскажешь, – попросил Валимир.

И Виткас кивнул:

– Дядя Ваня, я ему верю.

Время пролетело незаметно. Рассказывали о себе. В основном Валимир, остальные друг друга знали. Но он был задумчив и свою жизнь открывать не торопился, как когда открыл ее перед Виткасом. Знал, не поверят. Порылись в рюкзаках оборотней, нашли еще заварки и сахара, достали банку тушенки. Иван успокоился только тогда, когда он рассказал, как познакомился с Зулей и Игорем, которые зарабатывали на этом неплохие деньги. И было до слез обидно, что их сгубила мечта. Обычная человеческая мечта стать чем-то большим.

Незаметно время приблизилось к полуночи.

– А сейчас представление будет почище того, которое я вам показал, – усмехнулся Валимир. – И тебе, Виткас, посмотреть полезно. Айда на улицу! – позвал он всех, вооружаясь биноклем и подавая пример. Четверо подрывников последовали за ним, последним поднялся Иван. Он не понимал, что затеяли два парня. Одного он знал, а во втором было что-то отталкивающее, но не так чтобы очень. Ловко он провернул с чаем – подумать страшно, что их поили отравой.

Но как он вел себя... Не к добру это.

Лагерь с высоты чуть в стороне просматривался, как на ладони, ярко полыхали костры. Дров не жалели, наготовили с избытком, леса в низине было достаточно. Ночь стояла тихая и безоблачная, на небе зажглись огромные яркие сияющие горошины. Из-за дальних гор выплывала нарастающая луна, которая уже нарастила бока и должна была вот-вот завершить цикл.

– Чего мы тут высматриваем-то? – спросил один из подрывников тревожно.

– Ночного зверя, – ответил Виткас, отметив, что людей в лагере возле костра стало больше. Они заполонили весь участок, который занимали высокопоставленные лица. Костры возле их палаток загорелись ярче.

И вдруг ночную тишину прорезал крик, который достиг ушей, прокатившись между горами громким эхом. Все пятеро вздрогнули и облились ужасом.

Представление началось...

– Что это? – в ужасе прошептал Иван, сглотнув слюну.

– Вампиры, – ответил Виткас, не глядя в лицо Валимира.

Лица всех пятерых были белыми, как снег. Никто не произнес ни слова, пока вампиры просто резали людей. Когда начались издевательства, двоих вырвало со скалы, и блевотина полетела вниз, забрызгав вход в пещеру,

– Они нас убивают? – хрипло, шепотом, спросил Антон, голос его сорвался.

– Нет, поздравили с днем рождения, – удивительно спо-

койно произнес Валимир, затапывая рвотные массы и сбилая носком ноги вниз, стараясь не смотреть туда, откуда доносились крики. Два дракона, которые были далеко, почувствовали его кровь и приближались, и как всегда левая половина стала липкой и тяжелой. Теперь, когда картины ужаса, которые творились в лагере, были перед глазами кого-то еще, с кем он мог разделить свое бремя, ему стало легче, а сознание как будто отключилось, отказываясь верить в то, что происходило внизу. Его самого поташнивало, хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать крики, которые усиливались, подхватывались и многократно повторялись эхом.

– Но зачем? За что? – отчаяние вырвалось сразу из трех глоток.

– Жрать хотца, – ответил Валимир зло, привалившись к стене. – Воскресшие мертвецы... А Спаситель наш, разве не воскресший мертвец? Вот, дядя Ваня, умер ты... Пролежал три дня. Вонять начал. Люди и через день пахнут гнилым. Захотел бы, чтобы тебя воскресили?

Иван растерялся.

– Люди умирают, не для того, чтобы воскреснуть, а освободиться от брэнной оболочки, и предстать перед Богом. А эти... эти Бога боятся. И поднимают мертвеца, как мечту. А где он? Если он смог вложить персты в свои ребра, и то видели его, то не видели, кто он? Привидение? Хочешь ли ты, дядя Ваня, стать привидением?

– Но ведь добру учит! – недобро посмотрел на Валимира

Иван.

– Это, Ваня, он нас с тобой учит, чтобы мы баранами остались, а их, пастухов, он учит другому. Вот этому он их учит. Смотри, Виткас, они шутя... одному Зов накладывают, другому Проклятие... Не настоящий, человека там нет, будет работать, как у меня, не вампир, не оборотень... – проклятый. А тех, кого с особым цинизмом убивают, без охаивания – это они оборотня себе верного делают. Но на той стороне женщины, они им без особой нужды, разве что продать собачку.

– Раньше люди их боялись, – мрачно произнес Виткас, присаживаясь на корточки рядом с Валимиром. – А теперь как бы нет, а если нет, то и бояться некого. Все, что творится там, за горами, мало чем отличается от того, что происходит здесь, просто мы не видим, не хотим смотреть.

– Дак, мужики, спасти людей-то надо... – потрясенный Иван присел по другую сторону от Валимира. Руки у него тряслись, и сам он осунулся. – Вы бы мне сказали, я бы остался... Всякое видел... Но это... Где же Бог? Куда он смотрит? Что делать-то?!

– Пройти мимо двух ангелов и вращающегося меча, взять от дерева жизни и поесть... – Валимир постучал себя по лбу. – Вот здесь это дерево. Человек и душа его, как два ангела... И круг и меч тоже тут. Нет души, и не чувствует человек боли, глаза видят, а ум не принимает. Вы думаете, они сейчас что делают? Они дерево убивают... И он это дерево –

Дьявол, который Жив. – Валимир показал рукой на лестницу. – И знаете, что?...

– Что? – спросил Виткас отрешенно. Слушать вопли, которые разносились эхом и достигали ушей, было невыносимо.

– Мне не страшно, не больно, не стыдно говорить об этом, как когда я звал людей верить в то, во что верил, но не мог показать. Их бояться надо... – Валимир зло сплюнул. – Мы не в Раю, мы на земле, где сам Бог растит тернии и волчиц, чтобы те убивали человека. Полюбуйтесь на них. А полевая трава – муть, которую мы едим, которой они нас кормят. А кого у нас живым почитают больше Спасителя? Правильно, Дьявола. Того самого Дьявола, который может в ум человека залезть и по головке погладить. Мы против Бога прем.

– Так мы что же, за Богом гонимся?!

– Не гонимся, гоним. И копаем себе могилу. Начальство наше закончит с нами, примется за оборотней. Потом начнут друг друга пожирать, если в том есть хоть какая-то польза.

Крики стихли. В лагере начали расходиться по палаткам. Иван взглянул на спящих оборотней.

– А почему мы их усыпили? Им бы тоже знать. Тогда мы могли бы бежать.

– Дядя Ван, они знают. Они охраняют нас, чтобы мы не сбежали. Это оборотни. В полнолуние и они нас запросто могут сожрать, – предупредил Валимир, отбрасывая осторожность и протягивая каждому по стреле. – Вот, убить их

можно только этим...

– Надо бежать, – проговорил Иван охрипшим голосом.

– Не получится, враз догонят. Это оборотни, они хуже зверя, —втыкая стрелу в землю, ответил Виткас. Стрела загорелась. Он и хотел бы не верить Валимиру, но сам видел.

– Если верить легендам, эти бегают в десять раз быстрее, в десять раз выносливее, и не умирают от обычных ран, – Валимир с неприязнью посмотрел на оборотня, развалившегося перед ним. Тот не раз подгонял его, тыча в спину дулом автомата. – Так хочется ткнуть в одного и проверить, как наше оружие работает, – сказал он со злостью. – Дядя Ваня, Дан, Антон... Не могли бы вы прикрыть нас, если докопаются до наших рюкзаков?

– Конечно, а что делать? – оживились ребята.

– Импровизировать... И постарайтесь выжить до полнолуния. В полнолуние оборотни уйдут в погоню за Дьяволом, Маней, и Борзеевичем. Тут их останется немного. Полнолуние через пять – пять дней. Тогда мы попробуем сбежать.

– Значит, это они Мирку... Брата твоего... – и Иван, и Дан, и Антон смотрели на Виткаса с болью в глазах.

Он кивнул. Воцарилось долгое молчание.

– Если я пойму, что меня собрались сожрать, черта с два буду ждать! – впервые подал голос Данька. – Я вон, со скалы сброшусь, и пусть они за мной лезут!

– Эти полезут, – похлопал его по плечу Валимир. – Запомните, в лагере чай, приготовленным для жратвы, наливают

из белого чайника. Чай всегда кому-то не хватает – вампиры не любят с отравой...

– А ты откуда знаешь?

Валимир порылся в кармане у оборотня, который готовил еду. Он вытащил упаковку таблеток с сонным зельем.

– Слышал разговор... Или отправляют из лагеря и приводят ночью. Тогда надо бежать. Лучше от пули сдохнуть, чем от издевательств. Так что пьем в лагере чай первыми, и спим независимо ни от каких обстоятельств. Раскроемся, сразу забьют насмерть, невзирая спим мы или не спим. Прежде, чем сообщить человеку – готовим, и обязательно лишь после того, как я одобрю.

– С чего это? – разом вскинулись двое. – Спасать надо всех!

– А вы оборотня от человека отличите? – с иронией поинтересовался Валимир. – У них отметина есть, но не все могут рассмотреть. Даже я иногда ошибаюсь. Пусть каждый берет на себя одного, который не должен знать, кто у нас главный. Людей надо подготовить. Спасаем будем столько, сколько сможем.

– Куда бежать-то? Тут бежать некуда. Мы у них на виду. Если, как ты говоришь, это оборотни, они нас враз отыщут.

– Не назад, вперед. Нам эту троицу нужно нагнать, – твердо заявил Валимир.

– Это... подождите... Люди в лагерь пришли со стороны. Если посылают целыми отрядами, чтобы вернуться, когда

все спят, значит, они нас тоже боятся?

– Это что-то новенькое. А если ребята не вернуться? Забыли, заблудились, провалились в пропасть...

– А оборотни? Их же охраняют!

– Эх, если бы оружие было! Стащить автомат и перестрелять всех. И опознать не трудно, они же нас за людей не считают.

– Их пуля не берет. Серебро надо.

– Если наделать дырок и башку отрубить – не оживет. Видели, как они на горе подышали?!

– Логично. Можно и автоматом. Но серебро надежнее.

– А если оборотни за троицей уйдут, как догоним? Они и их поймают, и нас заодно! За ними еще драконы уползли...

– Не знаю, но догнать нужно. Дьявола им не достать. Борзеевича могут и достать, и убить. Но Маньку, если поймают, вряд ли убьют. Поверьте, она им нужна живая. Нас, проклятых, загоняют, чтобы мы сами... А мы ее отобьем – и она нас к Дьяволу приведет. В любом случае, мне надо прогуляться по горам. Назад мне нельзя, меня там беда еще похуже ждет.

Виткас уставился на Валимира, совсем как в первый раз, когда услышал от него о вампирах.

– Ты что, сдурел? Если судить по тем, кому все можно, а кому нельзя, людей среди нас не так уж много. Я склоняюсь к мысли, что мы – пища, – он неопределенно кивнул в сторону лагеря. – А все остальные идут за этими тремя. Ты хоть представляешь, сколько их впереди? Как мы их отобьем?

– Правильно, правильно! У них в земле схватить эту троицу не получилось, они решили, что здесь легче будет! Я об этой горячей точке много слышал, – поддакнул Данька. – Сосед у меня вернулся, так мы всей деревней к нему ходили послушать. Там яблоки – во! И эти... Всякие растения... – глаза у него загорелись.

Виткас обернулся к нему.

– Троица тут ни при чем, – ответственно заявил он. – Их тогда в той земле не было, они тут были, в горах. Я просчитал. Они ушли в горы зимой, а вернулись после всех этих событий. В одной из пещер календарь был нацарапан, они пытались посчитать, сколько они в горах и сколько у них уходит на подъем. В прошлый раз они медленно шли. А когда вернулись, снова в горы подались. Наверное, что-то связанное с драконами достать. Видали, как в пыль обратился?

– А кто же тогда воевал? – изумился Валимир. – Получается, они скоро год в горах

– Сейчас октябрь? Десять месяцев.

– Круто! А я думал, больше месяца не протяну... – Антон восхитился.

– Ладно, давайте спать, утро вечера мудренее... – предложил Данька. – Ой, с этими спать... Я, наверное, уже не усну...

– Я вот что придумал, оборотни шибко-то стены не рассматривали. А наши придут, почитают. Надо им письмецо бы оставить, – предложил Иван. – Я свою подпись черкну,

Бабеля ее узнает, сразу поймет и поверит.

– Нет, здесь нельзя. Тут все обнюхали, доложат, сразу на нас подумают. Надо пещеру найти, где эта троица останав-
ливалась, – остановил его Валимир. – Да только как найти?
И написать не успеем, опять обнюхают.

– Наших в любом случае предупредить надо.

На следующий день с утра проснулись как обычно. Было уже засветло. Спальники, одежда и рюкзаки оборотней ле-
жали рядом, как их положили с вечера, а самих их не было. На это как-то не сразу обратили внимание – никто не знал, что от них ожидать. Возможно, ушли на разведку, такое с ни-
ми тоже бывало, или заблудились в пещерах. Посовещались, продумывая мелочи, чтобы оправдаться, когда те вернутся, немного удивившись, что их не разбудили. Немного проспала. Пора было завтракать, но решили оборотней подождать.

Антон, чем-то похожий на Ивана, невысокий, с рыжими волосами и веснушками, высунулся из пещеры до ветру и за снегом, тут же вернулся, бледный, как смерть. Он что-то пы-
тался сказать, но губы дрожали, рот открывался беззвучно, а рука тыкала пальцем в сторону входа в пещеру.

Глядя на него, перепугались все. Кто-то подал ему воды.

– Там... живой оборотень! – он снова ткнул пальцем на вход.

– Тьфу ты! Ты нас всех так раскроешь... – рассердился Валимир. – Они и вчера живые были. Умер бы кто, вот был

бы страх, точно на нас свалили бы.

Валимир поднялся и вышел. Пора было устанавливать сигнальные ленты и отправляться дальше. Но спустя мгновение он вернулся еще бледнее, чем его спутник. Антон все-таки был южанин, и бледность его лица закрывал серый налет загара.

– По-по-хоже пол-пол-нолуние началось... – слегка заикаясь, произнес Валимир и посмотрел на товарищей таким взглядом, от которого по спинам побежали мурашки.

– В смысле? Кто-нибудь объяснит мне...

– Они там! – Валимир пришел в себя. – В зверей превратились. Все десять. Я сосчитал. У палатки сидят.

– Это мы их? – тихо простонал Антон.

– Как? Сонным зельем? Нет, тут что-то другое...

– Земля... – возбужденно вскрикнул Данька, который вечером рассказывал про соседа, успевшего поучаствовать на войне с проклятой землей. Глаза у него просияли. – Здесь земля такая же, как там, за горами. Там люди тоже в зверей превращались, а обратно никак!

Валимир и Виткас переглянулись.

– Суки! А нам-то что делать? Может, стрелы опробуем? – деловито предложил Виткас, загоревшись идеей.

– Не спеши, подумать надо, – Валимир нервничал, но он уже пришел в себя, тогда как остальные тряслись, стуча зубами. Махнул рукой в сторону зверей: – Им, похоже, сюда не сунутся. Мы спали, опоенные зельем. Было холодно, внизу

еще тепло, а здесь мороз. Пили. Коньяк... спирт... Я показывал стриптиз. Вырубилась. Они, похоже, тоже уснули, но еще не спали... Мы проснулись, а товарищей нет. На улице собаки какие-то. Перетрухали. Сидим, не знаем, что делать... Какой с нас спрос?

– За раскрытие государственных секретов нас могут к столу вперед на очередь поставить! Какой спрос? Да без спроса! – с ужасом вскрикнул Виткас. – Бежать надо...

– Бежать бесполезно. Если за нами оборотни погонятся, нас за час словят, – голос Валимира становился увереннее. – У Дьявольской банды опыт есть, а на моем счету ни одного оборотня. У нас стрел всего штук сто пятьдесят, и кольев штук двадцать. Но их можно срезать на ступенях... А как мимо этих? – Валимир кивнул на вход.

– Предлагаю замуровать себя в пещере, – деловито предложил Данька. Дану было тридцать, но выглядел он много моложе Антона, которому едва стукнуло двадцать три. – Обвалим вход. У нас же динамит! Мы здесь долго сможем продержаться. А что, продукты есть, теплая одежда есть, даже ваш огонь... ветка ваша...

– Тоже выход. Но лучше не здесь, там, – Валимир кивнул в сторону задней стены. – Надо пещеру исследовать, там ходы... Оборотни и вампиры еще не скоро сюда поднимутся.

Все пятеро начали успокаиваться. По крайней мере, надежда была.

– Вы, пацаны, как хотите, а я, если выживу, буду неделю

бухать. Надо бы поесть.

Все согласились. После пережитого Антон уже тоже пришел в себя.

Поели. Зажгли ветви неугасимого полена и двинулись в глубь первого прохода. Сразу за вторым поворотом пещера расширялась, упираясь в широкую и глубокую яму, заполненную водой. Дно ямы едва просматривалось. Дальше пещера круто уходила вверх узким проходом, из которого с журчанием вытекал небольшой ручей, заполняя яму. Двое тщательно изучали породу, из которой состояли стены.

– Это не гора, а кладовая... – с удивлением произнес Данька, который, скорее, был любителем, чем специалистом. Он и на геолога выучился, чтобы собирать камни со знанием дела. Не в пример остальным глаза его горели ярче факела. – Я бы тут пожил еще... Гора несомненно образовалась двумя способами: вулканическим и поднятием грунта в следствии наезда одного плато на другое. Мы чуть выше ее основания. Тут смешанные породы. Но само расположение гор... – этого я объяснить не могу!

То тут то там росли друзы альбита, достигающие порой громадных размеров. Вдоль тянулась золотая жилка, едва приметная среди блеска золотой обманки. Дно устилали обломки малахита, кварца и горного хрусталя. Ковырять золото не стали, все понимали, жизнь дороже. Данька поднес к проходу факел, чуть приподняв, и все замерли. Огонь не шелохнулся, дым поднимался и ровно рассеивался. Тяга отсут-

ствовала.

– Здесь нет выхода, там дальше обвал, – сказал он с некоторым сожалением.

Вернулись. Прошли еще одну пещеру и вернулись из третьего выхода. Внизу люди карабкались вверх, но были еще далеко. Звери по-прежнему дежурили у входа.

– Если и тут нет выхода, тогда нам крышка. Первыми всегда поднимались эти...

– Оборотни, – подсказал Валимир, недовольно поморщившись. Виткас часто избегал называть вещи своими именами.

– Скоро эти будут здесь, и тогда нам не скрыться. Они поймут, что мы здесь. Рассчитывать можно только на то, что из-за пяти человек они не будут задерживаться, чтобы нас откопать. Но много времени у них это не займет.

Лица у всех стали хмурыми и озабоченными.

Третий проход уходил все дальше и дальше и через некоторое время разветвился на несколько ходов.

– Нам вверх бесполезно, – остановился Данька. – Там нет... нет выхода... Там снег и обвалы. Представьте, что снег и вода скапливались вверху, и таяла, и искала выход... Нам сюда... – он повернул в сторону.

Нитка, которую они оставляли за собой, почти закончилась, когда факел начал дрожать. Вход закрывал снег. Его пробили и увидели, что висят над пропастью недалеко от того места, где находился вход в пещеру.

– Здесь самое то переждать, – обрадовался Иван. – Если отсюда на веревке вниз спуститься, можно на лестницу попасть... – Он указал на выступ метрах в сорока который упирался в ступени. И не унюхают, ветер только в другую сторону дует.

– Я не знаю, кому я не угодил, но вы меня не взяли, – хладнокровно заявил Валимир.

– Ты с ума сошел? – разозлился Виткас. – Я тебя не оставлю!

– Вам надо просидеть здесь две-три недели, после того, как все уйдут и полнолуние закончится, – холодно ответил Валимир. – Продуктов не так уж много. Виткас, вы должны спастись, а моя жизнь не стоит ломаного гроша. Мне нужно попробовать спасти еще кого-нибудь и найти тех троих. Если мне будет грозить смерть, я признаюсь, что я проклятый. Поймите, кто-то должен знать о дереве еще... Я не герой, и до людей мне дела нет, но если умирать, то с музыкой.

– Я Тебя Не Оставляю! – твердо проговорил Виткас, обнаружив незавидное упрямство. – А вы пацаны, когда сюда с вещами доберетесь, столкнете вот этот снежный ком...

На старое место бежали наперегонки с поднимающейся группой. Собрали все, что было можно. Слава Богу, ветки горели в руках у всей группы. В Дьявола уже верил каждый. Валимир объяснил, как посадить пять кольев, предварительно проверив их на горючесть в руках у каждого. Продуктов было на неделю на пятнадцать человек, если экономить, то

хватит на пару месяцев. Снаряжение, теплая одежда. Не замерзнут и спустятся легко.

– Что бы не случилось, оставайтесь людьми, – напутствовал Валимир. – Месяц не показывайте носа!

– Ну или пока не позовут... – наказал Иван. – Свои... Когда сигнал будет, – Иван что-то прошептал каждому на ухо.

– Я за месяц эту гору облажу вдоль и поперек! – восхищенно произнес Данька.

– И вот еще что, мамке передай, что батька твой всегда был человеком, – старшой обнял Антона. – Я остаюсь. Меня заменить некем, оставят напоследок. Попробую за этих придурков заступиться.

Четверо других застыли с вытянутыми лицами.

– Батя, я с тобой! – попросился Антон. Лицо его по-детски покрылось красными пятнами. Он надул губы.

– Не дури, мамка у нас одна! – строго приказал Иван. – Я сам тут все взорву, а ты иди. А если будешь задерживать, мы все сдохнем и не спасемся.

– Сын уйдет, а батя останется? Подозрительно, – наотрез отказался Валимир. – Ты должен идти с ними. Так вас больше шанса выжить. Внизу рыбой запасетесь, орехами и прочей растительностью, а за третьей вершиной горы не такие высокие, перелезете как-нибудь.

– Никто не знает, чтобы не выделяли. Мы сразу договорились, когда его в бригаду приняли, – ответил Иван. – У нас фамилии разные. Отбил я, мамку его, у чужого дядь-

ки... Сначала попортил, а потом, когда нагулялся и вернулся, она... – он махнул рукой. – Не дождалась. Но не мог же я ее с сыном оставить чужому человеку. Еще один в бригаде знает, но он свой.

– А похожи! Как это я сразу не догадался, – покачал головой потрясенный Данька. – Вот что, мы вас будем здесь ждать, пока эти не вернуться. А вернуться, мы еще подождем. Если нас, конечно, не откопают раньше. В горах-то мы как у себя дома.

– Не откопают! – заверил Иван.

Дан и Антон ушли, утаскивая за собой волоком четыре спальных мешка, набитых продуктами, теплой одеждой, снаряжением. Иван быстро установил три заряда на расстоянии друг от друга, и когда ком снега свалился в пропасть, нажал красную кнопку. Вход в проход завалило. Иван сработал профессионально: на место прохода навалилась вырван-ная взрывом скала. Стрелы завернули в спальный мешок и спрятали в нише, заложив камнями. Валимир туда же убрал найденные среди вещей повара упаковки с таблетками сонного зелья, оставшееся оружие спрятали отдельно – если что, пригодится на обратном пути. Камни дна пещеры, по которым тащили спальники и ступали Антон и Дан, раскидали в разные стороны саперными лопатками, чтобы следы были повсюду. Никто не сомневался, что, когда начнется расследование, их обыщут и обнюхают каждый уголок.

В напряженной тишине едва не выскочили сердца, когда раздались шаги и скрип снега.

– Что здесь произошло? – строго спросил тот, который вошел первым. Следом за ним в пещеру вошли еще двое...

Трое отрицательно замотали головами. Рассказ был сбивчивым и отрывочным: спали, не видели, проснулись – ни охраны, ни своих двоих... Руки у всех троих тряслись. Глаза смотрели испугано и затравлено. И все трое молились не переставая, цепляясь за подолаы и целуя ноги своим спасителям и благодетелям, натерпевшись страху.

– Всех, всех под трибунал! Сволочи! Сгною! Кто побег устроил?!

Разбитых лиц и отбитых почек было уже не жалко – радовались. Стало ясно, что десять оборотней лишились ума надолго, сами объяснить ничего не могут. Как только боль проходила, все трое смахивали слезу, улыбаясь во весь рот, и снова лезли обниматься. Даже старшой, выдавший виды, участвующий в сотне спасательных операций с сотнями смертельных исходов, под лавинами, под завалами, после землетрясений и наводнений, со стажем подрывника тридцать лет, все еще трясся от страха.

– Да подожди ты трибуналами ребят пугать. Готовили бы побег, сбежали бы... Ты у бойцов своих спроси, какого рожна они в той пещере делали! У нас от двенадцати подрывников осталось восемь человек. Если пути не готовить, мы все тут сдохнем!

– Что, ботаники закончились? – усмехнулся самый злой. На него зашикали с осуждением.

В стриптиз до последнего не верили, пока опухший от побоев человек не устроил показательное выступление.

– А сюда чего поперся? – внимательно изучая Валимира, расспрашивал оборотень, испытывающий неприязнь ко всем, кроме Валимира, после того, как посмотрел на него в деле.

– Так это, в театре хотел выступать... у Их Величеств... а тут это... – Валимир запинался на каждом слове.

Старшой дал стоящему на коленях Валимиру подзатыльника, от которого тот ткнулся носом в землю.

– У меня он работал, пока не связался с этими... А тут подходит и говорит: возьми! А я спрашиваю: много задом накрутил... – Иван хлюпал носом, хватаясь за голову. – И ведь не помним, как уснули-то! Выпили по стаканчику...

– Что это у меня сегодня, будто кол в зад торчит... – Валимир попытался посмотреть за спину. – Можно, господин, я еще раз по тяжелому сбегая? – в который раз попросился он.

– Да что ты свой зад заткнуть не можешь? – в который раз матерился Иван.

Наконец, тот, который допрашивал, ехидно ухмыльнулся.

– А ему пробку сорвали! Иди...

Иван плевал Валимиру вслед, покрыл матом и себя, и троицу, и день, когда родился...

– Нам бы это, нам бы чего перекусить, а то мы с утра голодные...

– Дайте им поесть и отправь с донесением к Его Величеству, – наконец приказал оборотень, который был за старшего, обращаясь к тому, который допрашивал. – Все видел, все слышал, все проверил?

– Так точно. Мне надо группу наверху. Если на завтра место не подготовим, придется целый день здесь торчать.

– Не придется, – тихо сказал Виткас, утирая слезы. – Мы вчера поднимались в гору от лавины. Там у ваших бинокли были, так они мне дали посмотреть. Я видел хорошее место. Как раз день пути. Снег только отряхнуть... Лавины не будет. Можно с утра пораньше, сейчас-то уже скоро стемнеет, опасно подниматься.

– Мне без помощников никак... Мне бы еще двоих, вместо тех... – жалобно проблеял Иван. – И это... от зверей какое-то бы оружие.

– Как Его Величество решит. Охрана будет хорошая, – успокоил его оборотень. – Отправьте их спать пораньше, пусть выйдут затемно.

– А если Его Величество по-другому распорядится?

– А если по-другому, пусть с меня не спрашивают. Набрали ботаников, биологов, геологов, альпинистов, археологов и хрен знает кого, а подрывников, которые в горах умеют работать, у меня восемь человек... – Оборотень повернулся к Ивану. – Ни с кем не разговаривать, никому ничего не

рассказывать, никому ничего не объяснять! – приказал он. – Дело не закрыто.

Иван испугано закивал головой.

Чая выпили по две кружки, чтобы уж наверняка. Спали у тайника. Тут они никому не мешали и достать стрелы было легко, тайник прикрывал высокий валун. Разбудили их рано утром, когда лагерь спал. Четверым приказали собираться, Ивана вызывал на допрос Его Величество. В пещере было столько народу, что не протолкнутся. Но вряд ли среди людей были оборотни. Валимир быстро вскрыл тайник и разложил в три рюкзака стрелы и приготовленные колья. Обыскали их с вечера, перевернув каждый камень. Дубины они с Виткасом не скрывали., еще раз убедившись, что оборотни чувствовали огонь, но стояли около дерева и не чувствовали его – дерево умело маскировалось под любое другое. Может быть, поэтому они не обращали внимания на корни. Иван посмотрел по сторонам. Заметив неподалеку спящего мужчину, прополз мимо, сунув в рукавицу приготовленное с вечера письмо, которое писал обстоятельно, пока ждали людей. Валимир и Виткас ему помогали.

– Откуда у вас посохи? – остановил их оборотень на выходе. – Кто разрешил?

– С дуба что ли рухнул? Кто может запретить? А прощупывать почву под ногами не надо? Вдруг расщелина или пропасть, – с вызовом ответил Виткас. – Мы бы уже сто раз

сорвались, если бы не эта дубинушка! – Он с любовью потряс ею перед собой, поглаживая. – Постучишь по снегу, если внизу пустота, звук другой.

– Да ладно вам задирать друг друга, – Валимир дружелюбно похлопал оборотня по плечу и прошел мимо. – Внизу срезали, делов-то...

Следом за ними вышли еще двое. Этих Валимир не знал.

– Бабуин и Сапер, – представил обоих Виткас по прозвищам, поздоровавшись с обеими за руки.

На этот раз их дожидались двадцать оборотней. И еще десять представили, как группу студентов. Валимир сразу усмотрел в лицах всех десяти маску. Он предупредил Виткаса, тот с интересом окинул новеньких взглядом, буркнув в ответ: сам догадался... Ясно, что оборотни готовили им замену. На этот раз и Виткасу выдали бинокль и, как Ивана, тоже увели на прием к Его Величеству. Спустя минут пятнадцать вызвали Валимира.

Он повторил свой рассказ, глядя Его Величеству прямо в глаза: поели, выпили, танцевал, упал, проснулся – двенадцать человек исчезли, исчезли спальники, продукты, оружие, а вокруг стая непонятных огромных зверей, о которых жуть страшная. Дальше помнил смутно: бегали, искали, кричали, ползали по пещере, ждали, что разорвут...

Валимир заметил, что Его Величество улыбался, но улыбки не было на его лице. Тоже маска, догадался он, но Его Величество был человеком. Значит, Маня жива – и ни оборот-

ни, ни драконы не достали троицу. Валимир обрадовался.

– Хорошо, закроем эту тему. Но в следующий раз не пугайте зверей, – спокойно сказал Его Величество, сверля его взглядом. – Эта стая следует за нами с самого начала. Не она бы, и вас бы не было.

Валимир побледнел. И побледнел так естественно, что удивился сам.

– А это... а куда все делись-то? – спросил он, сминая в руках шапку.

– Мы разберемся, – пообещал Его Величество. – Думаем, не обошлось без черного мага. Но не стоит беспокоиться. Будет неплохо, если с вами в свободное время поработают наши психологи. Иди!

Валимир вышел и увидел, что Иван и Виткас уже ждут его. Было еще темно. Поблизости оборотней не было.

– Ну и как? – спросил их Валимир, оглядываясь.

– Да знать ничего не знаю, – прогундосил Иван.

– И я не знаю, – пожал плечами Виткас.

– Похоже, и они не знают, – усмехнулся Валимир.

– Я думаю, на своих грешат, – предположил Виткас. –

Слишком уж спокойные.

Глава 16. Мертвые и живые

С той ночи поднимались четыре дня, оставаться одним им не разрешали. Но оборотни их сторонились, и все чаще разговаривали между собой молча. Везде, где было можно, писали: «вампиры и оборотни среди вас, они вас едят по ночам» – но только в том месте, где останавливалась троица. Если было можно, сливали чай. Две ночи им это удалось, и не было сил слушать крики людей, доносившиеся снизу.

Бабуин и Сапер оказались отличными ребятами и как-то сразу им поверили. Сапер, кроме того, оказался великим математиком, исписывая перед каждым взрывом целую тетрадь непонятными формулами, рассчитывая скорость ветра, силу ударной волны, направление и массу снега предполагаемой лавины, ее скорость и траекторию скатывания. Все пятеро тыкали в листы и бубнили что-то с озабоченным видом, недовольно посматривая в сторону практикантов.

– В M выбрана риманова метрика и рассматриваются начинающиеся в N отрезки нормальных к N геодезических! Если N компактно, то никакие два A и B , исходящие из двух разных точек N не пересекутся! Для некомпактного N можно строить TO , покрыв N счетным множеством компактов... Имеется деформационная ретракция. Ретракция задает векторное расслоение со слоем N в D , изоморфное нормальному расслоению V вложения N в M ... Таким образом, фак-

торпространство Ю на дЮ гемеоморфно...

– А здесь? – старшой Иван тыкал пальцем в выкопировку местности.

– Аттракторкомпактное инвариантное подмножество фазового пространства. Асимптотически устойчиво. Сложная структура, несколько неопределенная. Может, применить универсальный нормальный алгоритм?

– Нет, лучше уникальную кривую с нечетным числом путей... – качал головой Бабуин, с вечера выучив пару новых математических терминов.

– Заметано!

Первое время студенты пытались слушать и вникать, но после нескольких горячих споров поняли – наука подрывника требует и уважения, и головы – и терпеливо дожидались конца спора, чтобы идти копать ямы в указанных местах. Динамит подрывники устанавливали сами, чтобы не дай Бог... На последней остановке перед вершиной их догнала еще одна группа. Вампиры торопились, только так можно было объяснить появление ковра-самолета. Пришел приказ пересечь вершину и выбрать место для лагеря в трех часах пути от подножия.

– Дальше будем думать, что с вами делать, – ухмыльнулся оборотень. – Ребята готовы?

– Куда мы так спешим? – оторопело поинтересовался старшой. – Хочешь, чтобы мальцов по кускам собирали? Я их не бутылки за столики разносить учу. Динамит!

– В любом случае, вас сменят, – сказал оборотень уверенно. – Вы останетесь в лагере. Там, за вершиной возьмете выходящей. Славно поработали.

Новость оказалась не из приятных. Валимир посчитал, полнолуние почти начиналось, значит, оборотни барракуды и престолонаследника уже штурмуют вторую гору, где еще могли летать драконы и ковры-самолеты. А если были такие, которые могли пройти трансформацию по желанию, то день, два – и они будут здесь. Или они уже были здесь и, возможно, выжидали момент, чтобы напасть на лагерь или вступить в переговоры. Как назло, оборотни не сводили с них жадных голодных глаз, то и дело задирая или открыто выражая неприязнь. Даже от чая не удавалось отвертеться. Все пятеро понимали, что у части оборотней, возможно, начнется трансформация именно этой ночью. Их подняли ни свет, ни заря, и через два часа группа была на вершине. Еще через четыре часа высадили у подножия пятой горы.

Пятая гора была почти вдвое выше четвертой, и ее вершину укутывали густые облака. Но подножие ее не падало так глубоко, как у четвертой, поэтому по расстоянию, которое предстояло преодолеть, она была ненамного больше предыдущей. Повсюду лежал твердый как камень снег и слепил глаза, даже солнцезащитные очки не всегда помогали.

Место для будущего лагеря Виткас присмотрел, когда они летели на ковре-самолете – широкой пологий спуск с оттаявшим снегом. Это могло означать только одно: троица здесь

останавливалась, а, значит, было где укрыться от оборотней и вампиров.

Так оно и оказалось.

Подниматься пришлось недолго. Вход в грот был узким, но сам он вместительный. Неподалеку нашли еще несколько углублений. Оборотни остались внизу, а часть поднялась выше. Вечером их как обычно накормили и напоили. С утра все оборотни остались на месте, но часть выглядела настолько сонными, что можно было подумать: приняли с утра на грудь сонного зелья. Иван выпросил ведро – и впервые за неделю помылись. Ожидание было тревожным. Они не видели своих почти неделю. Оборотни не рассказывали, что происходит в лагере, но две ночи слышали крики о помощи, и никто не сомневался, что сотня другая людей таинственно исчезла, бесследно растерзанная невиданным зверем.

К вечеру на место прибыли первые отряды людей.

Известие о гибели еще ста пятидесяти человек и пропаже тридцати пяти повергло в шок. Гибли иногда целым отрядом, по неизвестной причине, уходили на разведку и не возвращались, или людей внезапно отправляли по какому-то другому маршруту. И все возмущались, что что спасательная операция была организована только единожды.

Виткас и Валимир при известии о спасательной операции переглянулись. Неужели кто-то смог вырваться? Внушало надежду то, что спасатели вернулись с пустыми руками. Но не факт, могли по дороге съесть.

– Сейчас! Не возвращались! От зверей никто не ушел бы! – лицо Ивана исказила боль. Все пятеро понимали, что их оставили не просто так: или решили сожрать, или догадались, что водят за нос со студентами, или, наконец, пришло время посчитаться за побег Дана и Антона, которых так и не смогли найти.

– Бля, это могила, если мои математические способности никому не передать! – сокрушался Сапер, в миру Себастьян Собирайкин, нервно меряя грот шагами. – Эти подонки нас сразу раскусят.

– Если свидимся со своими, не раскусят, – нервно молвил Иван, то пристраиваясь к Саперу и тоже меряя грот шагами, то становясь у входа и вглядываясь вдаль.

– Летят! Наши летят! – наконец, радостно заорал Бабуин. Два бинокля, выданные на группу, пошли по рукам. Кто-то кинулся подбрасывать дров, грея воду, кто-то вывесил в проеме спальник с опознавательными знаками.

Через час в пещеру набились люди, стало шумно. В грот влезло три отряда – человек шестьдесят. В тесноте, но не в обиде, зато быстрее надышали. Люди сразу же отправилась на ужин, остались только подрывники, несколько альпинистов и три геолога, которые пока ничем не занимались, просто шли вперед и несли вещи.

– Наша передовая позиция, – похвастал Бабеля, похлопав одного из оставшихся широкой ладонью по спине, отчего тот невольно полетел на шаг вперед, чертыхнувшись. Он был в

возрасте, внушительных размеров, с квадратным широким лицом и крупным носом. Именно Бабеле Иван оставил записку, сунув в рукавицу.

Иван кивнул на Бабелю головой, представив Валимиру.

– Это братан мой!

– Ты всех родственников сюда собрал? – усмехнулся Валимир.

– Названный, – ответил дядя Иван, чтобы сразу не искал сходства. – Воевали мы с ним. Потом я сестру его, того... попортил чуток. Чуть не убили друг друга, а потом ничего, помирились. И породнились.

Все столпились около Бабели.

– В общем, так, – доложил он. – Сведения проверили. Все подтвердилось. Из зоны боевых действий вывели двадцать пять человек. Замуровали. Пещеру я сам нашел. Спinoй закрывали, пока ребята по одному туда проносили еду и одежду. Там выход есть, но он далеко, не найдут. Похоже, меня за это и отправляют на ваше место. Мало людей, но многим лучше не говорить, о том, что тут происходит. Случай один был, действовали по схеме, парнишка пожалел одного, так он оборотнем оказался, эти твари приказали перерезать ему горло. И ведь перерезал, сученыш! И вот еще, мы таблетки украли, которыми нас на ночь поят, как скотину. Кому чай не достался, мы им по одной таблетке выдаем, – Бабеля грустно улыбнулся. – Так-то, Ваня...

– Так эти твари нас на ночь угоняют, а ночью пригоняют

и режут, как свиней, – пожаловались ребята. – У нас теперь у каждого такая таблетка в кармане есть.

– Один отряд из тридцати человек сумел уйти в горы. Мы маршрут сразу наметили. Там пропасть, а внизу лава. По дороге ребята наши засели с автоматами. Мы их украли. Через пропасть веревку перебросили и дождались, когда пойдут, а после охрану в пропасть отбросали. А когда эти в погоню бросились, перерезали веревку. Двое наших, из альпинистов, оставили добрый знак – убитых нет. Ушли вместе с ними, а то там одни ботаники, пропадут. Но утром все равно пятнадцати человек не досчитались.

– Ну, пятнадцать не тридцать... В первую очередь молодых спасаем и самых ненужных... Еще двадцать в пропасть сорвались. Там небольшой разлом был, мы их спустили по веревке, а потом снег обвалили. Как они выберутся, не знаю, но первые веревку дергали так... – один из альпинистов изобразил троекратное подергивание, – значит, укрытие нашли... Продукты есть, лопаты есть – выберутся. Наших трое. Мы им все собрали, что у нас было. Итого семьдесят пять человек, капля в море, – он покачал головой. – Есть те, которые сами по себе бегут. Кто в пещере спрятался, кто в трещину свалился и голос не подал, кто по нужде отошел и не вернулся. Таких с полсотни человек, но сказать, что с ними и где они, не могу. Если человек был незаметным и сразу не схватились, бывает и погоню не посылают.

– Нас пока не трогают, – усмехнулся Бабея. – Я им за ме-

сто Бога. Они ж как люди не ходят! Кстати, познакомитесь с новыми ребятами. Андрея знаете, а Леля и Радик петардами баловались. Тут в других отрядах нормальные ребята есть, но двоим уже хана, а третьего сегодня с собой оставили. Он альпинист, а альпинистов и среди зверья много. Их тоже не жалеют. Сказал, подорвет себя, а живым не дастся.

Иван слушал последние сводки, облегченно вздыхая. Может, проживут еще.

– Сам-то ты как? – спросил тепло, обнимая Бабеля.

– Нормально, держимся. Ты ребят береги, не давай в обиду.

– Ох, у нас тут тоже новостей целый воз...

А поговорить, о чем было. Услышав про студентов, Бабеля сразу же отправился к старшему по подъему, и минут через тридцать вернулся радостный, приказав Саперу и Бабуину собираться. С ними пошли Леля и Радик. В группе Ивана остались Виткас, Андрей, Макс и Валимир. Валимир подробно рассказал про неугасимое дерево, показал стрелу и выдал по одной на руки. Дерево горело почти у всех, кроме одного.

Андреем расстроился.

– Я, наверное, оборотень, – признался он. – Меня в детстве собака покусала.

– Да нет, – внимательно рассматривая его лицо, сказал Валимир. – Обратней не собаки кусают. Душу у него задрал другой оборотень или вампиры. Ты, скорее, вампир. Маска

у тебя – ты сам... Только неправильный. Ну-ка вспоминай, может, помощь полумертвой девушке оказал...

Парень надолго задумался.

– Был такой случай. Дом один... взорвали. Нас вызвали причину установить. Помните, дядя Ваня, там пожарных не хватало, а я чувствую, там кто-то есть, ты пытался меня не пустить. А потом заметили, ноги торчат из-под балки. Я держу балку плечом и женщину пытаюсь вытащить, она стонет, а я ей: нормально, нормально все будет, будет у тебя все что захочешь, и свадьба, и муж богатый...

– А потом что с ней стало?

– Увезли ее на скорой.

– Ты ей хоть в лицо-то заглянул?

– Когда смотреть-то было?

– Ну ты! – расстроился Валимир. – Мимо души прошел! А если она калека? Ждет она тебя, нельзя тебе погибнуть. Многие могут, а ты нет.

– А я думаю, чего у меня и поясница во сне болит и ноги... – удивился и одновременно обрадовался парень. – Будто я сам там лежу. Постоянно снится, вижу себя во сне чужими глазами, – он сник. – Что, правда?

– Клянусь! Ты подумал о ней, а теперь попробуй, – Валимир протянул ему свою дубину.

Парень взял дубину, и она загорелась. Да так жарко, что многие отошли.

Андрей счастливо заулыбался.

– Прорвемся, – повеселел он.

– А на стенах кто писал, вы? – поинтересовался Бабеля.

– И мы, – признался Иван. – Но ты не пиши. Лучше не пиши. Мы и так знаем.

– А Манька, Борзеевич и Дьявол – это кто?

– Это проклятая, – пояснил Валимир. – Она как я, только хуже. Вот ты неприязнь почувствовал, когда меня увидел, – это у нас маска вампира на лице. А у них маски улыбаются и к себе манят – это мы там. Мы – души вампиров. Только ее достали, а меня пока нет, поэтому моя половина пока не вампир. Борзеевич тоже, наверное, проклятый. А Дьявол – Дьявол и есть. Древний Бог. Первый и последний. Он и любит, и не любит. И все на свете знает.

– Но он же злой! – удивился кто-то. – Чего он им помогает?

– Не больше, чем я и ты. Все в этом мире относительно. Нам кажется так, а ему так. Манька с Борзеевичем его любят, и он их любит. А не любил бы, не помогал бы. Но он не такой, как мы. Он учит не деньги любить, а плечо друга, руку помощи, жизнь, себя и душу. И убивать, если души уже нет, если вместо нее такая мразь, – Валимир неопределенно кивнул. – В данных обстоятельствах нам только Дьявол мог бы помочь, на Святых Отцов рассчитывать не приходится.

– Я тут такого посмотрелся, пожалуй, я тебе верю, – сказал один из сидевших в углу. Лицо у него густо заросло бородой. – Я тут сидел и думал, да как же они сволочи Бога-то

могут позорить, ведь и эти... тоже с ними бывают. И грехи отпускают перед тем, как зарезать. Руку целовать суют.

– А это фишка такая, – рассмеялся Валимир. – Умиравший человек всегда или болен, или напуган. Пришел такой Святой Отец, руку положил, надавил, молитву прочитал, кто молитву его услышит? Не Дьявол, и не Бог, а душа, которая должна в огонь за своей душой идти, чтобы поднять ее из Ада, а там Отец Святой, который ум ей закрывает, живой еще. И получил он еще одну овцу, которая челом ему бьет, потому что там, за ним, смерть души. Попал человек в Ад, и некому ему помочь. Кто на Святого Отца руку поднимет? Что такое тайна исповеди? Пришел человек и сказал: я убил, а Церковь – Бог простит! И получилось – не плюй в вампира. Совесть человека мучает, а он совесть ему отрезает. Он не человека, он убийцу поднимает. Если человек не убивал, ему незачем искать батюшку. Или приходит нищенка, а тот отвечает: на все воля Божья – и умер человек, потому что некому помочь. Надо бы наоборот говорить: убийце – на все воля Божья, так не любит тебя, что попустил руке твоей, а нищенке – Бог простит нищету твою, что бы вампир знал, что не убита, и не упала.

– Интересно, – согласился кто-то. – Если бы прижилось, пожалуй, любой убийца призадумается.

– Не приживется, они вон, поубивали столько наших, а уже прощенные, – заспорили с ним.

– Хватит вам о Боге, сам себе не поможешь – никто не

поможет. Я попробую найти пещеры, в которых можно людей спрятать, – сказал Бабея решительно. – Увидите перед входом такой знак и камни в таком порядке, – он начертил на земле прутиком узор, – знайте, там есть ход, и у хода есть выход. Перед ним еще камни будут лежать. Людей осталось меньше половины. Мы каждый день теряем по двадцать, по тридцать человек. Если так пойдет, через пару недель спасти будет некого. Где вот твой Дьявол? – в сердцах, хмуро взглянув на Валимира, бросил он. – Он нам здесь нужен!

– А при чем тут Дьявол? – вскинулся Валимир. – Кажется, я начинаю его понимать! Вы не ему молились, вы на этих... Людям все равно кому молиться, лишь бы хорошо человеку было, а он не банкир, не Святой Отец, утешением и прощением не торгует, не продается и не покупается. С чего ему нам помогать? Насобирали дерьмо на свою голову, и хотим, чтобы он спустился на крыльях и вжик-вжик – головы обидчикам поснимал. Сам говоришь, парень помочь хотел, а тот, кого он спасти хотел, взял и прирезал! Так это же всегда так было. Если человек опасается, попробуй-ка, прирежь его! Он с этой Маней и Борзеевичем дерево нам оставил, знаки оставил, драконов завалили, втроем против целой армии убийц выступили. Мало? Им, думаете, сладко там, одним? Если девушке и старику под силу, нам-то не грех жаловаться? Он надо мной столько лет издевался, а я вот только сейчас понял, что именно он и открыл мне глаза – кто я, что я, какая сука мной закусила. И все время: смирись, смирись,

да так ядовито – самому противно, что ничего не делаю...
Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

– Ну уж! – протянул кто-то. – Хочешь, чтобы мы сразу вот так и поумнели разом?

– А сколько раз нужно посмотреть, как вампиры убивают, чтобы поумнеть? – заступился за Валимира Виткас. – Они нас не только здесь убивают. Они нас везде убивают. Ты сам-то посчитай в уме, сколько их здесь и сколько там осталось! А ведь их меньше, чем нас. Слепые мы? Сколько еще надо убить, чтобы мы увидели? Одного над десятью тысячами поставили, а десять тысяч землю жрать заставили, и кланяйтесь, кланяйтесь, кланяйтесь! Ни школ, ни больниц, ни дорог, сироты и вдовы кругом, нищета кругом, а вы кланяйтесь, кланяйтесь, кланяйтесь! Вот, теперь твоя и моя очередь стать кому-то уроком. Думаешь, заметят?

– Это геноцид.

– Здесь заметили, там вряд ли...

Протрубил горн, призывая вторую партию людей на ужин. В палатках походной кухни все не помещались. Ужин был поздний, обычно ужинали часа на полтора раньше. Но и переход был длинным. Было холодно. Даже оборотни, охранявшие людей, искали пещеру или грот, чтобы укрыться от ветра и мороза. Начиналась настоящая зима. В последней группе народу было немного. Горячий чай достался всем, почти все оборотни и вампиры остались внизу у подножия вершины. И все, кто был приговорен на эту ночь, остались внизу.

Кто-то попросил добавки, чтобы не слышать душераздирающие крики.

Ребята ходили хмурые. Валимир заметил, что многие, прохаживаясь по склону, смотрят вниз с тревогой, с болью, с непониманием в глазах. И когда внизу прогремели четыре взрыва, никто их не услышал, кроме оборотней, которых вызвали заменить погибших.

Разбудили их чуть раньше остальных. Группа Бабеля уже ушла. Их покормили, и три оборотня повели смотреть подъемы, по которым поднимались вампиры. В их группе теперь было сорок человек: пять подрывников, которые чистили склоны от снега, тридцать пять альпинистов, которые проверяли подъемы и оставляли разметки, им же приходилось поднимать и подрывников, и снаряды, и динамит, и снаряжение. За каждым в четыре глаза присматривали восемьдесят оборотней.

– Внизу еще сотни две, – просветил Андрей новеньких. – Они поднимают их, – он махнул рукой вниз, – и собирают снаряжение, страховочные веревки и указатели. К каждому вампиру приставлены трое оборотней, которые буквально несут наших Благодетелей на руках.

– Сейчас будете немного по-другому готовить пути, – сразу предупредил оборотень. – Мне нужен путь, по которому сможет подняться горный козел с грузом на спине. Нынче ночью экспедиция разделилась, основная ее часть ушла впе-

ред. А Их Величества и все остальные высокопоставленные члены экспедиции будут подниматься на зверях, специально этому обученных.

– Что это за звери такие, я никак определить не могу? – прищурился Иван, замечая стаю из десятка оборотней неподалеку. – Страх, как перепугался, когда увидел их первый раз. Уж больно страшные.

– Этого никому знать не положено, – ответил оборотень недружелюбно, закрывая тему. – Их вывели специально для охраны секретных объектов. Вам нужно обозначить маршрут и определить опасные места.

– Эх, мне бы такого зверя, – помечтал Валимир, барахтаясь в сугробе.

– Два зверя у вас будут, чтобы проверить маршрут, – оборотень присвистнул.

Из стаи сразу отделились два оборотня и направились к ним.

– Тогда им лучше пройти этим путем, – Виткас обозначил ломаную линию. – Здесь остановиться... дальше идти сюда... тут снег убрать, думаю там есть выступ, потом сюда...

– Все поняли? – оборотень посмотреть на зверей. – Идите! Всем показалось, что они кивнули. Глаза у зверей были такими человеческими, что стало не по себе. Не прошло и двух часов, как звери пробежали весь обозначенный маршрут, даже в том месте, где Виткасу показалось, что снег луч-

ше убраться, и остановились, где должна была расположиться экспедиция на ночь.

– Ни хрена себе! – открыли рты все, кто стоял рядом, наблюдая за зверями в бинокли.

– Гомункул хапиенс, я слышал, редчайший и выдающийся зверь, – поразил всех своими знаниями один из альпинистов.

Оборотней в образе зверей многие увидели первый раз и пытались оценить, как врага, с которым рано или поздно придется схлестнуться. Радовались, что зверей осталось немного, остальных след простыл. И многие остались людьми, но вооруженные до зубов. Они сопровождали людей и помогали тащить вверх грузы и вещи, или грузили зверей.

– Ладно, можете подниматься со всеми, – разрешил оборотень, как-то уж слишком тепло похлопав Виткаса по плечу.

Он свистнул, и стая, сопровождающая их, ушла вниз. Но их сменила другая, которая наблюдала за ними издалека.

– Похоже, в лагере осталось не так много оборотней, – тихо проговорил Валимир, чтобы его услышал Иван.

– Мы насчитали восемь сотен, которые поднимают вампиров и сотни четыре охраняют нас, – он сплюнул и выругался. – А люди какие поганые среди нас попадаются! Обложиться бы гранатами, подойти поближе, да взорвать себя!

– Ради поганых людей? – язвительно уколол его Валимир. – Спасаться надо. Люди ушли вперед, и могут знак убраться, который Бабеля оставит, если найдет место, куда лю-

дей можно спрятать.

– Не уберут, – успокоил его альпинист. – Мои ребята проследят и позовут вас. Если у пещеры кто-то сделает вот так, – он изобразил знак, будто в ухо что-то попало, тряс головой и ковырял в ухе, – идите туда. Плохо, что оборотни у таких пещер. Если там троица не останавливалась, кто-то да с нами на ночь остается. Вся надежда, что Бабеля с ребятами в пещерах дерево смогут посадить. А еще Его Величество привязался, как банный лист... Ест, спит с нами, а потом смотрит, как нас жрут. Сволочь! Он дерева не боится.

– Он нам боевой дух поднимает! – усмехнулся кто-то. – Все ради нас!

– От Его Величества держитесь подальше, он мысли читать умеет, как вампиры, интуитивно, – предупредил Валимир. – Перед ним можно только блаженным или озабоченным.

– Мы их таблетками накачали, спят, не хуже нас... – подсказал Виткас. – Надо спирт... Выпить многие из них любят, особенно здесь, в горах.

– А это идея, и спроса никакого. А спирт достанем. На себе сэкономим.

– Спрос будет, на другое не рассчитывайте, – ответил Валимир угрюмо. – Если бежать, то всем сразу. Они настороже. Я вообще сомневаюсь, что Бабелю удастся что-то найти. Нас охраняли двадцать оборотней и десять студентов в придачу. И прежде чем впустить куда-то, осматривали и обнюхивали

каждую щель. Нам надо с боем прорываться...

Валимир как в воду глядел: оборотни, охраняющие подрывников из первой группы, успели облазить все гроты и пещеры, какие попадались им на пути. Бабеля оставил записку, чтобы бежали при любом удобном случае. Подслушанный разговор оборотней обращал в прах надежду выбраться из этих гор. За пятой горой были еще три горы, о которых оборотни узнали от тех, которые ушли вперед и с вершины следующей горы подавали сигналы светом.

Людей оставалось не так много, но все же следующую ночь еще одной группе из сорока человек удалось замуравить себя в пещере. Экспедиция осталась без геологов и археологов. С подрывников подозрение было снято сразу же. Во-первых, ни одного подрывника в то время не было рядом. Во-вторых, все они находились рядом с вампирами, в-третьих, зарядные устройства и взрывчатка выдавалась подрывникам лишь в том количестве, в каком ее должны были использовать, в-четвертых, в той пещере осталось пятеро оборотней, и трое из числа студентов, отобранных лично Ее и Его Величествами.

Той же ночью «другим путем» ушли еще двадцать пять человек, теперь уже альпинисты.

– Там же ни еды, ни огня... – расстроился Валимир. – Как оборотни смогли уговорить людей на такую глупость?!

Иван улыбнулся.

– Это я им динамит достал, когда мы сход снега готовили. Заказал на три заряда больше, оставил в скалах, а ребята подобрали. Зарядное устройство Макс собрал, примитивное, но безотказное. Установил и научил, как с ним обращаться. А оборотней они усыпили и стрелами твоими завали. Их так под завалом и оставили. Продукты они взяли, коррупция и черная бухгалтерия она везде, где эти есть, от оборотней много добра осталось. Воздуха им хватит, с одной стороны там ледник. Я им, Виткас, кроме стрел, еще палку твою отдал, она горела, я проверил. Мы ей в лед ткнули, а она дыру в нем выжгла. Выберутся. С ними пятеро альпинистов, они их до дому доведут.

Виткас раскрыл рот, не найдя что сказать. По его виду Иван понял, что сделал какую-то глупость.

– Дубина ты, у тебя ж колы в рюкзаке! Ты лук мой отдал!

Валимир тоже расстроился. Стрелял он не очень, у Виткаса хотя бы опыт был. Оружия осталось одно на двоих. В тот же вечер попытались лук собрать из того, что оказалось под рукой, используя лыжи, которыми почти никто не пользовался, и часто жгли, как топливо. Но такой лук приходилось прятать, слишком заметный. Пришлось оставить, чтобы не вызвать подозрений.

Еще четыре ночи прошли в тревожном ожидании. Каждая ночь стоила кому-то жизни. Их охраняли, как не охраняют военный объект. Вампиры приходили на место нового лагеря

быстрее, чем люди. Вместе с людьми исчезали и оборотни, но их как будто это не интересовало.

На пятый день на вершине пятой горы произошло нечто, что сбило с толку даже выдавших виды оборотней. Его Величество самолично расправился с сотней вампиров, отрубив им головы одному за другим.

В эту ночь в лагере наступило перемирие между оборотнями и людьми, и даже пообедали вместе. Но на утро людей опять не досчитались. Хуже, что начались разговоры о том, что Его Величество не в курсе того, что происходит. Никто не видел, чтобы он сам пил кровь, зато все видели, что ночью его убивали вместе с людьми.

В побасенку верили...

На следующий день с утра в палатку на двенадцать человек вошел Виткас. Взъерошенный, испуганный и взволнованный одновременно. Ждали завтрака, собираясь неторопливо. Предстояло лететь на коврах-самолетах. Упаковывая вещи, их связывали крепко, чтобы не растерять по дороге. Альпинисты тоже были здесь, обсуждая своих погибших ночью. Разумеется, никто ничего не видел и не слышал. И все слышали, и многие видели, как кричали проклятие Дьяволу, Маньке и Борзеевичу, усыпив Его Величество, которого вытащили из палатки спящего.

Те, которые были не в курсе, его жалели – он часто оставался с людьми, поднимался с ними и не боялся никакого огня. Уже многие понимали, что его окружает секта людей-лю-

доедов. Даже оборотни удивленно смотрели ему вслед – как человек мог править вампирами? И часто игнорировали, подчеркивая свою независимость.

Но только до казни вампиров, этой ночью все изменилось.

Самое смешное началось, когда Валимир попробовал объяснить, что именно так накладывается Проклятие на третье лицо. Ему поверили лишь свои и группа альпинистов, которыми руководили Олежек и Марат, остальные в тайне обсуждали происходящее, склоняясь то на сторону неизвестного, который руководил спасательной операцией, то Его Величества, которому требовалась помощь.

Марат как раз рассказывал Валимиру, что вечером к нему подкатил оборотень и честно признался, что они находятся среди вампиров и оборотней, что сам он поневоле тоже один из них, даже попытался что-то объяснить из того, о чем говорил Валимир. Попросил посадить его на ошейник, одеть намордник и вернуться с ним назад, пообещав, что по дороге сумеет обеспечить их едой и всем необходимым из запасов, лично припрятанных Его Величеством. А чтобы было не страшно, призвал забрать как можно больше людей, судьбой которых был обеспокоен не меньше Марата. В числе достойных спасения он назвал и Валимира, особо упирая на то, что только подрывники с опытом знают, как провести их всех через опасные места.

На удивление Марата, что же его так напугало, ответил, что не пил слюну драконов Их Величеств и просто хочет

жить.

Марат сделал вид, что ему не поверил, а с утра, когда представился удобный случай, пересказал Валимиру слово в слово все, о чем они разговаривали с оборотнем накануне.

– Он от тебя избавится, когда жрать захочет, – подытожил Валимир. – Чтобы сопротивляться зверю, надо иметь такую силу, которой у человека не было и не будет, если сам Дьявол зверя в человеке не убивает. Души нет, откуда совесть? Его начнет ломать, когда луна выйдет.

– Но ведь не все по своей воле, – не согласился Иван, который слушал разговор.

– Это как Проклятие, – объяснил Валимир. – Только там на спину садят жертву и плюют в нее, а здесь его душу зверь убивал, и никто не плюет. Он сам плюет. А хоть бы тот же Святой Отец, который все грехи ему простил – и человек становится зверем. Если простил, то все можно. Оборотень не жертва, он тварь, которая убивает точно так же, как тот, кто убил его душу, а если противиться начнет, боль, которая уже однажды убила его, войдет в его тело. Ты не знаешь, какую боль я в себе таскаю, чтобы не быть жертвой. Он, своего рода, тоже Бог, только в одну сторону. Нет, здесь что-то другое, – призадумался он. – Конечно, хоть один оборотень нам бы не помешал. Присмотрись к нему. Стрелы у тебя есть. Если человек в нем сильнее зверя, выживет, а нет, можно завалить. Но не рискуй людьми.

– Валимир! – к ним протиснулся Виткас. – Возьми би-

нокль!

– Что случилось? – испугался Марат.

Валимир уже бежал за Виткасом. Следом из палатки выскочили и сразу стали степенными Марат и Иван. За ними Олежек и Ерепа, еще один руководитель группы, которая следовала за вампирами, собирая снаряжение. Виткас увел их за скалу.

– Смотри, – он наставил бинокль на точку.

Иван и Марат тоже посмотрели в ту сторону. Валимир побледнел.

На гору, хоронясь за скалами, короткими перебежками поднимались оборотни – насчитали около сотни. Звери были не белесо-серые и не снежно-белые, а черные.

– Это за мной, – с отчаянием в голосе прошептал Валимир и рассмеялся.

– А чего это они черные? Новая порода? – заметил Олежек, подсчитывая их количество. – На наших не похожи...

– Будут по трону бегать – побелеют, – Валимир снова впал в отчаяние. Оборотни поднялись уже выше половины горы. – Через пять часов будут здесь.

– С такой скоростью, пожалуй, быстрее, – подсчитал Виткас. – Эти звери что в горах, что в поле, не хуже драконов бегают. Видишь, как приседают, чтобы не заметили. Они налегке бегут. Но вряд ли нападут прямо сейчас. Людей уже отправили, вампиры тоже улетели, ковры быстрее вернутся – теперь наша очередь. Тут только оборотни останутся. Чего

им силы на них тратить, если им нужен определенный человек.

Виткас смерил взглядом расстояние до шестой горы. Склон пологим спуском простирался до самого подножия.

– Думаю, их надо будет ждать ближе к ночи... Или ночью, когда все уснут. Они скейтборды на себе тащат и мешки... У них, наверное, и оружие против оборотней имеется... Если скейтборды, то профессионалы по спуску... Я сам скейтбордом увлекаюсь. Профессионалу спуститься, – Виткас смерил на глаз расстояние до подножия шестой горы, – километров семьдесят, плюс минус впадины и разломы, часа четыре. Их только пропасти разве что задержат, а то и перелетят на скорости. Но днем спускаться не рискнут, их сразу заметят, а ночью самое то.

– У них, наверное, и ковер-самолет есть...

– Ковер-самолет в рюкзак не спрячешь...

– Может, маленькие коврики, – высказал предположение Ерепа. Я видел, свернул, как половик, и в сумку засунул. А что, на снегу не спишь, яйца не отморозишь. Оборотни вон какие тяжести поднимают! В пятнадцать раз больше себя, как муравьи, ей-богу! Им этот коврик, тьфу!

– Пожалуй ты прав, – присвистнул Виткас, одобрительно взглянув на Ерепа. – Смотрите, позади еще десять оборотней... Прикрывают. И самый настоящий ковер-самолет...

– Значит, среди них есть те, которые трансформируются по желанию. Или все они. Не удивлюсь, если выяснится, что

среди наших оборотней затесались лазутчики.

Все разом обернулись к Марату.

– Вот и причина, по которой к тебе обратились... – усмехнулся Виткас, почесал затылок. – Так-так-так!

– Значит, они меня вычислили, но не уверены, – обрадовался Валимир. – Иначе, меня с вами уже бы не было. Или попутали с кем-то из ваших.

– А с чего ты решил, что за тобой? – Марат смерил его с головы до пят. – Кто ты такой, чтобы оборотни с тобой за ручку здоровались?

– Я, между прочим, самый важный человек тут после Его Величеств, – усмехнулся Валимир. – Не сегодня, завтра сяду на трон, если Маньке и Борзеевичу подфартило убить двух других драконов. И, между делом, я любого могу убить взглядом. Человека, естественно. Посмотрю с любовью и перестанете существовать сегодня же ночью. Я проклятый, как Манька и Борзеевич. Мы можем весь мир под себя подмять и потерять два аршина, на которые имеет право каждый человек. Нас проклятых даже на кладбище не принимают, зато душе строят мавзолеи! Нас любят так же, как ненавидят. Мы – темная сторона вампира, а они наша светлая! О, вы понятия не имеете, как низко могут пасть и подняться проклятый и вампир! Правда, я еще не совсем проклятый, и у меня на той стороне не совсем вампир, но, когда поймают – буду.

– Опять несешь какой-то бред, – не поверил Марат.

– Человек, Марат, два в одном. Есть ты, а у тебя есть по-

ловинка. Две половинки – два в одном, как Адам и Ева, два человека связаны ребром. Ты человек, и душа твоя пока человек, а Манька и Его Величество – проклятая и вампир. Когда они ее убьют, он будет настоящий вампир – ему тоже понадобится кровь. А пока он из нее соки тянет. А она взяла, да и померялась с ним силой. И вот он обосрался. А моя душа – ведьма, жена Престолонаследника, проклятие на себя наложила, а землю мою не получила. И проклятие ее не работает, как надо, потому что я сам себя не проклинаю. И Зова нет, лажа одна. Она сама себя должна Богом поднять. Когда меня поймают – будет.

– В смысле? – тупо уставился на него Марат.

Остальные тоже вопросительно уставились на него, дожидаясь внятного объяснения.

– Вот смотришь на проклятого и думаешь, а что это он этого не сделал, или тут у него не получилось... Ум, думаешь, дурной? Хм, – Валимир пожал плечами. – Могу тебя заверить, ум у него умнее твоего, а памяти нет, и милость к нему никто не проявит. А дело задумал, вся страна будет козни строить! Проклятые не живут долго, они умирают, и с такой болью, какую человеку не понять. Посмотри на вампира и посмотри на проклятого – и заново подумай, кому жить в государстве хорошо. В других государствах то же самое – только драконов, как у нас, нет. Маня эта... Все государство на уши поставила и уважать себя заставила. Думаете, чего они за ней такой толпой бегут? И драконы, и оборотни, и

вампиры... Мне надо уходить, – решительно заявил Валимир, повернувшись к Виткасу. – Уйти я могу только вперед. Да и вам не стоит оставаться, они вас запросто здесь всех порвут. Мы теперь меж двух огней, впереди оборотни, и позади оборотни. Эх, я бы все отдал, чтобы с этой Маней свидеться!

– Да-а, здорово она всем им наваляла... дракон-то один мертвый, а если не вернулись, значит, не поймали еще. И обороти за ней ушли. А трупы видели, тех, которые ушли еще вперед оборотней. Они всех убили, я трупы видел. Прямо там, под пятой горой. Это ж какая сила у этой Мани и Борзеевича, а какая меткость!

– Там их больше, – кивнул Марат в сторону запада. – Этих, может, перебьют этой же ночью, а за драконами тысячи две ушли.

– Не могу поручиться, – задумчиво проговорил Иван. – Если троица смогла завалить дракона и этих оборотней, которых внизу собрали, может и против остальных справятся. В землю, с которой оборотни и вампиры воевали, ни один из них войти не смог. Дерево-то ваше вон какую силу имеет! А земля, которая ужас как всех напугала?! Бог уж как-нибудь разберет их... Я согласен, надо вперед бежать, а там укрыться где-нибудь, горы-то вон какие большие. Если под снег бежать, ни один оборотень следы не учует.

– Вот так вот приходил Божий человек – и паскудно всем становилось.

– Прав Валимир, я тоже с вами согласен. С горы оборо-

няться легче, отобьем оружие, совсем легко будет. Мы там, как в крепости, слева справа не подняться им, проход завалим. А тут они нас разом накроют и на ковры-самолеты соберут. Или эти... – Иван зло ткнул пальцем вниз. – Неизвестно, сколько их там позади.

– Интересно, как же эта троица у себя картошку вырастила?! – встрепнулся Ерепа. – Видел я. И зерно. Неужели мешок с картошкой на себе тащат?

– А что, Иона пока ночь сидел, и лоза поднялась, и отплодоносила, и засохла... – оживился Олежек. – С Богом-то! Если у него такое дерево есть, не удивляюсь!

– Тогда бежать лучше этой ночью. Нас к подножию доставят коврами-самолетами, полдня выиграем. Там нас Бабеля с ребятами ждет. Я заметил, троица всегда останавливается в подножии горы, и там обязательно рукотворные пещеры. Наверное, тут много людей побывало, и все они основательно к подъему готовились. Он нам место в пещерке займет. А оборотни в такие пещеры боятся заходить, их это дерево в зверей превращает, которые уже человеком быть не могут. Ночью, как заварушка начнется, сможем уйти, им не до нас будет.

– Не получится, – уверенно сказал Марат. – У пещеры всегда стая дежурит. Отходят, но проверяют, заглядывая внутрь. Я следил за ними. И палатки проверяют.

– А мы налегке пойдем, – сказал Иван. Но в голосе уверенности не было. – За четвертой горой было и озеро, и ры-

ба, и зверья навалом... Выжить можно.

– Но мы-то пойдем вперед, а не назад! – напомнил Валимир.

– Какая разница! Может, и впереди такие места есть. А нет, поднимемся, отобьемся, переждем, спустимся, – усмехнулся Иван с грустью. – Спускаться-то веселее. У нас палка твоя есть, обогреет. Ты говорил, растет она быстро. Нам бы посадить ее, чтобы у всех оружие было. А вампиры без нас долго не протянут, сила у них где-то в другом месте... Слушал я тут речь Его Величества – и прямо за душу берет! И ведь помню, что каждый день убивают, а ума нет, не получается против-то думать! Смотришь на него, и думаешь: милейший же человек – и вроде глупость говорит, а вслушиваешься, понять пытаешься, и голос, как мед, будто слова свои в уши вкладывает, мимо не проходят. Чисто сирена морская, – Иван покачал головой.

Валимир довольно усмехнулся.

– Это Зов... Тот самый, который из души идет. Поле такое, маска. Святой Дух, который разговаривает с тобой наперед Его Величества. У проклятых наоборот. Самые умные слова мимо ушей проскочат и голос по живому режет. Вы хотите, чтобы я стал как Его Величество наоборот? Правильно, дядя Ваня, ты подметил, только разверни и поймешь: Проклятие – хуже смерти!

На Валимира посмотрели с любопытством – согласились все:

– Ужас...

– Кошмар...

– Страх-то какой...

– А мы тоже оставляли продукты и теплую одежду... тушенку, крупу, веревки... – признались Марат и Ерепа. – Наши ребята, которые продукты несут, по дороге достают из рюкзаков и в пуховики прячут. Поварешка у нас на крючке, он с пацаном нашим спит и на ночь у себя оставляет. Поварешка этот... Когда вампиры пируют, что остается, ему отдают, а он мясо срезает с костей им на еду, а кости нашему пацану отдает, а он оборотням, которые палатки с продуктами охраняют. Они их, конечно, не на виду грызут, уходят. А пока их нет, он продукты позади палатки выставляет, а мы забираем и уносим.

– А поварешка знает? – удивился Виткас.

– Знает, он ему помогает... Он и сам к побегу готовится. Валимир, Виткас и Иван переглянулись.

– А мы-то, дураки, не догадались, – обескуражено укорил себя Иван. – Вы бы хоть подсказали... Как парень с ума не сошел?

– Сошел бы. Мы его всем отрядом каждый день лечим, что жизнь наша в его руках. Он нам тридцать пять рюкзаков выставил, перед тем как оборотням за троицей уйти. Еще Его Величество продукты тырит, но ему поварешка отдельно рюкзачок готовит. Где-то ведь он их спрятал... Но это еще не все! Несколько вампиров готовились к побегу, но им больше

кровища, кровяные консервы, поэтому их запасы можно в расчет не принимать. Но там и хорошие продукты есть, все больше консервы мясные.

– Сколько же продуктов-то было? – удивился Валимир.

– Сам считай, если больше двух тысяч ушли вперед и почти ничего с собой не взяли, наверное, своих собрались жрать, а еще наши каждую ночь гибнут. Там и снаряжение, и оборудование, и теплые вещи, и оружие...

– Вампиры?! А почему не сбежали? Передумали что ли?

– Понятия не имею, – пожал плечами Ерепа. – Может, это те, которых Его Величество лично зарубил?

– Сомневаюсь, – усмехнулся Валимир. – Его Величество рубал возмущенных и обиженных, а если готовились, они так умавливают, чтоб до последней минуты не подозревали. Думаю, – Валимир кивнул на черных оборотней, которые приостановились и заняли выжидательную позицию, – те вампиры знают об оборотнях, рассчитывая на них. Да-а, жалко, что мы не попали на праздник живота!

– Когда нам было-то! – напомнил Виткас. – Нас же охраняли днем и ночью! Вставали раньше всех, ложились позже всех, продукты на руки не выдавали. И все время с вампирами! А парня жалко. Ему теперь лечиться и лечиться.

Все трое разом обернулись к Марату и Ерепе.

– Вот что, – предложил Иван. – Засуньте-ка этого оборотня знаете куда? Скажешь: оговаривать Благодетелей не позволю! А сам бери ребят, и валите за нами. На прокорм нас

сманивают не тем, так этим. У нас стрел штук сто, пятьдесят мы раздали. Если они друг друга маленько поимеют, оборотней меньше будет. Нам на гору надо, там оборону займем, от туда легче. Первыми стрелами оружие отобьем, а будет оружие, еще посмотрим, кто кого!

– Если у этих оружие против своих есть, внезапностью могут больше половины положить, – согласился Виткас.

– Наших осталось около тысячи – еще неделя, и спасать будет некого. Каждый раз этим тварям крови все больше требуется, и оборотни жрать хотят. Сегодня отправляют нас куда-то. Человек шестьдесят и охраны тридцать, – посетовал Ерепа с тяжелым вздохом. – Мы теперь не нужны, они без снаряжения быстрее нас поднимаются. А у ребят десять стрел всего и упаковка сонного зелья.

– А когда они не вернуться, что с нами будет? – изменился в лице Марат. – Что ж ты молчал?!

– А я и пришел сказать... Только не успел, ты ж про оборотня начал рассказывать, – возмущенно отозвался Ерепа.

– Ебтвою, спасать надо ребят. Нынче же! – изменился в лице Олежа, схватившись за голову. – Перед подъемом они всегда заправляются на полную катушку!

– А как спасать-то? У нас еще такие есть, которые на бабло подсели. Дойдем, дойдем, разбогатеем! – раскраснелся Марат. – Хотя уже сомневающихся много. Понимают, что тут не чисто. Мы их пока не трогаем.

– А ты этих штрейкбрехеров оставляй, – грубо и реши-

тельно предложил Иван.

– Да подожди ты! – осадил его Валимир. – Тут хитрость нужна. Пустишь утку, что, мол, кому-то выгодно экспедицию сорвать, убивают, наверное, людей, и что в чай добавляют что-то, там наркота, потому и все его пьют, и надо ночью поймать изменников, и чай не пьем, делаем вид и выливаем в пуховик. Он не промокнет от кружки. Друг друга прикрываем. А ночью все дежури́м. И никому ни слова, чтобы изменники не поняли, что их ловят. А передают пусть один другому. До оборотня или до предателя дойдет – один у него будет на примете! А заварушка начнется, им не до нас будет, тогда можно и объяснить, что здесь происходит. Свидетелей много.

– Лучше уж я сам всех обойду, – не согласился Марат.

– Нет, ты им больше всех нужен, – произнес Иван, одобрив план. – Пусть каждый по человеку по три ведет за собой. Мы уйдем раньше, вы следом. Когда начнете подниматься, мы вас прикроем. Позиция тоже имеет значение. Сверху прикрывать удобнее. Приборы ночного видения у нас есть, нам выдали, чтобы мы раньше всех выйти могли. И на всякий случай возьми сигнальный пистолет, если не получится, пальни в небо красным, чтобы мы вас не ждали, а если получится синим.

– Понял, – ответил Марат и улыбнулся. – Сделаем!

– Так нам-то что, уходить? – расстроился Ерепа. – Мы с ними расправимся, а вас подставим?

– Черт, ты дурак? Такой шанс один на миллион! Конечно, уходите! – обругали его. – Но сразу идите в гору, только не на эту, а на те, – Виткас кивнул на подножие горы слева, передавая бинокль Ерепе, направляя его. – Видишь, там ущелье? Вас, скорее всего, в ту сторону поведут, с другой стороны пропасть.

– Ну, вижу...

– Через ущелье снежный мост. Как только все перейдут, надо его взорвать. Тогда им придется за коврами-самолетами бежать, но им сейчас не до них. Пока суть да дело, успеете далеко уйти. Если соберете оружие оборотней, то продержитесь, а стрелы посадишь, чтобы теплее стало. А лучше переход взорвать к чертовой матери! Думаю, там найдется какое-нибудь укрытие, в подножии всегда теплее. Вампиры здесь надолго не станут задерживаться, и эти, – он кивнул на черных оборотней, – вряд ли полезут, даже если догадаются. Когда все успокоится, выбирайтесь. Если выживем, подберем.

– Понял, – кивнул Ерепа, изучая маршрут.

– А я вот, думаю теперь, – Марат посмотрел задумчиво на Валимира, – и людей выбирают не наши оборотни. Заметь, они стараются южан скормить, иноживущих, слишком молодых, и слишком старых. Всех, кто тобой, Валимир, быть не может.

– А я-то сообразить не могу, что это я при моей-то невежести так долго на этом свете задержался, – ошеломленно

открыл рот Валимир. Лицо его перекосило. – Суки! Как они меня обложили!

– Богатенький вампир с твоей красоткой развлекается, – усмехнулся Виткас. – Сам бы не увидел, ни за что бы не поверил. Да я и не поверил! Нет, чтобы денег дать! Вот, мол, сплю с твоей душой, прими за нее выкуп, и не парься, найди себе другую. Подумал ты о нужде своей, вспомнил про Благодетеля, и она сразу вспомнила, что при богатом мужике, которому душа поклонилась! Блин, я закон твой жидовской про выкуп понял, – засмеялся он.

– Я не жид, – успокоил его Валимир. – Кормилица... как бы это сказать... была потомственной ведьмой и ведуньей. Порчи, проклятия, болезни снимала и накладывала, в общем, портила жизнь помаленьку и тем, и другим, покойница на могилке могла заприметить. От них-то они и узнали, что надо землю достать, чтобы в Рай попасть. Понятно же, что не могильную. И меня пыталась к этому делу пристроить. Вот дурак-то был, когда не слушал, подался в семинарию. Думал, пользу людям принесу. Только там быстро мозги вправили.

Вечер прошел как обычно, разве что люди молчаливы и озабочены и чуть напряженнее лица. Еще один отряд сразу после обеда ушел на разведку, чтобы проверить другие пути. Их ждали лишь к ночи. Никто уже не сомневался, что в горах действует некая сила, которая убивала людей, и увидеть их

никто не чаял. На этот раз им разрешили попроситься, чтобы прекратить всякие домыслы о том, что будто бы кто-то убивает людей. И не удивительно, столько сгинули без следа. Это стало неожиданностью, проводить их пришел весь лагерь. Высокопоставленные особы и Их Величества произнесли речь, в которой искренне надеялись обнаружить следы того самого аэродрома, где, по сообщениям с большой земли, доставленном животными, их ждал самолет. Каждый высказывался по этому поводу, все ждали хороших новостей.

Но сразу после митинга оборотни повели себя как всегда – развязно. Вампирам стало не до людей, они впервые разбирались между собой прилюдно. Часть из них требовала вернуть назад, часть упиралась, доказывая, что ближе перейти еще две горы, о которых донесли, спустившись на большую землю по западному склону. Часть молчаливо соглашалась и с теми, и с другими. Все вампиры низко кланялись перед Их Величествами, выказывая величайшее почтение, и говорили, упирая на то, что каждый из них безоговорочно подчиниться решению Их Величеств, как единственно правильному. Голоса разделились поровну.

– Хорошо, – Его Величество встал. – Мы, безусловно, понимаем ваше волнение и тревогу. Мы согласны, что часть из вас вернется назад тем же путем. Но вы должны понимать, что мы не сможем вам выделить ни людей, ни другую помощь. Единственное, что мы можем дать: сухой паек на двадцать дней, один ковер-самолет, необходимое снаряжение.

Я требую, чтобы вы покинули территорию лагеря за десять минут до начала комендантского часа. Всех, кто желает покинуть нас, прошу внести себя в список, чтобы вам приготовили все необходимое до ужина.

Ее Величество не произнесла ни слова. Она встала и ушла в свой шатер, опираясь на руку Его Величества. Ее и Его Величество расположились неизменно в царском шатре с удобствами и подогревом.

Сразу после его слов в лагере началась суета.

Именно вампиры зубоскалили в этот вечер между собой на потеху и оборотням, и людям. Вампиры, которым было разрешено отправиться обратно, возмущались, что им выдали всего по пять банок консерв на день, что снаряжение дали не самое надежное, что ковер-самолет и все остальное придется тащить самим. Оборотни в горах подчинялись лично Ее Величеству, независимо от того, какому вампиру принадлежали в другое время. Несколько людей пожелали вернуться с теми, кто собирался в обратный путь, но всем и каждому объяснили, что разрешение выдано лишь тем, кто в той или иной мере является для экспедиции обузой, объедая и задерживая, и что вреда от них больше, чем пользы.

С этим согласились все.

И сразу часть оборотней отправились шмонать убывающих вампиров, а Святые Отцы исправно отслужили службу, вкусив со стола со своей паствой и освятили все, что было выставлено, разве что отказались от сладкого и пошли со-

бираться в обратный путь вместе со всеми. Они тоже разделились, как высокопоставленные члены экспедиции: кто-то считал, что долг их пройти до конца поводырями заблудшим, кто-то, что нельзя оставить без поддержки овец праведных.

Прошел слухок, что тянули жребий: желающих вернуться или остаться было слишком много.

Сразу после ужина людей отправили по местам, комендантский час объявили на час раньше обычного. После восьми, когда стемнело, каждого обязали находиться в спальном мешке. Люди не спорили, все устали и вымотались за день. Вампиры, которые имели право не соблюдать общие правила, занимали первые места в рядах зрителей наравне с оборотнями. Серые будни приелись и тем, и другим. Даже министр внутренних дел не смог убедить подчиненных вернуться к своим прямым обязанностям. И немногие оборотни выказывали недовольство, когда замечали, что люди смотрят на то, что происходит в части лагеря, где располагались палатки высокопоставленных членов экспедиции.

Ровно без двадцати девять, когда стало темно, лагерь разразился оглушительным свистом и выстрелами в воздух. С теми, кто покидал лагерь навсегда, прощались гиканьем и улюлюканьем.

И никто не обратил внимания, как один за другим вверх по вырубленным в камне ступеням, не издав ни звука, под-

нимаются люди из грота, который располагался к лестничному подъему ближе всего. Полураздетые, часть из них шла почти босиком, не обремененные спальными мешками и снаряжением, и немногие из них имели за спиной рюкзаки с продуктами, собранными накануне.

Никому бы в голову не пришло, что можно бежать вперед, а не назад.

Спустя час после очередного осмотра в грот заглянули три оборотня, не заметив ничего необычного. Посередине горел огонь, едва освещая помещение. Люди спали в спальнях мешках. Одежда и обувь, которой не досталось места на веревочке и у огня, небрежно брошена рядом, распакованные рюкзаки, сваленное в кучу страшущее снаряжение. Тихо, но сонное зелье отключало человека так глубоко, что иногда можно было подумать, что тот, кто его принял, умер.

Очевидно, повар положил таблеток больше, чем следовало.

– Пошли, – позвал один из оборотней. – Я хочу увидеть, чем все закончится. Мне интересно, у них получится или нет. Я уже пять раз пробовал. Отсюда можно только с человеком выйти.

– Да хрен их знает, мы одно, они другое. Этих-то что, когда? Жрать хотца. Вот сволочи, до кости в последнее время обгладывают. Хоть бы мозговые косточки оставляли.

– Как обычно, после двенадцати приведут.

– Жаль, не успеем сделать ставки. Трансформация начи-

нается раньше...

– А когда у нас сегодня луна выходит?

– В половине. Расходятся, господа хорошие... Пошли бегом! Если развернет, то скоро...

Он посмотрел на часы. Три человека-оборотня бросились бежать, но, видимо, не успели: там, куда они торопились, раздались изумленные возгласы вампиров и веселое гиканье оборотней...

Около ста человек быстро поднимались в гору, оставляя лагерь позади себя далеко внизу. Четверо, которые шли последними, чуть отставали, часто оглядываясь. Прошло три часа, а лагерь оставался без движения – и это тревожило. Два часа вампиры и оборотни не могли успокоиться, вслед им из лагеря доносился смех. Глупенькие, вряд ли вампиры догадывались, что те, кто уходил, знали, что пришла подмога, и им не придется возвращаться одним. Черным оборотням ничего не стоило доставить высокопоставленных государственных мужей куда пожелают – престолонаследнику нужна была поддержка.

Их голоса летели вслед, подстегивая беглецов...

Многие уже сносили или сняли сырые носки, рассовывая по карманам, в кровь разбили ступни и ладони. Куртки, обувь и часть одежды пришлось оставить в гроте. Отсутствие теплой верхней одежды и обуви заметили бы сразу – брали один комплект на двоих. Все должно было выглядеть так, как

будто они спят. Выиграть у смерти ночь – не так уж мало, им нужна была эта ночь. Перед побегом одевали на себя свитера, теплые брюки, рубашки, белье, какое нашлись в рюкзаках, обматывались полотенцами, засовывая в спальники и рюкзаки камни.

Над краем горизонта из-за горы показался диск луны...

И вдруг лагерь ожил... Вспыхнули палатки, раздались выстрелы, тишину разорвали крики.

Четверо, которые поднимались последними, разом остановились, припав к окулярам биноклей и приборов ночного видения. Остановились и люди, поднимающиеся по ступеням.

– Вперед! Вперед, я сказал! – хриплым голосом прокричал один из четверых.

Люди мгновенно задвигались и снова полезли вверх.

– Бабеля, гони их, иди, мы справимся без тебя. Через час дай ребятам минут двадцать. И ты, Иван, иди. Если что, ищите пещеру и взрывайте ее к чертовой матери. Виткас, вся надежда на тебя, я из лука никогда не стрелял.

Стрел осталось всего семьдесят штук, остальные оставили ребятам, да и вряд ли им они понадобятся, если начнется погоня – лучников было всего лишь двое.

Иван молча кивнул и полез вверх за Бабелей.

Прошел час. Крики и пальба в лагере не утихали. Но теперь выстрелы были не только в лагере, а чуть дальше. Похоже, черные оборотни отступали.

– Что-то наших не видать! – с болью в голосе произнес

Валимир

Виткас промолчал. И вдруг внизу загорелась синяя точка.

Оба встали, замерев на месте, наблюдая, как она делает полукруг и медленно гаснет.

– Пошли! – произнес Валимир.

– Подожди, как так?.. – Виткас о чем-то напряженно думал. – Ракета взорвалась не над лагерем, километрах в пяти... может дальше... За пропастью... Будь мы внизу, мы бы ее и не увидели... Они назад ушли?!

– Что? – Валимир повернулся и чуть не скатился со ступеней. – Их же догонят!

И сразу пять разноцветных ракет поднялись в небо. И Валимир, и Виткас с минуту неподвижно наблюдали за ними. Не успели погаснуть все пять, как снова пять ракет друг за другом разрезали ночную мглу.

– А чего они палят? – спросил Валимир с болью и недоумением.

– Думают, что мы не видим, – ответил Виткас и радостно вскрикнул. – Смотри! Дерево горит!

Но Валимир и сам увидел, как в черном море, которое надежно укрыло низину, яркой звездой зажглось белое огненное пламя.

– Не сомневаюсь, они сделали большую глупость, – Валимир был расстроен.

– Наверное, наш уход заметили и подъем охраняли. У них

выбора не было... – ответил Виткас, смахнув слезу. – Мы им ничем не поможем. Пошли! Если они увели оборотней в обратную сторону, мы успеем уйти далеко.

– Но так глупо рисковать...

– А какие шансы выжить у нас?

Пальба в лагере все еще продолжалась.

– Если они уйдут далеко и найдут место, куда спрятаться, может быть, мы их еще увидим, – успокаивая себя, прошептал Валимир с болью в сердце. Он знал, что прятаться на склоне четвертой горы было негде. Они изучили его вдоль и поперек. – Там пропасть, как они через нее?! Разве что присоединится к группе Ерепы. Но до перехода далеко, не успеют.

– Если они и в самом деле в пяти километрах от лагеря, то до перехода им ближе, чем до лагеря. Успеют, – прошептал Виткас. Но голос у него предательски дрожал. – Наверное, здесь проходил какой-нибудь холщевый путь из одной части государства в другую... Кто-тоже вырезал эти ступени.

Виткас был расстроен не меньше. И, наверное, чувствовал себя виноватым, жалея, что хотя бы часть из них не ушла с ними.

Через полтора часа они нагнали своих. Ребята ушли далеко вперед, лагерь был уже не виден. Но никто не останавливался – все знали, как быстро умеют подниматься оборотни. Через четыре часа сделали еще одну остановку. На этот раз отдыхали час. Их догнали пятеро отставших, упавшие на

лестнице. Им досталось полчаса отдыха. Кто-то достал тушенку, открыл банку и дал им подкрепиться. Кто смог, уснул прямо на ступенях. Погода начала портиться, звезды заволокло туманом, лестница слегка засветилась и стала заметно теплее, согревая их на ветру.

– За нами пока не гонятся, – обнадежил всех Виткас, наблюдая за перемещениями в лагере через бинокль.

– Им пока не до нас, – понуро сказал Валимир, посвятив Бабея и Ивана в то, что случилось.

– Наверное, им не удалось, и они решили отвлечь оборотней на себя, – с горечью подтвердил его мысли Иван.

– Возможно, прикрывали не только нас, но и ребят, которые не смогли справиться с оборотнями. Они как раз должны были вернуться.

По очереди вздремнули, отводя на дежурство по пятнадцать минут. И когда проснулись, ребята уже поднимались. Через два часа наступил рассвет. Страх и желание выжить загнали их высоко, за тринадцать часов преодолели больше трети горы. Так они еще не торопились. И продолжали подниматься, удивляясь своей выносливостью.

– Посмотри, лестница горячей становится! – заметил Иван. – Не поджаримся?

– Не думаю! – сказал Виткас, который шел последним, то и дело прикладывая к глазам бинокль. – Когда начнется погоня, оборотням придется искать другой путь! А без нас, Иван, им здесь в горах не место. Странно, что погони все

еще нет.

– Нам надо найти укрытие, чтобы спрятать ребят, – сказал Иван останавливаясь и оборачиваясь. Лагерь остался далеко внизу.

– Нам надо прятаться там, где останавливалась троица. Просто так не найти. Но я заметил, что они всегда останавливались или у подножия, или на вершине, – ответил Виткас.

– Я тоже заметил, – подтвердил Валимир.

Уже никто не понимал, откуда у них берутся силы идти так долго и так быстро. Снег и росу слизывали прямо со ступеней. Кто-то брал в рот камушек, чтобы сосать по дороге и не думать ни о чем, кроме подъема. Шли третьи сутки, и никто не отстал, никто не думал о еде, никто не падал от усталости, не жаловался и не стонал. И ни один не понимал, как такое возможно. Наверное, открылось второе дыхание. Казалось, ступени выжигают усталость. Здесь гора стала круче, поднимались, стараясь не смотреть вниз. Те, кто был сверху, сбрасывали веревки, по ним поднимались, скручивали, и передавали вверх по ряду из рук в руки.

Они были почти на вершине, когда заметили, что погода обходит их слева и справа. Оборотни избегли лестницы. Сразу трое покатались вниз, сраженные автоматными очередями. Раненого подобрали, от мертвых посторонились, поддерживая руками. До вершины оставались считанные метры, и кто-то уже был там, подтягивая остальных. Оборотни ча-

стью шли зверями, частью людьми. Люди были вооружены, а звери хищно скалились, прыгая с одной скалы на другую порой до пяти метров без всяких усилий, цепляясь за выступы, которые нельзя было заметить под снегом. Но здесь начинались отвесные пропасти, и им тоже приходилось тяжело. Погоня была не так многочисленна, как ожидали, но для двоих лучников оборотней было много.

Виткас сразу же занял позицию и сразил двух оборотней, которые поднялись чуть выше, урочая людям, которые стремительно поднимались. Валимир выстрелил, но промахнулся. Виткас опустил лук его вниз.

– Не трать стрелы! – попросил он. – Уводи людей! – он кивнул вверх: – Нам на сорок ступней подняться, мы вход закроем и задержим их, пока ребята уходят...

Валимир и Иван положили убитых на снег рядом с лестницей. Глаза их были широко открыты и смотрели в небо неподвижными зрачками удивленно, будто посмотрели на себя в зеркало и увидели другого человека. Иван закрыл глаза обоям, на руках его осталась кровь.

Они догнали Виткаса, который теперь поднимался к лестнице спиной, прикрывая его собой.

Еще пять оборотней сорвались в пропасть, пробитые меткими выстрелами. И сразу после выстрелов пули полетели очередью в то место, откуда летели стрелы. С одной стороны, их прикрывала нависшая скала, с другой и снизу пространство оставалось открытым. Валимир забрался выше, отвле-

кая оборотней на себя. Иван и Виткас поднялись еще на несколько ступеней.

Заметив оборотня, который целился в них, Иван вырвал каменную глыбу и выставил ее перед собой, закрывая Виткаса.

Валимир выстрелил. На этот раз уроки друга не прошли даром. Раздалось легкий вскрик, и тело покатилось по склону. И тут же ударила очередь из-за второго камня. Он едва успел присесть, когда сразу две пули навывлет пробили Ивану плечо, раскрошив глыбу, которую он держал перед собой. Виткас уложил стрелявшего и еще пятерых, которые старались подобраться ближе.

Стрелы таяли на глазах, а оборотней меньше не становилось.

Заметив, что стрелков всего двое, оборотни осмелели, предприняв попытку пробиться, закрываясь трупами мертвых, выставя собратьев перед собой, как щит.

Атаку отбили: Валимир занялся теми, которые были к ним ближе, двое остались на поле боя, еще четверых уложил Виткас, трое вернулись в укрытие.

– Нам бы их на лестницу заманить и подержать там, – вдруг усмехнулся Иван, зажимая плечо. Он кивнул на трех оборотней, которые стояли поодаль, наблюдая за ними, не вступая в схватку. – Они обратную трансформацию пройти не могут, – догадался он. – Автоматы на шее висят, а стрелялками не зацепишь! Так их уделать, время нужно, я ду-

маю, они по лестнице долго бежали, пока поняли, что в зверей превращаются, а со зверями, у которых ума нет, мы справимся, охотников промеж нас больше половины...

Виткас поднялся еще на семь ступеней, привалившись к скале. Он выпустил одну за другой десять стрел, заставив умолкнуть еще десять оборотней, которые палили направо. В ответ ударили сразу двенадцать автоматных очередей с нескольких позиций. Оборотней становилось больше, склон пестрел их головами – подтянулись те, что оставались внизу, но подняться по отвесным стенам они не смогли. Прыгали и скатывались.

– Надо дать ребятам время укрыться! Охраняем проход на вершину, и бьем, сколько сможем, – Виткас выпустил еще три стрелы одну за другой, поразив столько же оборотней. – Ты, дядя Ваня, уходи... Моим потом передай, если что, поклон от меня...

Иван подал ему стрелу. Одна рука его повисла неподвижно, он слабел, кровью залило рубаху. Теперь Валимир прикрывал друзей, спрятавшись за валунами, пока Виткас снимал со скал еще восьмерых.

– Ты, Виткас, почто смотришь криво? Ты передай, а мне, сынки, похоже, хана, – признался Иван. – Прощаться будем... Он похлопал Валимира, прищурился. – Ты извини меня, сразу-то человека не разглядишь...

На губах его выступила кровавая пена. Только сейчас оба заметили, что у Ивана пробита грудь, и кровь течет по спине.

Пуля навывлет пробила легкое, рядом с сердцем. Иван привалился к стене и захрипел, задыхаясь. Виткас выпустил еще восемь стрел одну за другой, пока Валимир поднимал Ивана на пять ступеней. Отсюда начинался самый узкий проход на вершину. Оборотни окружали их плотным кольцом. Но от людей на какое-то время они их отрезали.

– Да подождите прощаться-то! Нам всем хана! – возмущенно отозвался Валимир, подставляя камень под автоматную очередь.

Камень раскололся на два куска. Одна пуля впиалась в живот, одна в ногу, одна прошла ребро. Еще одна просвистела вскользь по щеке Виткаса, едва не угодив в голову.

Валимир усмехнулся, заметив, что Виткас слегка побледнел.

– Вот видишь! У меня двадцать минут! – удивленно произнес он, схватившись за живот. – Там у меня безноса барракуда... Тварь... Быть тебе, ведьма, оборотнем! Гав-гав! – хихикнул он, зажимая рану. – Теперь, наверное, пора! – он обвел Ивана и Виткаса нежным взглядом, с любовью посмотрел на горы. – Свидимся ли, не знаю, но честное слово, приятно умирать в кругу друзей, которым до меня есть дело!

Иван закашлялся. Из рта потекла кровь. Он тяжело дышал. Легкие наполнились кровью. Зрачки у него расширились, он смотрел куда-то в пространство перед собой, и улыбался, будто был где-то далеко, может быть, у себя дома...

– Как думаете, наши успели? – хрипло и тихо прошептал

он и уронил голову.

– Я запрещаю вам уходить! – испуганно и яростно закричал Виткас, побледнев еще больше. Он смотрел на обоих с ужасом.

Валимир положил на него руку, залитую кровью, навалившись спиной на скалу, закрывая его собой.

Виткас поднялся на колени, выпуская одну стрелу за другой. Проход они закрыли, ребят уже давно не было видно. И упал, закрываясь от пуль, между Валимиром и Иваном. Прошла минута, оборотни выглядывали из-за укрытий, поднимаясь им навстречу, продолжая стрелять в то место, где они были. Пули рикошетили, разбиваясь о скалу и выбивая каменную крошку.

И вдруг автомат замолчал. И второй. И третий.

Вокруг выли и металась оборотни.

– Чего это с ними? – ошеломленно, с приятным оживлением, то ли мысленно, то ли вслух, подумал Валимир, чувствуя, как боль проникает в каждый уголок его тела и уносит его самого. Но он привык к боли и просто ждал, а смерть – вот она – стояла и улыбалась... Дьяволом, который был и не был, и что-то говорил, а он не слышал. И улыбался в ответ...

Все-таки он не сломал его, не смог подмять под Благодетеля...

«Накось, выкуси! А теперь меня уже нет!»

Ему почудилось, или было на самом деле, как Виткас пошевелился, слегка повернув окровавленную голову... устре-

мив в небо черные глаза, в которых застыло непонимание и немой вопрос. И слабо улыбнулся – свидятся, если в одной могиле...

Мимо летели стрелы и били оборотней на таком расстоянии, на котором и они не смогли бы их достать, отрезая атакующих. По лестнице спускались.

– Быстрее, ребята ранены! Воды! Осторожно... Стрелы собери...

– Автоматы? О, блин, карабины пустые... Жаль, не достать...

– Брось, там еще оборотни поднимаются ... Уходим...

Глава 17. Пещерка бабы и ее разбойников

– Я умер, и я в Раю! Вопрос первый: так ли хорош Рай, если гнусная рожа Виткаса сидит у меня в ногах и клюет носом? Вопрос второй: с чего это у меня ноют ноги и живот? Вопрос третий: почему я в воде? Я умер, и я в Аду. Вопрос первый: так ли уж страшен Ад, если милейшее создание сидит у меня в ногах и клюет носом, а не поджаривает на углях? Вопрос второй: неужто Ад так милосерд, что я почти не чувствую боли? Вопрос третий: чем я заслужил воду вместо углей?

– Ты не в Раю и не в Аду. Тьфу, тьфу, тьфу, жив пока! – услышал он насмешливый голос друга, о котором Валимир не смел бы мечтать.

– А Иван? Наверное, неразумно спрашивать, жив ли ты... – Валимир пощупал Виткаса, убедившись, что он ему не снится.

– Жив, жив! Но трое погибли. О двух ты знаешь, а один по собственной глупости. Пытался достать оружие убитых оборотней, полез за скалы... Двенадцать раненых, но серьезных ранений нет.

– Ну да, глупо, – согласился Валимир. – Сколько я проболел?

– Полдня... Есть хочешь?

Глаза Валимира изумлено полезли вверх.

– Полдня?! И у нас есть что поесть?!

– Найдем! Ты лежи, лежи...

– Да у меня вроде нигде не болит, – он поднялся и сел, ощупывая себя. Последнее, что он помнил: боль во всем теле, особенно в животе – и гнусная рожа Дьявола. Теперь же он лежал в воде у самого берега подземного озера. Вода была обжигающе холодной, но приятной до щекотки. Неподалеку лежал Иван, возле него сидел Бабеля, они о чем-то разговаривали. Кроме них с Иваном в озере лежали еще несколько человек. Кто-то мылся, кто-то купался, переплывая озеро на перегонки.

– Среди нас врач? – удивился он.

– Врач есть, но он тут не при чем, – Виткас улыбался от уха до уха.

В огромной пещере вповалку спали люди. Кто-то колдовал над деревянным горшком, несколько человек сидели у костра и поджаривали грибы и рыбу. Приятный запах шибал в нос, сразу началось слюноотделение. Несколько человек горланили похабную песню, чокаясь и запивая ее водой из кружек, доливая себе из пластиковой бутылки. Вода как раз закончилась, и один из них встал, не переставая петь, подошел к озеру, зачерпнул воды, вернулся, присоединившись к компании. Вся пещера была наполнена голубоватым свечением. Было светло, как пасмурным днем. То тут, то там

из земли торчали грибы, будто их специально посеяли, зеленые кочанчики продолговатой формы, толстые жирные желтоватые стебли поднимались по стенам. Дно пещеры было покрыто мхом и лишайником, да так густо, что тот, кто ступал по зеленому ковру, слегка проваливался.

Валимир приподнял рубашку, ощупывая себя.

– Как это ни при чем, а где мои дырки? И где мы находимся?

– В пещере бабы и ее разбойников. А ранку мы тебе водичкой сбрызнули. Вода тут целебная... Минеральный источник... Но, если человек умер насовсем, она не лечит, она его растворяет, от него остается горсть земли, – Виткас направился к костру, больше не обращая на него внимание.

– Шутишь? – Валимир потрясенно покрутил головой.

Усталости, как не бывало. Он вылез из воды, прошелся по бережку. Вода с него текла ручьями. Ступать по мшистому ковру было до одури приятно. Бессовестно чесалось в том месте, где врач отрезал добрый кусок приложения к достоинству. Яйцо тогда распухло и почернело, обнаруженная опухоль гноилась, и оперативное вмешательство оказалось единственным способом спасения себя любимого. После того случая он долго не мог подать свое достоинство как должно, стыдно было чувствовать себя наполовину евнухом.

Валимир снял с себя одежду, развешивая на веревке: многие так и сделали. В пещере было тепло, спали в трусах, развалившись на темно-зеленом ковре. Нырнул в воду, глотнув

ее. Почесал интимное место – ради этого он, собственно, и залез в воду, чтобы не на виду у всех – глаза его изумленно полезли вверх:

– Е-мое! Е-мое! – он щупал и щупал, и не мог поверить. Наросший орган был значительно лучше прежнего, утраченного. Ради этого стоило умереть и воскреснуть. Но до его яйца никому не было дела, на его возглас даже не обернулись. Ступая по каменистому дну, Валимир добрался до Ивана. Он лежал в воде, но живой и невредимый, вспоминая с Бабелем армейскую службу.

Валимир поздоровался, справился о здоровье и доплыл до середины озера, поднялся на каменную плиту. Тут сидели двое и что-то усилено пытались вынуть – оба красные от натуги, запыхавшиеся, обиженные.

«Меч внутри тебя!» – прочитал Валимир, разглядывая невероятно красивую рукоять, торчавшую из камня, украшенную знакомым вензелем. Круг, с перевернутой буквой А с размашистой перекладной. На части выставляющегося из камня лезвия – начало рунической надписи.

– Как они его туда воткнули? – парень стоял над кинжалом на корточках с мучительно перекошенным лицом.

– Не достается? – поинтересовался Валимир, разглядывая рукоять.

– Не-а, мы все пробовали... Вот это силища! Им человека на ладонь положить, другой прихлопнуть... Надо попробовать плиту расколоть...

– Да бросьте вы! Это же Дьявольская вещица, такая же, как неугасимое полено и эта вода. Тут надо или с какими-то мыслями породниться, или кем-то стать.

– А я слышал о таком. Только там меч был. Был такой король. А у него был друг – волшебник. И когда король умер, он воткнул меч в камень. И сказал: кто его достанет, будет следующим королем. Пришел обыкновенный парень и достал меч. Правда, в последствии выяснилось, что он был сыном того самого короля...

– Это легенда о двенадцати рыцарях круглого стола, короле Артуре и волшебнике Мерлине. Ну знаешь, никого из нас на царство не посадят, даже если мы его достанем.

Валимир из любопытства потыкал пальцем в рукоять и, взявшись за рукоять, потянул на себя. Кинжал вышел, как будто он доставал его из масла. И сразу же по рунам побежал огонь.

Оба парня с восхищением уставились на кинжал и на Валимира, поздравляя его с приобретением. Люди у костра, заметив на плите посреди озера оживление, глянули в ту сторону и, поняв в чем дело, остались на месте. Ну достал и достал. Парень был с приветом, но не плохой, ему и раньше удавалось удивить народ. Тем более, и без кинжала было чему удивляться: у двоих зарастали лысины, восемнадцать человек исцелились от ранений за считанные часы, у одного вырос отрубленный палец. В общем, хворь выходила из людей. А грибы?! А та же кисловато-сладкая капуста и ревень?

А палка, которая ярко горит и не сгорает, особенно, если ее воткнуть в землю?

Более или менее жизнь налаживалась.

Один Валимир с удивлением рассматривал кинжал, доставшийся ему непонятным образом. Красивый и старинный. Лезвие было острым, Валимир без труда срезал кусочек плиты, не пришлось даже прикладывать усилие. Стало понятно, кто и как вырезал ступени. Неужели все три дракона мертвы, и теперь его очередь отвечать за государство?

Царица умерла, да здравствует Царь?

Вот уж, не было печали!

Валимир, не испытывая никакой радости, вложил кинжал в ножны с поясом, сполз с плиты и поплыл к берегу. Прошелся, вокруг озера. Остановился перед посланием, прочитал и еще раз удивился: как человек мог носить железо и есть железо? «Меч в тебе!» – вспомнил он. Наткнулся на обломки ключа, возле которого не нарастал мох, повертел их в руках, собрал и вынес к входу в пещеру. И остановился, как вкопанный, наткнувшись на сваленные в кучу драконьи головы.

Это какой надо было обладать силушкой, чтобы порубить вот так Дракона?

«Е-мое! Е-мое!» – несколько раз произнес он мысленно, обойдя драконьи головы и примерив их на себя. Каждая голова была выше его раза в два, а шея толще него раза в три. Приоткрыл дракону веко и заглянул в мутный зрачок, величиной в две ладони. Попробовал выломать клык – мог вый-

ти неплохой сувенир. Зубы у дракона остались крепкими. Вспомнил про кинжал, достал его и срезал один. Клык оказался не полым и тяжелым. Таскать лишнюю тяжесть, может, к тому же, ядовитую, расхотелось. Выглянул наружу и понял, пописает тут, у входа. На улице стоял такой холод, что можно было снова отморозить яйца. Пописал на драконью голову. Не он один дошел до этой мысли: драконьи головы, а тут их было много, оброс желтыми сосульками. Бросил рядом обломки ключа. Заглянул в боковую нишу – голов там было еще больше.

Вернулся и нашел Виткаса. Тот обрабатывал лук, прикладываясь и вымеряя пальцами, по образу и подобию того, который лежал перед ним.

Красивый и удобный, разве что маловат.

– Это тебе, – сказал Виткас. – Мы решили, что раз ты достал кинжал, все остальное тоже для тебя оставили.

– В смысле? Все – это что?

– Котелок, вещи, рюкзак, стрелы, лук – вот! Кстати, Борзеевич меньше меня ростом на две головы... Его одежда никому из нас не подошла. Впрочем, как и Манина. Она тоже не такая высокая и худенькая.

– Так это они все оставили? Для нас? Они знали? – остолбенел Валимир.

– Они. Читал же.

Валимир покачал головой.

– Лук для меня маловат. Понимаю, подарок, но в оружии

есть закон – не твое, не лапай... Это, скорее тебе...

– Я себе уже сделал, Ивану отдай или ребятам... – Виткас кивнул на молодых пацанов, неизвестно как выживших, которые с серьезным видом изучали феномен пещеры. – Конструкция сильно продуманная, я по нему размеры снимаю. Стрелы у них необычные, понятно, как они на таком расстоянии оборотней били, – Виткас посмотрел на стрелу озадаченно. – Пробивают цель на таком расстоянии, когда видеть не обязательно. И целиться. Смотришь и думаешь: «Ах, ты, сволочь!» И стреляй хоть куда, стрела угодит именно в «сволочь».

– ???

– И про воду я понял, они стрелы в живой воде вымачивали, в этой, – Виткас махнул рукой в сторону озера. – Я и наши замочил. Стрел у нас немного осталось, и если бы не подарочки... Мы больше двух сотен оборотней положили. Все-таки наше нападение было неожиданным. В лагере оставалось около восьмьсот оборотней, если не считать тех, которые сопровождали Ерепенских пацанов... теперь там шестьсот. И если в стычке с черными оборотнями погибла хотя бы сотня или две, то получается по пять на человека...

– И что? – Валимир попробовал улыбнуться, но мысли были заняты оборотнями.

– Мы уже и дереву молились и Дьяволу, чтоб подрастил нам его. За ночь стрелы не вырастет. Маня и Борзеевич написали, что надо не меньше недели, а вампиры и оборотни

здесь будут завтра или послезавтра. Решили, будем ломать стрелы и биться врукопашную. Ребята готовятся. Все понимаем, шансы равны нулю. Если выживем, значит, выживем, если нет, значит, судьба такая. Кстати, котелка мы уже тоже, того – лишились. Удобная вещь, надо заметить! Но его еще, наверное, можно спасти. Они не тащат продукты, они семена несут. Бросил семечко, полил живой водичкой, а к утру у тебя там и морковка, и свеколка. Воду залил, вскипела – и вот уже борщ.

– Где-то я про такой горшочек уже слышал... – задумался Валимир. – А куда вы его дели? Этот? – он посмотрел в сторону костра.

– Ребята семена бросили, полили и ушли. А он в землю врос.

– Стрелы дай! – попросил Валимир.

– Зачем? – удивился Виткас.

– Стрелы, говорю, дай! – потребовал Валимир твердым, чуть изменившимся голосом.

Виткас зашел по пояс в озеро, вытащил небольшую вязанку, протягивая Валимиру.

– Это все, что осталось?! – охнул Валимир.

Виткас кивнул. Валимир развязал стрелы, сложил букетом и направился к костру, оттолкнув парней, которые баловались с котелком.

– Не игрушка! – строго погрозил он пальцем, аккуратно сложил стрелы и поставил их в горшок, как букет.

Стрел осталось десятка четыре. После этого сходил за водой и наполнил котелок до краев. Сел перед горшком в позе лотоса и застыл.

Возле него начали собираться любопытные.

Кому-то начало казаться, что стрелы вытягиваются, кому-то, что остаются, как были. Принесли мерило и установили метку. Через полтора часа поняли, подрастают, но не так чтобы очень, сантиметр в час, не более. За сутки двадцать четыре, а стрел нужно было не меньше пяти сотен. Вода в горшке осталась на дне. Воду долили. Стрелы рост ускорили, на концах их набухли и лопнули, освобождаясь листочки, которые быстро стали взрослым листом. В пещере стало светлее, будто заглянуло солнце, засветилась сосулька над плитой посреди озера. Несколько раз полыхнуло и гроыхнуло, и все почувствовали запах озона. Половина любопытных ретировалась в безопасный конец пещеры, или вовсе вышла проветриться. Разрядные живчики иногда ударяли над самой головой Валимира.

Еще через час стрелы вытянулись сантиметров на двадцать. Обрадовались. Зашумели. Умельцев по дереву отправили спать. С утра им предстояло хорошенько поработать. Кто-то вдруг сообразил, что лианы тоже дерево, только сильно видоизменившееся, начали искать побег, годные на срезку. В рюкзаках оставалось пять кольев, посадили рядом, не отвлекая Валимира – а вдруг успеют до приличной излучины лука вытянуться?! Заметив, что подрастают, сбегали на

лестницу, что поднималась в гору, собрали стрелы и там, сложили, у кого какое было серебро. В основном цепочки, крестики. Не жалели. Со Спасителем против человека самое то, против того же проклятого, а против нечисти толку мало. Крестный ход никогда не заканчивался добром – или расстреляют, или дубиной по спине отходят, или на смех поднимут, или столько трупов, что впору нечистью себя обозвать, мирно крестный ход заканчивался только во славу вампира. И его напугать можно было только мудрым высказыванием в его адрес и коллективным вразумлением, и крест лучше не на себя, а на него положить, он его как огня боялся. И судиться с ним было бесполезно – себе дороже. Лучше добром, а не то отдашь до последнего кодранта. Вряд ли здесь, в обители Дьявола, жаловали кресты, Дьявол не крестился, он крестил – это даже самые упертые поняли.

Стрелы, видимо, приросли к горшку, и пили соки уже из земли. Росли они ровно, будто под заказ. Кроме дерева росли и грибы, и кочанчики, а в том месте, где семена просыпали, вышли из земли растения, которые никто не ждал.

Еще пятеро изъявили желание объяснить Дьяволу нужду в стрелах. Рост сначала замедлился, на них шикнули. Но сразу после этого из сосульки над плитой вышло белое пламя и разделилось на двенадцать лучей, которые ударились в огромные валуны в рост человека, расставленные по кругу вокруг озера, и сиять они начали точно так же, как сосулька. Лианы на стенах зашевелились. От них потянулись ростки.

На сосульку и валуны смотрели с благоговейным трепетом.

Древнее капище!

По пещере пронесся единодушный вздох облегчения и удивленные немногословные восклицания восторга и ужаса. К тем, которые медитировали, присоединились остальные, не занятые на завтра.

Сидели до утра. Утром умельцев разбудили.

Валимир срезал своим ножом отрасль, разрезал ее на три равные доли, отдавал на обработку. Стрелы получились что надо. К нему присоединились остальные. Отточенные накопечники окунали в серебро, сносили на вымачивание в озеро, а после шлифовали, затачивая еще раз. Скоро стрел было больше, чем достаточно, они лежали охапками. Обрезь подбирала и складывала в карманы на случай, если рукопашная все же будет. Лучников теперь было больше сорока, но стрелять умел не каждый. Виткас провел курс молодого бойца, отборочные соревнования, выбирая основных лучников и команду запасных, которые страховали и прикрывали ребят.

Устроили баррикады, оставляя себе отступление к воде, натаскав камней с горы. Все понимали, рукопашной не избежать. Вход заложили, оставив узкий проход, чтобы оборотни заходили по одному. Несколько человек разместились сверху, чтобы можно было как следует ткнуть оборотня острием до крови.

Предстояло биться не на жизнь, а на смерть. Продумывали все до мелочей, вплоть до того, если оборотни и вампиры попробуют проход взорвать. Продумали вариант, что делать, если придется спасать людей боем. Выставили часовых.

Люди собрались служивые, у каждого за спиной была и армия, и горячие точки.

Ночь прошла спокойно, тренировались, отработывали приемы. Часовые донесли, что лагерь вампиров пока далеко, но они поднимались. Видимо, вампиры остановились, подсчитывая убитых, которых отправили в погоню. Близился рассвет, гостей можно было ждать лишь к обеду и к вечеру. Но на оборотнях они поднимались быстро. Вспомнили людей и пожалели, что они не смогли бежать вместе с ними. Все переживали, выжил ли кто-нибудь.

Первое сообщение, что оборотни вот-вот придут, пришло несколько раньше, чем ждали.

Мысленно помолились, потому что вечером еще не были готовы. Все поднялись и заняли боевые позиции. Никто не знал, сколько оборотней осталось в живых. Но оказалось, их меньше, чем предполагали. Видимо, вампиры теперь закусывали своими зверюшками. В пещере наступила тишина, нарушаемая лишь звуками, доносившимися извне.

Прошел час...

Раздался шорох, и в пещеру полетели разрывные гранаты и гранаты со слезоточивым газом.

Сразу за гранатами начался шквальный обстрел. Оказалось, продумали не все, пожалев, что не замуровали себя.

Но странно, слезоточивый газ быстро рассеивался, не вызывая слезоточивости и жжения в легких. От озера быстро начал подниматься туман, нейтрализуя действие газа. Осколки гранат искривленными траекториями прилипали к стенам и потолку – включилась какая-то магнитная защита. Сразу стало понятно, что реликтовая физика в этом месте не действует. Впрочем, как и ботаника, и биология, и прочая наука. Или действует, но по особым правилам.

Первые оборотни вошли смело – их пропустили.

Заметив, что на них уставились сто с лишним пар веселых глаз, смешались и остолбенели. И сразу полегли.

Еще шестьдесят оборотней попытались прорваться с бо-ем. Их трупы заслонили проход.

Вскоре начала дрожать осыпь прохода – снаружи ее разбирали. С прохода стреляли в тех, кто выносит камни. Еще около тридцати оборотней отправились к праотцам.

Заметили, что черные валуны не получили ни одной царапины, стали осторожнее, прячась и за ними. Особенно активно пули прилипали к потолку и сосульке над нею в середине озера. Несколько опытных лучников перебрались на плиту. Позиция была сама удобная, и, очевидно, самая защищенная.

Оборотни расширили проход, удалив верхний слой камней, оказавшись в выигрышном положении, часть людей и

несколько лучников сместились в угол стены. Еще тридцать оборотней ворвались в пещеру, частью зверями, частью людьми, и зачем-то с криками бросились в озеро, очевидно пытаясь ликвидировать горячую точку, откуда стреляли методично и очень метко.

И не достигнув середины пути, начали тонуть и захлебываться. По рядам бойцов пробежал ехидный смешок, поднимая настроение.

Следующая сотня оборотней оказалась умнее, протискиваясь и сразу набрасываясь на тех, кто укрывался за баррикадами и валунами. Завязалась жестокая рукопашная.

Трое из красного креста оттаскивали раненных в озеро, еще пятеро отбивали их, обороняя санитаров. Лучники в первую очередь уничтожали оборотней-людей с оружием, пропуская зверей. Опытные бойцы владели стрелами не хуже, чем любым другим холодным оружием, не отстраняясь и подставляя стрелы, когда звери набрасывались. Достаточно зверя было ранить, и он начинал вертеться ужом.

Визги, крики, мат, боевой клич и призывы сотрясали своды...

Укушенные сразу бежали к озеру, иногда затаскивая зверя за собой...

И вдруг наступила тишина. Только ветер свистел за стенами. Оборотни отступили.

Сразу занялись ранеными, которые не могли передви-

гаться сами и убитыми. Насчитали пятнадцать смертельно убитых, которые остались на поле боя.

– Давайте, все же, омоем их живой водой, вода сама разберется, кто жив, а кто мертв, – предложил кто-то, собирая в живот вырванные кишки.

На многие раны было страшно смотреть: вырванные животы и вскрытые шеи, у одного оторвали ногу с частью бедра. Ребят положили у берега, полностью погрузив в воду. Приложили ногу. Рядом погибших от пуль.

На дне второй раз оказался Иван, который бился сразу с четырьмя оборотнями, и Сапер, всадивший в двух оборотней по стреле, не успев достать третьего, четверо незнакомых Валимиру альпинистов, Бабуин, который через толпу оборотней бросился Саперу на помощь, Макс... Одному пуля угодила в голову, двое оказались в эпицентре взрыва, прошитые осколками. У тех, кто смог самостоятельно добраться до воды, раны быстро закрывались и затягивались.

Слезы многим застилали глаза. Кто-то брызгал себе в лицо водой, чтобы скрыть их.

И сразу поняли, что вода принимает только одного, который бился на насыпи – он пролежал мертвым дольше остальных, его было не достать. Все его тело было изрешечено пулями, порвано, не раз и не два оборотни прикрывались им, когда в него попадали свои. Когда его погрузили в воду, он мгновенно почернел и осыпался прахом. Но за кровь бойца было пролито столько крови оборотней, что новым оборот-

нем здесь и не пахло. Его почтили минутой молчания, кто-то не удержался и всхлипнул.

Остальные почему-то отплыли от берега, и ушли на дно.

Подсчитали оборотней, насчитали больше трех сотен, считая тех, кто был утянут в озеро ранеными. Оборотни, которые горами лежали на берегу, чернели, и часть их стала погружаться в землю. А те, которые в озере, куда-то девались, на дне они не просматривались. Оборотни дрались не на жизнь, а на смерть, но и бойцы дрались за жизнь. На каждого, пожалуй, по три зверя, остальные пали от стрел лучников, которые прикрывали с плиты и укрытые за баррикадами и из-за валунов.

Четырнадцать ребят лежали, совсем как живые, будто спали. Вода омыла с них кровь, и была над ними немного мутной.

– А почему она их не забирает? – спросил кто-то с надеждой в голосе. – Она даже оборотней забрала!

– Наверное, она знает, как поступать с врагами, и как поступать со своими, а что делать с этими, пока не разобралась... – предположил кто-то.

– Разве ж они не свои? – возмущенно оборвали его.

– Ну, может, слюна попала... – оправдался он. – В оборотней превращаются...

– Здесь в оборотня не превращаются, – успокоил Виткас. – Половина их может. Может, она половину лечит на другом

конце? – предположил уже он. – Этих-то уже не вернуть...

– Надо бы их достать, – предложил кто-то.

– Успеем, – ответили ему. – Надо сначала со сволочами разобраться. Там еще три сотни оборотней и чуть ли не две сотни вампиров! Что же, гнить им, пока мы тут воюем?

– Вампира стрелой нельзя убить, – ответил Валимир. – Его надо убивать всеми способами сразу. Проткнуть сердце, отрубить голову, сжечь огнем. Можно отравить живой водой, наложить на него крест, а потом проткнуть сердце и отрубить голову. Я не думаю, что это наши с вами крестики. Каждый из них несет на себе древнего вампира. Пусть уж лучше они его на себе несут, чем он начнет к нам приставать... – Валимир передернулся. – Это такая мерзость... Убить вампира может лишь вампир, и меч, вынутый из земли... Так, стоп! – Валимир быстрым шагом отделился от толпы и прочитал послание троицы еще раз, проведя по каждой строчке пальцем. – Меч во мне! – сказал он задумчиво. – Железо... Понял! – он вернулся. – Здесь останемся. Сюда они не сунутся.

– А почему Его Величество смог убить столько вампиров? Он же как человек.

– Не знаю... Вообще-то, если вампиры признали чье-то главенство, пусть даже человека, и поклялись ему в верности – он имеет право убить их в любое время. А может, меч такой... Он у него древний. Жаль, пользуется им редко.

– А он человек?

– Наполовину вампир, наполовину человек. У него душа живая.

– Я видел, он кровь не пьет, он еду прятал. Бутерброды с маслом, с рыбой и сыром.

– А однажды утром его тошнило, я тоже видел.

– Бараны, он думает, как вампир. Учится у них и мечтает им стать. И такой же злой – но голодухи у него нет.

– Что-то как-то непонятно, а чего он окружил себя сворой людоедов? Вроде нормальный мужик.

– Вершина власти – чего непонятного? Там все такие, а он человек. Попробовал бы ты на его месте. Валю возьми: с поваром спал, кости людей оборотням раздавал, а сам продукты для нас тырил. Пойдем обратно, сто раз его помянешь добрым словом. Возле Его Величества не страшно. Он и спал с нами, и ел, и поднимался, и разговаривал. И огня не боится. И законов много издает. Мы с женой родили, сертификат получили. Ждем теперь.

– Ну и ждите! – с досадой бросил Валимир. – Через пять лет ваша бумажка в одну зарплату уложится. Еще никому ничего не выдали, а цены на жилье в четыре раза выросли. И за полгода обесценилась твоя бумажка в четыре раза. А ты ждешь, молишься на него. У него душа живая, вот и не страшно, а не было бы, вампир пострашнее других, он всех их обойти сумел! Все он знает, все видит, все понимает. Вам нельзя возвращаться, пока оборотни и вампиры здесь шныряют.

– Надо бы проверить, люди остались или нет. Если остались, надо бы отбить...

Все молча согласились. Собрали и привели в порядок луки и стрелы. Двое, прикрываемые лучниками, выглянули наружу, проверив нишу и еще одно помещение, остановившись у входа, выглянув наружу. Пару штук драконьих голов оборотни выкатили наружу. Обломки ключа пропали. Сам лагерь расположился чуть поодаль.

В принципе, лагеря, как такового, не было. Стоял шатер Его Величества, остальные расположились на рюкзаках и коврах-самолетах, грелись у костров, сжигая вещи погибших в битве оборотней, или суетливо собирались, перебирая свои рюкзаки, а оборотни помогали. Многие вампиры выглядели нелепо, одетые в две – три куртки, в две – три шапки и несколько пар теплых штанов.

Людей в лагере не обнаружили, зато с удивлением рассмотрели вампиров, которые собирались уйти обратным путем в тот вечер, когда их небольшой отряд сбежал из лагеря. Три сотни оборотней, похоже, нападать не собирались, испытывая полозья у ковров-самолетов на прочность, укладывали мешки.

– Смотрите, Валек... Это наш, он с поваром Их Величеств... Ой, похоже, один остался... Ребята, надо ему помочь! – ткнул пальцем один из тех, кто сопровождал Валимира.

Валимир взял бинокль и долго рассматривал человека,

который разговаривал с Ее Величеством...

– Он вампир! – сказал Валимир уверенно.

– А как? Почему он нам помогал? Он же по земле ходил...

Нет, он с нами! – растерялись оба сопровождающих.

Сзади недоверчиво возразили.

– На нем проклятия нет! Он выглядит как человек, думает, как человек, но у него Зов, и вампир, который наложил его, приятно проводит с ним время. Обыкновенная история. Он не пойдет с нами, мы только людей потеряем. Точно также вампир, как я проклятый, только наоборот. Посмотрите, ни один вампир не считает его человеком, никто не торопится кровь ему пустить. Ему там плохо, при кухне-то?! Сколько вампиров на его место метят, а он живехонький...

– А что же он плакал? Мы все видели...

– Вампиру поплакать, как два пальца обсосать! – с презрением бросил Валимир, продолжая наблюдать за Вале́й. – Я, пожалуй, склонюсь к мысли, что именно он подписывал нам смертный приговор, – наконец, сказал он, передавая бинокль одному из людей. – Смотрите, он запросто целует руки Ее Величеству и пристраивается рядом, а другие вампиры разве посмели бы?! Он заставил повара выдать одному из вампиров какую-то банку... Меня тоже удивляет, почему он вам выдавал продукты, – задумался он.

– Может быть, чтобы мы бежали и попали в руки черных оборотней?

– Тогда он человек Престолонаследника. А проклятия

нет, чтобы думал своей головой и новости приходили из первых рук...

– А как ты видишь?

– Здесь хорошо, а там, за горами, интуитивно...

– А я там не подумал бы, а здесь чувствую... – согласился кто-то. – Вы посудите, он нам рюкзаки отдает, а ночью помогает мясо с наших костей снимать. И почему оборотни так ему доверяли, что могли палатку продуктовую оставить надолго, чтобы мы продукты могли забрать?!

– А если знал, что мы собирались бежать, и не доложил Ее Величеству, кто он после этого?

– А как же драконы? Они же могут мысли читать!

– Вот именно, у престолонаследника тоже драконы, которые могли бы его прикрыть. Или он участвовал в наложении Зова на Его и Ее Величества... Тогда он сам, как дракон.

Два оборотня неспешно направились в сторону пещеры. На полпути их окликнули. Валимир изготовил стрелу. Вторую – стоявший позади Виткас. И вдруг два оборотня бросились бежать.

– Они к нам? – удивился кто-то за спиной.

– Нет, мимо, – ответил Валимир. – Второй все время смотрел на горы.

– Ну, нафиг! Нам еще обратно идти! – Виткас выпустил стрелу – она пробила первому оборотню лоб.

– Согласен, – сказал Валимир. – С такими под боком не поспишь. Сколько наших еще положат! – он выпустил вто-

рую стрелу.

Второй оборотень упал. В их сторону вампиры смотрели равнодушно, оставаясь сидеть на своих местах. Как, впрочем, и оборотни, которые укрылись за мешками.

– Что-то они не голодные, – удивленно произнес человек за спиной Валимира.

– Драконов нет, теперь каждый вампир сам в себе вампир, – ответил Валимир. – Он их объединял, и голод был общим. А сейчас, похоже, не все хотят покушать одинаково. Или поняли, что нас не достать и смирились. Если они потеряют последних оборотней, они никогда не поднимутся ни на одну гору. Нет, они их от себя не отпустят.

– Похоже, сюда идет Его Величество! – тревожным голосом произнес Виткас, заметив фигуру, которая вышла из шатра и направилась в их сторону. – Стреляем?!

– В вампира? Сначала меч достану! – Валимир опустил лук. – Уходим и готовимся к бою, но только по моей команде...

Бросились в пещеру, укрываясь за баррикадами и каменными глыбами.

Его Величество прошел в пещеру, переступая через трупы оборотней с некоторой брезгливостью. Не таясь, подошел к озеру, умыл руки, понюхал воду. Заметив людей на дне, долго скорбно смотрел, взгляд его стал тяжелым. Он не уступал им ни ростом, ни телосложением, но был худ. Возможно,

слишком худ. Оружия при нем не было, только меч в ножнах, которым он рубил головы вампиров.

– Ваше Величество, это живая вода, – люди выходили из укрытий, вопреки отчаянным знакам Валимира и Виткаса, которые призывали их остаться в укрытиях.

– Я знаю. И что? Я понимаю ее пользу. Вы молодцы. Перебить столько оборотней, это очень, очень трудная для вас задача.

– Ну, не настолько трудная, как оказалось... Для вашей... проклятой, она, наверное, еще легче, ведь ее ведет сам Дьявол? – с неприязнью в голосе произнес Валимир.

– Не смешите! Чем мне может навредить... Как вы там сказали? Проклятая? И что это за обращение? – Его Величество прошел к костру и погрел руки. Заметив горшок с пророщенными на стрелы стеблями неугасимого полена, отломил веточку, повертел в руках. Ветка не загорелась. Он с нежностью положил ее в горшок. – Вы говорите об этом? – он указал на надпись на стене. – Вы их видели? Зачем пытаться выдать желаемое за действительное?

– А разве не ОНИ убили ваших драконов? – насмешливо произнес Валимир.

– Нет ничего смешнее ваших предположений. Правду вам было бы трудно понять, если бы вы сегодня не столкнулись с ее некрасивой стороной. Есть люди, которые окружают меня, и есть люди, которые им служат. Мне сложно бороться с ними там, где их позиции сильны. Здесь все оказалось на-

много проще, не правда ли?

– Что же вы убили столько людей и не убивали их?

– Я никого не убивал, кроме тех, которые убивали людей, ибо слишком много погибло по их вине.

– У вас всегда во рту масло? – поинтересовался Виткас. – За брата, я с вами еще посчитаюсь.

– Вы судите меня, но не хотите принять правды, от которой вас тошнит, не так ли? Здесь и сейчас вы грозите господину, который защищает ваши интересы. Ваши. В первую очередь – ваши! Вы представляете, сколько людей гибло по вине этих людей каждый день? Я Царь, и мне приходится иногда пожертвовать немногими, чтобы спасти многих. Это тяжелое бремя Царя, который обязан заботиться обо всем народе.

– У меня нет господина, я сам себе господин, – с неприязнью ответил Виткас, сплюнув на землю. – И ты свою муру заткни знаешь куда? Я жил в таких же горах, нам без вас не холодно ни жарко! А за всех тех, кого вы убили, вы еще ответите. Сегодня народ к вам лицом, а завтра вы в заднице. Трудно удержатся на троне без драконов.

– И как давно вас там, в горах не беспокоят? – насмешливо поинтересовался Его Величество.

– Беспокоят. Такие как вы, которые жертвуют немногими, чтобы отобрать нашу землю и дать ее многим. Мне ваша философия знакома. Вы приходите и уходите, а мы остаемся – у вас в горах богатая фантазия заканчивается... Вы мне брата

верните, Ивана! – Виткас кивнул на озеро. Вы ногтя их не стоите.

– Зулю и Игоря! – подсказал Валимир.

– Сапера, – подал голос Бабеля, впервые после того, как увидел Ивана мертвым.

– И Сему с Балагуром! – голоса перечисляли и перечисляли имена, прозвища, фамилии.

– Я понимаю вас и скорблю вместе с вами, – настоятельно потребовал Его Величество тишины. – Я обещаю, что никто из них не будет забыт! Но разве они не подписывали бумаги, из которых следовало, что экспедиция опасна, и каждый может умереть? Я знал! Да я знал, и в той мере, в какой мог открыть опасность, я ее не скрывал. Подумайте, я взял самых влиятельных людей государства: кабинет министров, лидеров всех партий... Находиться рядом с такими людьми всегда опасно. А теперь подумайте, как тяжело мне смотреть, как они разрывают государство, разворовывают, разобщают народ, сводят на нет постановления и законы, наживаясь на обездоленности народа. Я не буду многословен: через два часа здесь останусь только я и моя жена. Все прочие уйдут вперед. Я прошу, да я прошу оказать мне честь и помочь нам, мне и моей больной жене вернуться.

– Тяжеловато без драконов разговаривать с народом? – засмеялся Валимир.

– Нет, мне не трудно просить мой народ об одолжении, – спокойно, с насмешкой произнес Его Величество.

– Моя интуиция подсказывает, что народ вам уже не принадлежит, – улыбнулся Валимир во весь рот. – Молодец, Маня, чтобы так опустить с небес на землю... Искреннее аплодирую.

– Я надеюсь, вы имеете в виду мага, который использует людей, чтобы удовлетворить свои собственные амбиции?

– Не надо, Ваше Величество, чернить мага, который спас нам жизнь, – попросили Его Величество из толпы.

Его Величество обернулся и смерил его взглядом.

– Если бы не тот маг, нам не пришлось бы преодолевать непонимание в таких неподходящих условиях. Экспедиция была бы безопасной, если бы не его вмешательство и умение влиять на умственные способности людей с некоторыми слабостями. Сначала он разжигает человеконенавистничество, потом, когда цель достигнута, он открывается вам и предлагает вступить с ним в сделку. Не слишком ли жестоко таким огромным количеством жертв добывать себе единомышленников? Да, я вдруг сталкиваюсь с проблемой людоедства... Используя мою власть и желание искоренить зло, выявляю людей, которые, используя служебное положение, целенаправленно прививают его обществу, и, чтобы не вызывать паники и еще большее желание приблизить себя к определенным слоям общества, соблюдая строжайшую секретность операции, избавляю общество от зачинщиков... И что получаю в ответ?! Я прошу вас показать хотя бы одного человека, который мог бы свидетельствовать против меня.

– А ваша жена?

– Моя жена больна. Ее ждет принудительное лечение. На нее долгое время оказывали давление и подвергали многочисленным внушениям. Это заговор с целью отвратить от меня народ. Вы знаете, как много людей заинтересованы в том, чтобы заставить меня отречься от престола?! В конечном счете, когда ситуация вышла из-под контроля, мы вывели людей из опасной зоны.

– Интересно, каким образом?

– Да, у нас в стране и за рубежом есть люди с некоторыми особенностями, имена которых засекречены. Они умеют становиться не тем, что есть человек. И мне пришлось использовать именно таких людей, которые тем же вечером, когда ушли вы, спасли всех людей, которые оставались в лагере. Все они погибли, защищая вас. Но разве это не говорит о том, что не все, кто обладает сверхспособностями, настроены против людей? Извините, но я не могу ломать устои и традиции, которые складывались веками. В настоящее время мы изучаем этот феномен. И могу сказать больше, что часть людей со сверхспособностями погибнут вскоре, ибо есть доказательство, что они попытаются напасть на вас сегодня ночью. Я лишь предотвращаю нападение...

– И много людей спаслось? – поинтересовались у Его Величества.

– Да, много, – ответил Его Величество, и напомнил: – Но все, кто участвовал в спасательной операции, защищая лю-

дей, погибли.

– А почему раньше не спасали?

– Эти горы обладают уникальной особенностью. Вернуться отсюда может только человек, который не имеет в себе некоторого заболевания, вызывающего желание управлять людьми, начисто лишая больного каких-либо моральных принципов. Заболеть этой болезнью может каждый, но только часть людей получают органические повреждения мозга. Они искажают действительность, становятся амбициозными, фактически неуправляемыми, и выявить такую болезнь бывает очень сложно. Поэтому такие люди чаще приходят к власти. Мы достали критической отметки, и после этого обезопасили людей. Я сам лично возглавлял операцию. Вы же понимаете, что никто кроме меня не смог бы выполнить поставленной задачи. Теперь, во всяком случае, мне требуется ваша помощь. И вы увидите, что я выйду отсюда, как человек. Я гарантирую, что каждый, кто дошел со мной до конца, получит по два миллиона золотом.

– А что ж вы их, больных... не в больницу, а умирать?

– А персонал больницы разве не нуждается в защите? И даже тюрьма не оградит людей. Как правило, у них огромные связи, и я рискую каждый день быть захваченным в плен. Но я имею подготовку, чтобы на некоторое время удержать их.

– Ваше Величество, вы поете, как соловей. Идите отсюда, пока вы нас окончательно не разозлили. – Бабеля стоял красный, как рак. И злой. –оборотни те не ваши были. Я

даже знаю, чьи они. Он вас дожидается, чтобы меч забрать. А побег мы сами готовили. Фишка такая была, они нам палили из сигнального пистолета, чтобы мы не останавливались. Нам теперь понятно, почему они назад побежали. Потому что они видели, что уйти не можете, – Бабеля ударил ладонь об ладонь. – Эх, нам бы подождать чуток. Мы бы в гору-то не поднимались!

– Тебе что тут, Бабеля, плохо что ли? – одернули его.

– А я думаю, не остаться ли мне здесь? – поразмыслил кто-то. – Жратвы навалом, тепло, вода вон, живая... и ни царей, ни блядей, ни дерьма...

– Подождите, – задумчиво проговорил Виткас. – Я понял, это они по нашим стреляли! Выстрелы были не в лагере.

Люди угрожающе надвигались на Его Величество. Он стоял, с грустью осматривая их.

– Господа, это полнейший бред и бессмыслица. У вас предположения, у нас достоверные факты? Я понимаю вас, вам нужно успокоиться и подумать. И пусть это будет после того, как вы увидите, насколько больны эти люди, чтобы оставить их жить.

Его Величество неторопливо прошел к выходу и вышел.

Сразу после этого влетели испуганные часовые, обратившись к Валимиру:

– Там... Быстро! Спасти хоть кого-то... Они едят людей...

– Не людей, оборотней! Им без крови никак, а нас там уже

нету! Представь, что двое убийц охотились за тобой. И вот они встретились и устроили разборку. Иди спасай. Но как только ты останешься один на один, тебя убьют, – ответил Валимир спокойно, не обратив внимания. – Радуйся, на одного охотника за твоей головой останется меньше. Я рад, что они друг друга изводят.

Валимир был еще расстроен приходом Его Величества и зол. Люди остались растерянными и разобщенными, произнесенная речь сделала свое дело, и будто не было битвы и смертей, будто не лежали на дне озера товарищи. И так и так выходило похожим на правду, обсуждали, кучкуясь в небольшие группы по пять – десять человек.

– Как по нотам, все перевернул! – возмущался Виткас, поддержав Валимира.

– А ты что хотел? Я же говорил – вампиры. С ними опасно разговаривать, их опасно слушать, – с неприязнью проговорил Валимир. – Ты посмотри на них, – он сделал жест в сторону людей. – Ведь только из огня вышли, нет, надо в полымя залезть... Как он им за пятнадцать минут память-то отшиб?

И вдруг тихое жужжание голосов прервал крик:

– Смотрите!

На берегу озера стоял человек и показывал пальцем на человека, который плыл к берегу. Люди замерли, не понимая, к добру ли покойник и утопленник пришел в этот мир. Люди отступали от него, с вытянутыми лицами.

– А что это вы на меня так смотрите? – напугался Иван, помолодевший лет на десять.

– Ваня! Ванька! Иван! – Бабеля бросился к восставшему мертвецу, ощупывая со всех сторону. – Ж-живой! Живой! Чертяка!

– Да с чего мне умереть-то? – напугался Иван еще больше.

– Так тебя же оборотень разорвал! Вот тут вот, вот тут...

– Бабеля раздвинул рубаху Ивана, разглядывая. – Е-мое! Ни одной царапины! Он же все кишки тебе выдрал!

Иван и сам побледнел, рассматривая себя. Феномен воскрешения напугал не только людей, но и его самого. На ум сразу начали приходить рассказы о восставших мертвецах, по ночам пьющих кровь. Вовремя одумались, что и вампиры, и оборотни за входом ждали, далеко идти не надо. Некоторые вспомнили, как после войны к вдовушкам по ночам приходили их мужики. Забили тревогу и потребовали от Ивана порезать себя, чтобы получить доказательство его телесности. Рану потеряли серебром, слегка втыкая серебряный наконечник внутрь тела. Тело его состояло из крови и плоти, но рана, омытая в воде, никуда не делась.

– Эта вода с головой дружит... У меня яйцоросло, – признался Валимир, – так чего ей Ивану кишки не поправить? Правду, значит, рассказывают, что была такая живая вода...

– А тем почему не помогла? – потребовали ответа.

– Ну, – растерялся Валимир. – Возможно, время было

упущено... Смерть зафиксирована в другом месте. Это вампиры после смерти через три дня воскреснуть могут, а у человека разложение начинается. Пока клетки еще живые – вода лечит, а если умерли, все, закончилась жизнь. И по возрасту настраивает на сто двадцать лет, как Господь обещал. Вон Иван как помолодел, но не молодой же!

Ответ признали достойным. Разложили по полочкам. На пятерых утопленных в воде стали посматривать с надеждой. Но от Ивана все же держались подальше. Многие лечили свои застарелые хронические болезни, стоя в воде по шею, стараясь нырнуть поглубже, полежать на дне. Вода брала многие хвори, но не всякие...

Были и такие, когда вроде прошла болезнь, вышел из воды, хватать, а на нем железо, и стоит, и смотрит, и вроде снял, положил, а железо снова к нему пристало, перестал на него смотреть – болезнь вернулась.

И попробовал бы на зуб, да зубы не те. Железные болезни вода не брала. Расстраивались, конечно. Один Валимир понял: с себя надо железо сносить и съесть. Свое!

– А есть среди нас кузнец? – громко спросил он.

– Я... Я... Я... – раздалось сразу из нескольких мест.

– Я там печь видел, и уголь еще остался. Не скуете ли вы мне обувь, посох и каравай?

– Скуем, отчего не сковать. Лишь бы железо было доброе!

– Это вряд ли, – расстроился Валимир. – Если упыри ковали, откуда добру взяться?

На том и порешили, что как только оборотни и вампиры уйдут, разберутся с Валимировым железом. На нем железа было так много, что из воды он выходил, как рыцарь в железных латах. Страшно было смотреть и жалко парня.

Между тем из воды вышли остальные.

Этих поздравили с воскрешением, порадовали и порадовались. Отметили водой, но спать их уложили за озером. Решили, что ночью будут несколько часовых, которым с мертвецами разговоры разговаривать запретили, наказав будить сразу всех, если восставшие мертвецы станут вести себя подозрительно. Проверить не мешало – и не одну ночь, а пока полнолуние не пройдет. Ивану и всем воскресшим объяснили, что это ради их же пользы: придут домой, и начнут семью изводить! После двоих из воды вышли Сапер и тот, который был безногим. Теперь вторая нога у него была здоровее целой.

Остался еще один, с разорванной шей и животом, с порванным легким и сломанными ребрами.

– Ему всю ночь эту ванну принимать, – сказал тот, который пытался рассмотреть, насколько сильно за это время поправился человек на дне.

Любопытные плавали сверху с веткой неугасимого полена и пытались посветить себе, чтобы узнать, как вода проводит сложнейшие операции. Врач провел в воде уже часа три, отказываясь принять за истину, что в древности врач, как таковой, был никому не нужен. Ему было не столько любопыт-

но, сколько обидно – ради чего жил?

Часовые доложили, что оборотни и вампиры укатили на коврах самолетах дальше, к седьмой горе. Остались только Его и Ее Величество. И что Его Величество снова направился к пещере.

На этот раз он был более разговорчив. Присел возле костра, сообщил, что через час отправляется обратно, и поклялся, что не мог и предположить, что погибнет столько людей. Нашлись желающие его выслушать. Валимир, Виткас и Иван пытались образумить людей, но на них шикнули и поставили на месте, напомнив, что у каждого семья, дети и родители, и что Его Величество, хоть и учинил такое, сумел остаться человеком, и неизвестно, как бы другой поступил на его месте. Вспомнили, что на обратном пути предстоит преодолеть не одну пропасть, которую на ковре-самолете могли перелететь с Его Величеством за считанные минуты. Вампиров и оборотней не было, и люди перестали бояться. Но двумя миллионами золотых соблазнили не все. Многие были благодарны Его Величеству, что он не забыл о них и припас им теплую одежду и продукты, и обрадовались, когда узнали, что он сам, лично, на каждом переходе в один день пути готовил тайники с запасами, и что обратный путь будет легче.

Мнения разделились – все-таки Ее Величество обходилась с людьми не лучше других вампиров и оборотней. Порешили, что когда он уйдет с Ее Величеством, они подума-

ют, и если надумают, то догонят. С горы было не так сложно разобраться, ждет ли их впереди засада.

Его Величество ушел, но вскоре вернулся.

На этот раз он решил разговаривать в приказном тоне, обозвал несогласную часть изменниками, и сразу получил отпор. Люди насторожились.

Его Величество смягчился, признавшись, что ему тяжело и он не понимает, почему они не согласятся помочь ему. Ему объяснили, что здесь, в пещере, не так уж плохо, и что лучше остаться здесь, чем быть съеденным. У всех у них была своя правда, и все они хотели жить.

Его Величество тяжело вздохнул, поднялся, и предупредил, что оставляет и одежду, и продукты вне зависимости от того, каково будет их решение, и что будет ждать их внизу, сразу предупредив, что остальные останутся далеко позади после первой же пропасти. Поклялся, что если вернется, то оставшимся вышлет и вертолеты, и ковры-самолеты, которые будут ждать в подножии третьей вершины.

Его поблагодарили, но от помощи отказались: преодолеть первые две горы после четвертой, пятой и шестой каждому уже казалось не такой сложной задачей, и сообщили, что не все они собираются вернуться сразу, потому что в горах этих было столько добра, когда обогатиться можно гораздо быстрее, чем ждать, когда Его Величество соизволит выдать обещанные миллионы золотом.

Глава 18. Пятеро Подмазанников

Часовые доложили, что Его Величество ушел. Он не солгал: под шатром Его Величества и в самом шатре нашлись и теплые вещи, и продукты, и снаряжение. Но теплой одежды хватило не на всех. Вспомнили, что в числе прочих вещей, найденных в пещере, были моток ниток и иголки.

Разрезали шатер Его Величества, раскроили и сшили несколько теплых комбинезонов. Иван по секрету рассказал Бабелю, что посередине четвертой горы есть еще теплые вещи и, возможно, еда, и что там их дожидаются его сын Антон и Дан. Бабеля признался, что давно знает, и ни на минуту не усомнился, что оба живы, удивившись, что Иван молчал до сих пор.

Кузнецы отправились опробовать кузню.

Освобождая небольшое помещение, драконьи головы выкатили, чтобы не поганили разложением святое место. Кроме углей нашлась железная руда, но немного. Железо Валимира оказалось не только гнилым, но каким-то неустойчивым: от удара оно разлеталось осколками, как разорвавшаяся граната, и все железо снова оказывалось на нем. Выплавили железо из руды и добавили к его железу: получилось лучше, но все равно недостаточно крепкое. Во все стороны разослали разведчиков, облазили гору вдоль и поперек, наконец, нашли что искали: уголь и железную руду. И работа

закипела.

К утру у всех болела голова, но как бы то ни было, с работой справились. Получились два огромных железных каравая, два тяжелых посоха, две пары крепкой обуви.

– Наверное, по комплекту на дракона, – пошутил Валимир.

Валимира жалели: съесть и износить столько железа мог только богатырь, а он был худосочный и немощный.

– Вот сносит и изглодает – поправиться, – обнадежил всех Иван.

С утра десять человек, которые решили присоединиться к Его Величеству, ушли. Кто-то торопился домой, кто-то решил рискнуть и попробовать получить два миллиона золотыми, кто-то не верил, что справятся с пропастями без ковра-самолета. Остальные решили выждать два-три дня, понаблюдав за окрестностями гор, не появятся ли оборотни, заpastись стрелами на дорогу и научиться обращаться с луком. Кроме того, когда поняли, что это за железо, и откуда оно берется – нашлось много желающих повторить подвиг Валимира

Те вампиры и оборотни, которые ушли вперед, остановились у подножия седьмой горы. В бинокли было видно, многие вампиры рюкзаки несли сами, а многие на сей раз пытались подниматься по ступеням, обмотав свои ноги дополнительно шапками и куртками, закладывая внутрь камни.

– Ну, не пропадут, зато не замерзнут, – посмеялся Виткас.

Вампиры на лестнице выдерживали недолго: поднявшись метров пятьдесят, сходили с дистанции и зарывали себя в снег. Многие из них на лестнице оставались, в чем мать родила, чтобы ветер и мороз остужали их поджариваемые тела. Поднимались на сей раз медленно. Очевидно, или оборотни решили проучить их за резню, или закончилось полнолуние, и они снова превратились в людей, или драконья слюна потеряла свою силу, или без Его и Ее Величества осмелели, но на следующий день вампиры поднялись лишь на пару сотен метров, а оборотней среди них осталось мало.

За те четыре дня, что люди готовились в обратный путь, дожидаясь, когда Их Величества уберутся за вершину пятой горы, кузнецы поработали на славу: каждому сковали широкие короткие лыжи, чтобы не проваливаться в снег. Чтобы добро не пропадало и не изъедало внутренность, железо брали у человека, смешивали с железом из земли, и протягивали через Драконью челюсть. У кого-то и на посох хватило, и на лепешки, и на ботинки или подошву, и даже хватило на железное снаряжение. Решение ковать из такого железа крючья для подъема и спуска, пришло само собой, когда выяснилось, что стоит человеку оставить свое железо, как вещь возвращалась к хозяину, и он вдруг обнаруживал себя на лыжах. Вспомнили про разменные монеты, которые тоже возвращались к хозяину. Стало понятно, почему многие, получая плату от вампира, никак потом не могли ее у себя удер-

жать, и почему, сколько бы не ломали спину у вампира, у него прибывало, а от человека убывало.

– Ни за что, ни за что не буду работать на вампира! – клялась одна часть людей.

– А где ты человека найдешь, который на работу тебя возьмет? Он сам на себя работает, – ловила их на слове вторая половина. – Это, брат, надо самому разбогатеть, и человеком остаться, Да разве дадут? Глаза завидующие, руки загребущие – поймают, всыпят и по судам затаскают. Не мы их, они нас кормят, а мы корма им добываем, чтобы было чем нас покормить.

На второй день к вечеру засобиралась оставшая часть людей. Последний человек пролежал в озере больше суток, но вышел как огурчик. Про него уже и забыли. И разве что Иван долго втолковывал ему, чем он теперь отличается от всех остальных, и почему люди его какое-то время будут сторониться.

– А ты разве не идешь? – спросил Валимира Иван. Виткас, Сапер, Бабеля и последний воскресший геолог-альпинист Сенька, приставший к Ивану с Сапером, когда общество выделило его из себя, окружили его.

– Мужики, вы смеетесь?! Куда я с таким железом в люди? Где изношу кроме гор? Да и опасно мне за горами сейчас... Война за трон начнется, все разведки мира будут меня искать. Поднять списки и найти знакомую фамилию им труда не составит. А списки они обязательно проверят. По-

живу тут годик другой. Без меня им будет несладко, без меня драконов не накормишь, но знать судьба у них такая... А там, глядишь, и ключи найду. Может, меч добуду. Он у меня где-то тут, – Валимир постучал себя в грудь. – Порубили же они драконов, – он кивнул на отрубленные головы. – Помню, бабка меня учила: не ешь чужой хлеб... Не заставит он меня подаяние просить.

– Кто он-то?

– Дьявол! – обижено проговорил Валимир. – Чем я Маньки и Борзеевича хуже?

– Так, стоп, а Дьявол здесь при чем?

– А то, что он эту бодягу замутил, ему и расхлебывать, – засмеялся Валимир. – Ответ где-то здесь, в горах. Не зря он троицу сюда повел, только здесь можно убить дракона.

– Ладно, не кисни, не один же, я с тобой, – Виткас положил руку на плечо друга. – Поживем тут годик другой, глядишь, разберемся что к чему. – Можем и три дня для пользы дела. Горшок мы починили, жратвы навалом, ума много теперь – ужас сколько много нового узнал! А горы эти – кладезь, чего тут только нет!

– Ох, молодежь, молодежь! Что бы вы без стариков-то делали?! – покачал головой Иван, похлопав ладонью по голове дракона. – На сильную птицу мы попали! Ядреные у нее зубы. Да только и мы не лыком шиты! С вами пойду. А за хозяйством Антоша присмотрит. Пора ему привыкать.

– И явился ко мне Дьявол воплоти, и сказал: за каким ле-

шим я тебя воскресил, если прожил ты жизнь и не понял, что нет жизни, пока нечисть по земле ползает? – альпинист и геолог Сенька раскинул руки в стороны и опустил их на плечи Ивана и Виткаса, которые стояли лицом к Валимиру. – Я с вами. Я без этих гор умру, если не пройду вдоль и поперек. От тоски сдохну. Так бы я один, а тут с вами. Честное слово, я так рад, что вы меня не бросили! Спасибо! Спасибо! – он растроганно прослезился, потряс руку онемевшего Валимира.

– Кто тебе сказал? Ну не последние же горы у тебя! – остановил его Бабеля. – Опасно здесь. Мы долго здесь будем. Сказали же, год – два, а то и три! А понравится, так и вовсе жить останемся!

– Я решил, я сделал! – ответил Сенька с вызовом. – Ты подрывник, а я альпинист. Тебе меня не понять. Я уже столько гор облазил, а такие последние. Я здесь жизнь проживу, мало покажется, – и проворчал: – Здесь только я и мог бы жить, а вам еще учиться и учиться... Я давно решил, только не знал, как сказать, что остаюсь, но, если меня будет не втрое, а вчетверо больше, так тому и быть.

– Бабеля, не дури, я на тебя рассчитываю, – строго проговорил Иван. – Антона заberi и домой верни. Посмотришь за моими. Жинку мою не оставляй!

– Как это... не оставляй? – Виткас открыл рот.

– Жена моя – сестрой ему приходится, – пояснил Иван удивленным товарищам. Он повернулся к Бабелю и присты-

дил его. – У тебя дите малое, еще поднимать и поднимать. И жена твоя чужая мне, что люди подумают, если я стану ходить к ней? Эти и про дружбу нашу знают, а вон как всполошились! – он с осуждением кивнул на Валимира.

Бабеля расстроился, но в словах Ивана была истина, от которой не уйдешь. Он еще препирался, но брать его с собой ребята наотрез отказались. Подрывник, хоть и без взрывчатки, подрывник. Он видел, откуда покатится снег, как скоро покатится, и как опасное место обойти. Кому-то надо было вернуть людей на большую землю, собрать и откопать людей, которые остались замурованными в пещерах, а знали о них немногие. Еще оставались те, кто бежал в горы, когда их отправляли на съедение, и подобрать тех, кто бежал в другую сторону в группе Марата, которые, скорее всего, уже откапывают людей. Посчитали и получили, что половина всех людей где-то бродит по этим горам. И еще одна опасность, о которой не забыл Валимир – Их Величества.

– Значит, четверо, – подытожил Виткас, и все четверо отправились составлять список необходимого, придумывая, чем на ночь занять кузнецов.

У Виткаса железа было немного, едва наскребли на скейтбордовскую доску. Но меч ему был тоже нужен, и железо взяли на руднике, разбавив его собственным. Без собственного железа железо оставалось обычным, могло и потеряться. Кроме скейтбордовской доски он заказал себе добрый каравай, посох, ботинки, как у всех, и немного снаряжения. Зато

у Ивана и Сени получились и доски, на которых Виткас пообещал научить их съезжать с горы, и по посоху, чтобы рубить лед и сбивать снег, и каравай, и на снаряжение хватило – и разбавлять не пришлось, разве что для крепости. Железо Ивана, таким хрупким, как у Валимира, не было, но решили не рисковать. Опасно, если подведет.

Все понимали: жизнь у ребят в горах будет несладкой, если не помочь им. Делились всем, чем могли: ножи, крепления, зажигалки (вдруг останутся без неугасимого поленьего дерева!), кто-то догадался взять в горы набор гаечных ключей и не расстался с ним при побеге, палатку и пять спальников, обнаруженные в царском шатре, выбрали самые добрые меховые шапки, самую добрую теплую одежду, вместительные не поношенные рюкзаки, оставляли рубахи, трусы, мыло, расчески, зубные щетки, пасту, бритвы, фляжки...

– Да мы кинжалом побреемся! – удивленный людской щедростью, отказывался Валимир, но его не слушали.

Набирали живую воду с собой во все, во что могли налить. Грибы, кочанчики, сочные стебли, уходя, забрали с собой. Собрали все, что нашли, засушивая, измельчая, жаривая. Ребятам надо было чем-то в дороге питаться, и накормить тех, кого подберут, а дорога предстояла нелегкая. Во многих местах мох был собран и уложен кучками. Кто-то пытался его перед уходом разложить обратно, чтобы в этом месте образовался перегной и вырос новый, и он уже подвялился. Обрадовались, когда нашли мешок не унесенный ветром с пла-

стикowymi бутылками, оставленные вампирами и оборотнями. Их хватило на всех. На обратном пути без живой воды вряд ли бы обошлись. Брали с собой ветви неугасимого полена, чтобы посадить перед домом и в огороде.

А вдруг у соседа-оборотня или вампира землю запоганит!

– Это вряд ли, – засомневался Валимир. – Наверное, тут без Дьявола не обошлось. Но чем черт не шутит! А с вампирами и оборотнями, которые чувствуют его, как огонь, хлопот не оберетесь.

– А мы не сразу, мы сначала в таком месте дерево посадим, где они на нас не подумают! Выросло же дерево в горах! А когда разрастется, домой принесем: и вот, скажем, и до нашего огорода добралась Проклятая земля! Вы, давайте, ключи ищите, а мы, партизаны, займемся подрывной работой там. Несладкая будет жизнь у новых Величеств.

А то, что это будет, уже никто не сомневался.

Люди прощались и уходили, оставляя координаты, вдруг спрятаться, или подсобить. Было шумно и весело...

И вдруг стало тихо-тихо, и слышно, как падают капли, испаряясь, с потолка пещеры обратно в озеро. Некоторое время молчали, глядя в огонь, каждый думал о чем-то о своем. Слушали, как воет ветер и потрескивает костер. В пещере было светло, будто во всю стену было окно: днем она светилась голубоватым светом от земли и от стен, покрытых сучками огненного дерева. Корни решили, что им нужна над-

земная часть, лианы покрылись зелеными сочными листьями.

Странно, но появились они, когда в пещере поселились люди.

– Вот увидишь, летом тут снег растает! И еще какая-нибудь хрен нарастет, – усмехнулся Иван. – Странное дерево. И вода странная. Я о таком только в сказках слышал.

– На вершинах не так уж много снега, сдувает его. Согласен, дерево корни пустит, растопит снег. Может и трава вырастет. Берега кисельные, реки молочные – вот откуда они взялись! Если избу на курьих ногах увижу, или печку там, которая сама пироги печет, не удивлюсь уже, – покачал головой Сенька. – Куда подадимся от щедрот Дьявольских? Прямо, назад, влево, вправо?

– А ты, куда бы пошел? – поинтересовался Валимир.

– Я бы вправо, в северо-западную часть. Тут только горный перешеек, туда-сюда исхоженный, вон перед нами сколько ступеней вырубili, надо посмотреть, а был ли кто там. Если нет, первыми будем.

– На десять километров – не меньше тридцати тысяч ступеней, – не задумываясь, ответил Виткас. – Не точно, конечно, но примерно... Ступень в среднем на полметра, где-то есть, где-то нет, и по спирали, наклон горы, межгорные хребты... Многие разрушились от времени – очень давно прокладывали.

– Для Дьявола, который вел сюда проклятых, не так уж

много, – заметил Валимир. – Нас пять процентов... Меньше, чем вампиров, потому что мы умираем. Но если по вампирам считать, то все одно пять процентов на поколение. За одно поколение от шести миллиардов – триста миллионов человек. В столетие – шестьсот миллионов человек. Когда людей было меньше – триста миллионов. Так что, ступени эти – капля в море, даже если по ступеньке на проклятого...

– А там горами покрыта шестая часть континента. Не пора ли нам проложить новый путь? – закончил Сеня.

Глаза Виткаса загорелись.

– Представляете, если здесь три города стояли, то там... Сколько там забытых тайн?! Сеня, ты меня заразил что ли? – он недовольно покосился в сторону ухмыльнувшегося альпиниста.

Снова замолчали. И недоуменно уставились на молоденького паренька, который вышел из-за валуна и подсел к костру.

– Ты кто? – убитым голосом воскликнули Иван и Виткас.

– Малек, – ответил парень, застенчиво улыбнувшись. Он покраснел, перебирая нервно пальцами, будто грел их.

– Ты почему не ушел? – строго, слегка изумленно, потребовал ответа Валимир.

– А мне некуда... – ответил парнишка, ни на кого не глядя. – У меня там никого нет. Я сирота. Пожалуйста, возьмите меня с собой! – захныкал он.

Валимир внимательно смотрел на парня. Лицо у парня

плакало, и плакал он сам. Но вампир не выставлялся. Не проклятый, но где-то налетел. Помолился, оплакал себя самого. А маска сказала другое. И исчезла. Но Валимир знал – на время. И столько боли было, что больно было смотреть глазам.

Наверное, вампирам, которые насыщались болью, смотреть на парня было приятно – держали его на десерт.

– Так, – Иван решительно поднялся. – Быстро собирайся, и пошел вон! Наши на треть горы спустятся и остановятся. На лестнице установят красную ленту и флажки, чтобы никто мимо не прошел.

– Я не пойду, – глаза у парня стали красные.

– А тебя никто не спрашивает! Ребята тебя не бросят и все необходимое выдадут.

Иван поднялся, оделся и пошел к валуну, у которого парень оставил рюкзак.

– А это у тебя что?

– Железо. Мое. Я себе тоже заказал, – парень насупился.

Иван поднял скейтборд, внушительные посох, каравай и железные ботинки, не хуже, чем у Валимира, только комплект один.

– Солидно тебя засолили! – Иван поднял его железо, взвесив в руке. – Пожалуй, даже для меня тяжеловато... Ну да ничего, дома бегать будешь по стадиону. Сносишь. Сирота, говоришь?

– Сирота! Вот вам крест, дядечка! Мамка при родах умер-

ла, тятку на войне убили, а бабушка, когда полгода ис-
полнилось. Пожалейте меня!

– А мы тебя, дурак ты разэтакий, как раз и жалеем. По-
дойдешь к Бабелю и записку от меня передашь. – Иван до-
стал записку и что-то там написал. – Вот, – он протянул ее
парню. – Отведет тебя к моей жинке, она из тебя человека
сделает. Будешь жить у меня. А Бабеля с железом твоим раз-
берется.

– Я не пойду, я останусь! – уперся парень. По его лицу
побежали слезы, но разреветься он себе не позволил. Жеваки
его проскрипели зубами.

– Куда мы с тобой с сопливым? – рассердился Сенька, не
понимая парня. – Марш, тебе говорят!

Иван с Сенькой переглянулись и, больше не слова не го-
воря, скрутили его и вывели. Валимир и Виткас натянули
на себя курки и поспешили следом. Парня довели до самой
лестницы и простояли, пока он не спустился на сотню мет-
ров.

Отошли от края. Подождали, вернулись – парень спускал-
ся.

– Теперь ему до наших ближе, чем до нас! – удовлетво-
ренно произнес Иван, отряхнув ладони.

Полураздетые, на пронизывающем ветру при сорокагра-
дусном морозе замерзли. Будто радуясь их спасению, осле-
пительно светило солнце, так что было больно глазам. Очки
никто не надел. Слева и справа, позади и впереди были вели-

чественные горы. Некоторые из них еще дымились и обливались красноватыми потоками лавы. Но таких было немного: одна слева, три справа.

– Надо бы карту нарисовать и каждой горе имя присвоить, – предложил Валимир. – А то запутаемся.

– Успеем, – сказал Виткас. – Мы здесь задержимся ненадолго. Нам стрелы нужны, запасы. На скейтбордах научитесь ходить, а то пока спустимся с этой горы, вы себе и ноги, и руки переломаете. А вдруг вода перелом не берет! Или только в озере мертвецы оживают?..

– Согласен, – сказал Валимир, немного подумав. – Нам спешить некуда. На всякий случай ребят прикроем, если вдруг оборотни обратно соберутся. Подежури́м тут.

Весь оставшийся день перебирали оставленное им добро, откладывая в сторону нужное и ненужное. Сеня колупал стены, изучая минеральный состав гранита, из которого она состояла. Первый раз попробовали железо на вкус. Есть этот хлебушек было невозможно. Отгрызли крохотулечку и все четверо остались без зубов. Слезы лились из глаз. Только сейчас оценили размеры караваев.

– Может это, может, я как-нибудь с железом проживу? – поведаль Иван свои мысли грустно.

– Я не могу, – утирая обильные слезы, сказал Валимир. – Мне меч нужен, мне без меча никак!

– Господи! Я горы исходил, неужто, эту лепешку не одолею? – сконфуженно произнес Сеня, поворачивая лепешку

и так, и эдак.

Виткас молчал, поджаривая малюсенькие грибочки, которые нашел под мхом. Уже нарастали. Железо у него было самое доброе, и он не ожидал, что сразу сможет откусить внушительный кусок. На первый раз он решил посмотреть, как это переживет внутренность.

– А вы голодные спать ложитесь, наутро хлебушек вам, может, вкуснее покажется, – посоветовал он. – Сказано: забудь про горшок... Маня смогла, а мы хуже? Господи, через что ей пришлось пройти, чтобы стать тем, что она есть!

Кровоточащие десны долго полоскали живой водой. Зубы, увы, пока не росли, но боль прошла и десны затянулись.

– Думаю, сначала им выпасть надо, – предположил Валимир, ковыряя пальцем у себя во рту и разглядывая сломанные зубы в зеркальце. – Как же я теперь без зубов-то? Вот ведь незадача, то яйцо, теперь вот зубы...

– Яйцо вернулось, что, зубы не сможет нарастить? – успокоил всех Виткас.

Спать легли голодными. Перед тем как лечь, долго приглядывались к горам с той и с другой стороны. Вампиры поднялись на треть седьмой горы. Свои спустились на треть шестой, ребята то и дело выбегали до ветру и натирались снегом, закаливаясь что ли? Тоже готовились ко сну. И одиноко в гору поднимался Его Величество с Ее Величеством на спине, без ковра самолета. Видимо, сломался. Десять че-

ловек исчезли. Но, кроме Валимира, который почувствовал, как болью обожгло сердце и крепко сжались зубы, о них никто не жалел. Даже Иван, который первый проявил любопытство и неожиданно облегченно хмыкнул что-то: «Ну и слава Богу!»

И тут же встревожился, просматривая лестницу.

– Что-то нашего пацана не видать...

– Догнал, скорее всего, – сказал Виткас, просматривая лестницу и вдоль, и поперек, особенно обращая внимания на следы. – Наши, не торопясь, спускаются. Наверное, ребята пещеры проверяют, чтобы не с пустыми руками домой вернуться. Добра тут навалом.

Стемнело. На всякий случай кто-то один дежурил у костра до самого утра. В пещере тоже стало темно, голубое сияние на ночь гасло, и теперь освещала ее только неугасимая ветвь.

На следующий день с утра хлебушек и в самом деле оказался вкуснее. Отгрызли по крошке с маленький опилок, теряя последние зубы. Весь день Виткас учил троих неучей держаться на скейтборде. Устали, как черти. Отгрызли еще по крошке. Закусили выставившимся из мха побегамии цикория. Нашли несколько грибов. Заметили, что там, где рассматривали и перебирали семена, растения перешли а фазу цветения. Опознали: кукуруза, фасоль, ревень и лук. Остальные пока остались загадкой.

– Как же они в граните-то растут? – удивился Иван.

– Корень камень дробит, – уверенно сказал Виткас. – Я

видел, как быстро они с камнем расправляются...

Набрали воды и полили растения. На самом нехоженном месте посадили еще несколько семечек разного вида. Целый угол засадили подсолнухами и тыквой, этих семян им оставили в изобилии. Кто-то по доброте души поделился коноплей и маком. Остальную площадь засадили черенками неугасимого поленьего дерева. Через месяц должно было наступить новое полнолуние, и кто знает, не пустят ли по следу вампиров оборотней, а то и за Валимиром могли дракона послать. Горы эти были весьма странными. Кроме стрел, как учила надпись на стене, им были необходимы крюки и колышки, чтобы преодолевать пропасти и взбираться вверх на крутых склонах. Ходили в железных башмаках – привыкали. К вечеру ноги остались без кожи, у Валимира до лодыжек, Иван и Сеня в подошве. Виткас остался здоровее всех – вот что значит, когда железо хорошее. Лечились живой водой. На ужин отгрызли еще по крошке. С удивлением наблюдали, как вокруг крутится муха и целая стайка мошкары – видимо кто-то занес яйца вместе с грязью.

– Эх, нам бы сюда заморских лягушек от лягушатников! Им тут было бы раздольно! А какое у них сочное и нежное мясо! – вздохнул Иван, принимаясь за изучение веревки, загоревшись идеей раскатать неугасимое дерево до ниток и сплести еще три, чтобы у каждого была такая. Он прищелкнул языком. – И рыбки бы, нормальной, не доисторической. У этой кости одни, и сама мелкая.

– Душу не трави! – попросили сразу трое.

Свои спустились еще на треть. Вампиры и оборотни поднялись на половину. С удивлением наблюдали, как трое оборотней пытались сбежать от вампиров, но невидимый барьер отбрасывал их назад, и когда их отбросило во второй раз, их словили и зарезали, как свиней. Не расстроились – туда им и дорога. И всем четверым всю ночь снился один и тот же кошмар: оборотни и вампиры возвращаются, окружают их и уже ушедших людей, и тянутся, тянутся своими ручонками, разрывая на глазах товарищей...

Проснулись злые и не выспавшиеся. Сразу, как по команде, схватили бинокли и выбежали из пещеры, чуть не затоптав пацана, которого отправили догонять своих.

Остановились, как вкопанные, разглядывая его.

Парень сидел на входе, укрывшись от ветра и холода за толстой стеной, дрожал, и держал в сжатых в кулаки посиневших руках каравай, и грыз его, откусывая добрыми кусками, не обращая на них внимание.

– Дьявол сказал, что если вы меня не возьмете, он на вас беду наведет, – сказал он тихо, с легкой угрозой в голосе, ни на кого не глядя.

– Какой Дьявол? – опешили все четверо.

– Какую беду? – насторожился Иван.

– Тот, который вчера меня подобрал и сюда принес. Я хотел подождать, когда вы уйдете, чтобы ветку взять и воду.

Я там, в снегу сидел... – он махнул в сторону лестницы. – Наверное, я уже замерз, потому что не чувствовал ничего и спал... А потом он... весь в огне, как ветка. Мне сразу стало тепло, и я проснулся. А он стоит. Потом взял меня за плечи сзади, и мы сразу здесь оказались. Мы с ним всю ночь разговаривали. Он сказал, что одному в горах опасно, а если вы меня не возьмете, он сон ваш сделает вещим.

У всех четверых лица посерели и вытянулись, и языки прилипли к гортани, будто воды в рот набрали.

– Какой сон? – надвинулись на парня.

Парень расстроился, покраснел и сжался. Наверное, никакого сна у этих четверых не было. Получалось, что Бог его обманул. Он перестал есть, уставившись в землю. Эти четверо были не злые, но и не добрые, и серые какие-то. Лица у всех сердитые, и стало обидно, что он им не подошел. Но он не хотел никого обманывать.

– Вот, – он протянул руку и раскрыл ладонь, сделав последнюю попытку оправдать себя.

– Он просил передать.

Но четверо не двинулись с места, разглядывая его молча и пристально,

Парень достал из кармана платок, высыпал то, что держал в руке, завязал в узелок, положил на землю. Потом поднял рюкзак и гордо зашагал прочь. Теперь он и сам был зол – пусть подавятся своей водой и ветками!

Наверное, и не Бог был...

– Стой! – окликнул его Иван.

Парень не остановился. Слезы бежали по лицу, но показывать их не хотелось.

Его нагнали, скрутили и поволокли в пещеру, бросив у костра.

– Тебе же добра хотели! – успокаивая, объяснили ему. – Ты хоть понимаешь, что нас ждет?

– Понимаю. Он сказал, что я научусь. Маня смогла. У нее было три железных каравая, три посоха и трое пар обуви, из гнилого железа, который господин Упыреев ковал, и нарастало оно на старом месте вдвое против прежнего. И был у нее был только Борзеевич, а он не человек. Так что, как будто она одна была.

– А кто он? – удивление не проходило.

– Мифическое существо. Он только знает, но не так много. Она с ним подружилась, когда уже одну пару железа сносила, и оборотни на нее напали.

– С этого места можно поподробнее?

– Это было после того, как она убила Бабу Ягу и спасла две избы на курьих ногах, посадив неугасимое полено в землю. – Парень снова грыз свой каравай. Зубов у него не было, но он грыз его, не обращая внимания на кровь, сочившуюся из десен. Только сейчас обратили внимание, что одет он в железо. – Она убила их всех, спустилась в Ад, посмотрела на Рай, а потом пошла в горы. Спасла трех человек, открыла три города, достала меч и убила драконов, убила всех обо-

ротней, которые ушли за ними, а вчера они были у девятой вершины.

– Вам не кажется, что слишком много «убила»? – удрученно и тихо прошептал Валимир, ни к кому не обращаясь. Он был растерян и убит. В первую очередь смелостью, во вторую, силой, которая не могла быть в одном человеке, в третьих...

В голове не умещалось, что все это сделал один человек – баба!

– Она сама – не мифическое существо? – поинтересовался Сенька, недоверчиво рассматривая письмецо на стене.

– Нет, она сирота. Как я. Только ей Проклятие еще наложили. Сначала, когда на свет не родилась, потом, когда родилась, а потом, когда девушкой стала... Правильно. А мне неправильно. Ей вампиры обе руки отрезали, а мне злые люди. Из вредности, чтобы я не забывал, кто я. И тебе, – парень кивнул на Валимира, – два раза, по одному на дракона. Только ты не помнишь. И брат твой как ты, а ты, как брат...

– Да знаю я, – кисло улыбнулся Валимир. – Ведь видел же! – он хлопнул ладонью себя по лбу. – Видел обман! А ты молодец. Только надо было еще раз прийти и в рожу нам плюнуть.

– Иди сюда, на-ка, поешь, – Иван протянул парню стрелу, с надетыми на нее грибами. – Давай, давай, поправиться тебе надо, а то отстанешь.

Парень жадно посмотрел на грибы, но замялся.

– У меня есть... – пробормотал он, до бледности пальцев вцепившись в каравай. – Маня все время ела, всю дорогу...

– Ты мне это брось! – строго сказал Иван. – У нас тут нет свое-чужое, не единым железом сыт человек!

– Вернее, он им совсем не сыт! – поправил его Сенька, взъерошив парню волосы. – Просто он привык, что ему никогда не дают. Я понял про отрубленную руку! Это чтобы ты чужим всегда человеку был и бедненьким. А ты другой. Но нас рожам не напугаешь – насмотрелись! Бери-бери!

– Тьфу, забыл, как тебя зовут, извини, – произнес Виткас, поднимая с земли узелок, подобранный, когда парня тащили в пещеру и брошенный на землю. – Что тут у тебя?

– Малек. Малекан. Обратное на Великан. Я маленький родился, недоношенный. Думали, не выживу, – парень повеселел. – Я не знаю. Крупа какая-то. Я немножко просыпал, когда у меня руки замерзли.

– Где просыпал?! – вскинулся Виткас, покрываясь пятнами. – Покажи! – Он уже натягивал куртку. – Ох, дураки мы! Да за одну икру парню могли поверить! Черт! – выругался он.

– Какую икру? – в узелок уткнулись все четверо, столпившись возле Виткаса.

– Лягушачью. Здесь и яйца... и семена... Травы – и озерной...

Вид у Малека снова стал виноватым и напуганным. А глаза смотрели грустно, но казалось, будто исподлобья.

– Да, здорово тебя уделали, – заметив выставившее лицо, удивился грустно Валимир. – Ну никто же не винит, сами виноваты! Просто сон у нас был дурной, а тут ты... И сразу про сон! Был, был Дьявол, и на рожу нашу поплевал. Покажи где, может, соберем, если ветром не унесло...

Малек просиял. Он встал, и как будто распрямылся и подрос, став с другими вровень. Оказывается, он был не маленьким и пять литров крови носил в полном объеме.

И побежал первым.

– Я тут от ветра прятался. Вот здесь.

Он показал на место в углу у выхода из пещеры. На место надуло снега. Снег сгребли до земли, занесли и спустили в озеро.

– Много было? – спросил Валимир.

– Вот столько, – показал Малек, сложив две ладони.

Получалось и много, и мало, но тем дороже.

– И все здесь просыпал?

– Все, – виноватый голос парня задрожал. Видно, крупа была очень важной, если ее так бережно собирали.

Снег собрали и там, куда крупу могло отнести ветром. Собирали и заносили до самого ужина. Снега в пещере перед входом было навалом. Заодно выносили трупы людей-оборотней перед входом, которые не ушли в землю, скатывая их с горы. И головам Драконов в пещере было не место, кое-как вшестером выкатывали и спускали с горы.

– Ладно, скоро узнаем результат, – Виткас довольно похлопал ладонью об ладонь. – Заодно почистили жилище.

– Надо было одну драконью башку оставить, – сказал Сеня расстроено. – Согласитесь, раритетный был бы череп. Любой коллекционер древностей будет о ней мечтать. А она тут!

– А если в этой драконьей башке еще чего-нибудь осталось? – осадил его Иван. – Нет уж, пусть валяется где-нибудь в другом месте...

На следующий день из безобидной крупы выползло столько тварей, что не раз помянули Дьявола недобрым словом. Комары в теплой пещере размножились и сучили всех пятерых, не хуже вампиров, под мхом копошились небольшие змейки, жучки и червячки, заползая под одежду, а червячки норовили просверлить камни и укрыться в земле. Сновали туда-сюда ящерки, в воде проросли водоросли, между которыми плавали мальки, ползали ракушки, многоцветные многоножки и звездочки, и половину озера затянуло лягушачьей икрой, в которой извивались черненькие головастики. Травы стало больше, особенно возле черных валунов.

– Это ж надо так?! – удивлялся Иван, изучая местную флору и фауну.

Его назначили ответственными по кухне, и интерес у него был самый прямой: съедобно, не съедобно. Валимир, Виткас и Малек поднялись на вершину, измеряли на глаз расстояние от горы до горы и наносили на карту, Сенька собирал камни, раскладывал их, спускался вниз, поднимался, записывая

что-то у себя в толстой тетради, сверяясь со справочником в той же тетради, но с обратной стороны, раскрывая секреты пещеры, недовольный, что Малека ребята оставили себе.

– Хотите, я открою вам секрет этой пещеры? – он подошел к троим, которые грели пальцы у рта и о чем-то спорили.

– Открывай, – ответили ему.

– У этой пещеры должно быть окно на восточной стороне. Сверху у нее некий материал, как те черные камни, покрытые облицовочными плитами из гранита, с боков то же самое, внизу базальтовые породы и лессы, а в одном месте на задней стене рыхлый суглинок и галечник. Наверное, там был выход... Еще один вход... Или кто-то уже защищался в ней, и с восточной стороны ее взорвали... И еще, я нашел, вот... – Сеня протянул горсть земли и пару ракушек.

– И что? – не поняли его.

– Пещеры на склоне находилась под водой! Откуда здесь море?

– И что? – два голоса были недовольны, что их отвлекли от наиважнейшего дела, и лишь один проявил заинтересованность.

– Ну как?! – изумился Сеня непониманию. – Море было здесь! На горе-то! А высота какая?! Я даже сказать не берусь, сколько!

– После того, что я тут увидел, нашел, чем удивить, – отмахнулся Валимир. – Одна сосулька чего стоит, которая нам жизнь спасла!

– А камни?! – поддержал его Виткас. – А вода?! А рост тварей и растительности?!

– Это-то я как раз мог бы объяснить, – задумчиво проговорил Сеня. – Это генератор каких-то полей, которые питают дерево, воду и жизнь в пещере, или что-то защищают в ней. Наверное, это что-то типа электростанции. Может быть, даже упираются в параллельную вселенную, в которой время течет иначе, и клетки начинают делиться, и регенерироваться с огромной скоростью в соответствии с генетическим кодом. А хозяин параллельной вселенной Дьявол и есть, и когда мы к нему взывали, он как бы поднялся, или опустился до нас. Получается, что там он, как живое существо, и не как тело, а как энергетический сгусток, размером с вселенную, а может, десять таких вселенных, а здесь – как Дух. И когда мы умираем, мы становимся как духи... Значит, не врут про Небесное и Поднебесное Царство... Поднебесное здесь, а Небесное там, откуда эта сосулька силу берет. Представьте, там все растет, все цветет, там вообще все вечное и не умирает. Или умирает, но не так, как здесь. Оболочку сбросило, и стало тем, что он есть – клеткой организма.

На него посмотрели, как на сумасшедшего.

– Но мы то здесь, мы не там...

– И я туда не тороплюсь... – Сеню похлопали по плечу. И вернулись к тому месту, где их прервали.

– Ладно, – сказал он недовольно. – Пороюсь в галечнике на стене, возможно, найду еще какие-то доказательства...

Можно мне твой кинжал? – попросил он Валимира.

Валимир машинально достал Дьявольский нож и протянул ему.

Утро до обеда пролетело незаметно. Когда трое спустились вниз по склону и вернулись в пещеру, они застали картину, которая заставила их открыть рты. Иван отчитывал Сению, а тот стоял напуганный, с вытянутыми по швам руками, и пытался что-то промямлить в свое оправдание.

– Развалил-то, развалил-то ты ее зачем? Как теперь обратно заткнуть?!.. Эх! – Иван махнул в сердцах рукой и вернулся к костру, где у него что-то кипело и поджаривалось, испуская приятный аромат, пахло рыбой и луком.

На задней стене, с восточной стороны, в самой верхней ее части, в виде ровного треугольника образовалась дыра, пропуская солнечный свет. Солнце поднималось в зенит, собираясь улизнуть за вершину. И воздух сразу посвежел, подуло легким сквозняком. Дыра была в рост человека с вытянутыми руками в длину и в ширину, толщиной метра два – стены из гранита, откосы не прямые, а под углом. Вид из окна открывался великолепный, склон горы, куда ушли свои, просматривались, как на ладони. И склон своей горы был виден, петляющая лестница была как раз под ними, делая поворот и уходя в сторону, чтобы обогнуть стену и выйти на другом конце вершины. Перед треугольным оконцем была широкая площадка, в виде балкона, обложенная камнем в метр, а за балконом пропасть отвесно уходила вниз до самой лестни-

цы, а сверху ее прикрывал козырек.

Не осталось сомнения, что ее кто-то вырезал.

– Это смотровая вышка, – сказал Сеня уверенно. – Здесь люди жили... Или защищались от кого-то... Меня смущает плита посредине озера. Там что-то было, или есть под нею до сих пор.

Валимир посмотрел в сторону плиты.

– А меня смущает сосулька над этой плитой... Ох, не просто так она тут висит! Нам плиту не сдвинуть! – сказал он, наморщив лоб. – Тяжеловата будет. Если, как ты говоришь, это генератор, то там внизу стоит доисторическая машина... Внеземной цивилизации...

– Могила там, – сказал Малек уверенно, содрогнувшись. – Судите сами. Закрыто плитой. В живой воде. Огонь кругом. Сверху сосулька, которая поле генерирует. Нечисть какая-нибудь, которую убить нельзя, а только держать взаперти. Выпустим, беды не оберемся.

– А защищать ее зачем? – поинтересовался Валимир.

– Чтобы не уползла к четвероногим и клыкастым друзьям, – согласился с Малеком Виткас. – Может, они ее отбить пытались. Блин, теперь всю ночь спать не смогу! С такой тварью поблизости... Брр!

– А если это нечисть отбивалась? А потом люди пришли и вырыли проход с другой стороны, достали и переиначили тут все?

– В горах?! Смееетесь что ли? Видели же, что с ними эти

горы делают! Я склоняюсь к мысли, что нам это может оказаться не по зубам. Пока, во всяком случае, – сказал Валимир. – Надо порадоваться, если это тварь какая-нибудь, она все еще тут. Я вот что заметил, стреляли в меня, а летели пули, в какую угодно сторону, но только не в эту плиту. Мы потом даже не пытались укрыться, и все равно все пули летели мимо. Наверное, это как раз та самая ловушка, которая им уйти обратно не дает!

– Так они же мимо прошли! – напомнил Сеня. – Если бы ловушка была здесь, они бы к горе прилипли... Нет, это что-то другое. Склоняюсь к мысли, что это страх Божий, который он сам тут придавил.

– А если вампиры придут? – проговорил Виткас, встревожено. – Мы ж не можем оставаться здесь вечно.

– Вампиры не придут, здесь кругом дерево неугасимое, а оборотни могут. И уж с какой-то плитой они справятся.

– Наверное, тут не было ни живой воды, ни дерева. Возможно, это Маня с Борзеевичем их посадили... Сами подумайте, как оно могло бы так долго расти на такой высоте и в таких условиях?

– А эти откуда? – ткнул Сеня в озеро. – Они вымерли миллионы лет назад! Я же говорю – море здесь было!

– А ящерицы откуда? Пришли, бросили семена, и, пожалуйста...

Иван позвал на обед. Он приготовил рыбу, грибы со спаржей и луком, крепкий напиток из обжаренных корней цико-

рия. Дисциплинированно и уже традиционно начали с железных хлебов. Виткас, которому повезло с железом, оно у него было не таким железным, хихикал, глядя на их мучения. Железный хлеб не брал даже Дьявольский нож, чиркал и высекал искры. Один Малек не давился, откусив больше всех, старательно прожевал и проглотил. Но дальше и у него не заладилось.

– Наверное, это потому что я целый день себя контролировал и не принимал обиду за обиду, – сказал он, поразмышляв над феноменом железного каравая. – А целый кусок сумел съесть, потому что не ушел, как вы мне приказали. Я первый раз старших не послушался.

– Ну, знаешь! – возмущенный Иван едва нашел что сказать. – Ты к этому не привыкай! Это... ни в какие ворота уже не лезет! Много ли пожил? Мы, старшие, умнее вас молодых, у нас опыт...

Валимир, Сеня и Виткас дружно загоготали.

После обеда отреставрировали оставленный Маней, Борзеевичем и Дьяволом волшебный котелок. Без него, пожалуй, никак. Срезали от корней, очистили заросшее днище и пошли опять смотреть, насколько в горах они остались одни. Вампиры уже почти достигли вершины. А свои...

Низина стала ниже, чем вечером предыдущего дня. Свои сидели на высокой скале (наверное, это все же тоже была гора, но не такая высокая, или скальный выступ, который под-

нимался в этом месте круто), горели ярко костры, а вокруг них плескалось озеро, утекая в пропасть, внизу которой они раньше видели лаву.

– Все? – с ужасом посмотрели на Виткаса, у которого зрение было лучше, чем у остальных.

Он считал.

– Трех не вижу... нет, вот, нашел! Все!

Вдохнули с облегчением.

– Говорили им! Предупреждали! Писали! Не суйте ветку неугасимого полена в снег! – с чувством произнес Малек, получив, наконец, в руки бинокль. Биноклей было всего четыре. – Не умнее, – подытожил он, лукаво улыбнувшись дяде Ване.

На Малека уже в который раз посмотрели с удивлением. Потенциал у парня был, и открылся неожиданно. Иван лишь сердито взглянул на Малека, чертыхнувшись.

– Сильно хоть пострадали, нет? – Сенька прыгал вокруг остальных, пытаясь взять бинокль у Виткаса.

– Похоже, нет, если проверяют рюкзаки. Спокойные. Бежали, наверное. Рюкзаки за спиной были, а железо им потерять не удастся, если даже захотят, – Виткас отдал бинокль Сене, руки его дрожали.

– Ну, слава Богу! – помолился Иван. – Они эту науку долго не забудут!

Посмотрели еще. Солнце укатилось за вампирами, в низине быстро темнело. Ноябрь был как раз тот месяц, когда

день и ночь менялись местами, и ночь становилась длиннее. Казалось, что тень горы поднимается из земли. На вершине с западной стороны было еще светло, и небо на западе слегка желтоватым.

– Как красиво-то! – с восторгом воскликнул Сеня, заметив, что далеко-далеко, в той стороне, куда ушли свои, загорелась яркая звезда.

Мороз крепчал. Вернулись в пещеру. Проверили побеги неугасимого дерева. Еще день, и можно снимать первый урожай стрел. Серебра у них осталось много. Самые толстые ветки решили оставить на котелки, чтобы были у всех по одному, и три недостающих лука, взамен тех, которые забрали с собой уходившие на большую землю. Каждый тайно попытался примериться к плите посредине озера: а вдруг именно ему выпадет погибнуть в неравной борьбе с чудовищем, похороненном навеки среди вечных снегов.

Сидели до поздней ночи, рассказывая о себе, вспоминали о героях, пытались найти хоть малейшее упоминание о том, что могло изменить мир в лучшую или худшую сторону. Один Сеня спать лег пораньше, наказав дежурным разбудить его, чтобы проверить, куда упадут первые лучи солнца.

Глава 19. Свято место пусто не бывает...

Но на следующий день солнце не вышло, небо было пасмурным. Странно, вроде и тучи все должны были остаться внизу, ан, нет, над горами проплывал огромный циклон в сторону цивилизованной части государства. Зима катила в глаза снежными бурями и ураганами, да так, что носа не высунешь. Мороз ударил градусов пятьдесят. Стоило выйти, превращались в ледышку. И такой ветер, что запросто можно укатится под гору. Погоду решили переждать, не выходя из пещеры. В пещере было по-прежнему тепло, может, чуть прохладнее обычного, но с окном жить стало веселее. От сквозняка перешли в другое место. Пробовали рассмотреть своих через окно, но видимости никакой, в трех метрах белая стена из хлопьев и крупы – за своих переживали, радовались, что вампирам и оборотням тоже несладко. Наконец, в полной мере оценили авантюру, в которую ввязались.

Еще раз прочитали наставление – как мог человек по такому холоду, один, в горах!?

Попробовали выйти на мороз с ветвью неугасимого дерева, заметили: дышится легче, и холодно, но не замерзаешь. Сразу стало легче думать о том, что их ждет. Поняли, свои не пропадут. С повеселевшим настроением недалеко от вхо-

да в углу вырыли яму, сложили из камней нужник, чтобы не морозить достоинство каждый раз на холоде – прочный получился. Остальное время до ужина промучились с плитой, но она даже не пошевелилась.

– Надо ждать солнца, – решительно заявил Сеня, вытряхивая из спальника живность. – Я только сейчас сообразил, что, если бы здесь что-то страшное лежало, пещеру бы замуровали наглухо. Зачем делать ее приятным местом? А зачем оставлять знак для человека? Но от вампиров и оборотней ее охраняли – это факт!

– А причем здесь солнце? – спросил Иван, придвигаясь к огню ноги.

Спать еще не хотелось, вечер располагал к беседе. Где-то там, за стенами, надсадно гудел и метался ветер. Снег залетал и в окно, но сразу таял. А в пещере было тепло и уютно. Сияние уже погасло, теперь пещеру освещали лишь отсветы пламени неугасимой ветви, которую воткнули в землю.

– Кино надо иногда смотреть! – наморщив лоб, ответил Сеня, залезая в спальник. – Мы можем ждать, наблюдать, а нечисть не смогла бы, ей наверняка надо знать, чтобы пришел и сделал. Поэтому для человека знак такой – самое то!

– Оборотни превратятся в зверей? – догадался Малек.

Лежа на спальниках, Виткас и Малек изучали нарисованную карту, придумывая наименования каждой отмеченной горе. Валимир пил чай и иногда подсказывал. Разрабатывая систему, первым делом ребята решили обратиться к планетам

солнечной системы и знакам зодиака, но со знаниями у них было туговато. Третью планету и ее спутник знали все, а как расположен тот же Плутон или Меркурий ни тот, ни другой с уверенностью сказать не смог. Знания Валимира пришлось очень кстати.

– Вот именно! – горячо воскликнул Сеня. – Как на лестнице. И сдается мне, что тут есть кнопка.

– Сеня, окно широкое! Оно всю пещеру осветит! Если мы будем ориентироваться на лучи, мы можем всю жизнь искать! – напомнил Виткас.

– Тогда солнце – это тоже символ, – не сдавался Сеня. – Вот, смотрите, тут двенадцать валунов, очень правильной формы, и плита посередине. Двенадцать полных лун – год, двенадцать колен – народ, или вот: «За двенадцатью дверями железными, за двенадцатью запорами медными, в той пещере стоит богатырский конь, цепью тяжелой к столбу прикованный...». И еще: «И увидел под темными сводами в той пещере Кошья Бессмертного. На двенадцати он цепях висел, а под ним котел на огне кипел...», И еще: «Видит он – сидит у Смородины на двенадцати на сырых дубах люта птица Грифон страховитая, под той птицей дубы прогибаются, а в когтях ее рыба дивная чудо-юдище рыба-Кит морской...» Двенадцать лет...

– О! – перебил его Малек, поднимая палец. – Двенадцать лет... Валимир!

– Некие «двенадцать источников» упоминаются во мно-

жестве, и все древние знания упираются именно на цифру двенадцать. А вдруг мы как раз стоим у этих самых двенадцати источников? Видели, как камни светились?

– Так, мыслим нестандартно, – Валимир почесал макушку, потом щеку. Пора было побриться. Или уж совсем отпустить бороду, чтобы лицу было теплее... Он улыбнулся, заметив, что Иван так и сделал. – Малекан, какая польза от системы, если не знаешь ни расположения планет, ни знаков зодиака, ни животных, которыми обозначены года? Система нужна для приятной прогулки. Начни с чего-нибудь попроще, например, с алфавита... Или сразу переходи на семицветную радугу... Люди не знают – но я проклятый! Птица Грифон или Кощей Бессмертный мне известны не понаслышке. Это ужас, направленный на меня. Предположим, я плита... Зачем солнцу, светлому символу, указывать на то, что может его затмить?

– Значит, под плитой что-то такое, что предназначено для живого человека, а не для вампира? – пожалел Сеня разочарованно.

– А ты хотел бы, чтобы оттуда выскочила тварь, разметала нас и побежала в мир собирать кровушку? – сердито одернул его Иван. – Нам и драконов по самое не хочу хватило. И при чем здесь ты? – он обернулся к Валимиру. – Как камни могут оказаться человеком? Думай, что говоришь, – он обернулся к Сене. – С чего Богу на себя пальцем показывать?

– Не знаю! – расстроено произнес Сеня. – Солнце все-

гда почитали за Бога. Всегда считалось, что нечисть боится солнца, но не боится же! А что бы ее напугало?

– Наверное, здесь какое-то оружие против наших Благодетелей, – предположил Виткас. – Тогда нам тем более надо туда попасть.

Виткас и Малек отвлеклись, тоже прислушиваясь к разговору, и теперь о чем-то напряженно думали. Воцарилось недолгое молчание.

– Бог! Живой Бог! – ответил Валимир уверенно. – Дьявол, который может узаконить человека и научить снять с себя Проклятие. Давайте рассуждать логически...

Страх той же Церкви перед его знаниями и человеком, который связан с Дьяволом, необычайно силен. Это для них, как смерть. Не удивлюсь, если маньяки, которые убивают с именем Дьявола и пишат кровью на стене – их собственная задумка. Маня, пожалуй, единственный в мире дьяволист, который присушен самим Дьяволом, а не Святыми Отцами. Им несложно взять человека и сделать из него убийцу. А хотя бы того же оборотня! Человек слышит голос, который зовет его, и не может ему противиться, но в принципе, то же самое делает любой другой человек, на которого положили Святого Духа. Духа можно положить с какой угодно направленностью. Взять того же Павла, к которому воззвал Святой Дух и позвал, но куда? Убивать врагов Спасителя, избавлять верующих от ответственности, служить ему верой и правдой, прославляя новую церковь, которая сразу потребовала

от своей паствы не десятую часть, а все имущество и земли, какие были у человека. И он в одночасье повернулся на сто восемьдесят градусов.

Были у Павла Дьявольские знания? Нет, их не было. Но те, кто знали, научили его. И что они сделали? Они разули и раздели людей. И обратили их имущество на свое благо, как любой вампир.

«У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее. Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иеси Христа; и великая благодать была на всех их. Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду. Так Иосия, прозванный от Апостолов Варнавою, что значит – сын утешения, левит, родом Кипрянин, у которого была своя земля, продав ее, принес деньги и положил к ногам Апостолов. Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфирию, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам Апостолов. Но Петр сказал: Анания! Для чего [ты допустил] сатане вложить в сердце твое [мысль] солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце твоём? Ты солгал не чело-

векам, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен; и великий страх объял всех, слышавших это. И встав, юноши приготовили его к погребению и, вынеся, похоронили. Часа через три после сего пришла и жена его, не зная о случившемся. Петр же спросил ее: скажи мне, за столько ли продали вы землю? Она сказала: да, за столько. Но Петр сказал ей: что это согласились вы искутить Духа Господня? вот, входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут. Вдруг она упала у ног его и испустила дух. И юноши, войдя, нашли ее мертвою и, вынеся, похоронили подле мужа ее. И великий страх объял всю церковь и всех слышавших это.»

Нечисть приходит к человеку и убивает его. Как любой другой вампир. Цель вампира подмять под себя человека, ограбить его, заставить его ползать в ногах.

– Утопия какая-то... Ничего своего, все общее, от каждого по способности, каждому по потребности... А кто определял, кто в чем имеет нужду, если доброму христианину положено быть мучеником? И как надолго хватало имения?

– Это что же, они могли убить человека и бросить как собаку? Что за похороны за три часа, когда не знают ни родные, ни близкие?

– Ну, все они пребывали в притворе Соломоновом... Думаю, не все, лишь апостолы, которые собирали имущество, распределяя между всеми. Но книги написаны ими, а не теми, кто на паперти, их мнения никто не спрашивал. Притвор и притворятся один корень имеют. Притвор – место за

папертью. Кто-то на паперти, а кто-то в притворе. Притвор Соломонов, это в преддверии жизни Соломоновой, который, как известно, владел неисчислимыми богатствами.

– А он кто?

– Сильный вопрос... – Валимир задумался. – Не сомневайся, вампир еще тот... Мудро расставлял сети. Первое, начал с убийства собственного брата и священника, который во все дни был с его отцом Давидом. Второе, первый Царь, который обложил народ повинностью и оброком. Немалой, с таким размахом даже в наше время вампиры не рискуют пить кровушку. Третье, жена его была дочерью фараона Египетского, который поддерживал его на троне, устраивая не единожды резню. Четвертое, мудрость его была не больше мудрости Спасителя Йеси, который весьма много почерпнул из источников, оставленных Соломоном. Пятое, с Маней и Борзеевичем Дьявол говорит лицом к лицу, как никогда не говорил с Соломоном, он привиделся ему дважды, во сне, а можно ли сон считать истиной? Шестое, он много знал из того, что знают современные вампиры, и даже больше, проводил эксперименты, разрабатывая способы наложения заклятий, оставив хренову тучу печатей, как свести человека с ума. Дальше перечислять?

– Ну... Богатства просто так на человека не падают, – согласился Иван. – Но ведь прославился...

– Прославился... «Чего страшится нечестивый, то и постигнет его, а желание праведников исполнится. Как проно-

сится вихрь, [так] нет более нечестивого; а праведник – на вечном основании... Со смертью человека нечестивого исчезает надежда, и ожидание беззаконных погибает. Праведник спасается от беды, а вместо него попадает [в нее] нечестивый. Устами лицемер губит ближнего своего, но праведники прозорливостью спасаются.» Я лицемер, я нечестивый, я глупец, от меня, от моих уст спасаются прозорливостью, я попадаю в яму, когда спасается моя барракуда, я умираю и становлюсь как ветер, моя надежда исчезает, мои предчувствия постигают меня, в моей земле сеют семя, ко мне летят обличения, сказанные над праведником... Манька – гниль в костях Его Величества, Ее Величество – венец для мужа своего. Уста праведных вечно пребывают, а мои уста, Манькины уста только на мгновение, пока мы помним, что за спиной у нас вампир.

– Аххуеть... – Сеня внимательно смотрел на Валимира, забыв закрыть рот.

Виткас выглядел не лучше. Иван пытался понять, но сила мысли покинула его. Малек пытался размышлять, удобнее устроившись на спальнике, подперев голову рукой.

– Господь говорил с ним два раза и во сне, но Господь трижды осудил сновидцев, через пророков.

«Тогда сказал Соломон: Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле;»

Не благоволит, он приносит с собой живую воду, неугасимое полено, испытывает внутренность и выставляет из нас,

проклятых, железо, открывая вампира. Закон Дьявола, как Закон Всемирного Тяготения – его нельзя отменить. Его можно знать и не знать, в него можно верить и не верить. Он не зависит от нашей объективной реальности. Есть мы, или нас не будет, Закон останется. Это Закон взаимоотношения двух людей, которые связаны между собой, как два Царства: Небесное и Поднебесное. При этом смотреть на человека можно хоть с той стороны, хоть с другой – два Царства равнозначны. Но один встает над другим, чтобы воззвать к людям через душу. Сильно испугался Соломон, когда старший брат его пришел просить в жены наложницу Давида. «И поклялся царь Соломон Господом, говоря: то и то пусть сделает со мною Бог и еще больше сделает, если не на свою душу сказал Адония такое слово;» Наложница Давида была душой Адонии.

На земле нет знаний, которые открыли бы вампира. И в то же время, они всегда перед глазами, надо лишь повернуть их против часовой стрелки и приложить к тому, что человек видит глазами. Там, где вампир, всегда есть проклятый, который нет-нет, да и выбьет вампиру клык.

Вот Соломон сказал: «Праведник спасается от беды, а вместо него попадает [в нее] нечестивый. Устами лицемер губит ближнего своего, но праведники прозорливостью спасаются.»

Приложи на себя. Иди, обратись в милицию, если не помянешь Благодетеля, который заступится за тебя, кто ста-

нет разговаривать с тобой? И будешь ли ты спастись от беды, чтобы в нее угодил другой? Или как может праведный ближний спастись от уст ближнего лицемера прозорливостью? Разве что погубить ближнего раньше, чем тот погубит. И все, нет мудрости – мудрость вампира вылезла наружу!

– Круто! – обалдел Виткас. – Этому в духовной семинарии учат?

– Нет, там учат не принимать болезнь народа близко к сердцу... Вдалбливают, что избранные, у которых в руках Слово Господне и народ, который надо защищать от народа, который не народ.

Итак...

Например, послание Павла к Евреям. Чему он учит, к чему призывает? «Отринем Закон, утвердим веру, ибо незнание снимает ответственность. Мы верим в человека, мы поднимаем знамя Сына человеческого, мы замыкаем уста всем тварям в земле человека и утверждаем новую тварь. Бога не видит никто, Бога не знает никто, мы все...»

Кто это – мы? На каком основании он прировнял меня к себе, чтобы утверждать, что я не вижу, или не желаю увидеть Бога? Кто дал ему право совать свой нос в мою матричную память и утверждать там тварь, которая будет диктовать мне, что делать и во что верить? По какому праву он взял на себя ответственность поставить себя выше моего сознания?

Есть много религий, которые так или иначе используют образное отображение Дьявола и его сути. Но разве все, что

нас окружает, не Дьявольская земля и подножие ног его? Одно царство стоит на другом, как человек и его душа. Как не поверни, суть остается неизменной. Дьявол украшает подножие ног своих, творя произведения живые, насаждая в Поднебесной сады. Душа его – Бездна.

– Ну, о Дьяволе в общем-то ничего другое не говорят. Вышел из Бездны, Душа его – Бездна.

– Любить произведения его – не есть ли величие перед Богом? Говорить: и тут Бог, и тут – как-то не соответствует Истине? И все же Павел говорит: «Бога нет! А есть Сын, который пришел, стал жертвой во искупление грехов, поднялся и стал как Бог – веруйте!»

Во что? Поганец вышел из праха и в прах ушел. Легко проклясть смоковницу, которая не может ответить тем же. Что ж ты с такой силой от царей и царедворцев бегал? От того же Павла, пока не насочинял ему руководствующих наставлений?

Итак, говорит он: «Мы уничтожаем закон верую? Никак! Но закон утверждаем!»

Но! Если Закон существует независимо от нашей объективной реальности, нуждается ли он в утверждении – и уж тем более верой, которая говорит: он где-то там есть, я не знаю где, но мне кажется, что он вот такой?! Закон не станет от «кажется» таким, каким он кажется этой вере. И Ночь вышла и сожрала народ один за другим. И нет знаний, кроме как у вампира, который приходит Ночью, и убивает ими че-

ловека. А такие, как Павел, вырвались вперед планеты всей, и стали на голову выше. Отсюда страх: Павел – бездарная нелюдь, кровопийца, убийца, Зверь, который рыщет, чтобы напиться крови. Он не может поднять проклятого, он не может унижить вампира, он не может снять иго с человека, как только сказать ему: терпи! Но может сделать проклятым и вампиром. Правильно, вампир не закроет глаза. Какой вампир не похвалит человека, который не ищет своей выгоды, и все, что имеет, отдает безо всякого сопротивления? Вампиру всегда хотелось иметь раба, который бы поднимал его, ничего не имея. Как крепостные, которые поднимали помещика, или феодала, или рабовладельца. Но разве оценит? Стоит ему отвернуться, и он не помнит не имени раба, ни его лицо. А кто такой Авраам? Почему я должен искать с ним родства или чтить его? Он такая же легенда, как те, что есть у каждого народа. Нет ни записей, ни достоверных фактов о том, что он когда-то жил. Как и о его сыновьях, разделившихся по коленам. Это легенда. Но это единственная народная легенда, которая утверждает, что человек произошел не от Бога. И поэтому ее приняли.

Но, если мое сознание – частица божественного «я», которую Дьявол сотворил и дал землю, то разве я не произошел от Бога? Я и душа моя – маленькие образ и подобие Дьявола. И разве неверным станет утверждение, что прародители мои Кий, Щек и Хорив – потомки Дажьбога, Роси и Живы? Мы – дети вселенной. И с какой стати какой-то господинчик

приходит ко мне, и начинает придумывать для меня законы, пытаясь утвердить веру в самого себя, если законы правят миром с сотворения мира? Именно правят, потому что я – лишь подобие вселенной, которая существует со дня сотворения.

И вот приходит Маня, смотрит на нечисть – и пьет Закон, как живую воду. И мрут драконы, и облетают вампиры, и всем не по себе...

И пришел День, мерзость никуда не делась, но ее стало видно.

А ночным тварям это надо? Она тянет на себя Ночь, как покрывало, и они предстают голые.

Да, вампиры убивают, как мерзость Дьявола. Вот я и моя барракуда, на нас наложили Проклятие и Зов – и получилась нечисть, и получился проклятый... Смерть действительно необычная, не подкопаешься. Кто поверит человеку, который во время убийства был не в себе, а потом и вовсе стал невменяем?! И что вроде бы такого, если люди поплакали или поматерились над человеком?! А слова вдруг обрели плоть и закабалили человека, уничтожив его самого, или подменив одну личину другой.

Но! Нечисть знает, как это все начинает работать, но может ли она разминировать человека?

Нет, не знает и не умеет...

А Дьявол знает и умеет. И получается, что вся нечисть перед ним, как интеллектуально недоразвитые существа, кото-

рые он всегда может размазать по стенке.

Пожалуй, Сеня, ты прав, это все символы – и окно, и камни, и плита... и сосулька, и озеро, и дерево...

Но как понять?

Предположим: если я встану на плиту, и буду как бы я сам, чем будет живая вода? Моими мыслями, живыми, которые от меня самого, свободные, не от Духа Святого, а от меня самого.

– Какая же сосулька символ, если она светилась? – засомневался Иван. – А живая вода?! Она живая, лечит, меня вон на ноги поставила, Сеньку... Чем ей еще-то быть?!

– Ну да, лечит, но ведь она может стать мертвой! – не согласился Валимир. – Если повернуть ее против человека, как Закон, которым убивают.

Он прошел по пещере, похлопал по камню... Виткас поднялся следом, прошел между валунами, пересчитывая их.

– Коня под плитой точно нет, он бы уже давно копыта откинул! Сомневаюсь, что Птица Грифон или Кощей Бессмертный... Их столько развелось, что один заключенный погоды не делает. Получается, вся мифология – именно знания, но закрытые от вампира или от человека?

– Естественно, иначе, до нас ничего бы не дошло. Они не только закрытые, они легкие для восприятия, легко запоминаются, и легко отражают объективность вампира, не ущемляя и не оправдывая его. И если их положить на себя, то они становятся мощным оружием.

Представьте: вампир убивает, что он думает? Бога нет! А если есть, то поймет – ибо человек! Главное верить и льстить, и как сказал Савл, он же Павел (в общих словах): Суд будет, но через человека, «получая оправдание даром, по благодати Его». Савл не считал себя грешником, он считал себя оправданным от всех грехов, и примирившимся с Богом, недоступным для Суда. Есть государство, есть закон, есть суд, который выступает ревнителем закона. Неравнозначно, ибо в государстве судит человек, который призван исполнять закон.

Вселенная – не государство, Дьявол и Судья – одно лицо, а Закон – его основа, крепость, защита, и оружие.

Но все же...

Простится ли убийце убийство лишь потому, что он верит в судью, в государство, пренебрегая законом и не исполняя его? Незнание закона не снимает ответственности.

– Снимает, мы все тому свидетели, – напомнил Виткас. – Если уж на то пошло, то и рабство подтверждает иное. Законы устанавливает вампир, исполнители – его правая рука, которые себя не оторвут и не выбросят вон, как негодную руку.

– Ну да, неудачный пример, – согласился Валимир. – Я имел в виду основной принцип, который брался за основу. Принцип, по которому осудили бы тебя, меня, их... Дьявол не человек, у него своя выгода, он не будет подстраиваться под человека. Поэтому Закон, в первую очередь, закрывает

его самого, а потом человека, который лоялен. Нечисть делает нас врагами Дьявола, чтобы мы перед ним были, как она. Все законы вампира объявляют его праведником. И он решил, что именно такой закон помолится на него, как на праведника, когда он обретет жизнь вечную. Нам на сие рассчитывать не приходится, ибо уже вне закона. По вампиру: мудрость – это знание, знание – это действие, а действие – кто успел, тот и съел. Не щелкай клювом, лови ближнего родимого и в печь ее, в огонь, чтобы судима была и не судила, а еще лучше, если Святой Батюшка слово скажет, им это прибыльно. Он знает, он подскажет, он вызволит, если сочтет тебя достойным, а не ту, которая в огонь должна...

– Не многих они сочли достойными, когда распределяли кому рабом быть, а кому Благодетелем. – Малек разрешился от задумчивости. – И тысячу лет, тысячу лет издевались над народом! У нас в детском доме ужасы такие творились, и не пожаловаться, а тогда еще хуже было. Ведь жгли, кожу снимали, на кол сажали, живьем хоронили, продавали, дарили, от семьи отрывали, и тоже, не пожалуешься никому.

– Или что думает батюшка, который начитался умных книг и верит, что от него что-то зависит? Не каждый батюшка, как Савл, и немногие считают себя безгрешными, но свободными от Суда – все. Сей «оправданный» человек думает, когда смотрит на вампира: «Он не может быть не прощеным, он богат, раскрыт, щедр» Но ведь он смотрит не как Бог, а как человек, и не видит то, что не укрыто от Бога. Вампир

не оставил его сиротой, не избил, не разорил, не послал к чертовой матери, когда кто-то просил у него помощи.

– А и в самом деле, чего ему вампира хаять, а бедного поднимать в глазах? Да и не было никогда такого, – согласился Иван. – Это уж они после, когда умер человек и люди помнят...

– Ну, Иван, скажешь тоже... Чем-то же надо себя прославить! Писанием единым не будешь сыт. Спасителя Йесю никто не видит, никто не слышит, кроме некоторых людей, которых сами же Отцы объявляют душевнобольными. Начнем с того, что они вменяют великомученикам в праведность? Уход за гнойными больными, утешение сирот и вдов, ночные бдения на коленях перед иконами, уход из мира мертвых в мир еще более мертвый, в келью, в которой он терпит нужду... Суть мученичества – в страдании, которое в нашем государстве для понимания близко каждому. Был мужик, богатый, князь, и вдруг крыша слетела, ушел в пещеру, подвязался поясом верности, а когда баба к нему пришла, руку себе отрубил. Мученик. А если бы он крепостных выпустил на волю, школы построил, больницу, чтобы гнойные больные глаза не мозолили, кто назвал бы его мучеником? Суть мученичества – быть с мучениками во время их мученичества, чтобы мученичество не казалось им таким мучительным и несправедливым, как они его чувствуют. И когда Церковь таких людей усматривает, она поднимает их, как знамя, вот, мол, раз Святой Мученик снизошел к мучимым, значит, и

Сын Божий, Господь Иисус именно так и поступит.

Но так ли это? А кто знает, кто доказал, что они там на Небе святыми объявлены? Откуда взялась мысль, что все жалостливые и убиенные – оправданы? А как будет смотреть Бог, который видит и батюшку, и вампира, и всех, кто уничтожен, раздавлен этим вампиром?

– Ну почему, там и Цари, и Царицы есть... – усмехнулся Виткас. – Царей, пожалуй, скоро больше будет... И каждый раз, как помолился мученику или Спасителю, одновременно помолился Царю. Получается, они умеют заставить.

– И вот приходит Дьявол и говорит: «Здравствуй, любимый, а кто тебя мучит-то? Ты же сам на плечах вампира несешь! Я не мучаюсь! И мученики, и вампиры под одну метелку подметены, ибо человек – два в одном, один мучается, второй миром правит, да так правит, чтобы гнойных больных для души хватило!»

Этой правдой можно убить и вампира, и батюшку, который простил грех, не направленный на него самого, убеждая, что Бог – милосерд.

Мы можем в Церкви только каяться. Жертва вампира не придет к тому же Батюшке помолить об отпущении. И никогда Церковь не обнадежит человека: «Бог достанет мучителя, не переживай!» И от денег вампира не откажется, когда тот придет просить его о милости от Бога. Получается, Бог у батюшки – продажная сволочь. А кто у них Бог? Вампир! Самый настоящий вампир, который воскрес спустя три дня!

Это только чистокровному вампиру под силу, которого разве что осиной убить можно. Все Спасители приходят к человеку, и говорят ему: «Мы рады вам, рады, вот вам я, вот вам вера, а вот вам пастыри!»

Но! Мы пьем живую воду, мы сидим у неугасимого огня, мы защищались стрелами, которые управлялись нашей мыслью.... Бог далеко не милосерд. Он говорит: «Освободись, сними оковы, посмотри в лицо врагу, посмотри на ужас, который он сеет вокруг себя. Я твоя Крепость! Проткни железо!»

И получается, напугать вампира можно только Дьяволом.

– Тогда, может быть, только он и может плиту открыть? – несмело произнес Малек. – Нам надо Дьявола позвать. Он же учит Маню и Борзеевича, пусть и нас научит. Он в нее верил, а мы разве не такие?

– А как? Он есть, и его нет, – Сеня грустно развел руками. – Это все его, но где он сам?

– Но он же дал мне семена! И перенес сюда. Может, его позвать надо?

– А может, поверить и понять, что он существует? – сказал Валимир неуверенно. – В мире есть вампиры, есть оборотни. Как люди, но не люди. У каждого человека есть душа, и как выяснилось – это не абстракция, это другой человек. И ни один Спаситель не доказал этого и не привел народ к этому. Наоборот, уничтожал любые знания, которые бы могли толкнуть человека на такие размышления, оставляя для се-

бя лишь то, что помогает ему убивать человека. За все время их долгого существования они борются с Дьяволом, который раз – и вырастил человека, раз – и вырастил. И пытаются дискредитировать, выдавая убийц и всякую мерзость, как дьявольские происки, дьявольские внушения, дьявольское одержание.

Но одержать над человеком может только чужая плоть! А плоть – это слово, которое вошло в человека, утверждаясь на камне! А камень – это боль, это ужас, который посеян кем-то! Все зло, которое существует в мире, так или иначе завязано на этом. Бедность, нищета, болезни, преступность. Чего проще сказать человеку: помоги душе моей, но вампир или оборотень никогда так не скажут.

Но есть ли есть вампир, если есть знания, которые приходят в мир снова и снова, значит, Дьявол не абстракция, он живой, он существует, как я, как мы, все, что нас окружает.

– Мне кажется, под этой плитой Знание, которое прятали от вампира, – высказал предположение Виткас.

– Согласен. Вот проклятый, бежит в горы, которые охраняют его от вампира, приходит в это место и понимает, что здесь он может переждать и пожить, и видит живую воду, и находит дерево и еду, – поддержал Валимир. – Что он прежде всего подумает? Что Бог не оставил его, есть рецепт спасения. И вот он уже не просто жертва, а сам, как проклятие вампиру. Само это место говорит проклятому, что не скажет ни один батюшка: Бог на твоей стороне, он простит тебе ни-

щету. И увидит то, что не увидит больше нигде в мире: Бог не простит ни вампира, ни оборотня, ни какую другую нечисть.

– Вряд ли... Это место сделали люди, которые знали, что когда-то знания уйдут с земли... – заметил Сеня. – Есть многочисленные доказательства. Первое, окно, второе, стены, они положены в три слоя, облицовка гранитная, а внутри черт знает что. Третье, здесь генерируется какое-то поле, которое есть в этих горах, но здесь его сумели сконцентрировать.

– Я вот тут подумал: неспроста, наверное, все свечи ставят или за упокой души, или во здравие, – посмотрел на всех Иван, слегка удивленно. – Никто во здравие души свечи не ставит. Получается, всеми силами люди ищут способ убить душу: не плач, успокойся, потерпи, – или плачут вместе с нею. Холодно, одиноко, и без причины болит нутро.

– Да, пожалуй, все Спасители учат любить и кланяться, а вампиру от этого не холодно, не жарко, – согласился Сеня. – Он только рад. И за себя молишься, или за него, у него все на пользу, как сказал Соломон.

– Получается, Спасители-то враги Дьяволу... – расстроился Иван.

– Вот приходит проклятый, что он еще думает, когда уже понял, что Бог есть, и Бог с ним? Мне нужны знания, мне нужен меч, чтобы рубить им всем знания. Я бы так подумал.

– Может, надо за каждой головой уметь рассмотреть Дьявола? – с сомнением произнес Виткас.

– А я и так вижу, – сказал Валимир. – Стоит проблеять кому-нибудь...

– Я не об этом. Мы спаслись, мы увидели, мы, в конце концов, в его обители. И выясняется, что в этой обители как бы человек, у которого есть окно, куда может заглянуть солнце... И вот мы – немного освещенные солнцем. Страшный Бог! Стоит вспомнить сколько людей сожрали вампиры, и от чего спаслись. Но еще мы видим свет в конце туннеля.

– Но не он же сожрал людей! – обиделся за Дьявола Малек.

– Не он, но допустил, а допустил, потому что мы не видели и не знали, – ответил Валимир. – Если мог остановить и не остановил, это, знаешь ли, равнозначно соучастию.

– Получается, не мог, – рассудил Виткас. – Он нас не спас бы, если бы мы не удрали, но он, без сомнения, помогал.

– Вот именно! Был бы Дьявол с кем-нибудь из нас, он бы в раз обнаружил, что рядом вампир! Первое: а с чего это именитые особы в горы потащились, и драконы кроткие, как ягнята? Но нам было лестно, что нас с собой взяли. Второе, откуда у троицы такая сила, чтобы дракона завалить? Третье, любой здравомыслящий человек стал бы разбирать, из-за чего весь сыр-бор... Четвертое, поинтересовался бы сначала, что за Проклятая земля такая, и почему одним можно, а другим нельзя... Пятое, высокопоставленные особы столько людей убивают каждый день, и война, и работорговля, и все что угодно есть, а рыба, как известно, гниет с головы, так

на что им мы понадобились? Шестое, отчего это сразу три партии стало, и отчего нас так сильно охраняют? И отчего кому-то можно пожарить картошечку на костре, а кому-то слюни пускать... Седьмое, комендантский час, сон этот, без снов... Восьмое, может, самое главное, а что сделали Маня, Борзеевич и Дьявол, чтобы мне их невзлюбить? Подсказки лежали на каждом шагу, с самого первого дня. Это расплата, за то, что вообще согласились участвовать в этой экспедиции. Он мог никому из нас не оставить ни единого шанса. Но мы оправдали Маню и Борзеевича, и помирились с деревом – и сделали шаг к спасению.

– Правильно, – сказал Иван. – На Бога надейся, сам не плошай! Известно, под лежащую колоду вода не бежит. Но больше половины людей погибло, пока у нас глаза открывались.

– Может, он на человека посылает лучи, и мы их должны рассмотреть? – выдвинул предположение Сеня. – Если в первую очередь вампиры закрывают человека от Дьявола, чтобы он не искал ни его, ни смерти им, и чтобы думал, как им надо, принимая только одну сторону медали, а сам вампир как бы был умнее, а мы рассмотрели и не согласились, значит, возможно, тот же Дьявол подсказывал как-то нам?

– Если человек умный, то умный, а не умный, так и не умный, – пожал плечом Иван.

– Ха, а вот тут ты, Ваня, не прав! – воодушевленно проговорил Валимир. – Если я от барракуды и ее Кощея закрыва-

уюсь, то о себе могу рассуждать, а нет – то такая муть в голову лезет, что спохватишься, самому тошно. Проклятый человек болен в уме своем. И спасения ему неоткуда ждать, если он не желает понять свое проклятие. Это я о себе говорю, у которого нет Зова! А представляешь, из какого Дерьма Дьявол вывел Маньку, у которой и Проклятие, и Зов?! Мало вышла, она обложила вампира так, что мало не показалось! Она же Дьявола видит! Она с ним разговаривает! Она учится у него! Немногий проклятый с Зовом мог бы сосчитать до ста!

– А чем Проклятие отличается от Зова, – поинтересовался Иван. – Я чисто теоретически...

– Проклятие приказывает вампиру ненавидеть проклятого. И не только вампиру, всем. Даже самому проклятому. Зов наоборот, приказывает любить.

– И что? Ну, приказали, мало ли что они там скажут!

– Э, брат, ты не понимаешь. В заклятиях такая боль, от которой человек лез бы на стенку. И у этой боли нет порога, когда человек уходит в Небытие. Там режут людей, животных, ломают черепа, травят, жгут, выставляют оргазм... Вот представь, человеку сломали череп – и он потерял сознание. А чтобы убрать приказ, нужно поднять эту боль, вытерпеть ее от начала и до конца, оставаясь в сознании, и понять, что от тебя хотели... Это, брат, такая наука, которая и мне не по зубам. Человека стирают. Человеку дают новое имя и новую голову. Если у человека есть ум, то уж и не знаю, кому говорить спасибо, что вампир пока обходит его стороной! Пред-

ставьте, – Валимир уже обращался ко всем, – у меня денег в кармане ни гроша, а я миллионы в уме на благотворительность раздаю. И так живенько! Мне сложнее заставить себя осознать, что денег в кармане у меня нет. А у барракуды что на лице? Ох, какая душа у нее широкая, да щедрая, да богатая! У меня никогда не получалось думать о себе, что я нищ, гол и раздет, как когда думаю о себе, что я богат, счастлив, щедр. Но ведь я в это время понимаю, что это не так! А мысли мои где? Они не в уме, они во всем, что я делаю и вижу. А у вампира что? Он в уме нищ, гол и раздет – за копейку удавится, а жизнь у него другая! И что видят люди у меня? Нет у меня за душой ни гроша! И получается, осознание приходит, и не ранит его, как меня мое. Я убит, я раздавлен, а он весел, он счастлив. Кто-то скажет: он богат, а этот беден, или: он убит своей бедностью, или: он радуется своему богатству – а помнить разве не должен человек, что он богат или беден?

– Или был-был у человека талант, вдруг раз, и пропал. Или жил-жил человек, раз, и повесился, – проговорил Виткас печально, думая о чем-то о своем.

Все замолчали, вспоминая случаи из жизни. У каждого нашелся пример. И вдруг Сеня оживился.

– Тогда нам надо понять, что у нас в голове от Дьявола, что от вампира, а что от нас самих, а что приходит от того же вампира или проклятого. И когда мы поймем, что от Дьявола, мы сможем сказать: «Здравствуй, Отче, а я тебя вижу!» – Лицо у Сени загорелось и покрылось румянцем. – Я вот, на-

пример, про окно догадался. Просто так, пощупал, мягко, и сразу понял, как будто меня водой облили! Водой! А Бог разве не живую воду на человека льет?

На Сеню посмотрели с любопытством.

– И пошел еще искать. Гальку нашел, и снова: а, значит, море было! И опять увидел – ракушки! А еще поискал, и вспомнил, что те насекомые, которые по дну ползают, вымерли миллионы лет назад. Присмотрелся, точно они, а жили они в море! Это не могла быть моя душа, – тьфу, тьфу, тьфу, у меня не вампир, но железа и нам с нею хватает, – откуда ей знать, чем я тут занимаюсь, да еще наперед угадать? Дьявол меня вел и говорил: вот, Сенька, смотри сюда, или, здесь ищи! И подсказывал, что искать. Эх, мне бы на него посмотреть!

– А я не могу о себе такого сказать, я целый день лягушат отлавливал. Маленькие они еще! – расстроился Иван.

– Подрастут! – успокоили его. – Дня через три будут в самый раз.

– Что же у меня-то было? – задумался Виткас. – Целый день мысли в голову лезли одна за другой, а вот поди ж ты, ничего вспомнить не могу.

Остальные промолчали. В принципе, сказать им тоже было нечего. Не привыкли они еще к Богу-то...

Малек взял бинокль и неугасимую ветвь и вышел.

– Пойду посмотрю, может, костры ребята разожги... – бросил он через плечо. – Что-то ветра не слышно.

Сеня оделся и вышел следом.

– Ладно, будем охотиться на Дьявола, – сказал Валимир, устраиваясь в спальнике.

Но на следующий день восход проспали. Сеня расстроился, до самого завтрака настроение у него было никакое. Сразу же после завтрака Валимир достал Дьявольский кинжал – пора было готовить стрелы. Виткас поднялся и тоже направился к саженцам неугасимого дерева. Иван собрал посуду, зачерпнул котелком воды и отошел от берега к проходу: как-то нехорошо мыть посуду в живой воде. За ним полетела бабочка, он на нее шикнул: нечего ей было делать на морозе, пусть уж лучше ею тут кто закусит, от прохода тянуло холодом.

Прошло еще неделя. Погода была никакая, собачий холод, так что язык к небу примерзал, а глаза сразу становились стеклянными, их стягивало. Выйти на воздух никто и не думал. О своих ничего не знали и разговаривать не хотелось, разве что по делу. Все дни напролет резали стрелы. Не сказать, что дерево сильно торопилось подрасти, но его и не торопили. Опасности не ждали, а в письмеце было сказано, что настоящую стрелу можно срезать не раньше, чем через неделю. Первый урожай собрали, теперь жди второй. В кузне еще остался и уголь, и железо – Иван и Малек попробовали освоить новую профессию, выплавляя сковородки. Получились, но кривые и косые. Для первого раза решили –

нормально, сойдет. Весь их опыт уложился в те четыре дня, когда работали кузнецы.

Когда в пещере появилось солнце, пусть и на полдня – неугасимое дерево пошло в рост, выбрасывая по десять сантиметров за сутки. В тех местах, куда попадал солнечный свет, из-под мха полезла трава, не поймешь, то ли ядовитая, то ли полезная, но растения были и терпкие, и пряные, подросла кукуруза и выбросила мохнатые метелки. Израненным ослепительной белизной и солнцем глазам было приятно медитировать, расслабляясь возле розовеньких и голубеньких цветочков с пушистыми трубчатými, наполненными нектаром пестиками. Зацвели помидоры, с мизинец завелся огурец, по стене поднялись плети тыквы, и три виноградные лозы на радость Виткаса. Лозу втыкали черенками, которые оставил один из альпинистов – он их таскал с собой, чтобы помнить о доме, как те, которые носили с собой ананашу и мак. Лозу он сразу подвязал, проверяя их по пять раз на дню. Грибов стало меньше, они росли только на мшистых местах по темным углам, но их уже насушили, наморозили, объелись, и насолили – соль нашли чуть ниже, в одной из пещер, в основном калийная, бесполезная, но там же нашли глину для горшков – горшки пригодились. В изобилии разрастались непонятные толстые и сочные крахмалистые корни с небольшой мясистой розеткой широких листьев. От корней поднималось настроение, но ничего такого за собой не замечали. Их использовали вместо хлеба и картошки, отваривали,

толкли и пекли лепешки. Все растения были какими-то дисциплинированными, разворачивая листья вертикально, стараясь не мешать друг другу. Видимо свет здесь приходил к ним как-то по-другому.

Выползли из земли несколько черепашек и спустились в озеро. Подрастали мальки, превращаясь в несколько видов рыб, неядовитые, довольно приятные на вкус змейки грелись на валунах, когда те нагревались.

В пещере было удивительно тепло. Жарко даже. И окно пришлось как нельзя кстати. При такой жаре и отсутствии нормального давления вода из озера быстро испарялась, скапливаясь на потолке, проливаясь каплями самого настоящего дождя. К разряженному воздуху привыкли, но голова нет-нет да побаливала, и когда растения начали вырабатывать кислород, дышать стало легче. У всех пятерых обитателей пещеры сложилось однозначное мнение, что они попали в оранжерею. Быстрому росту растений и всяких тварей никто не удивлялся, видели, что делает живая вода с человеком. Заняли угол поближе к входу, чтобы лишней раз не топтать чью-то пищу.

После пронесшегося над горами циклона пришлось себя откапывать. Снег уже не валил, но мороз крепчал, хотя и так был под пятьдесят.

Сразу побежали смотреть где свои: ребята поднимались на вершину. Слава богу, все были живы и здоровы. Видимо, тоже переждали непогоду в укрытии. И поднялись раньше,

чем планировали: вода залила пропасти, морозец ее заморозил, а снегопад заровнял. Спускаться в них и подниматься не пришлось. Кое-где пропасти, с лавой на дне, уже оттаивали и дымились столбами пара. Но опасные места уже миновали, ковер медленно, но уверенно катился в гору. Все на него не влезли, к ковру прицепили веревки и, зацепившись за них, поднимались в гору на лыжах. К вечеру вершину взяли.

– Дня за три спустятся, там еще три пропасти, но на одной переход есть, а две, пожалуй, они и не заметят! – обрадовался Иван. Он беспокоился за Антона и за Даньку.

Дана в бригаду привел Сапер, и как-то сразу стали звать его по-простому – Данька. Оба они были со странностями, но кто еще пошел бы на такую работу. Оба – ходячие энциклопедии, один по физике, по математике, в общем, по точным наукам, второй, коллекционер, больной на всякие исторические и геологические науки – гуманитарий. Дан не глядя мог сказать, где какой камень лежит, и под какой надо мину заложить, чтобы вся гора обвалилась. Сеня тоже был опытным и альпинистом, и геологом, но не дотягивал до Дана где-то до середины. Пока не пощупал, пока не посмотрел, ничего точно обещать не мог и гадал вместе со всеми: будет, не будет... Ему посоветовали знания подтянуть, но Сенька только руками развел.

– Если так будут идти, то дней через десять они их доставят. Пацаны наши обещали из пещеры носа не показывать месяц.

– Не высунутся! – сказал Виткас уверенно. – Разве что в гору уйдут на несколько дней, а эти мимо проскочат. Я Дана знаю, он на одном месте не усидит. – Он тоже переживал за коллег.

– Я Бабелю обстоятельно показал, где ребят искать, они пещеру проверят, – наверное, скорее, успокаивая себя самого, ответил Иван. – Бабеля без племяша не уйдет. Да что я переживаю! – заругал он сам себя. – Моя кровь, с чего это Антону и Дану гор бояться?! Лишь бы, увидев Его Величество с группой людей, не подумали, что они последние оставшиеся в живых.

– Вот-вот, Их Величества могли догнать людей Марата и Ерепы, которые раскапывали людей из-под завалов, и заманить в ловушку, – расстроился Сеня.

– Жалко ребят, которые за Их Величествами ушли. Этих уже забыть пора, их уже на свете нет, весь спаслись и в пасть снова сами прыгнули, – с обидой произнес Валимир. – Люди всех других равняют по себе, приписывая вампиру чувства, которых у него нет. Он даже когда убивает, не злой – он практичный. Не ждал от Андрея и Макса...

– Ну, может, жизнь их хоть чему-то научила, – проговорил Иван, недовольно посмотрев на Валимира. Зря он людей похоронил раньше смерти.

– Нет, не научила, – ответил Валимир спокойно. – Ни у вампира, ни у проклятого нет памяти. Он помнит, что было вокруг него пять минут, но он не помнит себя через пять

минут. У него память другая. Если заклЯтого бьет вампир, он видит и чувствует, но как только перестали бить, он снова его любит. Его Величество – умрун, человек, который спит в гробу и видит сон. Да такой сон, который нельзя объяснить человеку. Я это понял, когда он посадил Ее Величество на спину и понес на себе обратно. Ведь это Ее Величество накладывала на него и на Маню заклятия. Она придавила их обоих.

– Зря ты так, Валимир. Что же, дураки они совсем?! Они не проклятые и не вампиры. Да кто бы после такой резни пошел?! Все ж понимают, власть переминалась, а если не Царь, откуда золото?! Четверо, которые с ними ушли, пошли, чтобы обогнать и предупредить, которые в другую сторону побежали, им ребята поверят, Андрей и Макс в последнюю очередь на корм пойдут, а Роман и Мирослав себя в обиду не дадут. У Их Величеств оборотней нет, пацанам бы только до ковра самолета добраться, а там никто Их Величества ждать не будет. Может, раненых много, через пропасти без ковра самолета живую воду быстро никак ребятам не доставить.

Валимир уставился на Ивана без слов. Глаза его засветились.

– И ты молчал?! – прикрикнул он.

– Ну... миссия была секретная. А теперь, наверное, уже и нет, раз Его Величество тащил свою женушку один и без ковра-самолета.

– Валимир, – вмешался Виткас. – Ты сам говорил, тебе

нельзя наперед говорить, чтобы вампиры не прознали. Сглазить боялись. Но ведь не со зла. А если бы Его Величество догадался? Он же вооружен! Мы решили на этот раз не рисковать. Мы не только тебе, мы никому не говорили, даже Бабелю. И те десять не все знают, только четверо. А шестерых Макс уговорил освободится ото всех, захватить ковер и вернуться домой раньше всех, но прежде заглянуть в одну пещерку, в которой золотишко их дожидается.

– А Маня? Она, разве, не убрала Проклятие? И Зов? – напомнил Сеня.

– Убрала... Убирает, – Валимир колебался, именно так он бы и поступил на месте Виткаса и Ивана, но сердце говорило другое. – Но ее понимание идет в землю, а сознание Его Величества не принимает. Теперь они борются друг с другом, как два Царя. И один Царь постоянно строит ковы, обновляя Проклятие. То, что вы видели. это не для него, а для Мани. Писание учит: «Не пожалей и возненавидь душу, если хочешь получить Царствие Божье и вечную жизнь в придачу». Они знают, что все убийства будут давить на нее. Только если она знает и смогла расшифровать послания, снимается такое иго. Боль ушла, но и раньше он не чувствовал боли. И Зова, скорее всего, уже нет, но наслаждение – самое яркое воспоминание, и он помнит о нем, может быть, уже не каждую минуту, но помнит. Он утвердился в своей ненависти – она у него осознанная, и он утвердился в своей верности к Ее Величеству, и будет цепляться за нее. Это вампир

– самый настоящий вампир, который пробыл вампиром так долго, что уже не сможет жить, как человек.

– Господи, какой кошмар мы пережили! – ужаснулся Малек. – Сам себе не верю, что живым остался...

– Вот за то, что Адам убивает Еву, а Ева Адама, стоит кому-то поманить яблоком, нас и выставили из Рая. Человек сам в себе становится и добро, и зло. Я столько раз думал об этом, когда понял, что проклят той, которую мы с кормилицей хотели проклясть.

– Валимир, ты бы не нравился мне вампиром, а человек ты... – Виткас осмотрел Валимира с головы до ног и обратно, – очень даже ничего! Интересно, сколько же было на самом деле людей, а сколько оборотней?

– Много, – угрюмо сказал Сеня. – Они же нас на жратву брали. Гнали, как скотину. У нас четверо отравились домашней колбасой, поели-попили, а после ужина всех четверых полоскать начало. Смотреть было жалко. Чай у них сразу вышел. Им ночью еще хуже стало, и ну всех будить, чтобы активированный уголь дали. Ну не самим же в чужой рюкзак залазить. А ребята оказались накаченные непонятно чем, так мы узнали про отраву, которой нас поили, а потом увидели... и этот ужас повторялся каждую ночь.

– Я тоже, когда Виткаса увидел в таком состоянии, от страха чуть в штаны не наложил! – поделился Валимир.

– А мы не сразу ребятам поверили, но странно, спим ночью все, а люди пропадают. Тревогу забили, стали смотреть,

че почем, и отчего сон у нас такой крепкий. Тут мы и въехали, что это за экспедиция, да только смекнули, что многие об этом знают и охраняют нас. Люди не все спали, многие видели и молчали. А самое страшное, что для них это было вроде тотализатора... Ставки ставят, кричат, пытаются, вытаскивают из палаток... – Сеня сжал кулаки, на глаза его навернулись слезы. – Многие из нас пытались бежать, так нам их кости приносили и одежду: вот, мол, звери разорвали... Я им отомщу! – произнес он с отчаянием в голосе. – Я им всем отомщу! Достану меч, как у Мани, самих их достану, научусь всему и отомщу.

– Им за нас отомстили уже, – Валимир положил руку на его плечо, успокаивая. – Давайте лучше подумаем, как нам Дьявола изловить и под плиту заглянуть! У меня впереди два дракона, которые будут зады себе рвать, чтобы меня извести. Не сегодня-завтра они за мной побегут, а я не знаю, что мне сделать, чтобы ключ найти и как сломать. Судя по количеству голов, от меча дракон не умирает. И вот еще что, когда Маня открыла города, и достала свитки, никто не знал, что они есть, а теперь все знают. Дадут нам их взять-то, чтобы ключи достать? Так что, наши шансы завалить дракона равны нулю. А как меч может в человеке лежать? Там под плитой может быть что-то такое, что нам поможет, а без Дьявола нам туда не залезть, или залезть, но подсказка какая-то должна быть. Впору слезу пролить.

– А это не он, ходит тут, весь из себя никакой. Молвит

что-то, а я не слышу... Носом ткнет, а там как раз то, что надо... Черный, в плаще и с тростью, – задумчиво пробор-мотал Иван. – Я решил, что у меня глюки от недостатка кислорода, решил пока не говорить. Или от травки какой, которую мы едим.

На Ивана уставились с изумлением.

– А что ж ты молчал? – рассердился Валимир.

– Я тоже, – вдруг признался Малек, слегка покраснев. – Он меня утром будит. Крикнет: вставай! А мне лень. Так он меня под зад пнет! Не больно, скоро проходит. Или скажет, когда зубы чищу: «У тебя, Малекан, в зубе крошка осталась...» Только почему-то я его не вижу.

– Это в его стиле издеваться над человеком! Он нам носы подтирает! – разозлился Валимир. – Я его тоже видел, но не здесь.

– Чертовщина какая-то, – согласился Виткас, рассматривая Ивана и Малека пристально.

– Понятно, чертовщина! – засмеялся Валимир. – А что вы хотели? Он же чертями заведует! А ты, Сеня, что молчишь?

Все сразу обратили взгляд на Сеню, лицо которого сначала показалось испуганным, а потом пошло пятнами.

– Да как-то... На ум вдруг пришло... «Лукавый раб, знаешь меня, ты денег для меня не достаем!» – произнес Сеня с горечью: – Наверное, этот раб не рассматривал вампира в качестве Бога, и за это его бросили в темницу. Я так понял, что Дьявол уважает человека, когда тот не унижается. Вам-

пир, разумеется, в качестве Бога желал бы видеть себя. Получается, так тоже мог сказать только вампир, мы же ничего не достаем для Дьявола, мы для себя достаем. Вот откуда я это знаю? Но разве его за руку поймаешь, когда он мысли в голову сует?

Сеня пытался Дьявола поймать в тот момент, когда он лил на него воду. Но в последние четыре дня для воды не было повода, занимались вполне определенной работой, снимая тонкую кожицу с поросли неугасимого дерева, чтобы и стрелу сделать, а из коры веревку. Но тут сообразительность не требовалась, тут больше навык помогал, а его-то как раз не было. Разве, когда Иван и Малек в кузне развели огонь и начали выплавлять железо, вдруг пришло на ум, что под форму сковородки можно использовать обожженную глину.

– М-да, плохи наши дела, – расстроился Виткас. Представить Дьявола в качестве собеседника или учителя у него вообще не получалось. Он ждал, когда с Дьяволом разберутся другие, чтобы потом решить, как его рассмотреть, но у других дела были не лучше. – Валимир, ты ж говорил, что видишь его, когда с кем-то разговариваешь, а что, с нами его нет? – поинтересовался он.

– Нет, – ответил Валимир убитым голосом. – Я вижу, когда с оборотнем сталкиваюсь, или с вампирами... и не его самого... Маску, под ней лицо, а под лицом еще лицо... У вас на меня ни злобы нет, ни коварства. Это, знаешь ли, для меня всегда была плохая примета. Стыдно признаться, видел

Дьявола столько раз, а не рассмотрел.

– Ну, хоть примерно попробуй вспомнить, какой он, – попросил Сеня.

– Примерно?.. Разговариваю я с человеком, и вдруг вижу, что-то такое происходит, чего быть не должно... Говорит человек не свойственно ему, когда слишком мудрым становится или слишком глупым... Человек как бы сам по себе, а я внезапно начинаю понимать, что некая мыльная сущность, которая вроде есть, а вроде нет, встает позади человека и впереди него. В общем, не человек, и не маска, а живое существо, которое начинает обращаться ко мне своими словами, говорит о человеке, обо мне, обо всем, о чем человек бы не подумал. И всегда интеллектуально независимый. А когда уходит, человек снова становится тем, кто он есть.

– М-да... – Иван тяжело вздохнул и отправился в пещеру. Пора было позавтракать и отправляться осваивать эту доску, с которой у Виткаса и Малека проблем не было, они могли и в пропасть на ней спуститься. Попробуй-ка, удержишься на ней – лучше бы лыжи себе заказал!

За ним потянулись остальные.

На завтрак как всегда достали железный хлеб, но откусить даже крошки не удалось. Железо, оно и есть железо.

– Бесполезно, – сказал Валимир, откладывая каравай в сторону.

– Это, безусловно, оттого, что мы с вами трудностей не

преодолеваем, – предположил Малек.

– Не понял! При чем здесь трудности? – засомневался Сенья.

– Мы не поломали себя! – разгорячился Малек. – Вот я, остался, замерз, но не отступил, и железо у меня мягким стало! А теперь у нас курорт, – он обвел недовольным взглядом пещеру.

Помолчали, допивая чай.

– Так, встаем... Мужики, надо скейтборды освоить, времени немного осталось, – Виткас встал, натягивая куртку и примеривая солнцезащитные очки. – А вечером проверим, так оно, или нет... До седьмого пота трудимся! А на плиту пока забьем... Если мы Дьявола ловим, нам его таким образом ни в жизнь не поймать! Может, он нас специально на оранжерею посадил? Типа, вот, ловите тайну... А дело-то стоит, мы ведь не за тем здесь! Тыщу лет она тут, мало ли для чего, может и нет под ней ничего, а мы время зря теряем, города сами себя не найдут.

С Виткасом согласились все, сразу стало шумно. На улице хоть и была хорошая погода, но мороз никто не отменял. Но все понимали, к этому придется привыкнуть. В этих горах была одна особенность: за все время экспедиции ни одному человеку не хватило мороза отморозить себе что-нибудь. Даже не простыл никто ни разу.

– Тогда надо расписать, что в первую очередь делаем, что во вторую, что в третью... – сказал Валимир подавлено. Же-

леза больше всех было у него.

– А ничего не надо расписывать! – ответил Иван. – Лета здесь не бывает, тут всегда мороз и солнце... Пора нам! Две недели нам сроку на учение. И это, железные ботинки надо одевать, а то нам их ни в жизнь не сносить...

– Так ноги же околеют! – ужаснулись четверо.

– А живая вода на что?! – разозлился Иван. – Спали, ели, умничали тут... А там беда идет... Новый Царь и Царица со страховитыми зверушками... Я-то поначалу не понял, отчего жизнь у меня не заладилась... Ты, Валимир, сам посуди, один разве бедствуешь? Мы все под Царем ходим, а ты о себе, да о себе...

– Ну, – согласился с ним Малек, – тут-то мы у пещеры близко, можем и понять, как это железо снашивают, а когда уйдем, что делать-то будем? Я же сидел в нем на холоде, и ничего, с ногами пока. Может, посох и ботинки на каравая завязаны? Маня железо не снимала, даже спала в нем. И тоже зима была.

День прошел в страшном мучении. И не один – четыре! Не то от глупости, не то просто ума не стало. Виткас выбрал трассу для спуска. На первый раз пологий уклон, чтобы новички могли освоить развороты, торможение и научились держать равновесие. Склон тянулся чуть ли не до подножия следующей горы, как будто специально кто приготовил, обильные снегопады за последнюю неделю заровняли

все неровности и трещины в леднике.

На лыжах скрестил две лыжины и развернулся, а на одной доске как?!

Первым отрядили Ивана, как самого старшего, следующий Валимир, за ним Сеня, а спустя какое-то время опытные Малек и Виткас. Пока скорость была небольшая, никому и в голову не пришло, что может случиться такое, что человек не сумеет затормозить. Посмеялись, когда Иван самостоятельно скатился чуть ли не на пару километров вниз, обнаружив любовь к доске, которая считалась молодежным увлечением.

Валимир и Сеня решили от Ивана не отставать. В общем-то на лыжах умели съехать с горы все, никто на скорость внимания не обратил, чем быстрее, тем лучше. Но когда Иван уселся на скейтборд, как на санки, перелетел через два крутых трамплина, свалился со скалы и помчался дальше, сообразили, что ноги Ивана застряли в креплениях, и он не может остановиться.

Рванули за ним догнать его, который уже скатился километра на четыре. Поначалу даже нравилось. Каждый старался, как мог, показать себя. И вроде времени немного прошло, может, час, два... Как на машине с ветерком, едешь и едешь. И только когда на подъеме замедлилась скорость Иван упал, кубарем прокатился по снегу, оглянулись.

А вершина вот она – километров сорок до нее, а то и больше. И не видно. На ногах железные башмаки, каравай железный к животу прилип, посох в руке – и ни живой воды с со-

бой, ни огня...

Ужас был таким, что минут пятнадцать никто не мог вымолвить ни слова.

– Вы что, дураки? С ума сошли? Кому мы тут будем кричать ау? – закричал Виткас, с перекошенным от ярости лицом. – Я же вас останавливал!

– Так это, – я за вами... – проямлил Сеня.

– И я за вами, – побледнел Валимир.

– А я это, сначала хотел по инструкции, а потом понял, не могу остановиться, – ужаснулся Иван.

Малек промолчал. И так было понятно – за кем.

– Так это... что теперь-то... обратно надо... – проямлил Иван, с тоской посмотрев вверх.

Побрели обратно. В низине было много теплее, чем наверху. Снег оказался влажным, как после дождя. Провались по грудь. Через час идти уже никто не мог, ноги стали отмороженными, примороженными к железу. Никто даже не рискнул стянуть с себя железо, чтобы не снять вместе с ногой. По совету того же дяди Вани, который первым догадался, что лучше так дойти до пещеры и войти с железом в воду, чтобы снять после лечения. Спали, вырывая укрытие в снегу железными посохами, прижимаясь друг к другу и грызли железный каравай.

Железный хлебушек стал помягче. Правда, последних зубов ни у кого не осталось. Никто не говорил, о чем он думает. Молились. И чтобы дойти, и чтобы оборотня не встретить,

и чтобы снять железо, а там снова ноги, и чтобы пещера не оказалась сном.

Хуже стало, когда вдруг выросли скалы, которые не заметили, когда спускались, перелетев через них. И ни ступеней, ни снаряжения. Подъемы выдалбливали посохами. И когда на четвертый день поняли, что до вершины осталось километра четыре, обрели второе дыхание. Последний километр ползли по-пластунски, избегая ступать на ноги.

И как только оказались в пещере, каждый схватил по неугасимой ветке, чтобы хоть как-то согреться, и сразу бросился в воду...

Примерно через час своды пещеры сотряс единодушный хохот.

Поняли: от железа не умрешь, но пропитаешься. Боль ушла, мокрые лица то ли от воды, то ли от слез радости и облегчения, наверное, светились гордостью. Было удивительно, как они выжили. И как-то не договариваясь, забралась на плиту и снова помолчали, разглядывая свои заживающие ступни и руки, наконец, снимая железные ботинки, облизывая небо и десны с маленькими острыми выступами. И никак не могли насладиться безмятежностью такой родной пещеры, в сиянии серебристого свечения неугасимого огня, который струился в сердцевине ветвей. Пламя огня грело и лечило не хуже живой воды, и так приятно было смотреть на него, чувствуя тепло, о котором мечтали все время, пока поднимались в гору.

Все пятеро понимали, что уже никогда не выпустят ветвь из руки, чтобы не случилось, и живую воду будут таскать с собой и беречь, как зеницу ока.

– И ведь не скажешь, что не поумнели, – наконец, в глухой боковой задумчивости произнес Иван.

– Согласен. Нам можно поставить пять с плюсом, – кивнул Валимир. – Здорово мы облажались, но прошли испытание с честью. По крайней мере, теперь знаем, что железо – не фунт изюма, и как снашивать.

Сеня и Малек тихонько захихикали.

– Эксперимент, можно считать, закончился положительным результатом. Я почему-то думаю, что мы в горах не пропадем, – приваливаясь к Валимиру спиной, заметил Виткас.

– Ну... – запнулся Валимир, – если под нами есть еще подсказка, как обойти двух драконов, можно считать нового Царя и Царицу низвергнутыми.

Все дружно замолчали, думая об одном и том же.

И вдруг...

Плита содрогнулась и поехала в сторону, развернув их в сторону окна, открывая под собой черную зияющую дыру...

– Ну, здравствуй, Царь, и царицы военнначальники... – услышали они насмешливый голос на берегу.

Все пятеро разом обернулись.

На берегу озера стоял призрачный и невесомый, и весь какой-то просвечивающий незнакомец в черном развеваю-

щемся плаще с кровавым подбоем. В черных перчатках и с лакированной тростью красного дерева. Черные, как плащ, волосы развевались и уходили в пространство, в глазах застыла вечная ночь, и сам он был весь ухоженный и, безусловно, именитый.

– Окно... там, а ты... здесь... – нисколько не сомневаясь, что видит перед собой Дьявола, заплетающимся языком пролепетал Валимир, рассматривая Дьявола во все глаза, заметив, что вытянутые и немигающие глаза ребят смотрят туда же, будто они боялись спугнуть видение.

– Вы?! – воскликнул радостно Малек.

– Там Господь, а я Бог Нечисти, – безразлично пожал плечами незнакомец, присаживаясь на черном валуне, постучав тростью. Камень потек игристым огненным потоком и стал удобным креслом-качалкой. – Ну, и что вы хотели там увидеть? – поинтересовался он мягким сердечным тоном, но в голосе его прозвучала насмешка.

– Ну так, мы это... так мы... это... – заплетающимся языком пролепетал Иван, наконец, моргнув. – Свят!.. Свят! Свят! Свят! – он поднял руку, чтобы перекрестится и тут же отказался от этой мысли, заметив, как изумленно поползли вверх брови незнакомца, который издал удивленное «Оу!»

Ивана ткнули в бок.

– Да думали мы, как ее открыть, – признался Сеня, заглаживая вину Ивана, который разглядывал незнакомца с довольно глупым лицом.

– Неугасимый огонь в руку, живую воду вплавь – она и открылась, – согласно кивнув, подсказал незнакомец.

– А если вампир, или оборотень? – поинтересовался Малек.

– С огнем в руке? – ткнул его в бок Виткас. – ни одной нечисти этот фокус не повторить! Господи, просто-то как!

– А что там? – поинтересовался Сеня, кивнув на дыру.

– Гроб, – ответил Дьявол, покачиваясь, заложив ногу на ногу, поощрительно улыбаясь, кивая в знак согласия головой. – Справедливости ради надо заметить, что для дотошных исследователей гробы всегда таят в себе много интересного. История знает немало примеров, когда по одной гробнице удавалось восстановить хронологию событий жизни народа целой эпохи.

– А посмотреть можно? – попросил Сеня, покраснев до кончика волос.

– О, пожалуйста! Сколько угодно! – ответил Дьявол добродушно. – Я буду рад, если могильник освободит вас от наивных помыслов состязаться с моими Помазанниками, и безумие, охватившее вас, пройдет.

В том, что это был Дьявол, не сомневался никто.

– А разве вы не с нами? – расстроился Сеня.

Не такой уж Дьявол был дружелюбный, хоть и улыбался. Странно, по словам Малека, который хвалил его, и Валимира, который расписывал его, как Бога, он представлял его не таким.

– А кроме меня есть еще кто-то? – удивился Дьявол. – Я один, всегда один...

– Ты разве не с нами? – спросил Валимир вместо Сени. – Один интеллигент, второй воспитанный, – оправдал он Сению и Малека. – Богу всегда говорят ты... В единственном числе, – объяснил он ребятам.

– Ну, вряд ли там есть что-то интересное для меня, – учтиво извинился Дьявол. – А больше ничего не желаете? Могу сообщить точную дату вашей смерти...

– Спасибо, не надо, – попросил Виткас. – Я предпочитаю не знать.

– А ты, Иван? – Дьявол устремил взгляд на Ивана, который выглядел, скорее, свято-мудро, и тужился обнаружить в себе апостольское образование, внезапно осознав, что слушание, пожалуй, должно быть оправлено в мученичество. – Я знаю, ты всегда поднимался в горы, именно вопрошая.

Валимир дернул Ивана за рубаху.

– Не ловись! Скажет, потом сделает... Станется! – злобно прошептал он. – К черту, тьфу, тьфу, тьфу!

Иван отрицательно качнул головой. Воцарилось неловкое молчание.

– Жаль, – пробормотал Дьявол. – Ну-ну, ну-ну...

И внезапно исчез. Камень снова стоял на прежнем месте, в прежней форме.

С минуту было слышно, как капли падают в озеро.

– Мне привиделось? – обернулся Валимир.

– Нам всем привиделось... – успокоили его. – Одно и то же. Стоял, сидел, про смерть собирался сказать...

– Фу-у! – облегченно выдохнул Валимир. – А то я думал... Всем одно и то же не могло...

– А зачем он... так? – расстроился Малек.

– Тот еще приколист. Брось, думаешь, вот так сразу распахнет объятия?

– После живодерни, в которой мы выжили, можно считать, открыл, – констатировал Виткас. – Слышь, мужики, а чего мы все так перепугались-то? он же с Маней и Борзеевичем эти горы из конца в конец прошел. Тьфу, лови его теперь снова... – он засмеялся, протягивая трясущиеся руки.

– Я чуть в штаны не наложил, – признался Иван, все еще пребывая в пространной задумчивости. Его потряхивало, на посеревшем лице появился румянец.

– А я, пожалуй, спущусь... – решительно заявил Сеня, отбрасывая свой испуг и немного придя в себя от потрясения. К образовавшейся дыре он был ближе всех. Сунул ветвь внутрь, заметив ступеньки, начал спускаться.

За ним последовали остальные...